

ЕРЕСЬ ВНУТРИ

Роберт Хейс

Танкуил Даркхарт — арбитр Инквизиции, охотник на ведьм, задача которого — обнаруживать и уничтожать еретиков. Мрачному арбитру предстоит выполнить особую миссию: бог-император, заподозрив предательство в высших кругах Инквизиции, поручает ему вычислить отступника. Для этого Танкуилу придется отправиться в свободный город Чад.

Черный Шип — душегуб, разбойник и вор, прославившийся как убийца арбитров. Он странствует с бандой самых опасных наемников в Диких Землях. Скрываясь от закона и одновременно рассчитывая получить выгодную работенку, Черный Шип направляется в свободный город Чад.

Джезет Вель'юрн — Мастер Клинка, непобедимая мечница, виртуозно владеющая искусством боя. Преследуемая мстительной воительницей, Джезет должна как можно быстрее добраться до свободного города Чад.

Что же произойдет, когда пути этих людей пересекутся?

Rob J. Hayes

THE HERESY WITHIN

St. Petersburg

Fantastika Book Club Publishers

2014

Роберт Хейс

ЕРЕСЬ ВНУТРИ

Санкт-Петербург

«Издательство Фантастика Книжный Клуб»: 2014

*Моему отцу,
который поддерживал меня даже тогда, когда не должен был;
моей матери,
которая верила в меня даже тогда, когда не верил я сам.*

Часть первая

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

— Сжечь их всех!

Танкуил попытался подавить вздох, но не сумел.

— Хотите что-то сказать, арбитр Даркхарт¹?

— Нет, арбитр Прин, — с улыбкой ответил Танкуил. Долговязый Прин взирал на него пустыми глазами. Опасный человек, которому не следует переходить дорогу, а у Танкуила не было ни малейшего желания наживать себе новых врагов в Инквизиции. — Я лишь считаю, что нет настоящей необходимости сжигать их. — Слова сорвались с губ Танкуила прежде, чем он успел сдержать их.

Лицо Прина исказила ярость, тонкие губы растянулись в злобном оскале, а на лбу проступили бисеринки пота. Он сделал несколько шагов вперед, и Танкуил почувствовал себя неуютно: с такого близкого расстояния этот человек выглядел еще уродливее.

— Ты здесь главный, арбитр Даркхарт? — Горячее кислое дыхание било в лицо Танкуилу, а гневный взгляд Прина впивался в его глаза.

— Нет, арбитр Прин, — повторил Танкуил, стараясь смотреть вниз, в сторону — куда угодно, лишь бы не на престарелого арбитра, бесцеремонно вторгшегося в его личное пространство.

— Почему ты оказался здесь? — Голос у Прина был низкий; слишком низкий для столь худого человека.

— Проездом по пути в Сарт, — промямлил Танкуил. — Я подумал, что смогу помочь...

— Разве похоже, что мне нужна помощь, арбитр Даркхарт? — Снова это обжигающее дыхание со странными нотками ванили.

Танкуил окинул взглядом собравшуюся толпу. Сплошь испуганные лица, сразу же опускающиеся долу глаза — лишь бы не привлекать внимания арбитра. Солдаты — одни с мечами, другие с пиками, все в черно-голубой форме Сарта. И семья, привязанная к столбам в центре городской площади. Их было четверо. Мать кричала. Отец выглядел одновременно обозленным и испуганным, но плакать себе не позволял. Дочь, едва достигшая зрелости, пронзительным визгом молила о прощении за что-то и раз за разом выкрикивала одно имя — кажется, Аркус. Точно Танкуил не расслышал, да его это и не заботило. Четвертым же членом семьи был маленький мальчик, не старше пяти лет от роду. Он казался скорее сбитым с толку, нежели напуганным.

Прин проследил за взглядом Танкуила и фыркнул:

— В чем дело, Даркхарт? Воспоминания нахлынули?

Танкуил изобразил самое грозное выражение лица, на которое был способен, и вперил взгляд в стоящего перед ним человека.

— Да, арбитр Прин, похоже, тебе нужна помощь. Но не та, которую я мог бы оказать. — Одним пальцем он коснулся своей головы, довершая выпад.

Танкуил понимал, что говорить такое мелочно и глупо, но, черт подери, до чего же приятно!

Арбитр Прин фыркнул еще раз, развернулся и двинулся к привязанному семейству. Танкуил хотел было вздохнуть с облегчением, но в этот раз сдержался. Спорить дальше было бессмысленно, хотя, конечно, сжигать заживо целую семью — это уже слишком. Просто отрубить головы — ничуть не хуже, причем безо всякого смрада горячей плоти, от которого,

в чем арбитр успел убедиться на собственном опыте, чертовски сложно отстирать одежду.

Танкуил засунул руки в карманы грязного коричневого плаща, смирившись с неизбежностью сожжения. Он не хотел доставить Прину удовольствие, уйдя до окончания казни.

В правом кармане Танкуил что-то нащупал. Что-то металлическое, размером меньше монеты, но толще и с выступом на одной из сторон. Даркхарт понятия не имел, откуда эта вещь взялась, у кого он ее украл, когда и где. Он постоянно находил подобную мелочевку у себя в карманах. На этой, похоже, была какая-то гравировка. Он провел по ней мозолистыми пальцами и узнал изображение: меч в середине, над ним солнце, испускающее вниз единственный луч света. Пуговица арбитра. Танкуил опустил глаза и осмотрел свой коричневый плащ. Все восемь пуговиц были на месте. Тогда он перевел взгляд на одеяние Прина — точно такой же плащ, только чуть длиннее и куда более грязный. Две пуговицы отсутствовали. Танкуил ухмыльнулся — он не собирался отдавать вещь обратно. Маленькими победами, как однажды сказала ему инквизитор Герон, можно одолеть даже величайших людей. А арбитр Прин великим уж точно не был.

Танкуил вытащил руки из карманов и запустил пальцы в спуганные сальные волосы. Они снова отросли, теперь почти закрывая уши, и начинали виться. Затем он потер щетину на подбородке, которая вскоре превратится в настоящую бороду. Нужно будет побриться. Наконец Танкуил принялся щелкать суставами пальцев. Раз уж Прин собрался сжечь этих людей, то ему ничего другого и не оставалось.

— Охотники на ведьм! Кровопийцы! — раздался крик из толпы.

Прин резко повернул голову в поисках кричавшего, его пустые глаза выкатились из темных глазниц, а губы искривились в устрашающей усмешке.

— Черт, — вздохнул Танкуил и с успокаивающим жестом обратился к Прину: — Занимайся своим делом. Я разберусь с недовольными.

Арбитр Прин отвернулся, а Танкуил двинулся к толпе. Солдаты в грязной форме и с пиками разошлись в стороны, пропуская его.

— Кто это сказал? — бросил в толпу Танкуил.

— Я, — ответил какой-то старик.

Седые волосы обрамляли его обветренное лицо. Казалось, он сам удивился собственному признанию. В его глазах застыли слезы.

— Ты их знаешь? — спросил Танкуил, хоть задавать вопросы ему и не нравилось.

— Это мой мальчик со своей семьей. Они не сделали ничего плохого.

— Сделали, — твердо заявил Даркхарт. — В противном случае они не стояли бы здесь. Ересь принимает разные обличья. Их допросили и признали виновными. Теперь они понесут кару за свое злодеяние.

— Все вы, охотники, одинаковые. Вам наплевать...

Танкуил стремительно схватил старика за куртку и притянул к себе. Арбитр не отличался высоким ростом, но сейчас, казалось, навис над несчастным.

— Осторожнее со словами, старик. Мы не одинаковые. Арбитр Прин, например, велел бы высечь тебя за то, что ты назвал его «охотником на ведьм». Скажи спасибо, что я более снисходителен.

Закончив, он с силой оттолкнул человека — тот рухнул на землю, заскулив от боли. Никакого удовольствия Танкуилу это не доставляло, но он не мог позволить кому-либо дерзить. Дай волю одному — и скоро к нему присоединятся остальные.

— Мы — арбитры, — зашипел на толпу Танкуил, — и поступаем, как велит нам Инквизиция.

Его взгляд скользил по лицам близстоящих людей, и каждый старался спрятать глаза. Затем, чувствуя отвращение к себе, Танкуил развернулся и зашагал в сторону Прина.

— Он легко отделался, арбитр Даркхарт, — низким голосом произнес Прин.

Маленький мальчик, привязанный к огромному столбу, смотрел на Танкуила усталыми, спокойными глазами. В них не было страха, не было гнева. И вдруг мальчик улыбнулся, всего лишь мимолетным движением, уголками губ. Но Танкуил увидел то же, что и Прин, то, что обрекло на смерть всю эту семью. Тьму.

— Заканчивай, Прин, — рыкнул Даркхарт, не в силах отвести глаза от зла, которое он узрел в ребенке, — жутко видеть скверну в столь юном создании.

Прин сделал глубокий вдох. Его голос зазвучал неестественно громко:

— ДА БУДУТ ПРЕДАНЫ ЭТИ НЕЧЕСТИВЫЕ ТЕЛА ОЧИЩАЮЩЕМУ ОГНЮ!

Факел арбитра вспыхнул — зрелище, от которого даже самые напыщенные и склонные к драматизму барды вздохнули бы с благоговейным трепетом, — и Прин опустил его сначала к горке дров под ногами отца, затем — матери, после к костру дочери и, наконец, к тому, на котором ждал своей участи сын. Всего лишь мгновение — и пламя занялось, жадно пожирая дерево, разгораясь все ярче и жарче с каждой секундой, стремясь поглотить все.

Спустя немного времени раздались вопли. Танкуил отступил на пару шагов и стал смотреть на происходящее с выражением мрачной решимости на лице. Прин присоединился к нему.

— Я все еще считаю, что хватило бы и обезглавливания. — Танкуил понизил голос до едва слышного шепота.

— Не для мальчика.

Танкуил ненадолго умолк. Длившиеся, казалось, целую вечность крики стихли, но пляшущее пламя костров лишь продолжало разгораться.

— Возможно, ты и прав, — наконец произнес он.

Никогда прежде ему не доводилось видеть таверну настолько пустой. Казалось, даже крысы старались обходить стороной это место. Танкуил выбрал темный угол, не желая привлекать внимания, Прин последовал за ним. Два часа они просидели молча, и Танкуил не мог сказать, что его радует такая компания. Посетители заглядывали и немедленно уходили прочь, едва завидев двух арбитров, сидящих в углу подобно теням смерти, ожидающим своих жертв. Владелец заведения не скрывал огорчения. В любой другой вечер у него было бы полно работы, но сегодня он обслуживал лишь двух мрачных гостей. Прин уже два часа пил свой эль. Хорошо хоть Танкуил заказал уже четвертую кружку.

— Стало быть, держишь путь в Сарт? — спросил Прин.

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что Танкуил засомневался, не послышалось ли ему. Но Прин, со своим худым бледным лицом и в грязно-коричневом плаще без двух пуговиц, смотрел на него. Танкуил покопался в кармане и нащупал пуговицу арбитра, подумывая вернуть ее, но в конце концов решил этого не делать.

— Да.

Он собирался добавить что-нибудь еще, но ничего не приходило в голову, поэтому он быстро глотнул еще эля, чтобы заполнить паузу.

— Когда ты в последний раз был в столице?

— Три года назад, — Танкуил молился, чтобы Прин заткнулся, а лучше — вообще убрался прочь. — Около того.

— Там мало что изменилось.

— Не считая бога-императора, который всем заправляет.

— Ты не был на его коронации? — снова спросил Прин.

Похоже, он принадлежал к тому типу арбитров, которые любят задавать вопросы. Как будто его напористость могла подействовать на Танкуила.

— Нет, не был.

— Но разве не ты...

— Да, я.

— Хм...

Запас вопросов у Прина, видимо, иссяк. Танкуил поначалу возблагодарил за это Бога, но, осознав иронию, чуть не рассмеялся.

— До Сарта неделя пути. — В тишине таверны низкий голос Прина казался оглушительным. — Нужна компания в дорогу?

— Нет.

— Речь не обо мне.

— А жаль, — закатил глаза Танкуил, — мне уже начало нравиться твое общество.

Он прикусил язык, чтобы не сболтнуть что-нибудь еще, и встретился взглядом с Прином: в глазах собеседника читалась открытая враждебность.

— Прошу прощения, арбитр. Итак, не ты...

— Девочка. Я нашел ее месяц назад в приграничной деревне. Она способная.

Танкуил сунул руку в карман и покрутил в пальцах пуговицу.

— Она пробыла с тобой месяц и до сих пор не устроила самосожжение? Я удивлен.

Опять последовал злобный взгляд, но в этот раз Танкуил решил обойтись без извинений.

— Она еще ребенок, — произнес Прин почти шепотом. — Ей нет и десяти. Хотелось бы думать, что ты лучше других понимаешь, Даркхарт.

Танкуил выудил пуговицу из кармана, причем так, чтобы Прин точно ее увидел, а потом подбросил в воздух, поймал и сунул обратно.

— Хорошо. Я сделаю это, Прин. Я отбываю завтра на рассвете. Убедись, что она готова к путешествию.

Арбитр Прин коротко кивнул, а затем, криво улыбнувшись, встал из-за стола и двинулся к выходу. За свой эль он не заплатил.

Рассвет застал Танкуила ожидающим возле таверны. Его невысокая гнедая кобыла смотрела на него с понурым видом, вероятно, гадая, зачем было вытаскивать ее из стойла, если они просто стоят и ждут. Танкуил думал так же. Вещи уже давно были собраны, и он мог спокойно уехать, предоставив Прину самому доставить девочку Инквизиции. Но если он возьмет девочку с собой, арбитр будет ему обязан, а это уже неплохо.

Прин явился, ведя за собой малышку. Она была совсем крошкой, с гладкой кожей и блестящими глазами. Спутанные белокурые волосы спадали ей на плечи. Она спешно семенила за арбитром, бросая мимолетные взгляды по сторонам каждые несколько шагов, но по большей части глядя в землю.

— Извиняюсь за опоздание, — пробубнил Прин. Он где-то раздобыл две новые

пуговицы и пришил их к плащу. — Это арбитр Даркхарт, — сказал он девочке. — Представься.

— Доброе утро, сэр, — тихим и мягким голосом залепетала она, — меня зовут...

— Меня это не интересует, — оборвал ее Танкуил и повернулся к Прину. — Она пойдет пешком.

— Хорошо, она справится.

Танкуил смерил девочку взглядом. У нее ничего не было, лишь лохмотья, кое-как заменяющие одежду, да пара крепких на вид сапог. А еще на шее блестела серебряная цепочка — должно быть, какое-то памятное украшение.

— Ты должен мне, Прин, — сказал Танкуил, но в ответ получил лишь ужасающую ухмылку.

Тогда он развернулся и пошел прочь. Девочка поспешила за ним.

Прислонившись к каменной стене, Бетрим рассматривал таверну. Это было неприметное здание из трухлявого, гнилого дерева, высотой в два этажа, с парой распахнутых ставен; на первом расположились бар и кухня, на втором — несколько спальных комнат. Бетриму доводилось бывать в местах и похуже. Там он напивался, находил работу и нарывался на неприятности. Такая вот жизнь.

Он ждал, прислонившись к стене и время от времени переступая с ноги на ногу. Двум парням, составлявшим ему компанию, вынужденное бездействие, похоже, не нравилось. Зеленый нервно расхаживал взад-вперед, поглядывая на улицу, желая то ли первым заметить цель, то ли выдать их укрытие. Именно поэтому его все и звали Зеленым — в игре он был новичком, а новички редко выдерживают долго. Так что запоминать его настоящее имя не было никакого смысла. Мослак² сидел на земле, скрестив ноги, и лоскутом коричневой ткани чистил свои кости. Бетриму приходилось признавать, что у него была поистине впечатляющая коллекция трофейных костей. Впрочем, не настолько впечатляющая, чтобы убивать его. По крайней мере пока.

— Эй! — шикнул на Зеленого Бетрим. — Уберись с долбаной улицы!

Зеленый презрительно сверкнул глазами и неспешно побрел к Бетриму. Для юнца Зеленый был по-настоящему мерзким типом, у которого на лице читалось, как ему нравится калечить людей. И убивать их. Бетрим же, в свою очередь, был готов поставить на то, что Зеленый еще ни разу никого не убил. И поставил бы, будь у него хоть грош.

— А че это ты мне указываешь, где мне быть? Ты тут не главный! — шагая вразвалочку, огрызнулся Зеленый.

Бетрим ничего не ответил, а лишь медленно коснулся рукой кинжала, спрятанного в одном из множества карманов плаща. Парни вроде Зеленого в этой игре долго не живут.

Мослак вскочил на ноги и оказался точно между Бетримом и Зеленым, возвышаясь над обоими. Он покачал головой:

— Здесь нет главного, но это не умаляет его правоты, Зеленый. Тащи сюда свою задницу. Шустрый даст знать, когда пора будет двигаться.

Зеленый замер на месте, продолжая буравить взглядом Бетрима, фыркнул, а затем харкнул, сплюнув мокроту на землю. Приземлилась слиз дюймах в трех от сапога Бетрима. Мослак вздрогнул. Парню повезло, что он промахнулся. Бетрим только-только раздобыл эти сапоги, сняв их с упившегося в хлам матроса, и они были из чертовски хорошей кожи. Моряк так наакался, что даже не смог нормально драться, — чтобы уложить его, Бетриму хватило одного удара.

Мослак водрузил здоровенную ручищу на плечо Зеленому и резко развернул его, уводя чуть в сторону. Юнец еще раз глумливо фыркнул, косясь на Бетрима.

— Слушай, парень, — сказал Зеленому Мослак, — ты новенький в этой игре и в этой команде, поэтому я, так и быть, поделюсь с тобой капелькой житейской мудрости. Или опыта — называй как хочешь.

— Что?

Мослак вздохнул.

— Никогда не зли Черного Шипа.

Зеленый еще раз посмотрел через плечо, ухмылка моментально исчезла с его лица,

сменившись беспокойством или даже страхом. Бетрим никогда не утруждался определением разницы.

— Это не он, — сказал Зеленый Мослаку.

— Это он.

— Вот дерьмо.

— Ага. — Мослак снова сел и осмотрелся в поисках своей замусоленной тряпки. — И пусть не он главный — это правда. Не зли его.

Кто-то в такой момент непременно оскалился бы, продемонстрировав Зеленому почти полный набор уже далеко не белых зубов. Кто-то хорошенько припугнул бы не в меру борзого мальчика. Но Бетрим Торн³ был не из таких. Он просто продолжил наблюдать за таверной.

Его потянуло на размышления, нахлынули воспоминания о доме. Бетрим полагал, что во всем виноват соленый воздух. Не сказать, чтобы он был очень приятным. От него жгло глаза, пересыхало горло, а кожа вся становилась такой... соленой. Воспоминания о доме тоже не доставляли удовольствия — никого, кроме призраков, там не осталось.

Тогда Бетрим решил, что ему определенно не нравятся портовые города. Хотя вряд ли Коррал можно было в полной мере назвать городом — скорее большим скоплением трухлявых деревянных лачуг и редких более пристойных каменных домов, собравшихся вокруг гавани, словно рой мух вокруг свежей кучи дерьма. Тем не менее Коррал имел все основания зваться одним из свободных городов. Это значило, что он не принадлежал ни одному королевству, и, по мнению Бетрима, такое положение дел мало чем отличалось от «полной задницы». Коррал раскинулся у южной границы Диких Земель, с которыми никакое королевство не хотело связываться — хлопот не оберешься. Впрочем, он все равно оставался хорошим местом, чтобы напиться, найти работу или нарваться на неприятности.

Зеленый прильнул к стене в шаге от Бетрима и теперь буравил его взглядом.

— Это действительно ты? Черный Шип?

— Да, — ответил Бетрим, все еще держа одну руку над потайным кармашком, а другую положив на рукоять топора.

Он не считал, что Зеленый попробует что-либо предпринять, но все равно слишком уж часто находились смельчаки, пытавшиеся снискать славу убийством Черного Шипа. Будь Бетрим осторожнее в последний раз, он, быть может, сохранил бы девять пальцев. И еще пару зубов. И нос был бы не таким кривым.

— Ты правда сделал это? — задал новый вопрос Зеленый.

— Сделал что?

— Ну, убил всех пятерых?

— Шестерых.

— Что?

— Я убил шестерых. Все всегда забывают о первом.

— Черт! — Недоверчивая усмешка Зеленого сменилась чем-то похожим на благоговение. Бетрим понял, что предыдущее выражение его устраивало больше. — Это так ты получил свой ожог?

Бетрим провел тремя оставшимися на руке пальцами по левой стороне лица. Мягкая кожа там, где должна быть жесткая, морщинистая там, где должна быть щетина, покрытая рубцами там, где должна быть гладкой, натянутая там, где ей положено уже висеть. Ожог был вроде и не очень большой, но на не самом крупном лице он казался огромным.

— Да. Четвертый постарался.

— Ого!

— Я тебе говорил не злить его? Так вот, забыл добавить: задницу ему лизать тоже не стоит, — засмеялся с земли Мослак.

Из-за поворота, словно ураган, вылетел Шустрый и тут же резко остановился. Ублюдок даже не запыхался. Он скалился от уха до уха всеми белоснежными тридцатью двумя зубами. У ублюдка были чертовски хорошие зубы.

— Вы, парни, готовы?

— Ты, мать твою, как всегда, вовремя, Шустрый, — сказал Мослак, поднимаясь на ноги. — Я здесь уже себе яйца отморозил.

— Какие у тебя там яйца? Небось сморщенные ягоды, — парировал Шустрый, продолжая ухмыляться.

— Я те щас покажу какие! — Мослак потянулся к пряжке ремня, и Бетрим оттолкнулся от стены, взглядом окинув улицу.

— Все в порядке? — спросил он Шустрога.

— Ага. Стражники на лапу получили и этой ночью здесь шляться не будут. Босс и Генри уже внутри, ждут нас.

— Как мило с их стороны, мать твою, — низко взвыл Мослак. — Мы, значит, сидим здесь, на холодине, а они там крепкую потягивают.

— Они могут позволить себе выпивку, — проворчал Шустрый.

— Хорошо им, — сказал Мослак и легонько ткнул Бетрима локтем в ребра. — Они уже здесь?

— Нет.

— Скоро должны быть. Я их не сильно опередил, — раздался за их спинами голос Шустрога, который занял место Бетрима у стены.

Черному Шипу это не понравилось, но он промолчал.

— Как ты собираешься повернуть дело? — спросил Мослак.

— Бросим монетку? — предложил Бетрим.

— У тебя есть?

Бетрим что-то буркнул и повернулся к Зеленому:

— Дай монетку, парень.

— Зачем?

— Просто дай, и все!

Зеленый заворчал, но сунул руку в карман и вынул оттуда бронзовую монету. Несколько мгновений он смотрел на нее, а потом шлепнул в выжидающе протянутую пятипалую ладонь Бетрима.

— Орел или решка? — спросил Бетрим.

Мослак покосился на Черного Шипа.

— Решка.

Монетка подлетела в воздух, закрутилась, поблескивая в тусклом свете фонарей, и упала обратно в руку Бетрима. Мослак нетерпеливо уставился на нее.

— Вот дерьмо!

— Всегда ставь на орла, — усмехнулся Бетрим и спрятал монету в карман.

— Эй, погоди...

— Заткнись уже, Зеленый! — рыкнул Мослак. — Они здесь.

На улице показались восемь мужчин. Шестеро из них были крепкими бугаями, которые явно хорошо знали, как вести себя с непрошеными гостями. Еще один был куда мельче, хорошо одет и шел первым. Восьмой же двигался в центре группы, закутавшись в черный плащ и укрыв голову капюшоном. Похоже, никто не опасался засады — все спокойно и неторопливо направлялись к таверне. Вот только за голову того, что в капюшоне, была назначена награда. И награда достаточно привлекательная, чтобы Босс согласился на большой риск. Группа безо всякой спешки скрылась в таверне.

— А вот и они, — сказал Мослак, в предвкушении потирая руки. — Пять минут?

— Вроде того, — согласился Бетрим.

— Отлично. Зеленый, ты останешься снаружи. Следи за дверями и мочи любого, кто попытается войти. Шустрый...

— Да-да, я возьму на себя окно.

Шустрый двинулся к таверне, на ходу снимая с плеча лук и поглаживая пальцами колчан стрел, словно юную прелестницу. Что-то в этом зрелище вызвало у Бетрима отвращение.

— А почему я должен оставаться снаружи? — недовольно насупилась Зеленый.

— Потому что мы с Черным Шипом на этом собаку съели. Ты с нами впервые, вот и стой на стреме.

Зеленый заворчал, но спорить дальше не стал. Каждый знал свое дело, и теперь им оставалось только ждать.

— АХ ТЫ СУКИН СЫН! И ЭТО ТЫ НАЗЫВАЕШЬ УДАРОМ?!

Мослак всегда любил драматизм. По сравнению с ним Бетриму не хватало пылкости. Или же желания получить по морде.

Мослак влетел в таверну через двери спиной вперед, чудом сделал несколько шагов, а затем, не удержавшись, рухнул на пол, попутно перевернув стол. Двое сидевших за ним мужчин вскочили с кресел — на их лицах застыло нечто среднее между замешательством и испугом — и постарались убраться подальше от растянувшейся на полу огромной брызжащей груды мяса.

Секундой позже в дверях показался Бетрим. Каждый его шаг по направлению к Мослаку сопровождался низким гортанным ревом. Все глаза в таверне устремились на него — стало быть, отвлекающий маневр удался.

— Золотые сиськи Пельсинги, это же Черный Шип! — закричал один из восьмерки, хорошо одетый коротышка. — Он пришел за нами! Убить его!

Не самый лучший вариант развития событий, но все равно неплохо. Двое из восьми погибли прежде, чем успели подняться на ноги, — одному топор Босса раскроил череп от макушки до челюсти, а второму вспороли шею кинжалы Генри. Эта сумасшедшая сука еще и жутко скалилась, рассекая плоть. Алая кровь фонтаном брызнула на стол.

Бетрим взревел, выхватил топор и ринулся на врага. Раздался глухой стук, один из громил с удивлением нащупал внезапно впившуюся в шею стрелу, и ноги его подкосились. Лезвие топора глубоко врезалось в лицо бедолаги, отбросив тело, а самого Бетрима окатило кровью.

Он развернулся как раз вовремя, чтобы перехватить руку еще одного нападавшего с зажатым в ней тяжелым мечом. От удара в лицо Бетрима подбросило в воздух, перед глазами заиграли яркие огоньки, а во рту появился медный привкус. На него наступал бугай куда

здоровее его самого. Жестко ударившись о стену, Шип все же успел заблокировать второй удар противника.

Бетрим плюнул в лицо здоровяка, со всей силы двинул закованным в металл коленом ему в промежность, а затем врезался изуродованным шрамами лбом в лицо мужика — один раз, второй, третий. Бугай отпрянул, зажимая руками превратившийся в кровоточащее месиво нос, и замер. Раздалось бульканье, изо рта показалась алая пена, а потом он просто мешком рухнул на пол. Бетрим увидел Генри — ее уродливые губы сложились в злобную ухмылку, с лезвий кинжалов капала темная кровь.

— Чокнутая сука, — сказал Бетрим, рванувшись вперед и на ходу задев ее плечом.

В ответ Генри одарила его звериным оскалом, обнажив полный набор желтеющих, но по большей части здоровых зубов.

К этому моменту лишь двое из восьми еще стояли на ногах. Один — гигант, возвышавшийся над всеми, кроме Мослака, тоже весьма немаленького. Второй — тот самый разодетый коротышка, который опознал Черного Шипа.

— Не стой на месте! — визгливо кричал он на гиганта. — Убей их!

Здоровяк осмотрелся, понял, что шансы совсем не в его пользу, и бросил свой меч на пол.

— Черт с ним, — сказал он и поднял руки, постепенно отступая к двери.

Мослак отошел в сторону, давая гиганту пройти, но все время пристально следил за ним. Генри всем своим видом демонстрировала желание прикончить его, но держалась. А Босс в это время прокладывал себе путь к разодетому.

— Черт! — прошипел тот, опустив меч.

Босс прижал коротышку к стене, на его черном как ночь лице заиграла металлическая ухмылка. Нужно быть крутым парнем, чтобы занять полный рот металлических зубов, и Босс, как ни крути, подпадал под любые критерии крутости, считал Бетрим.

— Постой, — подал он голос и двинулся вперед. — Могу я задать ему вопрос?

Босс скосил глаза на Бетрима и пожал плечами:

— Валяй, Шип.

Бетрим смерил пристальным взглядом богато одетого мужчину, прижатого к стене. Тот явно нервничал, что в данной ситуации было вполне естественно, а его чудное одеяние покрылось темными пятнами пота.

Светлые сальные волосы прилипли к голове, а взгляд налитых кровью глаз стремительно перебежал с одного разбойника на другого.

— Как ты так быстро узнал меня? — спросил Бетрим.

— Ты смеешься, да? Эти шрамы, ожог на пол-лица... Нужно быть конченым идиотом, чтобы тебя не узнать. — Коротышка ехидно уставился на Бетрима. — Ты чем-то очень сильно разозлил Инквизицию, Черный Шип. Знал бы я, что ты здесь, обязательно доложил бы арбитра.

— Один из них здесь? В Коррале?

Разодетый хищно оскалился.

— Вот дерьмо! Он тебе еще нужен, Босс?

— Не-а, — снова пожал плечами Босс и отвернулся.

Тяжелый пятипалый кулак Бетрима с размаху врезался в лицо коротышки. Чувствовать, как ломаются кости черепа, было столь же приятно, как и слышать вопль боли, оборвавшийся, когда топор вошел в шею жертвы. Брызнула кровь, глаза выпучились,

раздалось тихое шипение, и тело рухнуло на пол.

— А что с нашей целью? Тем, что в капюшоне? — спросил Босс.

— Аргх.

— Эм-м...

Генри просто пожала плечами, вытирая свои клинки о тунику владельца таверны, в этот момент с неприкрытым ужасом таращившегося на нее.

— ВАШУ МАТЬ! — взревел Босс. — Вперед! Не убьем его — не получим награду! — Он со всех ног ринулся к двери. — Брось это, Мослак.

Мослак был занят тем, что отрезал пальцы убитых им громил. Услышав крик Босса, он сплюнул на пол и вскочил, явно раздосадованный тем, что пришлось оставить два прекрасных дополнения к коллекции.

Выбежав наружу, они увидели еще два трупа, растянувшихся на земле, — клиенты, которых в самом начале напугал Мослак. Под рукой у них не оказалось оружия, и в потасовку они ввязываться не стали, но умерли так же, как и остальные.

— Мы их сделали. Этот здоровяк уже наострился улепетывать, когда Шустрый свалил его со спины. Тупой ублюдок. Зато смотрите, что я нашел. — Зеленый держал за шею человека в капюшоне. — Цель-то наша, оказывается, сучечка!

Он толкнул жертву в сторону Босса, и она, не устояв, упала. Она была до смерти напугана, но, к ее чести, не плакала. Бетрим ненавидел звук женского плача.

Повисло неловкое молчание, все смотрели на цель их облавы, и лишь Генри, злобно сверкая глазами, шипела сквозь стиснутые зубы.

Бетрим сделал шаг вперед и присел на корточки возле девчонки. Изыщное юное создание с милым личиком, она походила скорее на куклу, нежели на живого человека, и смотрела на него перепуганными глазами.

— Жаль, конечно, но вот и все. Не знаю, что ты там учудила, может, и ничего — сейчас это не важно. Возможно, ты хороший человек — уж точно лучше меня. Но суть этой игры такова, что мы плохие люди и делаем плохие вещи, а добряки обычно от этого страдают... или умирают. Нас наняли для выполнения работы, и эта работа — ты. Не буду говорить «прости» и так далее, но... Что ж.

Бетрим поднял над головой топор, и прелестные зеленые глаза девушки расширились от ужаса. Мгновением позже все закончилось. Бетрим поднял отрубленную голову и протянул ее Боссу.

— Полагаю, она еще пригодится.

— Что это вообще щас было? — спросил Зеленый. Мослак снова положил свои огромные лапищи на плечи парня.

— Не беспокойся, малыш. Черный Шип любит поговорить, прежде чем кого-то убить.

Убежище, если его так можно было назвать, располагалось на окраине Коррала — старая деревянная хибара, которую Мослак нашел в первый же день пребывания в городе. Понятно, что под словом «нашел» подразумевалось «вышвырнул предыдущих обитателей — пару бедняков — к чертям собачьим». Итог, впрочем, все равно один — их банда нашла себе наводненное крысами и вшами укрытие в четырех стенах с кое-как латаной крышей, лишь частично защищавшей от дождя. Пока у человека есть крыша над головой, никакой дождь его не заботит, но стоит только ее убрать — и сразу же начинаются неприятности и неудобства. Бетрима всегда это забавляло.

Мослак по привычке сел на пол, заняв крупным телом сразу весь большой сухой участок, и принялся очищать от плоти новые приобретения для своей коллекции. Крысы сновали туда-сюда, таская срезанные куски мяса, и с каждым разом подбегали все ближе, увидев в Мослаке кормильца, а не угрозу.

Зеленый расхаживал по хижине, отрабатывая удары своим тупым дешевым мечом. Он даже не озаботился счистить с лезвия кровь. Люди такого рода в этой игре долго не живут.

Шустрый расселся у окна и стал повторять фокусы на ловкость рук, которым он когда-то научился у вора, попытавшегося обчистить его карманы. Казалось, процесс исчезновения золотой монеты в рукаве поглотил его с головой. Бетрим мог придумать массу способов использовать монету с большей пользой.

Внезапно дверь с грохотом распахнулась, отчего Зеленый запрыгнул на стропила и выставил меч в сторону источника звука. Босс проигнорировал это, спокойно вошел в комнату и сел на единственную имеющуюся в доме кровать. Следом появилась Генри. Закрывая за собой дверь, она окинула помещение и находящихся в нем людей полным недоверия взглядом.

— Хорошо сработано, парни, — сказал Босс, оскалившись металлическими зубами.

Генри бросила небольшой мешочек-кошель Бетриму и второй, еще меньше, Зеленому. Третий полетел в руку Мослака, отчего растущая толпа его крысиных обожателей разбежалась кто куда, а четвертый достался Шустрому. Улучив момент, тот цепко схватил руку Генри и жадно выдохнул:

— А как насчет премии?

Генри улыбнулась — улыбка эта получилась настолько милой, насколько это возможно с отвратительным шрамом, протянувшимся по щеке к губам, — и шагнула вперед, поигрывая бедрами. Прижавшись всем телом к Шустрому, она умелым движением вдавила колено ему в пах.

— Быстро и жестко, как раз как я люблю, — выплюнула она ему в лицо, а затем так грациозно, что любая кошка позавидует, пристроилась на кровать рядом с Боссом.

— А от твоих ласк, Генри, удавиться можно, — простонал Шустрый, катаясь по полу и сквозь боль давясь смехом.

По мнению Бетрима, это был лучший способ оправиться от неприятной встречи колена с яйцами. Но смеешься ты или плачешь, в такой компании слезы до добра не доведут.

— Босс, у меня проблема, — заговорил Бетрим, выбрав себе подходящий участок стены и оперевшись на него. Хороший участок, приятный. Главное — сухой.

— Арбитр! — рыкнул Босс, и его глаза ярко вспыхнули на темном лице.

— Да! — в ответ прорычал Бетрим. — Если тот тип в таверне узнал меня, другие тоже могут.

— Похоже, нам всем пора взять паузу и залечь на дно, — изрек Босс. — Наша последняя цель, судя по виду, была из чистокровных. Полагаю, ее семья может броситься на поиски тех, кто с ней так обошелся. Так что лучше нам будет избегать городов, насколько это возможно. Хорошо?

Бетрим кивнул:

— Хорошо.

Джеззет любовалась рекой. Перед ее глазами вода неспешно, даже лениво, убегала вдаль. У берегов, где она билась о камни, пузырилась пена. Рыба упорно плыла в верховья, постоянно борясь с течением. Вокруг царило умиротворение, слишком редко встречавшееся в жизни девушки.

Здесь, в лесу, среди редких деревьев, одни из которых, раскинув ветви, тянулись к небесам, другие, наоборот, льнули к земле, третьи прямыми столпами рвались к горячему солнцу, а четвертые вились и закручивались в кольца, — все дышало спокойствием.

Девушка зашагала вверх по течению. Джеззет знала, что выглядящая сейчас спокойной и даже ленивой река далеко впереди впадает в буйные воды Йорла, где бушующие потоки сталкиваются, перемешиваются и хлещут во все стороны. Неосторожного человека Йорл мгновенно превратил бы в бесформенную кровавую массу. Она своими глазами видела такое, и ей совсем не хотелось испытать это на себе.

От журчания на лице Джеззет появилась улыбка. Не слишком громкое и не слишком тихое, оно напоминало хор тысяч крошечных водопадов. И запах, этот приятный запах чистой воды, чистой земли, чистых деревьев, так разительно отличающийся от тошнотворной вони больших поселений, затянутых дымом и заваленных мусором.

«А ведь здесь женщина может начать новую, почти нормальную жизнь, Джез... Ну, если не считать диких зверей и залетных бандитов». — Джеззет старалась не думать о них, предпочитая сосредоточиться на более приятных мыслях. Вспомни бандитов — и они тут как тут. С драками точно так же. Жаль только, от мыслей о деньгах их больше не становится.

Вдруг она увидела рядом с деревом нечто, напрочь выбивающееся из общей картины, — зазубренную полосу ржавого металла, наполовину торчащую из земли.

Старый меч. Не оставалось сомнений: когда-то давно этот лес стал местом славной битвы. Битвы вообще везде преследовали человека, куда бы он ни сунулся. Джеззет повидала немало сражений, но ни одно из них «славным» назвать было нельзя. Она давно уже поняла, что любой бой — это лишь месиво, боль и кровь. Тем не менее осмотреть меч вблизи все же не помешало бы.

Джеззет двинулась к древнему оружию. Но, проходя мимо огромного дуба, она услышала какой-то звук. Возможно, птица зашуршала в кустах — черт знает, сколько здесь этих птиц, — но...

«Всегда будь настороже. Лучше подготовиться и ошибиться, чем расслабиться и умереть».

Девушка остановилась у старого меча и легонько толкнула его ногой. Все еще крепкий, хотя из-за ржавчины уже явно не пригодный для использования. Джеззет огляделась, будто высматривая другие артефакты, но на самом деле изучая деревья и кусты в поисках источника звука. Ничего. Это самое «ничего» всегда заставляло ее нервничать больше, чем что-либо другое. «Ничего» обычно таит в себе нечто, тогда как что-то явное может на деле оказаться ничем.

Джеззет крепче затянула лямки заплечного мешка и пошла прочь от реки. В это время года на деревьях уже не оставалось листьев, все они, мертвые и гниющие, устлали сухую землю. Если кто-то решит преследовать ее, ему будет очень трудно оставаться незамеченным. Трудно, но все же возможно.

Не пройдя и десяти шагов, она услышала кое-что еще — словно чьи-то мягкие лапы топчут листву. Этого ей вполне хватило, чтобы все понять. Какой чудесный конец для Джекзет Вель'юрн — быть разодранной на части стаей диких собак в лесу в одиночестве. Никто не прольет ни слезинки. Никому даже дела не будет.

«Черт, а ведь могло быть хуже, намного хуже...»

— Опасно дамочкам здесь одним разгуливать, — раздался голос откуда-то спереди.

«Бандиты...»

Говоривший вышел на свет из-за большого дерева всего в десяти шагах от Джекзет, у его ног замер, таращась на девушку, крупный серый волк. Мужик оказался высоким, тощим, самого бродяжьего вида: длинные жирные волосы, пожелтевшие зубы, грязная одежда.

«И почему все бандиты выглядят одинаково? У них что, есть какие-то свои правила, как на этих забавных приемах для знатных особ?»

Джекзет довелось побывать на паре таких балов, правда, перед этим пришлось убить кучу времени на наведение марафета. Да, не видать ей подруг среди благородных барышень...

Слева в кустах раздалось шуршание, и оттуда показался второй бандит. Он подошел к первому и одарил девушку желтым оскалом.

— Твой волчара всегда чует хорошую забаву, — произнес второй мужик, такой же грязный бродяга, как и его товарищ.

Не то чтобы Джекзет могла назвать себя самой образованной и ухоженной в округе... По правде говоря, умыться совсем не помешало бы.

Она вздохнула. По своему опыту девушка знала, что у таких ситуаций обычно есть два исхода: либо драка, либо изнасилование, причем если драка закончилась не в твою пользу, тебя все равно отымеют. А двое на одного — расклад опасный независимо от ситуации. Черт подери, даже будь противник один, исход все равно совсем не очевиден.

— Ага, очень опасное место, — повторил длинноволосый, облизывая коричневым языком растрескавшиеся губы.

«Скажи что-нибудь умное, Джекзет».

— Вы живете где-то поблизости?

«О, очень умно. В следующий раз спроси, нравится ли им яичница».

— Она одна, — послышался голос сзади. — Я все проверил. Никого.

Джекзет повернула голову, чтобы посмотреть, кто там. Этот бандит оказался здоровенным лысым чернокожим боровом с крошечными, словно бусинки, глазками. Как она умудрилась не заметить его, было за пределами ее понимания.

Теперь соотношение сил стало три к одному — четыре, если считать волка, — и Джекзет это совсем не нравилось. Тут ты либо дерешься и рискуешь погибнуть, либо даешь себя оттрахать и получаешь поруганное достоинство и полный букет болячек. Она уже была почти готова раздвинуть ноги, когда ее правая рука нащупала меч и вынула его из ножен.

— Ха! — обрадовался второй бандит. — Люблю, когда они брыкаются, так их можно хорошенько отшлепать, прежде чем приступать к делу.

«Ну, по крайней мере, я знаю, что драка была верным выбором».

— Брыкаются? — рассмеялся хозяин волка. — Да ты посмотри на нее! Она же трясется как после недельной пьянки.

И он был прав. Дрожь всегда проявляется в самый неподходящий момент.

«Похоже, блеф здесь не поможет».

— Но ее все еще можно слегка покромсать, — отозвался второй, мерзко сверкая

глазами.

— Говори что хочешь, Пол, — отрезал его товарищ, — я первый.

— Ты в прошлый раз был первым, — возразил второй.

— И снова буду.

Джеззет скинула заплечный мешок и повернула голову к гиганту за спиной. Всех троих держать в поле зрения сложно, но от этого типа девушку хотя бы отделяло небольшое расстояние.

— А ты разве не хочешь меня? — обратилась она к здоровяку. — Нравится тащиться в хвосте?

— Закрой пасть, шлюха! — прикрикнул длинноволосый, демонстрируя норов. — Он получает то, что нам не по вкусу. Еще одно слово, и первым будет волк.

— Да лучше уж волк, чем ты.

«Хорошо, Джез. Вот это действительно умно».

Бандит взревел и двинулся на нее, сжимая в руке короткий меч. Он замахнулся, но Джеззет ушла влево, одновременно делая выпад собственным тонким мечом. Враг на мгновение застыл, шатаясь, а затем рухнул замертво. Клинок вошел ему в шею и отделил череп от позвоночника.

Волк среагировал молниеносно — он бросился на Джеззет, оскалив зубы и утробно рыча.

— Черт! — вскрикнула Джеззет, снова отпрыгивая и отбиваясь от нападения.

Пес приземлился и тут же рухнул в кучу веток. Девушка понятия не имела, куда она рубанула, но, должно быть, задела что-то жизненно важное.

«Никогда раньше не билась с волком... или с медведем!»

Чернокожий гигант за это время успел подобраться почти вплотную и теперь замахивался на нее пудовым кулаком. Джеззет отскочила назад, прямо в ждущие объятия второго бандита. Его мускулистые руки крепко обхватили ее, а сама она слишком поздно поняла, что меч выскользнул и теперь валяется у ног. Раньше мужик не казался ей крупным, но на деле он с легкостью мог удержать ее одной левой.

— Теперь мой черед быть первым, — заговорил бандит за ее спиной; от его горячего дыхания на шею проступил пот, а отвратительный запах забил ноздри.

Бандит убрал одну руку и просунул ее между телом Джеззет и своим. Девушка почувствовала, как он возится с пряжкой ремня.

«Черта с два!»

Джеззет резко запрокинула голову и ощутила, как ее затылок встретился с носом мужика. Теплое и влажное разлилось по волосам, но бандит хватку не ослабил. Девушка снова ударила головой — и на этот раз была вознаграждена хрустом ломающейся кости и свободой. Медлить она не стала — перекатившись, подхватила с земли свой меч и атаковала. Удар пришелся чуть ниже пояса, прямо в пах. Бандит завизжал от боли, его разбитое лицо исказила жуткая гримаса. Он дернулся и взмахнул руками, но следующий удар поразил его прямо в сердце.

Чернокожий здоровяк ошеломленно смотрел на происходящее. Джеззет одной рукой провела по волосам, и на ладони осталась кровь — по большей части из разбитого носа второго бандита, но жгучая боль говорила девушке, что часть принадлежит ей самой.

Гигант снял с пояса огромную деревянную палицу и с угрожающим свистом рассек воздух. Силы ему было не занимать. Джеззет прекрасно понимала, что даже один такой удар

переломит ее, как сухую ветку.

— Полагаю, любовные забавы тебя больше не интересуют? — усмехнулась она.

«Давай, зли гиганта. Почему бы и нет?»

— Ты до них не доживешь.

— Это... Аргх! — только и успела сказать Джеззет: гигант, размахивая своим оружием, двинулся на нее.

Девушка плашмя рухнула на землю, и палица пронеслась у нее над головой. Оттолкнувшись ногами, Джеззет попыталась оказаться за спиной врага, но сапоги заскользили на листьях, и маневр не получился. А уже в следующую секунду тяжелый сапог врезался девушке в живот, подбросив ее в воздух. Джеззет успела взмахнуть мечом, прежде чем, приземлившись и кубарем прокатившись по земле, остановиться возле тела хозяина волка. Мертвым он вонял так же сильно, как и при жизни.

Гигант ухмыльнулся и шагнул вперед, но вдруг его ноги подкосились, а из глубокой раны на бедре хлынул поток горячей крови. Меньше чем через минуту он умер, крича и жадно хватая ртом воздух до самого последнего мгновенья.

«Да, сегодня в выборе между сексом и дракой победила драка».

Джеззет не потребовалось много времени, чтобы обыскать тела. Трупам деньги и еда ни к чему, а вот ей бы пригодились. И лишь теперь она заметила, что у каждого правая рука была обмотана красной тканью. Они не были бандитами — они были солдатами; по крайней мере, эта деталь наводила именно на такую мысль.

«В округе есть только одно место, куда могли направляться солдаты... Пора предупредить его, Джез».

— Глазам своим не верю, Джеззет Вель'юрн. Сколько времени прошло? Всего неделя — и вот ты снова приползла ко мне.

Джеззет прошла через ворота, оценивая тяжелые створки и солдат, стоявших по обе стороны, а затем, сплюнув, принялась буравить взглядом мужчину перед собой.

«Быстрее скажешь — быстрее отсюда уберешься».

— Оставь это, Эйрик. Я здесь лишь для того...

— Конечно, мы могли бы найти тебе хорошее применение, Джез, — с грязной ухмылкой заявил Эйрик. — Например, ты могла бы удалиться в мои покои, благо дорогу знаешь. Разденься, приведи себя в порядок, а я скоро приду и займусь тобой.

«Шансы паршивые, но я, наверное, успела бы убить его прежде, чем его люди вырубят меня... Весь путь — коту под хвост».

Услышав за спиной скрип, девушка обернулась и увидела, как ворота с грохотом закрываются и солдаты с трудом задвигают тяжелый деревянный засов. Не хватало только застрять в этом чертовом форте.

— Открой ворота, Эйрик. Я не останусь. Просто пришла предупредить тебя с готовящемся нападении.

В мгновение ока ухмылка исчезла с красивого лица, сменившись хмурым выражением.

— Сколько их?

— Не знаю. Мне встретились лишь разведчики. Спросить у них возможности не представилось.

— Была слишком занята, убивая их?

Джеззет не ответила. Она лишь смотрела на хозяина маленького форта, пока тот жевал

губу.

— Как далеко? — спросил он наконец.

— Я встретила их в лесу два дня назад. Полагаю, у тебя есть самое большое дело. А теперь открой ворота. У меня нет никакого желания торчать где-то рядом...

— О, я не могу этого сделать. Не перед угрозой нападения, да, парни?

Стражники одобрительно загудели, даже не шелохнувшись, чтобы снять засов. Джеззет прожгла Эйрика взглядом.

— Я предупредила тебя, и вот так ты платишь мне за это?!

— Я никогда не просил тебя предупреждать меня о чем-либо, Джеззет. Никогда не нуждался ни в этом, ни в чем другом. — Эйрик с важным видом ходил вокруг нее, поигрывая широкими плечами под кольчугой. — Но коли так, мне пригодится каждый меч, даже твой.

Джеззет окинула взглядом собравшихся на площади солдат. Двенадцать человек, все хорошо вооружены и обучены. Плюс еще три сотни или около того в форте, готовые выскочить по первой команде. Кроме того, ей самой не удалось бы поднять засов на воротах. По правде говоря, даже трем Джеззет это не удалось бы.

«Дерьмово, Джез».

— Ты останешься, поможешь нам отбить атаку, и я отпущу тебя на все четыре стороны, — снова расплылся в ухмылке Эйрик. — Ну а пока у тебя есть время привести себя в порядок, а я скоро к тебе присоединюсь.

«Драться или трахаться?»

Иногда, куда чаще, чем Джеззет хотелось бы, у нее просто не было выбора. Она еще раз сплюнула и глазами, словно смертоносными клинками, пронзила Эйрика, а потом зашагала в сторону зданий внутри форта, где располагались его покои.

«Твою мать!»

— Что это? — спросил Зеленый и уставился на Бетрима.

Тот пожал плечами и посмотрел на Мослака. Мослак открыл было рот, но тут же снова его захлопнул и перевел взгляд на Шустрого. Шустрый шумно втянул носом воздух и скосил глаза на Генри. Генри же просто плюнула, развернулась и отошла, попутно вычесывая что-то у себя за ухом.

— Ну и?.. — напомнил о себе Зеленый.

Он все еще таранился на Бетрима, как и практически все время с момента, когда Мослак просветил его, что Бетрим и Черный Шип — одно лицо. Это не добавило ночевке комфорта. Бетрим всегда спал очень чутко, постоянно держа руку на оружии, но теперь ему и вовсе приходилось дремать буквально с открытыми глазами.

— Откуда мне знать, Зеленый? — покачав головой, откликнулся Бетрим.

Находка, вокруг которой все собрались, была большой. Массивное серое тело, такая же серая голова, усеянный множеством мелких желтых зубов огромный рот с двумя здоровенными клыками на нижней челюсти. На морде виднелись глубоко посаженные крошечные черные глазки, а на макушке торчали маленькие круглые ушки. Лапы существа были короткими и толстыми, а хвост выглядел тонкой полоской плоти. Судя по всему, весить оно должно было не меньше, чем вся банда вместе взятая, а может, и больше.

Существо походило на огромную серую свинью с неправдоподобно большой пастью. Вероятно, тварь выползла из реки и тут издохла. А в том, что она мертва, сомневаться не приходилось — трупный запах говорил сам за себя. Над телом роились мухи — они жужжали, не смолкая, и лепились к разодранной плоти. Мертвое существо казалось большим, и Бетриму совсем не хотелось знать, насколько громадным было чудовище, которое так его отделало. На брюхе «свиньи» красовались четыре глубокие рваные раны; сквозь них виднелись гниющие внутренности.

— Полагаю, на вкус оно как свинья? — вслух подумал Шустрый; он перестал пялиться на Генри и вновь сосредоточился на мертвом создании.

— Знаешь, мне неохота это выяснять, — сказал Бетрим и пошел прочь.

— Босс, ты знаешь, что это такое? — крикнул Зеленый.

— Или что с ним стало? — добавил Бетрим.

Босс не стал отвлекаться на тварь, а лишь остановил на Зеленом взгляд темных глаз на темном лице в обрамлении темных волос.

— Не важно, что это, — сказал он, и каждое слово сопровождалось блеском металла у него во рту. — Не важно, что с ним стало. Все отошли от реки и двинулись дальше!

Босс не казался испуганным, но Бетрим знал этого человека уже почти два года и давно уяснил, что даже если ему страшно, он этого никогда не продемонстрирует. Бетрим хорошо помнил их первую встречу. Не многим хватило бы смелости представиться Черному Шипу так, как это сделал Босс.

Бетрим сидел, цедил пиво, изучал последних оставшихся в таверне посетителей и гадал, кого из них будет проще ограбить. Он уже был готов сесть на хвост паре сухопарых, смахивающих на торгашей молодчиков, когда они ушли, а к нему подсел здоровый чернокожий ублюдок — невысокий, но, судя по мускулатуре, привыкший размахивать чем-то тяжелым. Бетрим потянулся было к спрятанному под столом топору, который отлично

помогал справиться с типами, нарывающимися на драку, — как вдруг услышал свое имя.

— Есть работенка для тебя, Черный Шип, — сказал Босс и сверкнул улыбкой.

Именно металл привлек внимание Бетрима. Ему прежде доводилось слышать о людях, которые заменяют себе зубы железными, но видеть их — никогда. Поэтому он, выбросив из головы все прочие мысли, просто сидел и долго пристально смотрел на диковину.

Когда Босс прекратил улыбаться и снова заговорил, Бетрим молча выслушал его. Сказать, что он был поражен, — значит не сказать ничего. Здоровяк с дальнего юга с металлическими зубами подсел к нему и сказал, что собирает шайку самых матерых наемников и хочет, чтобы Черный Шип к ней присоединился. Имя Бетрима имело чертовски дурную славу в Диких Землях, а перед большими именами всегда открываются большие двери. Бетрим недолго обдумывал предложение и уже готов был послать южанина подальше, как вдруг...

— Эй, Шип! — костлявым пальцем Генри ткнула Бетрима под ребра и криво усмехнулась. — Тащи сюда Мослака.

Бетрим осмотрелся. Мослак все еще глазел на мертвое создание у реки. Все остальные уже тронулись с места и ушли далеко вперед.

— Ага, — кивком ответил Бетрим и пошел назад. — Мослак! — позвал он, подойдя ближе.

— А? — откликнулся здоровяк, оторвав взгляд от мертвой туши. Бетрим кивнул в сторону уходящих, и Мослак все понял. — Да, ты прав. Прости.

Мослак пошел в ногу с Бетримом, и уже не в первый раз Черный Шип восхитился его габаритами. Сам он коротышкой не был, но Мослак ростом превосходил его на целую голову и из-за этого постоянно сутулился. Тяжелый меч гигант легко вращал одной левой, словно деревянную игрушку, и даже Босс не мог одолеть его в рукопашной.

Но, несмотря на свои размеры, силу и тот факт, что всю жизнь он убивал людей, Мослак умудрялся быть ласковым, что твой щенок, и дружелюбным. Только его одного Бетрим мог назвать своим другом. Правда, Шип еще неплохо ладил с Генри, но ровно настолько, насколько вообще можно ладить с женщиной, которая во время первой же встречи тебя сначала поимела, а потом попыталась убить.

— Бедное создание, — раздался задумчивый голос Мослака. — Полагаю, личинки на нем попируют вдоволь.

— А еще львы, собаки, стервятники и бог весть какая речная живность.

Белянка была большой и глубокой — не как Йорл, но достаточно, чтобы скрывать в своих темных зеленых водах много всякой мерзости. Бетрим не любил воду, будь то реки, моря, океаны или даже просто колодцы. Никогда не знаешь, что ждет тебя там.

Они вдвоем молча шли позади остальных. Впереди Бетрим видел Генри — та крадущейся походкой следовала за Боссом — и Зеленого, который, развесив уши, слушал очередную историю Шустрого. Причем понять, выдумывает Шустрый или говорит правду, всегда было чертовски трудно. Бетрим предпочитал не верить ни единому его слову.

— Тебя все еще беспокоит арбитр в Коррале, Шип? — спросил Мослак, размеренно переставляя большущие ноги, — когда другие просто шли, он словно свай вколачивал.

Бетрим прочистил горло и сплюнул. Далеко на юге такая растрата драгоценной жидкости считалась одним из самых страшных злодеяний, какие только мог совершить человек. Здесь же, в Диких Землях, это был просто плевок, и ничего больше.

— Постоянно. Людей вроде меня они всегда беспокоят. — Он чувствовал, как с каждым

словом натягивается обожженная кожа на лице. Такое всегда происходило с ним, когда речь заходила об арбитрах. — Беда в том, что этот козел узнал меня. Прокричал мое чертово имя.

— Мы не оставили в живых никого. Некому о тебе рассказать.

— А как же хозяин? — сквозь зубы процедил Бетрим. — Надо было позволить Генри прикончить его.

— Здесь он нас никогда не найдет, — круговым движением руки Мослак обозначил раскинувшиеся вокруг равнины.

Они простирались во всех направлениях, насколько хватало глаз. Длинные и толстые стебли трав покрывали землю шепчущим морем зелени, которое колыхалось и рябило на ветру. Скоро сюда придут огромные толпы людей, чтобы разорить эту местность, превратить зеленое море в пыльную, бесплодную холмистую пустошь. И когда это произойдет, наступит раздолье для охотников — как на животных, так и на людей — и Коррал превратится в один из самых оживленных портовых городов во всех Диких Землях.

Выслеживать людей на равнинах проще простого. Куда бы ты ни пошел, везде оставишь за собой четкие следы, которые не заметит лишь слепой, а дым от костра виден за многие мили. Если арбитр надумал преследовать их, это не составит труда. Но нечего забивать гиганту голову такими мыслями.

— М-м, — протянул Мослак, и оба пошли дальше.

Здоровяк никогда не любил тишину, и Бетрим видел, что сейчас ему особенно трудно молчать.

— Как думаешь, когда Зеленый попробует тебя пришить?

Хороший вопрос. Шайка Босса всегда насчитывала шесть человек, и последние трое так или иначе пытались убить Бетрима, неизменно расплачиваясь за это кровью. И не было никого, кто выжил бы, чтобы потом об этом рассказать. Кроме Генри, но она — особый случай.

— Не раньше, чем отрастит яйца, — сказал Бетрим.

Мысль о торчащем из черепа Зеленого топоре вызвала у него улыбку. В конце концов, у мальчишки полный кошелек монет, которые так и просят, чтобы их потратили.

Бетрим проснулся от прикосновения и сразу же попытался нащупать оружие, но его рядом не оказалось. Было холодно, облачно и темно, но не настолько, чтобы не увидеть Генри, припавшую к земле и сжимавшую в руках его топор. Ее маленькое свирепое лицо зависло прямо напротив его иссеченной шрамами физиономии, и она поднесла палец сначала к губам, затем к уху, а после указала налево. Бетрим нахмурился, забрал топор и прислушался. Лошади. Больше одной, но не много.

Он помрачнел еще сильнее и кивнул Генри. Та нависала над ним, так широко расставив ноги, что раньше у него кровь уже прилила бы к нужным местам, — но не теперь и не с Генри. Она подмигнула ему и двинулась будить Мослака, бесшумная, как кошка, и куда более смертоносная.

Пригибаясь низко к земле, почти ползком, Бетрим двинулся на звук. Меньше чем через сто футов он смог расслышать голоса, мягкие и тихие, едва громче шепота. Кроме того, он обнаружил Босса и Шустрого лежащими на холме и следящими за маленьким лагерем, где и стояли лошади.

Босс строго запретил разводить в пути костры, и теперь Бетрим был только рад. Когда по твоему следу идут всадники, в этом редко есть что-то хорошее. Он заполз на

возвышенность и замер рядом с Боссом.

Всего в двадцати футах от них горел небольшой походный костер. Яркие языки пламени лизали наспех собранный вертел с насаженным на него некрупным животным. Бетрим не смотрел на свет — ночное зрение понадобится ему, если дело дойдет до резни. Он насчитал десять лошадей на дальнем краю лагеря. Похоже, их даже не стали привязывать. Они выглядели породистыми скакунами, только на вкус дорогая конина ничем не лучше конины дешевой, да и с ездой верхом у Бетрима никогда не ладилось. От всех этих скачек в седле одна лишь боль в промежности. Часть обитателей лагеря спала, другие собрались у вертела, а тот, кому полагалось стоять на страже, пялился в огонь. В темноте этот идиот дальше двух футов ничего не увидит.

Бетрим посмотрел на Босса и подал ему знак: «убить». Южанин несколько мгновений смотрел в ответ, размышляя, а после покачал головой. Двумя пальцами он указал на запад и кивнул. Бетрим пополз вниз, а спустя пару секунд Босс последовал за ним. Шустрый некоторое время оставался на месте, не сводя глаз с лагеря, но затем присоединился к своим. Среди них он был самым быстрым и практически таким же бесшумным, как Генри.

Девушка ждала их у подножия холма, ее короткие волосы цвета пепла торчали во все стороны, шрам, как обычно, оттягивал вправо губу, создавая ощущение постоянной усмешки, а темные глаза следили за их приближением. Босс повторил свой сигнал двигаться на запад, и Генри кивнула, развернулась и последовала за остальными в сторону лагеря.

Вернувшись, они застали Зеленого за тем, что тот мочился на старый трухлявый пенёк. Малец тупо улыбнулся, несколько раз дернулся, а затем убрал член в штаны и, повернувшись к остальным, открыл было рот, чтобы заговорить. Босс схватил парня за грудки и притянул к себе, угрожающе качая головой. Зеленый не на шутку перепугался, и Бетрим прекрасно понимал почему. Черный Шип никогда бы этого не признал, но даже его Босс временами пугал. С силой оттолкнув Зеленого, южанин подобрал свой мешок и двинулся на запад. Генри злобно оскалилась и последовала за ним. Зеленый, вне всяких сомнений, довольный тем, что отлил до того, как Босс его сгреб, взял свои пожитки и зашаркал за ними, правда, благоразумно держа дистанцию.

Мослака Бетрим обнаружил сидящим на камне и наблюдающим за каким-то здоровенным жуком, которого он черт знает где нашел. Насекомое было размером с кулак Бетрима, причем с тот, что со всеми пятью пальцами, обладало блестящим черно-синим телом и торчащим из головы большим раздвоенным рогом. Существо ползло вверх по руке Мослака, а сам он казался более чем счастливым от созерцания этого, и глупая широкая улыбка расцвела у него на лице.

Понаблюдав за ним несколько мгновений, Бетрим подтолкнул Мослака ногой и кивнул на запад. Здоровяк кивнул в ответ, вскинул на плечи мешок и двинулся в путь, прихватив с собой гигантского жука. Бетрим постоял еще минуту, дожидаясь, пока соберется Шустрый. Наконец тот подобрал свои вещи, сверкнул Бетриму украденным кинжалом и пошел вслед за бандой.

Бетрим бросил последний взгляд в сторону тусклого оранжевого свечения в лагере всадников, которые чуть было на них не наткнулись. Он надеялся, что арбитра среди них нет. А после, прихватив свой мешок, медленно направился в ту же сторону, что и остальные.

Город Сарт. Столица Священной империи Сарт. Уже в который раз Танкуил поражался отсутствию воображения у людей, нарекавших столичные города по названиям королевств. Впрочем, ему хотелось верить, что у первых поселенцев на то были свои причины.

Это был прекрасный город: чистые улицы, высокие здания из белого мрамора, надежные стены с тысячами облаченных в белую форму стражников. Повсюду, за каждым поворотом, над окрестными строениями возвышались церкви, глядя на мирян сквозь стекла окон, расписанных картинами праведной славы. Город расчертили узкие каналы, наполненные кристально-чистой морской водой, по которым спокойно и неспешно курсировали длинные узкие лодки. Некоторые из них были полны товаров, доставленных черт знает откуда, другие — людей, которых везли черт знает куда. А экипажи третьих просто плавали в свое удовольствие, радуясь хорошему дню.

Сарт, город солнца. Порт, в котором дождь был редкостью, зато стояла постоянная жара. А в центре всего города к небесам возносился императорский дворец. Построенный из сияющего белого мрамора и стекла и обслуживаемый тысячами рабов, дворец с десятью шпилями являл собой драгоценную жемчужину Сарта.

Без сомнения, красивый город, но до тех пор, пока ты находишься в его богатых районах. Тем, кому не повезло поймать за хвост удачу или отличиться знатным происхождением, приходилось ютиться в трущобах. Деревянные лачуги, изредка — серые каменные здания официального назначения: казармы стражи, тюрьма, дома гильдий и тому подобное. Улицы забиты грязью и отходами, ни следа благородного мрамора, а патрулируют это все как стражники, так и карманники, причем почти в равных количествах. Попрошайки, воры, пьяницы, калеки, проститутки, бродяги, рабы и бандиты — и это не считая простых людей, изо всех сил старающихся вести честную жизнь. У Сарта было милое личико, но дорогое бальное платье скрывало тело сифилитичной шлюхи.

Танкуил предпочитал именно эти, беднейшие районы города. Они казались ему более настоящими, более честными. Среди преступников он чувствовал себя комфортнее, нежели в обществе купцов, которые обдерут тебя как липку, а потом будут доказывать, что еще сделали тебе одолжение. Но даже здесь, в трущобах, люди сторонились арбитра. Патрульные стражники протокольно кивали ему, а затем старались убраться подальше. Воры прятались в тених и следили за ним зоркими глазами. Сплетники в его присутствии мгновенно затыкались и отводили взгляды. Все это смотрелось до безумия комично — как будто мракоборцам нечем было больше заняться, кроме как гонять мелких уголовников за их мелкие преступления или выпытывать у обывателей их далекие от ереси шальные страстишки. И все же было приятно — идти по центру улицы и видеть, как люди расступаются, освобождая тебе путь. Танкуилу хотелось ухмыльнуться, но это испортило бы весь образ.

— Они все уважают тебя.

Танкуил почти забыл про девочку. Она была тихим маленьким созданием, которое за целую неделю обронило всего несколько слов и лишь с интересом рассматривало арбитра, когда думало, что он не замечает.

— Они боятся меня. Это другое.

— Они будут бояться и меня тоже?

Танкуил остановился и повернулся к ребенку. Забавно было наблюдать, как людской поток обтекает их, словно вода — камни.

— Послушай... эм-м... девочка, — начал он.

— Фрейя.

— Точно, Фрейя. У тебя есть выбор. Я пообещал арбитру Прину доставить тебя в Сарт, и я сделал это. Ты здесь. Поздравляю.

— Я...

Танкуил прервал ее прежде, чем она успела договорить. Последнее, чего ему сейчас хотелось, — это спорить с девочкой.

— Но я не обещал доставить тебя в Инквизицию. Так что ты можешь прямо сейчас уйти и попытаться зажить нормальной жизнью здесь, в Сарте, — он не стал упоминать о том, что десятилетнюю малышку вроде нее в трущобах ждет жизнь короткая, болезненная и по большей части проведенная на спине, — или же пойти со мной, а я передам тебя наставникам.

— Арбитр Прин сказал...

— Уверен, арбитр Прин сказал тебе, что служба в Инквизиции — это праведное дело, что на тебя снизойдет небесный свет и что каждый твой день будет наполнен неземной благодатью. Он лгал. Обучение — это долгий, тяжелый и мучительный процесс, а в конце, если ты сумеешь получить ранг арбитра, тебя не ждет ничего, кроме одиночества, жестокости и крови. То, что тебя боятся, еще далеко не все. Посмотри вокруг. Ты видишь хоть одну улыбку, обращенную ко мне? Нет. Если ты выберешь путь арбитра, будь готова к этому.

— Всяко лучше, чем то, что было раньше, — возразила девочка, и в ее голосе зазвучали нотки непокорности — у десятилетнего ребенка, росшего без родителей в одном из приграничных городов, явно жизнь была непростой.

— Не будь в этом так уверена, — сказал Танкуил, всегда оставляя за собой последнее слово. — Сейчас я двинусь дальше. Выбирай: либо идешь за мной, либо просто уходишь.

Он развернулся и пошел вверх по улице. Несколько мгновений спустя девочка вновь оказалась у него за спиной. Ее глаза смотрели прямо, а на лице застыла мрачная гримаса. Вылитый арбитр.

— Добро пожаловать в Инквизицию, — сказал девочке Танкуил.

Та, разинув рот, в изумлении озиралась по сторонам. Богатство и пышность убранства поразили ее еще в тот момент, когда они впервые вошли в богатый район города. Но теперь ее глазам предстало истинное сердце Сарта — цитадель Инквизиции.

Танкуил никогда не был уверен: город сформировался вокруг Инквизиции или Вольмар избрал Сарт для ее основания. Впрочем, вряд ли теперь это имело значение. Зато он точно знал, что штаб-квартира Инквизиции производила сильное впечатление на любого, даже того, кто прожил здесь десятки лет.

Если Сарт по большей части сиял жемчужной белизной, то здания Инквизиции были, наоборот, словно вырезаны из черной скалы. Огромная крепость занимала центральное место, и ее единственная башня по высоте ничем не уступала императорскому дворцу, разве что не имела шпилей. Множество залов — для собраний, тренировок, трапез, хранения чего бы то ни было и любых других мыслимых целей. Бараки для прибывших арбитров, таких как Танкуил, кто редко возвращается домой, а большую часть своей жизни проводит в

странствиях, искореняя ересь. Бесчисленное множество других строений, назначение которых всегда оставалось для Танкуила загадкой, теснилось на огромной территории, огражденной со всех сторон сорокафутовыми стенами.

— Я теперь буду здесь жить? — спросила девочка.

— Нет. Не сейчас. Новичков обучают за пределами города, но, возможно, тебя несколько дней подержат здесь — для проверок.

— Проверок?

— Выяснят, годишься ли ты, узнают, на что ты способна.

— Ох.

— Сюда.

Танкуил двинулся к одному из ближайших строений, где, как он помнил, обитали клирики и прислуга. Не будучи полноправными членами Инквизиции, они тем не менее лучше знали, что делать с девчонкой.

Вокруг по своим делам курсировали слуги, рабы и другие арбитры. Танкуила всегда поражало, сколько их можно встретить внутри крепости. В любое время в ее стенах находилась маленькая армия, словно арбитрам ничего больше не оставалось, как прохладиться здесь, в относительном спокойствии и комфорте, когда в мире еще столько ереси.

Танкуил распахнул дверь строения и шагнул внутрь. Там за деревянным столом восседал старый клирик, которого арбитр знал даже слишком хорошо.

— Арбитр Даркхарт, — язвительно произнес старик.

— Клирик Доник, — официальным тоном отозвался Танкуил.

— Старший клирик Доник.

— Да, по тебе видно, что старший, — сказал Танкуил и не соврал. Доник был высоким, худым, морщинистым человеком, уже лет двадцать как лысым и с перекошенным на левую сторону лицом.

— Как обычно, ни капли уважения, арбитр Даркхарт, — парировал старик.

— Уверяю, старший клирик Доник, я испытываю глубочайшее уважение ко всем, кто этого заслуживает.

Звук, вылетевший изо рта клирика, отдаленно походил на рык.

— Зачем ты прибыл, арбитр Даркхарт?

— Привел нового рекрута. Она очень способная, — с улыбкой сказал Танкуил и слегка подтолкнул девочку в спину; та чуть не оступилась.

Доник поднялся из-за своего стола, громко хрустнув коленями, и подошел ближе к ребенку. Старик несколько мгновений пристально изучал Фрейю, словно мог рассмотреть ее способности, а затем кивнул.

— Я заберу ее, арбитр, — сказал он и отошел на несколько шагов, прежде чем повернуться к девочке и жестом приказать ей следовать за ним.

Дитя посмотрело сначала на клирика, потом перевело взгляд на Танкуила, а потом обратно на клирика. На лице читался испуг. Танкуил несколько секунд пытался бороться со своей совестью, но попытка с треском провалилась.

— Фрейя, — сказал он, и девочка повернулась к нему.

Бедный ребенок был на грани паники. Танкуил сунул руку в один из своих карманов, и пальцы его нащупали небольшой металлический кругляш с прикрепленной к нему серебряной цепочкой. Он вынул кулон из кармана и вложил его в руку девочки, надеясь, что

клирик не придаст этому особого значения.

Фрейя посмотрела на украшение, а другой рукой потрогала шею, убедившись, что это ее кулон. Она даже не заметила, как Танкуил снял его.

— Спрячь это, и спрячь хорошенько, — прошептал арбитр. — Если его найдут, то заберут.

— Спасибо тебе, — поклонилась девочка.

— Не благодари, — сказал Танкуил куда более мрачно, чем ему самому хотелось. — И уж точно никогда не благодари арбитра Прина. Если ты думаешь, что он оказал тебе услугу, попросив меня доставить тебя сюда, то знай — он проклял тебя.

— Не понимаю.

Танкуил хмыкнул:

— Еще поймешь. А теперь иди. Лучше не заставляй старшего клирика Доника ждать — у него жестокий характер.

Снаружи Танкуил нашел свою лошадь, которая встретила его осуждающим взглядом. Он, может, и ответил бы кобыле, но последнее, чего ему хотелось, так это чтобы другие арбитры видели его разговаривающим с клячей. Поэтому он просто двинулся в сторону конюшни, а животное последовало за ним, тихое и покорное.

В крепости Инквизиции арбитрам вроде Танкуила делать было практически нечего. Отчасти именно поэтому он решил странствовать, вместо того чтобы осесть здесь. Даркхарт отвел свою низенькую лошадь в стойло, свалил пожитки на первую попавшуюся свободную койку, быстро посетил столовую и отправился бродить по территории крепости.

Во внутреннем дворе Танкуилу пришлось столкнуться с еще одной причиной своего решения: косые взгляды, тихое перешептывание, кивки в его сторону и полные драматизма лица тех, кого он должен был считать своими братьями и сестрами. Даже спустя двенадцать лет путешествий по миру, искоренения зла и очищения еретиков он все равно оставался изгоем.

— Я слышал, ты вернулся, Танкуил.

Даже не узнай он самого голоса, только один человек во всей Инквизиции называл его по имени.

— Кош, — улыбнулся Даркхарт, и они пожали друг другу руки. — Не ожидал увидеть тебя здесь. Там, снаружи, знаешь, целый мир.

— Это да, но тебе не стать инквизитором, если не будешь проводить некоторое время здесь. Сейчас я несущу стражу, вот уже почти год. Трудно представить себе работу более скучную, но я верю, что в один прекрасный день за нее мне воздастся сторицей.

Кош начал свое обучение в то же время, что и Танкуил, и выпустились они тоже одновременно. Он был немного выше и к тому же шире в плечах, волосы у него были не темно-каштановые как у Танкуила, а светлые, и шрамов несравнимо меньше. Более того, многие шрамы Танкуилу оставил именно Кош во время их поединков.

— Что привело тебя обратно? — спросил Кош.

— Прошло уже три года с тех пор, как я был здесь в последний раз, — ответил Танкуил, потирая горбинку на носу — напоминание о том, как Кош сломал его много лет назад.

— А, трехлетний отчет. Инквизиторов хлебом не корми, а дай убедиться, что ты не сбился с пути истинного.

— Ага. Не сомневаюсь, они найдут какой-нибудь богом забытый уголок мира и

отправят меня туда. Чего только не сделаешь, лишь бы держать паршивую овцу подальше от стада.

— К слову, ты пропал где-то три года, а у нас тут объявился новый «золотой парень», — Кош кивнул в сторону группы молодых арбитров, — тот, что в середине. Выпустился после шести лет в ранге посвященного.

— Шесть лет... Никто еще не был столь хорош.

— Быстрее любого другого, но он это заслужил.

Пока Кош говорил, арбитр отделился от своей компании, двигаясь напрямик к Танкуилу.

— Он лучший, — продолжал Кош. — Его зовут Хирон Вэнс.

— Сын инквизитора Вэнса, — покачав головой, сказал Танкуил. — Полагаю, это многое объясняет.

Арбитр Вэнс прошел мимо Танкуила, направляясь либо в обеденный зал, либо в бараки, либо куда-то еще. Прекрасно. Танкуил совсем не горел желанием привлечь к себе внимание сына великого инквизитора.

— Должно быть, хорошо, когда тебя с рождения кормят с серебряной ложечки.

Казалось, что это сказал кто-то другой, но его голосом, и Танкуил прикусил свой предательский язык.

Арбитр Вэнс остановился, обернулся и посмотрел на Даркхарта. Он был выше — как, впрочем, и большинство других людей, — не тощий, но и не мускулистый.

Плащ и одежда под ним поражали безукоризненной чистотой. У Вэнса-младшего были короткие волосы, а еще от него пахло так, как может пахнуть только от библиотекарей. Библиотекарей, которые, возможно, по ночам обращаются в охотников за головами. Но хуже всего были его глаза. Желтые глаза. Танкуил никогда таких не видел. Сказать, что это нервировало, — значит не сказать ничего, но он сумел не отвести взгляда.

— Не верю, что мы встретились, — спокойным голосом произнес Вэнс. Ему хватило высокомерия, чтобы не показать, как его задели слова Танкуила. — Арбитр Даркхарт?

— Арбитр Вэнс, — кивнул Танкуил, все еще коря себя за несдержанность.

— Боюсь, у меня назначена встреча с отцом, — подвел черту Вэнс. — Мы можем поговорить позже, арбитр Даркхарт.

— Да.

Вэнс формально попрощался, развернулся и ушел. Танкуил заметил, что парень не носит оружия. Большинство арбитров всегда имели при себе меч или другой клинок, кто-то был обладателем уникальных образцов, как Кош с его двойными ручными косами, но у Вэнса на поясе висела на цепи лишь книга с металлическими застежками.

— Неловко получилось, — выдержав паузу, сказал Танкуил.

— И почему тебе вечно нужно ввязываться в конфликты с самыми сильными соперниками? — качая головой, буркнул Кош. — Ты же знаешь, однажды он станет инквизитором...

— Странные глаза, — задумчиво протянул Танкуил, прервав друга.

— Он обладает видением. Говорят, досталось ему от матери.

— Его мать ведьма?

— Была ведьмой. Умерла при родах.

— Это мало что меняет, — вздохнул Танкуил. — Почему тогда на него не повесили имя типа «Даркхарт»?

— Потому что его отец — великий инквизитор Артур Вэнс, — пояснил Кош. — Пойдем. Пока ты еще куда-нибудь не влез, лучше давай напьемся в хлам. Я знаю отличное местечко, совсем недалеко отсюда, с крепким алкоголем и нежными чистыми женщинами. Ах да, и я хочу обратно свое кольцо.

Танкуил покопался в карманах и вынул на свет простое золотое кольцо. Подержав немного, он убрал его обратно, при этом даже не извинившись, — у них с Кошем извинения давно потеряли всякий смысл.

— Тебе следует чаще выбираться в мир, Кош. Чистоту нынче переоценивают.

Джезет никогда не относилась к типу женщин, смиренно сносящих неприятности. Но иногда смирение — лучший выход из положения. И сейчас она смиренно лежала на спине и смотрела в деревянный потолок, придав лицу настолько скучающее выражение, насколько это вообще возможно. Эйрик же, напротив, даже не пытался скрывать своего удовольствия. Он растянулся на ней, голый, словно младенец, ритмично двигаясь и явно упиваясь влажным хлопанием и мягким трением двух тел.

Красавчик-командующий напористо выдыхал при каждом толчке, и его длинные рыжие волосы ниспадали волной и щекотали лицо Джез. По правде говоря, все было не так уж плохо: в этом деле Эйрик был, несомненно, хорош, и Джезет наслаждалась процессом, хоть и не желая, чтобы он об этом знал. Только вот ее предательское сердце начинало биться все чаще, дыхание становилось жарким и глубоким, а знакомая приятная боль между ног заставляла кусать губы.

Восхитительная и в то же время пугающая дрожь удовольствия прошла по ее телу, от промежности вверх, из груди вырвался протяжный гортанный стон. Стало тяжело дышать.

«Дьявол!»

Она чувствовала, как подходит к кульминации, и этого ей сейчас хотелось меньше всего.

А затем Эйрик резко вдохнул, напрягся всем телом и остановился, открывая и закрывая рот, словно рыба на сухом песке. Джезет такое уже видела раньше. Снова она получила свое, хоть этот раз ей чуть было не понравился по-настоящему.

Здоровяк-командующий обрушился на нее, своим весом нещадно вдавив в кровать, и скатился на бок, тяжело дыша и довольно посмеиваясь. Оба они были разгоряченными, вспотевшими, а теперь и пропахшими сексом. Останься у Джезет хоть капля гордости, она бы давно уже возненавидела себя.

«Подонки держат меня здесь как какую-то рабыню. Надо было убить его много месяцев назад».

Девушка схватила конец простыни, провела между ног и швырнула запачканную ткань Эйрику.

— На, можешь получить обратно, — проворчала она.

Здоровяк рассмеялся, низко и звучно, отчего все его тело, а вместе с ним и кровать задрожали.

— Не будь такой, Джез. Я знаю, что тебе это нравится. Иначе зачем тебе постоянно возвращаться?

Этим вопросом Джезет задавалась последние десять минут. Трижды она уходила из болотного форта, и каждый раз что-то приводило ее обратно. В первый раз это была еда, вернее, ее отсутствие, — девушка попросту не взяла ее с собой. Вообще, она была уверена, что уложила провизию, но при проверке свертка не оказалось, так что пришлось, поджав хвост, волочить ноги обратно, чтобы раздвинуть их перед Эйриком. Во второй раз Джез продержалась почти неделю, прежде чем наткнулась на охотника за головами с бумагой, гласящей: «Живой или мертвой...» Портретным сходством едва ли пахло, но девушке хватило глупости назваться охотнику по имени. Ублюдок гнался за ней до самого форта. Эйрик впустил ее, а охотник превратился в подушечку для булавок. Джезет осталась еще на

месяц.

«Не в этот раз, Джек. Я выберусь отсюда при первой же возможности. Просто сначала помогу ему сразиться с маленькой армией. Проще простого».

Тут она поняла, что Эйрик пялится то на ее лицо, то на грудь. Она слишком долго сидела молча, и ему наскучило ждать. Лицо рыжего расплылось в ухмылке, когда он попытался схватить Джек за руку. Грациозно, словно кошка, она выскользнула из постели и из его готовых сомкнуться объятий. Пройдясь по комнате, девушка открыла скрипучую дверь ровно настолько, чтобы высунуться и осмотреться. Полусонный стражник повернул голову и посмотрел на нее.

— Приготовь воду. Горячую, — приказала Джек. Взгляд стражника соскользнул с ее лица, пытаясь увидеть больше, но тело девушки скрывала дверь. — Быстро!

Она с грохотом захлопнула створку и развернулась, гневно раздувая ноздри. Эйрик продолжал любоваться ею, вода глазами вверх и вниз, но вдруг остановился. Он снова смотрел на ее шрамы. Инстинкт заставлял девушку каждый раз реагировать, отводить глаза, прикрывать грудь руками. Она ненавидела себя за это.

— Любовные игры в воде — прекрасная штука. Не могу дождаться, — заговорил Эйрик.

— Это не для тебя. Мне нужно смыть твои прикосновения. Ты только помешаешь, — отрезала Джек ледяным тоном, до боли сжимая зубы.

— А ты суровая госпожа, Джек.

— Я тебе не госпожа. А теперь проваливай! — приказала девушка командующему форта в его собственных покоях.

Эйрик демонстративно пожал плечами, а затем поднялся, собрал свою разбросанную одежду и двинулся к двери. Остановившись рядом с Джек, он вытянул руку и взял ее за грудь. Медленными круговыми движениями большим пальцем лаская сосок, он расплылся в похотливой улыбке. Она же грозным взглядом буравила его ухмыляющееся лицо, чувствуя, как сосок твердеет. Эйрик тоже это почувствовал и жадно оскалился.

— Тогда до скорого, Джек. — С этими словами он отпустил ее грудь и вышел за дверь, даже не соблаговоллив прикрыть наготу.

Когда дверь за ним закрылась, Джек сплюнула. Густой комок слизи плюхнулся на деревянный пол и начал медленно просачиваться в щель между досками. Громко вздохнув, Джек села на край кровати и стала ждать.

Снаружи гулял холодный ветерок, и это было прекрасно. Джек вымылась настолько тщательно, насколько смогла, снова надела свою грязную кожанку и решила прогуляться вдоль стен маленького форта. Судя по всему, удрать в ближайшее время шансов не было. Солдаты и наемники следили за тем, как она проходит мимо них. Высоким ростом Джек не отличалась — большинство здешних мужчин были выше ее. Она была худой, но не тощей и в достаточно хорошей физической форме, чтобы махать мечом, — спасибо тренировкам. Она знала, что у нее очень милое лицо, которое портил лишь крохотный рубец под правым глазом. Черные волосы она стригла по-мальчишески коротко. В целом людям в форте, похоже, нравился такой тип внешности. Конечно, за исключением нескольких других представительниц ее пола.

Всего в форте обитали еще десять женщин, и все они, так или иначе, были шлюхами. Некоторые из них жили здесь еще до того, как форт захватил Эйрик, — для них это был дом, где их кормили и где им платили вне зависимости от того, кто стоял у власти. У некоторых

даже были дети, постоянно мешавшиеся у них под ногами, — эти женщины не могли себе позволить оберег либо просто не захотели ждать, пока его сделают. Джеззет купила свой двенадцать лет назад и тогда же сделала все, чтобы никто не смог его снять или украсть, — вшила его себе под кожу. Так что мужчины улыбались ей, а шлюхи презрительно фыркали, словно она пыталась отнять у них работу.

«Они должны быть счастливы. Когда я рядом, работы им, наоборот, прибавляется. Просто мужики представляют не их», — с горькой ухмылкой подумала Джеззет, чувствуя на себе враждебные взгляды.

Свежий ветерок бодрил. Он щекотал кожу, заставлял краснеть щеки и перехватывал дыхание. Это было по-своему приятно, но за ним крылось еще кое-что. Холод в здешних краях предвещал дожди, иногда даже ураганы.

Пока Джеззет бродила по форту, солнце постепенно опускалось за горизонт, уступая темноте. Солдаты зажгли лампы, и все пространство озарилось теплым желтым светом. Это и фортом назвать было трудно. Строения по большей части деревянные: жилые комнаты для служивых и шлюх, бараки для остальных, трапезная, хранилище припасов, арсенал. В центре площади находился колодец, а всю территорию окружали стены высотой тридцать футов, составленные из толстых крепких бревен, врытых в землю. Высоких деревьев в этих местах хватало с избытком.

Эйрик назывался командующим лишь потому, что три сотни людей подчинялись ему. По сути, он был простым бандитом, которому удалось взять штурмом этот форт пару лет назад. Люди последовали за ним, большим голосистым красавчиком, умеющим махать мечом, — так он собрал свою армию, захватил форт и теперь командовал им, получая мзду от местного губернатора — какого-то высокородного хлыща — за защиту его земель. Джеззет это совершенно не заботило.

Насколько она знала, Эйрику до сих пор не приходилось защищаться от нападений. Время от времени он брал несколько сотен всадников и устраивал набеги на поселения в соседних провинциях, но самого его никто не атаковал. Джеззет понятия не имела, сумеет ли Эйрик оказать сопротивление решительно настроенному врагу, и не горела желанием узнавать это. К сожалению, она оказалась заперта здесь, и у нее просто не осталось выбора, кроме как сражаться вместе с ним. Потому что если Эйрик каким-то образом умрет, не факт, что следующий командир форта вообще позволит Джеззет уйти.

«Придется держаться рядом, когда начнется заварушка, и не давать ему погибнуть. А уже потом, если он меня не отпустит, я убью его».

Главной проблемой фортификаций такого размера, как оказалось, была скука. Когда вокруг ничего не происходит, здесь просто нечего делать.

В воздухе висело нервное напряжение. Без сомнений, к этому моменту новость о предстоящей битве разлетелась по всему форту, но пока что стояла тишь. На протяжении последней пары месяцев в таких ситуациях Джеззет направлялась в покои Эйрика, где он ее уже ждал, чтобы предаться сексу. Но сейчас этого ей хотелось меньше всего, да и Эйрик наконец-то был занят тем, что руководил своими людьми.

Джеззет решила пройтись по укреплениям. Два лестничных пролета вели на деревянную платформу, протянувшуюся по всему периметру форта в четырех футах от верхнего края стены. Через каждые пять шагов располагались бойницы для лучников. Всюду, куда ни посмотри, платформу наводняли люди. Похоже, все три сотни бойцов Эйрика были здесь.

Отсюда, с западной стороны, Джебзет видела одни лишь деревья — темные очертания на фоне гаснущего неба. Рыжий лес — так его называли за цвет листвы — простирался во все стороны на много миль и служил границей между двумя провинциями. Еще три дня назад Джебзет шла по этому лесу, а значит, враг вполне может появиться с запада. Массив протянулся еще и на север, к закрытым воротам — врагу придется напасть там, чтобы предотвратить контратаку или бегство. На юге лежали равнины и в трех днях езды — город Бесвит, а на востоке высились горы, старая дорога к которым давно стала совершенно непроходимой. Если враг и атакует, то только из леса.

— А что это здесь делает шлюшка шефа? — резанул по ушам скрипучий голос. Джебзет знала этого человека, ветерана нескольких битв, наградивших его множеством шрамов по всему лицу, — ей только раз довелось увидеть более уродливого человека. — Что, одиноко стало, да? Нужна компания?

«Ты можешь убить его, Джебзет». И это было правдой. Всего один молниеносный взмах мечом, будто бы он даже не покидал ножны, — никто не успеет сообразить, что произошло, а мужик будет валяться со вспоротым горлом. Конечно, остальные солдаты вряд ли обрадовались бы такому повороту, и поэтому Джебзет ощущала чертову раздражающую дрожь в руке.

— У тебя нет ничего, что могло бы мне быть интересно, — сказала она, выдав свою самую презрительную усмешку.

— У меня есть все, что тебе нужно.

Ветеран стоял достаточно близко, чтобы чувствовался исходящий от него запах. Редко когда Джебзет доводилось нюхать что-либо хуже.

— Да брось, все же знают, что нет. Эйрик сам говорит, что ты евнух, и все девочки с ним согласны.

Слова девушки вызвали взрыв хохота со стороны остальных солдат, а вонючий урод-ветеран стал пунцовым от гнева. Джебзет всегда умела доводить до белого каления не тех людей.

— Я тебе докажу, сука, что у меня все как надо. Иди сюда!

Мужик потянулся было к штанам, но вдруг замер, с озадаченным видом и стрелой в черепе. Несколько секунд он еще покачивался на ногах, а затем свалился с площадки и мешком рухнул на землю. На мгновение солдаты ошарашенно застыли на месте. На мгновение и Джебзет ошарашенно застыла на месте.

— Что за чертовщина? — закричал один из мужчин возле нее, и все, включая Джебзет, в едином порыве прильнули к стене как раз в тот момент, когда на них обрушился дождь стрел.

Большая часть ударила в древесину и застряла там, некоторые закончили свою смертоносную дугу где-то внутри форта. Две достигли цели, и еще двое мужчин упали — один вопил, пытаясь выдернуть древко из плеча, второй же умер мгновенно и перевалился через стену всего в двух шагах от Джебзет.

— Черт! — выругалась она, скрючившись под стеной.

Любая битва куда опаснее даже самой жестокой драки. Никогда не знаешь, откуда тебя настигнет смертельный удар. Друзей не отличить от врагов.

Не она одна укрылась здесь — все люди вокруг сделали то же самое, прячась от обстрела. Улучив момент, Джебзет выглянула из-за стены и увидела, что лучники отходят обратно в лес, громко выясняя, на чьем счету первые смерти. Но все внимание Джебзет

привлекло то, что показалось на границе леса.

Факелы. Сотни огоньков, каждый из которых нес человек, и с каждой секундой их становилось все больше и больше. У Джек никогда не было особенно хорошо со счетом, но даже ей стало яснее ясного, что маленькая армия Эйрика проигрывает числом.

«Или ты дерешься, или тебя имеют. Опять...»

Похмелье — это когда с утра кажется, что твой мозг распух вдвое и череп теперь адски жмет. Паршивое начало дня, и этот раз исключением не стал. Алхимики и травники всего мира наплодили массу всевозможных панацей от боли, тошноты и этого странного ощущения, словно твое сознание парит где-то отдельно от тела, — только вот все эти средства редко помогали. Инквизиция давным-давно изобрела собственное лекарство. Негоже, когда из-за похмелья арбитр не в состоянии выполнять свои обязанности. Такое зрелище лишает народ страха. Нет, куда лучше, чтобы арбитр мог на глазах у людей выпить спиртного хоть на целую таверну — и ни в одном глазу. Поэтому первое, чему учили новичков в Инквизиции (после принуждения, разумеется), была защита от похмелья — и частью этой защиты служил маленький деревянный оберег с высеченными на нем словами сильного заговора, обычно носимый на шее. Просто, как все гениальное, только вот каждый раз оберег терялся где-то на дне заплечного мешка Танкуила.

Даркхарт даже не стал открывать глаза. Это вполне могло спровоцировать рвоту, а ему совсем не хотелось, чтобы его видели блюющим посреди барака. Вместо этого он оставил веки опущенными и одной рукой принялся копать в мешке, молясь Вольмару, чтобы оберег оказался на месте.

— Арбитр Даркхарт, — раздался голос, тот же самый, что разбудил его, — тихий, спокойный мужской голос, но с нотками страха.

Кто же это, дьявол его раздери, такой?

Рука Танкуила привычно нащупала оберег в самой глубине и вытащила его на свет, попутно вывалив на пол остальные вещи. Арбитр повесил крошечный деревянный прямоугольник на шею, подождал несколько мгновений, а затем сел и с любопытством открыл глаза. Мир сначала резко вильнул в сторону, но после все встало на свои места. Пульсирующая боль в голове постепенно уменьшилась, а затем и исчезла, прошла тошнота, хоть привкус желчи еще оставался.

Стоявший перед ним человек был облачен в белый с золотом дворцовый наряд, а выражение его лица можно было описать как «одна доля страха к двум долям решимости». Он был молод, еще совсем подросток — уже не ребенок, но еще не мужчина, — и ему приказали отправиться в крепость Инквизиции и разбудить спящего арбитра. Танкуил был впечатлен.

— Привет, — сказал он, все еще искоса поглядывая на парнишку и желая, чтобы мир перестал слепить его.

— Император Франциск желает видеть тебя, — отчеканил посланник самым повелительным тоном, на какой был способен.

— Сейчас?

— Гм... полагаю, да.

— Первым делом мне нужна ванна, — ответил Танкуил.

— Гм...

— Парень, от меня несет, как от целого борделя.

— Уф...

— Не беспокойся, много времени это не займет. Не хотелось бы оскорблять бога-императора своим видом словно прямиком из сортира. Нет. Точно.

С этими словами Танкуил, пошатываясь, встал на ноги, затолкал разбросанное содержимое заплечного мешка под койку и двинулся к выходу. Посланник последовал за ним, извергая непрерывающийся словесный поток, который Танкуил просто пропускал мимо ушей.

Прежде он никогда не был в императорском дворце. Лицезреть его, во всем своем величии нависающий над остальным городом, издалека — это одно дело. Вблизи же он выглядел воистину непомерно высоким. И как только людям удалось построить такую громадину? Танкуил не мог себе этого представить. Должно быть, дворец стоял здесь испокон веков или, быть может, Вольмар сам сотворил его. Только богу такое под силу — люди никак не могли бы возвести здание столь высокое и столь неподвластное времени.

Огромные, тянущиеся к небесам ослепительно-белые шпили высотой в сотни футов сияли в лучах утреннего солнца. Окна всех форм и размеров: круглые, квадратные, прямоугольные, одни совсем маленькие, другие настолько большие, что Танкуилу никогда раньше не доводилось таких видеть, — и все сделаны из дорогого, кристально-чистого стекла.

Слева арбитр увидел фонтаны выше человеческого роста, с десятками ярусов. Справа заметил карету, ожидающую какого-то благородного вельможу, коему вздумалось покинуть дворец. Карета была больше любой другой, что за свою жизнь видел Танкуил: восемь колес и двенадцать запряженных коней — великолепных вороных. На фоне таких жеребцов его собственную гнедую кобылку стыдно было даже назвать лошадью.

Из задумчивого состояния Танкуила вывело раздавшееся неподалеку вежливое покашливание, и он обнаружил, что юнец-посланник улыбается ему во все свои тридцать два зуба.

— Впечатляет, не правда ли?

Даркхарт хотел было ответить что-нибудь умное или что-нибудь пугающее, дабы напомнить посланнику, что он все-таки разговаривает с арбитром, но его разум все еще был пленен величием дворца.

Парнишка вновь зашагал, и Танкуил двинулся за ним, стараясь не таращиться на невозможно огромное здание, заслонявшее собой небо. Арбитр попытался сфокусировать взгляд на земле под ногами, на посланнике, на стражниках и прислуге, на чем угодно, и внезапно понял, что отчаянно озирается по сторонам в поисках чего-нибудь, что можно украсть. Нужно успокоить нервы — роскошь и великолепие дворца угнетали его. Здесь он чувствовал себя неуместным, словно кот под водой.

Они простояли у главного входа достаточно долго, чтобы посланник мог переговорить со стражниками, а после двинулись дальше. Парень — коротко стриженный блондинчик с едва наметившимся белесым пушком над верхней губой — все время что-то говорил, но Танкуил его не слушал. Он пристально озирался по сторонам, высматривая что-нибудь мелкое, что влезет в его карманы.

Вдвоем они миновали выглядящие безумно дорогими картины, повествующие о важных вехах истории, вазы, являющие собой истинное произведение ремесленного искусства, яркие красные ковры, казавшиеся пятнами крови на беломраморном полу, настенные светильники с отделкой из золота и серебра... А еще они проходили мимо охраны. Танкуил никогда не видел столько стражников в одном месте, и все они следили за ним сквозь прорези шлемов. Угнетало это почище грандиозного зрелища дворца.

Спустя некоторое время посланник остановился перед массивной, но скромной на вид деревянной дверью, по бокам которой стояли по два стражника в полных белых доспехах. Гонец попросил Танкуила подождать, а сам открыл дверь, скрылся внутри и захлопнул створки за собой. Стража следила за арбитром. К собственному стыду, он вынужден был признаться себе, что точно что-нибудь отсюда стянул бы, не контролируя эти восемь глаз каждое его движение.

— Вам, вероятно, жарко, — сказал он сразу всем четверым стражникам, не обращаясь ни к кому конкретно. Ответа не последовало. Никто даже звука не издал. — В смысле Сарт же жаркий город, дворец, хоть он и хорошо проветривается, стоит на теплой его стороне, а вы тут закованы в металл. Потом, должно быть, обливаются.

Молчание.

Танкуил прошелся взад-вперед. Четыре пары глаз следили за ним. Арбитр неожиданно понял, что его меч все еще при нем. Если ему предстоит встреча с императором Сарта, им следовало бы потребовать сдать оружие.

Дверь снова отворилась, и из нее шеренгой показались двое слуг и двое стражников, за которыми следовал императорский посланник с подернутой пушком верхней губой.

— Ты можешь войти, арбитр Даркхарт, — возвестил он и посторонился.

Танкуил настороженно вошел в комнату и осмотрелся. Дверь захлопнулась за его спиной, и арбитру пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы не подпрыгнуть до потолка. Внутри было красиво. Ковры устилали сверкающий белый пол, вдоль стен выстроились украшенные орнаментом стеллажи, ломящиеся от книг и свитков. Большой камин, над которым висела картина с изображением императорского дворца, выглядел хоть и несколько нелепо здесь, но от этого не менее величественно. Сквозь огромные окна в дальнем конце помещения лился свет, а перед ними на троне восседал бог-император.

Золотистые волосы ниспадали на его плечи. Одного лишь мимолетного взгляда на строгий облик было достаточно, чтобы понять: перед тобой владыка империи. И сейчас бог-император смотрел на Танкуила. Арбитр слышал, что рост императора был выше семи футов, но даже сидя этот человек казался гигантом. Он был одет в белый с золотом наряд, подчеркивавший его мускулистую фигуру, и слегка склонился вправо, создавая впечатление расслабленности. Трудно поверить, что столь величественная особа всего четыре года назад была простым мальчиком-бедняком, в поте лица трудившимся на полях за пределами Сарта. Трон идеально ему подходил и, казалось, был создан вокруг его тела. Может, так и было. Сам же мужчина сидел без движения, словно статуя великого героя минувших времен.

— Ты заставил меня ждать, арбитр, — сказал император, двигая лишь губами, тогда как все остальное его тело оставалось недвижимо, как камень.

Танкуил вдруг понял, что оставлен в этой комнате с повелителем наедине. Удивительно, но вся стража императора и все его слуги удалились.

— Прошу прощения, ваше величество. Я подумал, что будет лучше достойно представить себя, — низко поклонившись, отозвался он.

— Мой человек передал мне, что ты умывался, пока он тебя ждал. Поверь, я пригласил тебя не для того, чтобы нюхать, арбитр.

— «Пригласил», — высказал свои мысли Танкуил. — Это больше похоже на приказ.

— Так и есть.

Молчание, повисшее в зале после этих слов, было невыносимо. Танкуил слышал собственное дыхание, слышал каждый шорох одежды под плащом, слышал скрип сапог при

переносе веса тела с ноги на ногу — и все это время император смотрел на него. Даркхарт снова окинул взглядом помещение. Всего в пяти шагах от него стоял покрытый черной скатертью маленький стол, на котором покоилась самая большая и, безусловно, самая дорогая коллекция рун из всех, которые когда-либо доводилось видеть Танкуилу. Каждая была вырезана на хрупком кусочке дерева, который можно в любой момент сломать, тем самым высвободив сокрытую в руне силу. Танкуилу пришлось пересилить себя, чтобы не подойти к столу и не взять себе одну. Воровать у бога-императора уже было дурным делом, а сотворить такое прямо у него на глазах — равноценно ужасному оскорблению.

— Я много слышал о тебе, арбитр.

— Сомневаюсь, что хорошего. — Танкуил чувствовал, как дрожат в карманах его руки.

— Твоя правда, — подтвердил император. — По большей части это были лишь брань да порицания.

Даркхарт не смог придумать, чем ответить, и потому просто промолчал.

— Я слышал, ты нашел мой меч.

Действительно, Танкуил вернул меч, именуемый Сокрушителем, — оружие, сотворенное из металла и магии, с выгравированными на лезвии благословениями. Меч, созданный Инквизицией специально для императора и дарованный Франциску во время его коронации.

— Мне хотелось бы услышать историю о том, как он попал к тебе, арбитр Даркхарт.

— Нечего особо рассказывать, ваше величество. Я выкупил его у странствующего торговца.

— Этот человек понимал, чем обладает?

— Да, ваше величество. Он специализировался на подобных вещах.

— И где ты нашел этого торговца диковинами?

Танкуил вздрогнул.

— В Землях Мертвых.

Император улыбнулся, и в комнате словно стало светлее.

— Интересно, — сказал он, поднявшись с трона и подходя к одному из огромных окон.

Улучив момент, Танкуил неслышно подскочил к столу с разложенными на нем рунами и, сунув одну в карман, вернулся на прежнее место. Сразу стало лучше — унялась дрожь, и он снова смог сконцентрироваться.

— Он, должно быть, весьма интересная личность, раз так свободно и безбоязненно путешествует по этим землям, — продолжил император.

— Это так, ваше величество. Я не уверен, что он вообще человек. Не знаю, кем он был, но факт в том, что он продал мне меч.

— Хм, — протянул император, а затем на мгновение улыбнулся.

Танкуил же промолчал. Только теперь до него окончательно дошло, что он находится наедине с одним из двух самых могущественных людей в Сарте, и ему совсем не хотелось каким-либо образом разозлить императора.

— Я хочу попросить тебя кое о чем, арбитр Даркхарт, но прежде, думаю, у тебя есть вопрос ко мне, не так ли?

Танкуил почувствовал это. Принуждение обрушилось на него, стараясь вытянуть слова у него изо рта. Он ощутил физическую потребность ответить на вопрос. Его рот открылся, губы пришли в движение, готовые говорить. Но Танкуил не был простолюдином, ничего не знающим о принуждении, — он был арбитром Инквизиции, обученным использованию

магии и имеющим двадцатилетний опыт работы. Он силой захлопнул рот, сглотнул слова и заставил разум успокоиться.

— Как вы это сделали? — требовательно спросил Танкуил у одного из великих Сарта, вложив в вопрос всю свою силу принуждения.

Все равно что пытаться пробить дверь губкой.

Император обернулся и улыбнулся:

— Прошу прощения, что использовал это на тебе, но мне надо было удостовериться. Задавай свой вопрос.

Танкуил вздохнул. Он чувствовал себя уставшим, даже опустошенным, но старался этого не показывать.

— Вы действительно возрожденный Вольмар? Бог в человеческом обличе?

— Совет Инквизиции так провозгласил.

— Я спрашиваю не о том, что провозгласил Совет, — сказал Танкуил, настроенный услышать правду.

— А разве это имеет значение? Если я скажу, что я возрожденный Вольмар, а ты не поверишь мне, как я смогу это доказать?

Танкуил задумался над этим, но ни к чему не пришел.

— Поэтому вы не ответите.

— Я отвечу так, арбитр Даркхарт. Не важно, что говорит Совет. Не важно, что говорю я. Важно лишь, веришь ли ты сам, что я Вольмар.

— Что ж, полагаю, богу должно говорить такими загадками, — смирился Танкуил, и император рассмеялся, да так, что Даркхарт сам улыбнулся.

— Я верю, что в Инквизицию что-то проникло, Танкуил, — неожиданно серьезно сказал император — от внимания арбитра не ускользнуло, что повелитель впервые обратился к нему по имени.

— Я не уверен, что понял вас, ваше величество.

— Зло, ересь, темная магия, быть может, даже демоны. Кто знает?

— Демоны исчезли из этого мира, — заметил Танкуил. — Вольмар позаботился об этом много тысяч лет назад, создавая Инквизицию.

— Две тысячи четыреста девяносто лет назад, если быть точным. Но демоны не исчезли. Не все. В любом случае я верю, что в Инквизицию что-то проникло, что часть ее подверглась порче и что виновный в этом заседает в ее Совете.

Любой другой за такие слова был бы признан еретиком, но разве человек, провозглашенный Инквизицией их собственным возрожденным богом, может быть способен на ересь? От одной только мысли об этом у Танкуила заболела голова, несмотря на висящий на шее оберег, созданный специально для предотвращения таких проявлений слабости.

— Это... — Даркхарт старался подобрать подходящее слово, — ...невероятное обвинение, ваше величество.

— Это не обвинение. Для обвинения нужны доказательства.

— Которых, естественно, у вас нет.

Император кивнул, и его яркие голубые глаза будто потемнели от тревоги. Танкуил переминался с ноги на ногу, едва соображая в таком обществе и решая, что ему делать. Должен ли он донести обвинение императора до сведения Совета? Это было бы разумнее всего, но что, если император прав?

— Я хочу, чтобы ты нашел мне доказательства, арбитр.

— Хах! Я просто пойду и допрошу всех двенадцатерых членов Совета! — Танкуил резко заткнулся, чтобы не сболтнуть лишнего. — Простите меня, ваше величество. У меня нет ни права, ни полномочий допрашивать Совет. Быть может, вы...

— Нельзя, чтобы люди видели, что император Сарта не доверяет Инквизиции. В противном случае это подорвет ее могущество по всему миру. Мне нужно, чтобы ты нашел доказательства самостоятельно и принес их мне, дабы я мог положить этому конец.

— Почему я? — спросил Танкуил. — Половина Инквизиции меня самого подозревает в ереси.

— Именно поэтому я и выбрал тебя, Танкуил. Тебя считают изгоем, ты можешь идти туда, куда хочешь, кроме того, ты... иногда сходишь с проторенной тропы.

Даркхарт прокрутил сказанное в голове. В сложившейся ситуации он в любом случае оказывался в проигрыше. Если арбитр откажется от предложения, а император окажется прав, то вся Инквизиция может быть уничтожена изнутри. Если же он согласится, то в лучшем случае спасет Инквизицию и понесет наказание лишь за то, что отошел от ее правил. В худшем же его самого объявят еретиком.

— Потому что я расходный материал, — задумчиво произнес Танкуил.

Бог-император не стал этого отрицать, а лишь отвел взгляд. Подтверждение более чем очевидное.

— Что именно я должен сделать? — неожиданно для самого себя спросил арбитр.

— Мои источники назвали человека из Диких Земель — Грегор Х'ост. Он каким-то образом с этим связан. Я хочу, чтобы ты отправился туда и нашел его. Если он не сможет дать тебе доказательства, вытяни из него имя того, кто сможет.

— Дикие Земли слегка за пределами моей юрисдикции, ваше величество. Я работаю в Акантии и Пяти Королевствах.

Император улыбнулся.

— Это не проблема. Спасибо, Танкуил. Я этого не забуду.

Владыка Сарта стал смотреть в окно, давая понять, что Танкуил свободен. Арбитр поклонился и двинулся к двери. Он обернулся лишь однажды — император все еще стоял у окна. Танкуил толкнул дверь и вышел из комнаты.

Снаружи в ожидании томилась стража, прислуга и юный посланник с пушкой над губой, но с ними была еще одна фигура.

— Арбитр Вэнс, — кивнул Танкуил.

— Арбитр Даркхарт, — кивнул в ответ Вэнс.

Повисла тягостная пауза. Танкуил снова кивнул:

— Рад был поговорить.

С этими словами он двинулся прочь, а юный посланник со всех ног бросился за ним, дабы проводить из дворца.

Не успел Танкуил переступить порог крепости Инквизиции, как перед ним возник еще один гонец. Самому арбитру не хотелось ничего, кроме как забиться в темный угол и хорошенько поразмыслить над сказанным императором. Задание ему поручили нелегкое. Во-первых, необходимо найти путь в Дикие Земли. Танкуил был уверен, что из Сарта в свободные города должны ходить торговые корабли, но это заняло бы много времени, не говоря уже о том, что долгие морские путешествия никогда не бывают безопасными. Пираты, жестокие штормы, налетающие откуда ни возьмись в мгновение ока... Кроме того,

Даркхарт так для себя и не решил, стоит ли верить легендам о гигантских морских змеях.

— Арбитр...

— Да, у вас есть сообщение, — закончил за человека Танкуил.

— От Совета. — Посланник, похоже, нисколько не смутился. — Инквизиторы требуют вашего присутствия.

— Именно поэтому я здесь.

— Немедленно.

— Разумеется.

Танкуил уже начал сожалеть о том, что вообще проснулся этим утром. Сперва аудиенция у императора, а теперь вот отчет перед Советом инквизиторов. Вряд ли что-то способно сделать этот день еще безумнее. Но вот хуже — запросто.

Кош нес службу, охраняя внешние двери в покои Совета. Он стоял вольно, но его руки все время лежали на рукоятках кос, и Танкуил по своему опыту знал, насколько Кош может быть опасен с этим оружием даже без благословений. Завидев Даркхарта, он ухмыльнулся:

— Антипохмелин?

— На шее.

— Слышал, у тебя выдался нелегкий день.

— Новости разлетаются быстро.

— Удачи тебе там.

Залы, ведущие к покоям Совета, являли собой полную противоположность убранству императорского дворца. Никаких ковров на холодном камне — шаги Танкуила звучали громко и отчетливо, эхом отражаясь от пустых черных стен. Никаких украшений, никаких картин в золотых рамах, никаких бесценных ваз, только редкие факелы, трепещущие на постоянном сквозняке. Не покидало чувство, будто бредешь по подземелью навстречу собственной казни. Приятного мало.

Танкуил остановился у внутренних дверей в покои Совета. Два арбитра несли здесь стражу, и ни первого, ни второго Даркхарт не знал. Стражники кивком приказали ему входить, и Танкуил шагнул внутрь. Створки со зловещим грохотом захлопнулись за его спиной.

Покои Совета Инквизиции были построены в форме круга: ложи инквизиторов, огороженные барьером высотой по пояс, возвышались над центральной площадкой, предназначенной для объекта заседания. Все помещение было выстроено из холодного серого камня, безжизненного и унылого, и освещалось сотней факелов, размещенных по периметру комнаты. Каким-то образом факелы проецировали большую часть света именно на площадку, отчего Танкуил практически не мог видеть ложи, но зато слышал шуршание их мантий и скрип сидений под задницами. Он просто стоял и ждал, стараясь никуда не смотреть.

— Арбитр Танкуил Даркхарт, — раздался голос, и он узнал инквизитора Аврелия.

Танкуил склонил голову.

— Ты здесь, чтобы ответить за свои преступления. — Другой голос, на этот раз за спиной и женский: либо инквизитор Герон, либо инквизитор Доун.

Танкуил выждал еще мгновение, а затем начал. Все странствующие арбитры вроде него обязаны представлять перед Советом каждые три года, предоставлять список совершенных ими преступлений и, при необходимости, объясняться за них. Тогда инквизиторы решают, подвергся ли арбитр скверне во внешнем мире или нет. Танкуил предпочитал не думать, что

бывало с теми, кого признавали оскверненными.

Его список был недлинным. По большей части — случаи мелкого воровства, которых было слишком много, чтобы помнить и оглашать их все, да и не волновали инквизиторов такие преступления. Несколько убийств, чаще всего правомерных, одно случайное, но неизбежное. Два инцидента использования статуса арбитра в личных целях — хоть такие преступления и не классифицировались как ересь, за них полагалось серьезное наказание, но Танкуил чувствовал себя правым. Оба раза он прибегал к этому из-за острой нехватки денег и использовал страх перед Инквизицией лишь для того, чтобы бесплатно получить комнату на том или ином постоялом дворе.

Инквизиторы слушали его абсолютно безмолвно. Танкуил ощущал на себе тяжесть их взглядов, но он уже подвергался подобной процедуре и знал, что наказывать за такие преступления не станут. Скорее его покарают за то, что он — это он.

— Вы прошли, арбитр Даркхарт.

Этот голос ни с чьим нельзя было перепутать. Великий инквизитор Артур Вэнс. Танкуил скосил глаза в сторону источника голоса. Мужчина выглядел старым, и это неудивительно. Сто пятьдесят лет — почтенный возраст, даже по стандартам инквизиторов, а инквизитор Вэнс давно миновал эту черту. Но он все еще казался здоровым и сильным как бык, что лишний раз доказывало могущество великого инквизитора.

Во время своего обучения Танкуил слышал и читал много историй о прошлом Вэнса. Каждый арбитр знал их. Этот человек был героем. Он спас Инквизицию в ее самые темные времена.

Сотню лет назад Инквизиция увязла в войне против культа колдунов. Темные маги выслеживали и истребляли арбитров по всему миру, серьезно сократив численность Инквизиции. Мракоборцы собрали все силы и атаковали колдунов на их пути к Сарту. Пять из двенадцати инквизиторов погибли в тот день — величайшая потеря за всю историю Инквизиции, — но армия чародеев так и не была сломлена.

Молодой арбитр по имени Артур Вэнс вступил в бой и в одиночку сумел переломить его ход. Праведное Воздаяние — самое мощное оружие, совладать с которым способны лишь инквизиторы. Магия, смертельная для любого, кто несет на своей душе печать темного греха и ереси. Артур Вэнс в тот день вызывал Праведное Воздаяние шесть раз, и каждый раз стоял в центре обжигающего света. Уже само это было невероятно для молодого арбитра, но он неизменно выходил из света абсолютно невредимым, тем самым доказывая чистоту и непорочность своей души. В тот же день арбитр Вэнс был возведен в инквизиторы, а всего через несколько лет стал великим инквизитором.

Как ни посмотри, великий инквизитор прожил исключительно достойную жизнь, в которой лишь один момент можно было назвать спорным — его союз с женщиной, обладавшей видением. Видение считалось недугом ведьм. У женщин оно выражалось в способности заглядывать в прошлое человека, видеть его деяния своими собственными глазами. Мужчины же могли предвидеть будущее человека, даже его кончину.

Танкуил поклонился кругу инквизиторов и собрался покинуть зал, когда великий инквизитор Вэнс заговорил вновь.

— Для чего император Франциск хотел тебя видеть? — Слова тисками сдавили волю Танкуила.

То же самое он чувствовал немного раньше, во дворце. Принуждение. На него, тренированного арбитра, оно не подействовало бы, если бы только он не испытывал его уже

второй раз на дно. Принуждение императора было мощным, но несфокусированным, и Танкуил сумел уклониться от вопроса. Но сейчас все было по-другому — при меньшей силе давление направлено точно на него. Даркхарт не мог думать ни о чем, кроме ответа на заданный великим инквизитором вопрос. Правда бурлила внутри него и рвалась на волю.

Сил держаться больше не было. Танкуил открыл рот и единым духом выговорил:

— Он хотел поблагодарить меня за то, что я нашел его меч. Он желал знать, где и при каких обстоятельствах я раздобыл столь могущественный артефакт.

Давление сначала ослабло, а затем и вовсе исчезло. Танкуил со свистом втянул воздух. Показалось, что в холодных покоях жарко и душно, а взгляды обрели буквально физическую тяжесть.

— Ты справился, арбитр Даркхарт, — подала голос инквизитор Герон. — Не многие выдерживали так долго под давлением великого инквизитора.

— Похоже, ваша воля по-прежнему неоспорима, Вэнс. — Голос за спиной Танкуила был грубым, чеканящим слова: без сомнения, инквизитор Дэйл.

— Достаточно. — Приказ великого инквизитора полоснул воздух, словно нож. Мгновенно наступила тишина. — Если впредь император возжелает поговорить с тобой, арбитр Даркхарт, ты должен прийти к Совету и объяснить причину. Ты понял меня?

Танкуил кивнул.

— Да, — прохрипел он.

Его все еще трясло, и сердце гулко билось в груди, отдаваясь в ушах. Он не мог вспомнить, когда в последний раз чувствовал себя таким разбитым. Пришлось собрать все оставшиеся силы, чтобы не дать ногам подкоситься.

— Для тебя есть новое задание, арбитр, — сообщила инквизитор Доун. Танкуил посмотрел в ее сторону. Женщина средних лет с резкими чертами лица и высоким лбом. Ни малейшего намека на мягкость. — Свободный город Чад запросил арбитра, чтобы допросить предполагаемого опасного еретика, взятого под стражу.

— Инквизиция не имеет власти в свободных городах, — сказал Танкуил; его разум отчаянно силился переварить события сегодняшнего дня.

— Они готовы даровать агенту Инквизиции временные полномочия для того, чтобы допросить пленника.

Танкуил кивнул:

— То есть вы посылаете меня в Дикие Земли.

— Именно, — подтвердил инквизитор Джайни. — Ты отправляешься немедленно. Завтра на рассвете уходит бот, тебе надлежит быть на нем, арбитр Даркхарт.

Танкуил поклонился снова, пытаясь придумать остроумный ответ. Ничего толкового на ум не пришло.

— Разумеется. С вашего позволения.

— Ступай. — Последнее слово, конечно же, осталось за великим инквизитором.

Танкуил развернулся и на ватных ногах поспешил убраться из зала. Сейчас было бы очень кстати завалиться в ближайший темный уголок и просто полежать, истекая потом. Но вместо этого он шел вперед, к койке в бараке, надеясь, что его усталые ноги помнят дорогу, тогда как мозг работал на своей волне.

Из сегодняшнего отчета перед Советом Танкуил вынес одну очень важную вещь. Нечто, чего он сам раньше никогда не знал и теперь гадал, кто еще мог быть в это посвящен. В механизме принуждения есть лазейки. Объект может избавиться от него, выдав лишь часть

правды.

Такого ужасного шума Джеммет слышать еще не доводилось. Мечи, копья, молоты, топоры — все это било по деревянным щитам, причем одновременно. Казалось, их тысячи. И факелы повсюду, куда ни кинь взгляд.

Прямо перед кромкой леса, аккуратно за пределами дальности выстрела из лука, через одинаковые промежутки осаждающие разожгли череду больших костров, и Джем видела, как вокруг них двигаются фигуры. Солнце давным-давно скрылось за горизонтом, но в небе стояла яркая полная луна, и ее света вполне хватало, чтобы залить все пространство между фортом и лесом. Какая-никакая, но все же надежда для солдат Эйрика.

Несколько часов подряд Джем слышала в лесу стук топоров, но теперь все стихло. Без сомнений, все необходимые лестницы и тараны уже построены. Единственное, чего сейчас ждали враги, — приказа к атаке. По-хорошему, то, что они еще не пошли на приступ, настораживало Джем — если только вражеский командир не хотел нагнать страху на солдат в форте и вынудить их сдаться. Коли так, с Джеммет это отлично работало.

Шум мечей, бьющихся о щиты, затих, и одинокая фигура на коне выдвинулась вперед, к главным воротам форта, высоко держа в руке белый флаг — сигнал к переговорам.

«Сначала — разговоры, потом — убийства».

Только вот Джем сомневалась, что Эйрик из тех людей, что любят чесать языками.

Расталкивая солдат, она прокладывала себе путь по укреплениям ближе к главным воротам, где развернется основное сражение, ближе к Эйрику. Не сказать, что ей очень хотелось там находиться, но нужно было во что бы то ни стало сохранить ему жизнь.

«Ну, или можно просто затеряться среди шлюх, а потом выпрахать себе путь наружу, Джем», — горькая и совсем не прельщающая мысль.

— Хей, Эйрик!

Стоило только Джеммет услышать этот голос из-под стен, как душа ушла в пятки. Голос женский, но одновременно очень сильный и... мужественный. «Спрятаться среди шлюх больше не кажется плохой идеей, да, Джем?»

— Пришла посмотреть на мой маленький форт, Констанция? — выкрикнул с укреплений Эйрик.

Джем видела, что командующий, с которым она поделила постель, расплылся в ухмылке от уха до уха. Сама она укрылась за стеной и молила о чуде всех известных ей богов, чьи имена приходили на ум.

— Что-то ты не особо гостеприимен, Эйрик. Как насчет открыть ворота и впустить меня как доброго гостя?

— Увы, но сейчас у нас полно шлюх, Констанция. Тебе места не найдется.

— О да, я вижу. Три сотни шлюх, как доложили мои разведчики. Хоть кто-нибудь из них знает, как правильно держать меч?

«О, эти подтрунивания командиров перед битвой... Как прелюдия без продолжения».

— Одна так точно. — Эйрик скалился, словно волк. — Со мной тут твоя давняя подружка. Уверен, ты помнишь Джеммет Вель'юрн.

«Зачем, Эйрик? Зачем?»

Тишина. Казалось, она длилась целую вечность, прежде чем наконец раздался ответ:

— Где? Покажись, тварь.

Джеззет горько вздохнула. Как же ей хотелось, чтобы Эйрик не говорил Констанции о ней... И вдруг Джез поняла, что взгляды всех людей на укрепления устремились на нее. Прятаться больше не выйдет.

Она поднялась и легонько махнула рукой в сторону фигуры внизу. «Дурацкий жест. словно машешь старому другу». Лошадь Констанции нервно топталась на месте, чувствуя гнев хозяйки. Женщина-командир ничуть не изменилась — такая же крупная, как большинство мужчин, она почти не уступала Эйрику ни в росте, ни в мускулатуре. Натренированное тело воительницы обтягивал алый кольчужный доспех, а ее длинные, неопределенного цвета волосы были собраны в хвост. Бледно-багровый шрам пересекал левый глаз, упираясь прямо в линию волос.

— Как твой глаз, Констанция?

— Не так хорошо, как раньше, Джез, но все еще помнит твое сучье лицо.

Ничего удивительного — последним, что видел этот глаз, был кончик меча Джеззет.

— Могло быть хуже! — выкрикнула Джез. — Вспомни лицо своей милашки. Как там ее звали?

— Катерина, — подсказал Эйрик, и его улыбка стала еще шире.

— Точно, — продолжала Джез. — Совсем забыла. Кем она была тебе, Констанция? Сестрой, любовницей или всем сразу?

Если бы взглядом можно было убивать, то сердце Джеззет уже взорвалось бы в груди. Но в жизни такого не бывает, и сейчас девушка, стоя за стеной на высоте тридцати футов, чувствовала себя достаточно храбро, чтобы открыто плевать в лицо вражеской военачальнице. Для полноты картины она улыбнулась так мило, как только смогла.

— Все еще раздвигаешь ноги перед каждым мужиком в Диких Землях, а, Джез?

Мощные, словно высеченные из камня челюсти Констанции были напряжены, а тугие мышцы вздулись буграми. Джеззет всегда удавалось мастерски выводить Констанцию из себя, даже до того, как она убила сестру военачальницы.

— Лишь перед одним зараз. — Джез кивнула в сторону Эйрика. — А что, хочется попробовать самой? Неужто ты наконец отрастила себе член, под стать своей сестренке?

Эйрик взорвался смехом, да таким задорным, что солдаты присоединились к нему, даже несмотря на огромный численный перевес со стороны выстроившихся у кромки леса врагов.

— Дамы, — начал было он, — наблюдать за вами — одно удовольствие, и я верю...

— Сдавайся, Эйрик. Свяжи эту сучку, как она того заслуживает, и отдай мне — тогда я позволю тебе и твоим людям уйти, — прервала его Констанция.

Эйрик замолчал и перевел взгляд на Джеззет. Сама девушка изо всех сил старалась не показать одолевающего ее страха. Попади она в руки Констанции — и ее последние дни будут наполнены болью и унижениями.

— Х'осту нужен форт. Мне нужна эта шляха. И никому не нужно сегодня умирать, — продолжала Констанция.

Жуткая тишина, казалось, длилась целую вечность. Джеззет невыносимо хотелось закричать, чтобы хоть как-то сбросить напряжение. Эйрик же, похоже, все это время раздумывал над предложением, которое выглядело для него единственным вариантом, не предполагающим обязательной гибели.

— Заманчивое предложение, Констанция, тем более что мы оба знаем, чего она заслуживает, но я вынужден отказаться. Долсейдж с меня шкуру спустит, если я отдам форт без боя.

— Тогда вы все умрете.

Поставив точку в разговоре, Констанция резко развернула лошадь и галопом направилась к чернеющему лесу. Джебзет пересеклась взглядом с Эйриком, и тот улыбнулся ей.

«Он, конечно, мерзавец, но храбрости ему не занимать».

А всего мгновение спустя со стороны вражеского лагеря раздался громоподобный рев, и Джебзет увидела, как солдаты пошли на приступ. Она оказалась права и насчет лестниц, и насчет тарана. Всего девушка насчитала восемь лестниц, наспех собранных, но достаточно крепких. Таран же представлял собой ствол огромного дерева, заточенный с одного конца. Его несли сразу двадцать человек, и каждый в свободной руке держал щит.

Джебзет нервно сглотнула, выжидая. Сердце ее бешено колотилось, оглушительным стуком отдаваясь в ушах.

Вперед вражеского строя выбежали лучники. Все как один воткнули в землю свои факелы, вытянули стрелы из колчанов, подожгли их и натянули тетивы. Несколько мгновений они просто стояли, уперев колено в землю, а потом кто-то выкрикнул приказ, и огненный дождь обрушился на форт. Джебзет всем телом вжалась в укрытие. Те стрелы, что попали в стену, опасности не представляли, но те, что перелетели ее, могли вызвать пожар, и тогда защитникам пришлось бы бороться как с огнем внутри, так и с армией снаружи.

— Что нам делать? — закричал рядом с ней один солдат — совсем молодой, даже юный: на подбородке только наметилась щетина, а глаза были огромными, как две луны.

— Откуда мне знать? — резко осадил паренька Джебзет.

— СТРЕЛЫ! — взревел поблизости Эйрик, и Джебзет услышала, как заскрипели луки. — ОГОНЬ! — И звуку срывающихся стрел вторили крики людей под стенами.

Мальчишка рядом с Джебзет все еще таранился в никуда широко раскрытыми глазами. Девушка влепила ему пощечину, а затем на корточках двинулась вдоль стены, не желая поднимать голову и тем самым становиться мишенью. Эйрик выкрикивал приказы, и слащавая ухмылка на его лице сменилась мрачной гримасой командира.

— Валите камни на этот чертов таран! — приказал он одному из своих и снова устремил взгляд на приближающуюся армию. Его лучники стреляли без остановки, тогда как вражеские стрелки прекратили. Первые ряды солдат уже подошли к основанию стен и теперь принялись устанавливать лестницы. — Отбросить!

Эйрик заметил Джебзет и шагнул к ней. В какой-то момент она подумала, что он попробует поцеловать ее, за что непременно получил бы пинка, но вместо этого рыжий остановился, а бывшая ухмылка лишь на мгновение промелькнула на его лице.

— Думаю, мы ее разозлили, Джебзет.

Девушка не ответила на улыбку.

— Я сражаюсь за тебя, а потом ты даешь мне уйти. Хочешь трахаться — ищи себе кого-нибудь другого.

— Идет, — кивнул Эйрик. — Но когда все закончится, я хочу в последний раз, на прощание.

Джебзет вскочила, услышав, как совсем рядом в стену ударила лестница. Люди Эйрика тут же попытались оттолкнуть ее, но основание держало слишком много народу. Один из защитников посмотрел вниз как раз вовремя, чтобы получить удар копьём в лицо. Бедняга испустил дух прежде, чем его тело коснулось земли. Смерть начала собирать свою жатву.

Воцарился хаос. Одни продолжали безуспешные попытки избавиться от лестниц, другие

взбирались на стену, чтобы закрепиться и открыть путь следующим за ними. Стрелы летели с обеих сторон, и кровь лилась что внутри форта, что снаружи.

Совсем рядом с Джеззет показалось лицо. Ее меч, длинный, тонкий и острый как бритва, резанул по нему выше носа. Мужчина, вереща и захлебываясь кровью, полетел вниз. Глухой удар возвестил о его смерти. Но вслед за ним появился еще один, и Джез ударила снова. В этот раз ей помешал внезапно возникший щит, но уже в следующее мгновение копьё пробило шею взбирающегося солдата. Люди Эйрика оставили попытки справиться с лестницами и теперь атаковали врагов, лезущих по ним.

Жуткий удар дерева по дереву прогремел совсем близко, и за ним сразу же последовал рев Эйрика, приказывающего засыпать таран стрелами.

Здоровенный солдат, вооруженный тронутым ржавчиной длинным мечом, спрыгнул с лестницы на укрепления. За ним сразу же последовал второй, затем третий. Первый двинулся в сторону Джеззет, бормоча себе под нос что-то насчет драки с женщиной и одновременно замахиваясь. Джез вскочила и парировала атаку собственным клинком, после чего ее рука рванулась вперед, и лезвие прошло между ребрами противника, поразив печень. Мужчина рухнул на одно колено, крича от боли, и толчком ноги Джез сбросила его со стены навстречу твердой земле.

Второй солдат не заставил себя долго ждать. Джеззет развернулась, пробежала пару шагов и, оттолкнувшись от стены, прыгнула на приближающегося врага, в воздухе отводя его меч своим. Даже будучи миниатюрной девушкой, она весила достаточно, чтобы сбить мужчину с ног и оказаться сверху. При таком близком контакте от мечей пользы мало, поэтому она отбросила свой клинок в сторону, выхватила из поясных ножен кинжал и по самую рукоятку вонзила его в лицо врага — один раз, второй, третий.

«Определенно мертв», — подумала она, глядя на получившееся в результате кровавое месиво.

Джез поднялась, все еще держа кинжал в правой руке, а левой подхватила меч. С третьим солдатом, что перелез через стену, разобрались бойцы Эйрика.

Девушка быстро осмотрелась. В нескольких местах солдаты Констанции смогли взобраться на стену, и с каждой секундой их становилось все больше. Громкий треск возвестил о том, что ворота вот-вот рухнут, а Эйрик сражался одновременно с тремя противниками, которые каким-то образом умудрились взобраться на стену без лестницы.

Все три нападающих на Эйрика солдата были обращены спиной к Джез и потому не ожидали нападения. Первый погиб, когда она мечом рассекла ему спину от шеи до задницы. Второй повернулся как раз вовремя, чтобы девушка смогла ударить кинжалом ему чуть ниже подмышки и поразить сердце — давным-давно она сделала так, чтобы лезвие имело необходимую для подобного убийства длину. Третий запаниковал, и Эйрик одним ударом своего топора снес ему голову.

— Спасибо за помощь, Джез. Я...

Эйрика на полуслове оборвала стрела, вонзившаяся ему в плечо, отчего его крутануло на месте, и командующий полетел вниз.

— НЕТ! — закричала Джеззет, глядя, как он падает: никаких ступеней поблизости и добрых двадцать пять футов до земли. — Дерьмо, — пробормотала она, спрыгивая со стены на крышу ближайшего строения.

Неудачно приземлившись, девушка подвернула лодыжку и, упав, скатилась с крыши и рухнула на землю. От глухого удара тело взорвалось болью, а из легких выбило весь воздух.

Откуда-то неподалеку донесся сильный грохот — ворота разлетелись окончательно, — и металл столкнулся с металлом.

Собрав все силы, Джез заставила себя подняться на ноги, глубоко вдыхая воздух и пыль сквозь сжатые зубы, и заковыляла к тому месту, куда упал Эйрик. Дым и запах горящего дерева наполнили воздух, крики умирающих эхом разносились по форту. Внезапно Джезет поняла, что руки и одежда покрыты кровью, но, к счастью, чужой — редкий противник мог похвастаться тем, что сумел ранить ее.

Она нашла Эйрика распластанным лицом вниз. Одна его рука была неестественно вывернута, а из ноги, пробив и кожу, и ткань, торчал обломок кости. Под ним растеклась целая лужа крови, но каким-то чудом, когда к нему приблизилась Джез, он сумел приоткрыть глаза. Никогда прежде она не видела его столь бледным... и столь молодым.

— Все плохо, я полагаю, — еле слышно выговорил он, и губы его попытались сложиться в слабое подобие улыбки.

— Дерьмово, — согласилась Джезет.

— Слишком поздно... для моего... последнего раза.

Джезет просто стояла над ним. Она понимала, что ей следовало бы чувствовать печаль, или страх, или вообще хоть что-нибудь. Но она ощущала лишь собственную беспомощность. Форт потерян. Констанция победила. Джезет ждут унижения и самая болезненная из всех возможных смертей — Констанция может быть очень изобретательной в плане причинения боли.

«Не лучше ли прямо сейчас просто покончить с собой?»

— Для всего уже слишком поздно, Эйрик, — сказала она.

«Интересно, смогу ли я найти способ убить Констанцию прежде, чем она убьет меня?»

— Нет, — выдохнул Эйрик и закашлялся. Его тело содрогнулось, на губах запузырилась кровь. — Под... сортиром... в моем жилище... туннель...

Снова кашель, кровь — и больше ничего.

Быть может, Джезет следовало помолиться за него или хотя бы сказать пару добрых слов о том, что он был хорошим человеком или что-нибудь в этом духе. Только вот это было бы ложью, да и не было времени. Поэтому она лишь развернулась и, хромя, побежала к покоям Эйрика.

Солдаты, шлюхи и дети метались по внутреннему двору и мелькали среди зданий. Все бесполезно. Джезет слишком хорошо знала Констанцию и понимала, что теперь, когда эта сука лишилась удовольствия собственноручно прирезать Джез и Эйрика, она убьет в форте всех до последнего. Единственный шанс остаться в живых — выбраться, и Джез не собиралась брать с собой кого бы то ни было.

Неуклюже пробираясь к покоям Эйрика, она слышала призывы сдаваться. Бочка, в которой она мылась еще несколько часов назад, стояла на прежнем месте. Коричневая от смывтой грязи и пота вода давно остыла. В крыше застряла стрела, и дерево постепенно охватывало пламя. Хороший знак — если все здание сгорит до основания, Констанция никогда не найдет туннель.

Джез резким движением распахнула дверь туалета и посмотрела вниз, на круглый камень, на котором она прежде сидела кучу раз, справляя нужду. Девушка вложила меч и кинжал обратно в ножны, крепко взялась за камень и, раскачав, сдвинула его с места. Доски под ним оказались неплотно подогнаны друг к другу.

«Спасибо тебе, Эйрик, сукин ты сын», — с ухмылкой подумала она.

Джез опустилась на колени, вцепилась в доски окровавленными пальцами и дергала до тех пор, пока не смогла вырвать одну. Отшвырнув доску за спину, она принялась за вторую, а затем и за третью. В полу образовалась дыра, достаточно большая, чтобы худощавая девушка смогла протиснуться в смердящий туннель.

Джезет не стала терять времени. Она сжалась и, извиваясь всем телом, полезла вперед. Туннель был совсем небольшим, но ей хватило даже этого. Внутри стояла жуткая вонь, руки скользили по вымазаным дерьмом стенам, и от этого ее едва не выворачивало наизнанку. Вытянув шею, Джез увидела, что путь ведет в обе стороны. За ее спиной — в глубь форта, а впереди — на восток, к горам.

Только сейчас девушка внезапно поняла, что оставила свой мешок в комнате Эйрика. Все ее вещи, кроме одежды и меча, остались там, но черта с два она станет рисковать, возвращаясь за ними. И Джезет Вель'юрн опустила руки в покрывшие пол туннеля вонючие нечистоты и поползла вперед.

«Вот дерьмо...»

Забавный факт о поселениях в Диких Землях: они всегда имеют стены. Каждая деревня, каждый поселок, каждый город, порт, форт, поместье или племенная стоянка — все они окружены стенами, и Бискин не был исключением. Он напоминал Бетриму разом все равнинные города, в которых ему доводилось бывать, а Торн был уверен, что побывал чуть ли не в каждом.

Невысокие деревянные стены окружали город, и пусть от организованного нападения они уберечь не смогли бы, но от диких животных и залетных бандитов служили неплохой защитой. Шайка Босса точно не относилась к первым, но стражники у ворот смерили прибывших таким взглядом, будто те были животными.

— Никаких проблем, — сказал один из стражников, когда они проходили мимо.

Это был крупный мужчина с густыми, нависающими бровями, во рту которого не хватало большей части зубов, а остальные были почти коричневыми. Желтые зубы — это одно, но вот коричневые... Этот кошмар удивил даже Бетрима.

Мослак навис над солдатом и расплылся в улыбке, демонстрируя собственный набор желтеющих пеньков.

— Я что, похож на человека, с которым могут быть проблемы?

Стражник в момент побледнел, и Босс хлопнул его по руке:

— Мы просто идем своей дорогой, друг. Через пару дней нас и след простынет.

Услышав слова Босса, стражник кивнул, не сводя при этом глаз с Мослака.

— Так что мы здесь делаем, Босс? — спросил Шустрый, когда группа миновала ворота. — В смысле это же дыра.

С таким определением Бетрим не мог не согласиться. Половина приземистых деревянных лачуг готова была развалиться. Улицы наводняли сомнительные личности: наемники, воры, а иногда просто неудачники, не заслуживающие упоминания. И никто даже не пробовал поднять задницу и убрать грязь и гниющий мусор, сваленные огромными кучами, — всех явно устраивало такое положение дел. Бетрима перекосило от презрения — даже животные знают, что нельзя гадить в собственной норе.

Было здесь и несколько лавок, торгующих всякой всячиной. У каждой обязательно стояло два или три охранника, чьи услуги владельцы оплачивали из собственного кармана. Всяко лучше, чем жить в постоянном страхе, что тебя обворует и убьет первый же мерзавец, которому вздумалось поживиться твоими безделушками.

С балкона трехэтажного деревянного дома разношерстной компании Босса махали женщины с размалеванными лицами, выставив свои тяжелые обвислые груди на всеобщее обозрение. Зрелище отнюдь не из тех, что способны привлечь внимание мужчины.

— Босс, — заговорил Бетрим, упорно стараясь не смотреть на сиськи, висящие у него над головой, — где мы встречаемся?

— В таверне «Воровской притон». Знаешь это местечко?

— Да, — коротко ответил Бетрим и без лишних слов двинулся в сторону борделя.

— Я с Черным Шипом, — услышал он секунду спустя голос Шустрого.

— Я тоже, — и Зеленого.

Двери распахнулись, и их взглядам предстал броско, но безвкусно разукрашенный зал, насквозь провонявший духами и заволоченный такой плотной дымкой, что аж горло

перехватывало. У бара в дальнем конце несколько посетителей цедили свои напитки, а комнаты на верхнем этаже были либо открыты, либо закрыты — показатель того, какие из них заняты. Одни женщины бродили туда-сюда в ожидании работы, тогда как другие развлекали клиентов. По краям зала в темных альковах шлюхи усердно скакали на мужиках, очевидно, слишком бедных, чтобы позволить себе арендовать комнату, либо же просто тех, кому было плевать на приличия. Время от времени картину оживлял прерывистый мужской хрип или дамское хихиканье.

К Бетриму и его спутникам подошла полная женщина в возрасте, на чьем лице пудры было больше, чем песка в пустыне. Въедливая аура из сотен ароматов разных духов окружала хозяйку, но даже им было не под силу перебить исходящий от нее запах секса.

— Могу я помочь джентльменам? — спросила она низким, гортанным голосом, и широкая улыбка заиграла на ярко-красных губах. — У нас есть все, что вы пожелаете.

— Мне нужны комната, девчонка и бутылка чего-нибудь крепкого! — рыкнул Бетрим.

Шустрый рассмеялся.

— К черту комнату! А вот трахнуть девчоночку и чем-нибудь затянуться не помешает.

— Да, мне тоже, — сказал Зеленый с рвением парня, который еще никогда не пробовал женского тела.

— Лучше дай малышу мальчика, — вставил Бетрим, злобно ухмыляясь. — Будет для него опытом.

— Иди к черту, Черный Шип. Эта ерунда не по мне! — заорал Зеленый, отчего сразу стал объектом нескольких взглядов.

Выражение лица хозяйки заведения сильно насторожило Бетрима. Несколько секунд она изучала его, всматривалась в коллекцию шрамов.

— Мы не очень-то жалуем здесь тех, кто грубо обращается с нашими девочками, Черный Шип.

Шустрый взорвался хриплым смехом.

— Твоя репутация опережает тебя, Шип, — сказал он, а затем сорвался с места, заметив понравившуюся ему проститутку. — Я возьму эту. Иди сюда, крошка, у меня для тебя кое-что есть.

Зеленый тоже засмеялся, легонько ткнул Бетрима локтем в бок и пошел искать себе развлечение. Никогда еще Торну так сильно не хотелось прикончить этого щегла. Тут он заметил, что напудренная хозяйка все еще пристально смотрит на него. Бетрим ответил на ее взгляд с предельно нейтральным выражением.

— Я не груб со шлюхами. Я не бью женщин, — Бетрим сделал паузу, — если только они этого не заслуживают. Мне нужна комната, выпивка и девчонка. Не важно, как она выглядит, — я и сам не красавчик.

Если хозяйку и испугало упоминание прозвища Бетрима и его репутация, виду она не подала. В конце концов женщина кивнула в сторону лестницы:

— Третья дверь налево. Девочку с бутылкой я пришлю туда.

Но больше Бетрим не видел в свою сторону улыбок. Люди редко улыбаются Черному Шипу. Бросив в зал последний взгляд, которым можно было бы разбивать зеркала, он направился к лестнице — и дальше, к третьей двери налево.

К тому времени как вся их команда добралась до «Воровского притона», Бетрим чувствовал себя чуть менее злым и куда более удовлетворенным. Девочка, что ему досталась,

была не многим привлекательнее его самого, но зато с членом управляться умела отменно. У нее были великолепные зубы, все жемчужно-белые, и только один отсутствовал. Пойло его слегка разочаровало, но оно приятно горячило, и поэтому он прикончил всю бутылку. Так будет намного лучше, когда им придет время вновь вернуться на равнины.

Всю дорогу от борделя до таверны Шустрый шел вприпрыжку и что-то насвистывал, а Зеленый с идиотской ухмылкой мямлил о сиськах. Бетрим решил, что лучше будет просто пропускать эти изливания мимо ушей, чтобы не разозлиться снова.

Остальных они нашли сидящими в одиночестве за столом в самой людной части общего зала. Генри цедила свою пинту и мерила собравшуюся толпу взглядом, полным опасных намерений. Задумчивый Босс сидел рядом с ней и не сводил мрачных глаз со своей кружки пива. Мослак выглядел самым уставшим, но его лицо просияло, когда он увидел пришедших. Похоже, темы для разговоров давно закончились. Неудивительно, ведь больше всех в компании всегда трепался Шустрый.

— Как прошло? — спросил Мослак, знаяще подмигнув.

— Зеленый как вошел, так сразу и ляпнул имя Черного Шипа прямо посреди чертова борделя, — сказал Шустрый, улыбаясь от уха до уха.

— И при этом сохранил все зубы при себе? — удивился Босс, не поднимая глаз от кружки. — Черному Шипу, похоже, понравился наш новичок.

Бетрим зарычал, жестом приказал девушке-служанке принести кружку выпивки и швырнул в ее сторону бронзовую монету. Та на лету поймала ее и, задержавшись на мгновение, чтобы убедиться, что монетка не фальшивая, двинулась к барной стойке.

— Надеюсь, парни, вы не сильно пьяные, — сказал Босс.

— Для этого мне потребовалось бы больше, чем бутылка дешевого бухла, — уверенно заявил Бетрим.

— А я к спиртному вообще не прикасался, Босс, — высказался Шустрый.

— А что насчет курева?

— К спиртному не прикасался, — повторил Шустрый, все еще по-дурацки улыбаясь.

Наконец появилась служанка с пивом для Бетрима, и он сделал большой глоток. На вкус — как разведенная моча, впрочем, как и любое другое пиво в Диких Землях. Бетрим не мог вспомнить, когда он в последний раз пил хорошее крепкое пиво. Похоже, на одной из этих забавных вечеринок для знатных особ. То есть фактически — никогда.

— Как так получилось, что вы не нашли себе по шлюхе? — спросил Зеленый, тыча пальцем в Мослака и Босса. — Вам же нравятся женщины, да?

— О да, я обожаю их, — сказал Мослак. — Только вот моя жена пообещала, что если я пойду по шлюхам, она об этом узнает и оторвет мне яйца.

— Ты женат?! — громко воскликнул Зеленый. Похоже, он все-таки перебрал с выпивкой. Или с куревом. Или со всем сразу. — И где эта сучка?

— Черт ее знает. Чем дальше от меня, тем лучше.

— Точняк. А что насчет тебя, Босс?

Все сидящие за столом сверлили Зеленого взглядами. Ну, все кроме Генри, которая заливалась громким злорадным смехом. Мальчишка должен был уже догадаться. Услышать, в конце концов. Бетрим сражается тише, чем эти двое ведут себя в постели.

— Ты собираешься делать деньги, Мослак? — спросил Бетрим здоровяка.

Мослак окинул взглядом общий зал.

— Думаю, получится выжать из этого сброда пару монет.

Бетрим и Мослак сдвинули стол, а Шустрый проследил взглядом за их кошельками. Он никогда не стал бы воровать ни у одного из них, но знал, что очень скоро в игру включится еще одна мощна, а в деле лишения кошельков их содержимого во всех Диких Землях Шустрому не было равных.

Мужчины с размаху впечатали свои кошелки в поверхность стола, и это привлекло внимание, как они того и хотели: ничто так не притягивает взгляд, как звенящие монеты. Бетрим упер локоть в стол и поднял руку; Мослак с другой стороны сделал то же самое. Они взялись за руки и, как только Шустрый отсчитал «три», начали давить. Мериться силой с Мослаком все равно что мочиться против ветра — занятие абсолютно бессмысленное, от которого станет только хуже. Но с Бетримом гигант не усердствовал. В конце концов, в этом-то и был весь смысл. Сделать вид, что у меньшего соперника есть шанс, и только потом дожать его и выиграть. У Мослака явно был актерский талант, поэтому каждую свою победу он сопровождал радостными выкриками и уханьем.

Шустрый поставил оба кошелька на Мослака, и Бетрим показушно врезал по столу кулаком, прежде чем удалиться к остальным. Он знал, что его кошелек скоро к нему вернется, да еще и тяжелее прежнего.

— И что за игрища самцов? — усмехнулась Генри.

— Пошла ты, чокнутая стерва, — отозвался Бетрим и был вознагражден мрачным взглядом поверх голодного оскала.

Он толкнул женщину плечом, и оскал сменился улыбкой. На лице Генри она появлялась редко, и сейчас Бетриму даже показалось, что эта женщина может быть милой — не будь помешанным на убийствах маленьким дьяволом.

— Десять бронзовых или один серебряк, чтобы попытать силы против гиганта, — втирал Шустрый усевшемуся напротив Мослака верзиле, чьи руки по толщине могли легко поспорить с древесными стволами.

Ходячий дуб выложил на стол серебряную монету, которую Шустрый тут же сгреб, а Мослак, как хороший актер, нацепил на лицо маску обеспокоенности. Он позволил здоровяку на мгновение почувствовать близость победы, а затем резким движением вlepил руку противника в стол, едва не сломав ее. Дуб удалился прочь, поминая всех святых и растирая руку. Вместо него за стол сел другой мужик, а за ним еще и еще.

— Все в порядке, Босс? — спросил Бетрим.

Он встретил взгляд темных глаз южанина, и Босс покачал головой.

— Отыскал логово в городе. Просмотрел все оставленные там послания. Есть новости хорошие и плохие. Хорошая — я нашел нам работу. Самую крупную из всех, за которые мы брались. Плохая новость — девчонка, которую мы пришили в Коррале, была из высшего света. Те всадники, которых мы видели несколько ночей назад на равнинах, шли по наши души, и я не думаю, что они просто так бросят это дело.

Проблема в том, что о нас знают. Люди видели нас, люди говорят о нас. И так нас легче найти. Это не твоя вина, Черный Шип. Мы все здесь личности приметные. Ну, пожалуй кроме Зеленого. В этих краях наемники с Юга — гости нечастые, и мой цвет меня выдает. Никогда не видел никого столь же крупного, как Мослак. Имя Генри здесь на слуху не меньше, чем твое, да и в Шустром только слепой не признает подонка.

В итоге: кто-то взял наш след, а за наши головы назначена награда. Нужно убираться из этой провинции, и чем скорее, тем лучше.

— Даже мне? — спросил Зеленый.

— Даже тебе.

— Никогда не был за пределами Форсвая. Как там?

— Как и везде, только там меньше народа, желающего нас убить, — сказал Босс и повернулся к Бетриму. — Утром мы отправляемся обратно в Коррал.

— Черт! — Голос Бетрима буквально сочился ядом. — Я лучше сражусь с толпой охотников, чем с арбитром, Босс.

— Что? — Зеленый выглядел сбитым с толку. — Черный Шип испугался арбитра?

И Бетрим, и Босс проигнорировали колкость мальчишки.

— Мы не знаем, гонится ли за тобой этот арбитр. А парни с дороги точно хотят получить наши головы. И кроме того, работа, которую я нашел, ждет нас в Чаде.

— Значит, придется плыть, Босс? Все это дерьмово пахнет, — буркнул Бетрим.

— Я не спрашиваю твоего мнения, Шип. Просто говорю все как есть. С первыми лучами мы уходим обратно в Коррал в обход дорог. Нужно держаться тише воды, ниже травы. Хорошо?

Вопрос был риторическим, но Бетрим все равно кивнул:

— Хорошо.

— А сейчас я пойду в свою комнату. Генри, — Босс смотрел на Шипа, и его зубы сверкали серебром при каждом слове, — расскажи все этим двум, когда они доиграют.

Если бы еще в начале дня кто-нибудь сказал Джеззет, что ей придется бежать из форта Эйрика в чем была, отягощенной только мечом, с ног до головы извалявшись в дерьме, она бы не поверила. Если бы всего два часа назад кто-нибудь сказал ей, что она сумеет выбраться из форта живой, она бы не поверила. Правда в том, что Джеззет Вель'юрен прекрасно знала, насколько ей повезло, и ничто во всем мире не смогло бы убедить ее в обратном.

Туннель закончился в нескольких сотнях футов от форта, уперевшись в жалкую струйку воды, которую, наверное, когда-то и можно было назвать ручьем. Выход был засыпан землей и мусором, поэтому Джез пришлось буквально рыть себе путь наружу. До гор оставалось еще около мили, так что она сразу же двинулась в путь. Топтаться на месте смысла не было. Как только силы Констанции зачистят форт и военачальница поймет, что Джеззет, живой или мертвой, в нем нет, эта тварь обязательно пошлет людей на ее поиски. И Джез хотелось к этому моменту оказаться как можно дальше.

Все пространство между фортом и горами покрывала высокая трава, земля под ногами предательски бугрилась, а вывихнутая лодыжка с каждым шагом напоминала о себе адской болью. И все же Джез была жива. По крайней мере, пока что.

Обернувшись, девушка увидела оранжевое свечение и поднимающийся к небу столб темно-серого дыма — форт горел. Хороший знак. Так люди Констанции будут слишком заняты пожаром, чтобы пялиться за стены. При такой большой и яркой луне любой, кто озаботился бы посмотреть на восток, с легкостью заметил бы ее фигуру, пробирающуюся через траву. В горах будет безопаснее. Путь ее лежал в глубь гор и дальше в обход. Сама Джез никогда по тамошним тропам не ходила, но знала, что дорога эта опасная, местами разбитая, и что ею пользуются разве что безрассудные авантюристы или те, кому совсем нечего терять. Джез с горечью подумала, что отлично попадает в обе эти категории.

Казалось, потребовалась целая вечность, чтобы с ее лодыжкой добраться до каменистого подножия ближайшей горы. Джеззет говорила себе, что это просто вывих. Она верила, что это просто вывих — в ее положении перелом означал бы массу новых проблем.

Посмотрев наверх, Джез разглядела первый уступ горной дороги примерно в двадцати футах над собой. И в этом крылась немалая часть проблемы — на пути карабкаться придется практически столько же, сколько идти. Джез бросила последний взгляд в сторону форта — огонь по-прежнему всю пылал, и ей показалось, что она увидела несколько новых очагов. Затем девушка уперлась одной рукой в камень перед собой, а второй потянулась вверх в поисках чего-нибудь, за что можно ухватиться. Ей это удалось, и она начала восхождение, подтягиваясь на руках и отталкиваясь ногами, пытаясь не обращать внимания на дикую боль в лодыжке и ободранных кончиках пальцев.

Одна рука, другая, подтянуться, оттолкнуться — и еще несколько футов позади. Вокруг нее на землю сыпались камни и щебень. Джеззет рычала, хрипела, иногда даже вскрикивала от боли, но все же упорно карабкалась вверх, дюйм за дюймом.

Минула, кажется, вечность, но в итоге она забралась на уступ, перекатилась на спину и добрую минуту лишь жадно хватала ртом воздух, одновременно плача и смеясь, сама не зная отчего.

Наставник всегда требовал от нее многого, но никогда не заставлял лазать по горам.

Сейчас она впервые об этом пожалела.

Не тратя времени попусту, Джекз заставила себя подняться на ноги и двинулась вверх по горной тропе. Здесь ее никак нельзя было увидеть из форта, но уже скоро Констанция поймет, что Джекз улизнала, и отправит во все стороны всадников с приказом найти ее. И когда эти всадники доберутся до подножия горы, ей не хотелось бы попасться им на глаза. С лошадьми они не смогут последовать за ней по тропе, а вот вернуться и рассказать все Констанции — запросто.

«Бывало и хуже, Джекз. Например, тогда, в Коррале, с этими Красными Руками. Или когда на южных равнинах за тобой гонялись дикие псы».

Но правда была в том, что Джекзет Вель'юрн могла с легкостью назвать сотню дерьмовых ситуаций, в которых она побывала, и нынешняя упорно двигалась к первой строчке ее списка.

На следующем участке тропа сузилась, и это еще было мягко сказано. Один неверный шаг, один разболтавшийся камень — и катиться Джекз по горному склону... Она посмотрела вниз. Плохая идея. Стоило ей только подумать о, безусловно, летальном падении на ждущие внизу острые камни, и мир перед ее глазами заходил ходуном. Джекз резко отпрянула от края тропы и вжалась всем телом в склон, пытаясь успокоить дыхание. Еще одна плохая идея.

С этого места она прекрасно видела догорающий форт Эйрика. Похоже, Констанция даже не стала себя утруждать тушением пожара. Ее подонку-нанимателю не нужен был форт — ему нужно было, чтобы форт исчез, и она была более чем счастлива ему с этим помочь. Но хуже всего было то, что в свете луны и отблесках пламени Джекзет увидела всадников. Они разъезжались во все стороны в поисках следов беглянки. Следов Джекзет.

«Черт!»

Джекз вновь сосредоточилась на тропе и ускорила шаг. Поставишь ногу неправильно, полетишь вниз навстречу верной смерти — значит, быть по сему. Все равно так лучше, чем попасться в руки Констанции.

Нечасто Джекзет могла сказать, что удача на ее стороне. Куда чаще удача, судьба и все мыслимые боги объединялись против нее. Но сегодня был не такой день.

Где-то вдалеке вспышка осветила небеса, и последовавший спустя несколько секунд разряд грома, кажется, сотряс саму землю. Не прошло и минуты, как мир погрузился в темноту, когда облака закрыли луну. Джекз почувствовала, как первые капли дождя застучали по ее коже, и чуть было не закричала от радости, но удержалась — это бы выдало ее. Теперь она была просто тенью на фоне темных гор, неразличимой без света. Но вспышки молний все еще могли изобличить ее, и поэтому она поспешила убраться подальше. Тропа начала загибаться по склону — вскоре форт скроется из виду, так же как и она сама.

Конечно, Джекз не могла не признать, что у этой удачи есть и обратная сторона. Да, чем больше темнело, тем труднее было ее заметить, но в то же время и дорога становилась опаснее. Дождь постепенно смывал с девушки грязь, но от него тропа делалась скользкой, а гром хоть и маскировал любые звуки, которые издает карабкающийся человек, но запросто мог обрушить на голову Джекз камнепад. Удача — это такой товарищ, который приходит к тебе без предупреждения, дает мешок золота, а потом с потрохами сдает тебя заклятому врагу.

Еще одна вспышка, еще один раскат — и дождь превратился в настоящий ливень. Джекз замерла на мгновение, подняла голову к небу и открыла рот. Ее фляжка осталась в мешке и теперь вместе с жилищем Эйрика превратилась в пепел. Пить льющийся с неба дождь

оказалось делом непростым, но, черт возьми, это было намного лучше, чем умереть от жажды.

Опускалась ночь. Джеммет ушла от преследователей довольно далеко, а тропа в какой-то момент стала шире и надежнее. Здесь дорога начала вилять между пиками и впадинами — за пеленой дождя в темноте они выглядели черно-серыми силуэтами. Девушка замедлила шаг и внезапно для себя поняла, как сильно промокла, продрогла и устала. Заметив раскрытый зев небольшой пещеры, она сразу же двинулась к нему, даже не заботясь о хромоте. По крайней мере, выстрелы боли в лодыжке помогли ей оставаться в сознании и настороже.

В пещере было темно, но сухо и довольно просторно, а еще стоял странный запах, но Джеммет это не волновало. У нее не было сухой одежды, не было спального мешка, не было дров для костра, и потому она просто забилась в уголок, свернулась клубком и закрыла глаза.

Когда твой наставник любит подкрадываться к тебе посреди ночи и бить, очень скоро ты начинаешь спать необыкновенно чутко и просыпаться от малейшего скрипа, шороха или хрипа. Джеммет была хорошей ученицей, и ей нравилось отвечать своему старому учителю. Она приоткрывала один глаз, совсем чуть-чуть, только чтобы узнать положение ее противника, а затем выжидала до самого последнего момента и контратаковала. С наставником это не сработало ни разу, но ведь ее наставник и не был большим горным котом. Против кота Джеммет оценивала свои шансы намного выше.

Как всегда, она приоткрыла глаз, чтобы в него попало немного света, и подождала, пока зрение сфокусируется. Большой кот, словно ребенок, ворующий у родителей, на мягких лапах подкрадывался к ней. Два фута в холке и множество чертовски острых зубов. Он был весь в пятнах. Джеммет попыталась вспомнить старую присказку.

«Кот пятнистый... а иногда, а иногда в полоску...»

Плохо. Полосы могли обозначать множество кошачьих пород, но пятна — только одну. Похоже, удаче еще не надоело шутить с Джеммет.

«Итак, перед тобой злобный убийца на четырех лапах. Но не беспокойся, он всего один».

Ее рука крепче сжала эфес меча. Джеммет уже не могла вспомнить, когда она в последний раз спала без оружия. «Мастер Клинка без своего клинка есть никто и ничто», — вот первое, чему научил ее наставник. Хотя нет, второе — первым было как трахаться с мужчинами.

Кот прильнул к земле и изготовился к прыжку. Джеммет вскочила на ноги, а меч с ободряющим металлическим звоном выскользнул из ножен. Это заставило зверя замереть. Несомненно, он думал, что Джеммет мертва, — от нее пахло смертью.

Джеммет смотрела на кота, а кот смотрел на нее в ответ. Его большие золотистые глаза ни на мгновение не отрывались от ее карих. Сквозь вход в пещеру лился дневной свет, и Джеммет поняла, что уже утро, а буря давно миновала. Пора было двигаться дальше, а не стоять здесь и играть в гляделки с котом-переростком. Тем не менее ей надо было поесть.

Джеммет сделала осторожный шаг в сторону зверя. Лодыжка все еще побаливала, но не так сильно, как раньше, и казалась одеревенелой. Уже хорошо — хотя бы не перелом. Кот зарычал на нее, и рык этот, раскатистый, словно гром, доносился из самых глубин его пасти.

Джеммет не знала, что коты могут рычать, — ей казалось, что на это способны лишь собаки. Ей жутко захотелось рыкнуть в ответ.

Удар зверя был молниеносным, но что всегда отличало Джеззет Вель'юрн, так это ее скорость. Рука девушки метнулась вперед, и меч стал продолжением ее самой. У кота были когти, у Джеззет — клинок, и ее оружие было острее. Лезвие вонзилось в поднятую лапу кота, и Джез сразу же танцующим движением отпрыгнула назад. Зверь зашипел от боли и стал пятиться. Джеззет решила не давать ему такой возможности и сама атаковала прямым выпадом, за которым последовал размашистый удар. Первый пронзил плечо кота, а от второго появилась длинная глубокая рана вдоль спины.

Животное рухнуло на пол пещеры. Из его пасти доносилось что-то между бульканьем и жалобным мяуканьем. Отчего-то Джеззет стало жалко зверя. Чертова тварь просто пыталась убить ее, а она чувствовала себя не в своей тарелке из-за того, что защищалась.

Девушка вонзила меч коту в грудину, желая избавиться от страданий. Увы, Джез понятия не имела, где у него находятся жизненно важные органы. Вместо того чтобы умереть, зверь заревел еще сильнее. Джез ударила снова, и еще раз, и еще. К тому моменту, как животное испустило дух, дырок в нем было больше, чем в тонущем корабле, и с последним его вздохом все тело вздрогнуло так, что чувство вины с новой силой накатило на Джез. И все же она отсекла зверю лапу, освежевала ее и срезала с кости здоровый кусок сырого мяса.

На сыром мясе можно жить, хотя бы временно, если ты способен его терпеть. Оно дурно пахло, было отвратительно на вкус и тяжело оседало в желудке, а липкая кровь то и дело вызывала рвотный рефлекс, с которым Джез приходилось бороться при каждом укусе. Тем не менее она наелась досыта и, бросив останки на пир падальщикам, вышла из пещеры навстречу яркому утреннему солнцу.

Было хорошо. Девушка все еще чувствовала сырость после дождя, но теперь ее покрывала кровь горного кота. Вскоре солнце высушило ее одежду, но вместе с тем и все лужи. Джез заметила поблизости небольшое углубление в горной породе, где скопилась вода, слегка мутная, но вполне пригодная. Девушка опустила лицо в воду и жадно выпила столько, сколько смогла. Рот наполнился вкусом крови, но ей в жизни доводилось пробовать вещи куда хуже.

Потом Джез нашла другое углубление и, повторив процедуру, попыталась собраться с мыслями.

Судя по положению солнца между востоком и югом, стояла середина утра. Джеззет нашла верное направление тропы и двинулась в путь. Хорошо, когда у тебя ничего нет, — ведь ничего не нужно с собой тащить. С другой стороны, очень грустно, когда у тебя ничего нет.

Джез прикинула, что по этой тропе через два дня она перевалит через гору. Два дня, полных голода, жажды и препятствий, но она с этим справится. Да и вид отсюда открывается красивый. А от подножия всего около семи дней до Чада, где можно будет найти работу и хоть как-то наладить дела.

«Пусть я выгляжу как залитый кровью дикарь и пахну дерьмом, но будь я проклята, если умру и позволю этой суке Констанции победить».

— Давайте за дело. Торопиться некуда, — сказал Босс, окидывая взглядом равнины.

Мослак был занят тем, что отрезал пальцы у только что убитых им людей и складывал свою кровавую добычу в маленький мешочек, чтобы, когда представится возможность, снять с костей кожу и добавить их к своей коллекции. Шустрый обирал трупы. Зеленый примерял снятые с мертвецов сапоги, пытаясь найти подходящий размер, а Генри пялилась на одну из двух лошадей, что не ускакали. Животное глупыми глазами смотрело в ответ, словно доверяя Генри, несмотря на то, что та только что расплосовала владельца лошади от брюха до шеи.

Бетрим стоял в дозоре рядом с Боссом. Хороший вид временами бывает так же приятен, как и хороший отдых.

— Ты знал, что так будет.

— Да, — смиренным голосом сказал Босс. — Но думал, что у нас в запасе есть еще неделя или около того. Похоже, удача повернулась к нам задом.

Спустя два дня после ухода из Бискина банда попала прямо в огромное стадо. Звери были повсюду, куда только доставал взгляд: спереди, по сторонам — тысячи тысяч особей. Какие-нибудь умники явно придумали название такому количеству, но Бетриму не хватало слов, чтобы описать это зрелище.

Одни животные были крупными, массивными созданиями с коротким мехом и большими рогами. Начисто вырывая из земли целые снопы травы, они ревели друг на друга, и гулкое эхо разносилось по окрестностям, когда двое самцов бились головами, может, из-за еды, а может, из-за самок. Среди них скакали меньшие, похожие на оленей создания. Всегда настороже, высматривая любые признаки опасности, они резко дергали головами. Бетриму это напомнило движения птиц. Были здесь и высокие звери с длинными шеями, длинными языками и забавными рожками на головах. Еще слоны: огромные серые чудовища с большущими ушами и длинными хоботами, которыми они обхватывали траву и закладывали в свои пасти. Самцы выделялись опасными бивнями, способными запросто пронзить человека, и не важно, в броне он или нет. Из всей шайки только Босс не испугался этих исполинов, и Бетрим догадывался почему. Он слышал, что далеко на юге чернокожие приручают слонов и ездят на них. Сам Бетрим ни за какие коврижки не согласился бы подойти и потрогать такую зверюгу, не говоря уже о том, чтобы оседлать ее, но если рассказы правдивы, то у Босса явно самые большие яйца из всех людей, кого Бетриму довелось знать.

— По крайней мере, сегодня не придется голодать, — вздохнув, констатировал Босс.

— Разведем костер? Неплохо бы приготовить мясо.

— Да, можно. Не думаю, что кто-то еще придет за нами из Бискина, и уж точно никто не явится со стороны стада.

— Я хочу проехаться. — Бетрим и Босс одновременно обернулись и увидели Генри рядом с лошадью. Она тыкала в нос животному своим тонким костлявым пальцем, а лошадь нюхала ее руку. Генри повернулась и с улыбкой посмотрела на мужчин. — Кажется, я ей нравлюсь.

— Ты хоть знаешь, как на них ездить? — спросил Босс.

— А что тут сложного? Садись ей на спину, слегка бьешь в бока, и она идет.

— Больше на тебя похоже, — хмыкнул Бетрим; Босс засмеялся, а Генри злобно

сощурилась.

— Никаких лошадей. Избавься от нее! — Это был приказ, и даже Генри не осмелилась бы перечить Боссу.

— Хорошо, хорошо. — Один из кинжалов Генри просвистел и глубоко вошел в шею лошади.

Девушка отскочила, радостно веселясь, когда животное рухнуло на землю, сотрясаясь в судорогах и разбрызгивая кровь.

— Что за ерунда?! — взревел Мослак, вскочив на ноги, когда струя ударила ему прямо в лицо.

— Я же сказал тебе избавиться от животного, Генри, а не убивать его! — зарычал Босс.

— Я избавилась. Какая разница как? — пожал плечами, ответила она.

Босс покачал головой:

— Шустрый, давай-ка срежь нам мяса с этой лошади. Мы отойдем подальше, разведем костер, и вы все сможете сказать Генри спасибо за трапезу из конины.

Зеленый и Шустрый застонали. Бетрим просто пожал плечами. Мясо есть мясо, в конце концов.

Все расселись вокруг небольшого костра. Все, кроме Генри, которой выпало первой стоять в дозоре. Она бродила в окрестностях стоянки, беззвучно, словно привидение, высматривая любые признаки опасности, причем не только со стороны людей — дикие звери тоже представляли угрозу. Рядом с травоядными в большом стаде всегда были те, кто питался мясом, — хищники и падальщики всех мастей.

Незадолго до захода солнца Бетрим сам видел на поляне больших диких котов. Целый выводок, особей пятнадцать, устроил себе лежбище в тени трупного дерева. Говорят, что такие деревья растут в тех местах, где зарыты мертвецы, и многим они подарили столь нужное убежище от жаркого полуденного солнца.

Еще он слышал вой собак — раздражающий ухо звук и смертный приговор для любого, кого угораздило оказаться на равнинах в одиночестве. Эти псы могли учуять добычу за много миль и преследовать ее до последнего, щелкая зубами у самых ног, пытаясь перекусить сухожилия и резко отскакивая в сторону, чтобы избежать ответного удара.

Птицы карроки представляли собой большую опасность даже тогда, когда поблизости не было огромного стада. Громадные создания размером с человека имели острые как бритва когти и клювы, способные пробивать сталь. Обычно они предпочитали меньшую добычу, но были известны случаи, когда пара карроков нападала на странников. Паря в небесах, они молниеносно атаковали и так же быстро улетали, дожидаясь, пока жертва умрет от ран. Бетрим всегда напрягался, когда над ним проносились стремительные тени.

Были еще гигантские ящеры. Кто-то звал их драконами или дракородьями, но Бетрим знал лучше. Это не драконы — просто большие и чертовски быстрые ящерицы, чей ядовитый укус может убить человека за несколько часов. Правда, здесь наемникам не было повода бояться — эти звери не совались на равнины, предпочитая траве каменистые земли и скалы.

Сейчас же для Шипа имело значение лишь тепло огня, лошадиное мясо да дешевая выпивка, обжигаящая глотку. Члены отряда наблюдали, как Бетрим раз за разом прикладывает к бутылке, но делиться в его намерения не входило.

— Как ты это сделал? — спросил Зеленый, его бессменная вторая тень.

Мальчишка решил сесть рядом и постоянно поглядывал на него. Все, что Бетриму оставалось, — попытаться не всадить парню нож в шею. Но вид луны и звезд смягчил норы

Черного Шипа. Было что-то зачаровывающее в этом мерцании крошечных огоньков в ночном небе.

— Сделал что? — рыкнул Бетрим, вгрызаясь в мясо.

— Как ты убил их? Ну, арбитров.

С другой стороны костра донесся протяжный стон Шустрого.

— Он хотел тебя об этом спросить с того момента, как узнал, кто ты, Шип. Полагаю, парнишка от тебя просто без ума.

— Какого из них? — уточнил Торн.

— Первого, — сказал Босс; сам он прекрасно знал все эти истории, благо спрашивал Шипа об этом, когда тот только согласился присоединиться к его шайке сорвиголов.

Зеленый кивнул. Шустрый поудобнее разлегся на земле. Мослак покончил с едой и теперь снимал плоть со своих новых трофейных пальцев, но при этом тоже не сводил глаз с Бетрима. Здоровяк никогда не слышал деталей истории — он просто не спрашивал. Шустрый, по правде говоря, тоже. Только Босс и Генри знали подробности, и то лишь те, в которые Бетрим нашел нужным их посвятить.

— Первый заявился на ранчо моей семьи всего через несколько дней после того, как я похоронил родителей. Арбитр Колм — так он назвался. — Бетрим уставился на Зеленого ледяным взглядом. — Первый раз забыть невозможно. Он пришел, чтобы разузнать о смерти моих родителей: похоже, думал, что отправиться на тот свет им помогли.

— А это так? — спросил Зеленый.

— Ну, я зарезал их своими руками, так что да.

— Ты убил собственных родителей? — спросил Зеленый. — Почему?

— У нас случились разногласия насчет курицы. — Бетрим следил за тем, как краска сходит с лица Зеленого. Всегда весело наблюдать за реакцией людей на такое, ведь они сами не могут понять, заливаешь ты им или нет. — Этот арбитр Колм, он стал расспрашивать каждого, засыпать вопросами о моих родителях. Как мой отец нашел это ранчо, была ли моя мать права в своих предсказаниях будущего... Тебя когда-нибудь о чем-нибудь спрашивал арбитр, Зеленый?

— Нет.

— Ты не можешь солгать. Можешь пытаться сколько хочешь. Можешь попробовать наколоть его или же промолчать — все едино. Ты не можешь солгать арбитру. Они силой вытягивают из тебя правду, — сказал Бетрим, глядя, как Мослак швырнул в костер последний кусочек человеческой плоти со своего ножа, взялся за лоскут коричневой ткани и принялся чистить кости. — Но факт в том, что даже арбитрам иногда нужно спать. Может быть, не часто, но все же надо. Поэтому я спрятался. Следил. Ждал. Смотрел, как он допрашивает народ на ранчо, слышал, как все до единого говорили ему, что я убийца. Никто не знал, что я совсем рядом, сижу на стропилах в доме, словно крыса. Даже арбитр не знал, где я, но стоило бы мне сбежать, он бы узнал.

Так что я дождался, пока арбитр запрется в комнате и закроет глаза. Я тогда был совсем пацаном, мне было четырнадцать, а в нашем старом доме некоторые доски на крыше легко приподнимались. И сквозь одну из таких щелей я проскользнул в комнату арбитра. Тихо, как призрак. Как Генри, которая прямо сейчас подкрадывается к тебе.

Зеленый резко крутанул головой и обнаружил Генри, сверху вниз взирающую на него. Ее непослушные волосы торчали во все стороны, отблески костра танцевали в темных глазах. Такое зрелище даже Бетрима заставило бы вздрогнуть.

— Поднимай свою задницу, Шустрый, — бросила Генри, усаживаясь рядом с Боссом. — Твоя очередь.

— Лучше иди ко мне, Генри.

— Катись к черту.

— А я только собирался вздремнуть под этот треп, — сказал Шустрый, послав Бетриму усмешку, и вышел из круга света. — Уверен, скучную жизнь ты прожил, Черный Шип.

— И что произошло? — спросил Зеленый, снова устремляя на Бетрима взгляд больших круглых глаз.

— А?

— С арбитром.

— Да, точно. Я перерезал ему глотку во сне. Ну, скорее я просто несколько раз ударил его в шею. Убивать людей тогда мне было в новинку, и я точно не знал, сработает ли это. Сдох он, впрочем, быстро.

— Так ты не бился с ним?

При этих словах Бетрим рассмеялся — неприятный, резкий, скрипучий звук. Вопрос парня определенно стал самым забавным из всего, что ему доводилось слышать в последнее время.

— Бился? Бился с арбитром? Слушай, Зеленый. Я убил шестерых ублюдков, и только с одним сражался. Он оставил мне на память вот это. — Бетрим показал на свою левую, обгоревшую, половину лица: расплавившаяся, покрытая рубцами плоть, шрам, ужасный настолько, что Торн старался избегать зеркал, и это при том, что до ожога красавцем он тоже не был.

— Я еще легко отделался. Ты слышал когда-нибудь о городе Лансвич, что в провинции Бор?

Зеленый сглотнул.

— Нет.

— Потому что его больше не существует. Сгорел дотла во время нашей схватки. На мне вина за это. Сотня людей погибла в том пожаре: мужчины, женщины, дети. Их смерть на моей совести.

Так что если хочешь убить арбитра, делай это, когда он спит. Нашпигуй его стрелами. Крадись за ним по улице и ударь в спину. Но ни за что не смей показываться ему на глаза, потому что если он тебя увидит... тебе конец.

Еще долгое время никто не прерывал наступившего молчания. Лишь треск костра, тихое посвистывание ветра да голоса стада звучали в тишине. Наконец Мослак плюнул на свой кусок ткани.

— Вот почему я никогда не спрашивал.

Даже с наступлением темноты в крепости Инквизиции продолжала кипеть жизнь. Слуги сновали туда-сюда, разнося послания или еду. По двору разгуливали несколько арбитров, хотя большинство давно разошлись по койкам. Иногда можно было увидеть и инквизиторов. Они жили за пределами цитадели, в больших и дорогих особняках, заработав себе право на это годами верной службы, и потому каждый день добирались сюда из своих домов.

Танкуил сидел на холодных каменных ступеньках и курил. Курение травки было обычным делом почти во всем мире, но чаще всего ею набивали трубку. Здесь же, в Сарте, можно было купить порцию хорошей дури, закрученной в полоску бумаги. Редкий и дорогой способ скоротать время, однако Танкуил бывал в Сарте лишь раз в три года и просто не мог позволить себе обойтись трубкой. От курения голова становилась чуть легче, только и всего, — никак иначе на него травка подействовать не могла.

До рассвета оставалась пара часов — скоро придется выдвигаться в доки. Вряд ли инквизиторам понравится, если он пропустит свой корабль до Диких Земель, а меньше всего Танкуилу хотелось вызывать неудовольствие двенадцати самых могущественных людей во всей Инквизиции. Кроме того, он все еще помнил ощущения от принуждения великого инквизитора. Он помнил, насколько силен старик. От одной только мысли о нем мурашки начали бегать по спине, и Танкуил еще раз хорошенько затянулся.

— Раннее утро, арбитр.

Танкуил поднял глаза и увидел приближающегося арбитра Вэнса. Он уже почти начал думать, что малец его преследует.

— Скорее поздняя ночь. Не спалось.

Вэнс что-то буркнул себе под нос и сел рядом с Танкуилом, словно они были давними друзьями и решили приятно побеседовать. Мало что в мире могло быть так далеко от истины, и Даркхарта это всерьез беспокоило. Трудно сказать сыну великого инквизитора: «Отвали!», не вызвав ответную реакцию, поэтому Танкуил просто продолжил сидеть и неловко молчать.

— Слышал, ты направляешься в Дикие Земли, — словно в никуда сказал арбитр Вэнс.

— Слышал, что ты обладаешь видением, так почему бы тебе самому не сказать мне, куда я направляюсь?

Краем глаза Танкуил заметил улыбку на лице Вэнса и попробовал *случайно* пустить дым в его сторону. Не получилось. Ветер дунул в самый неподходящий момент и лишил его этой маленькой победы.

— Я не заглядываю в будущее людей, если они сами не просят меня об этом, — мягко сказал молодой арбитр. — Это было бы... грубо.

— Я разрешаю.

Будущее — это игра, и Танкуил считал для себя приемлемой любую возможность повысить в ней свои шансы.

— Ничего, — слишком быстро ответил Вэнс. — Я ничего не вижу.

— Какой полезный дар. — Танкуил решил, что достаточно с него молодого арбитра и что его ждет бот. — До встречи, арбитр Вэнс.

— Будь осторожен, арбитр Даркхарт. — Танкуил обернулся и увидел, что Вэнс смотрит

словно сквозь него потухшими желтыми глазами. — Иногда враг может быть другом.

Парень возомнил, что они друзья? Танкуил предпочел бы, чтобы они были врагами. По крайней мере, он всегда знал, где нажил себе врагов. Вздохнув и покачав головой, Даркхарт пошел прочь, оставив Вэнса сидеть на ступеньках.

Морские путешествия никогда ему не нравились. Угнетало чувство опасности, когда ты отдаешь свою жизнь в чужие руки перед лицом необъятной, могущественной, мстительной и совершенно непредсказуемой твари, именуемой морем.

Он стоял посреди доков и глазел на бот, которому предстояло переправить его в Дикие Земли. Мерное покачивание вверх и вниз гипнотизировало. А ведь это всего лишь кусок дерева между ним и холодной, мокрой смертью.

— Ты мой пассажир?

Капитан оказался мужчиной в годах, с сединой в волосах, нехваткой зубов, косящим левым глазом и мерзкой красной сыпью, начинавшейся у левого уха и уходившей за воротник. Он носил простую рубашку и короткие штаны, едва закрывавшие колени. На вид он ничем не отличался от любого другого члена своего экипажа, если не считать тяжелого взгляда и командирского выражения лица.

— Да, это я. Арбитр...

— Мне этого хватит, — бесцеремонно прервал его капитан. — Кас, койка для арбитра готова?

— Так точно, капитан.

— Придется тебе спать с командой. Это не пассажирское судно, так что со спальными местами у нас напряженка. Единственная каюта — капитанская.

— Хорошая лодка, — с поклоном сказал Танкуил, вскидывая на плечи свои сумки.

Лошадь ему пришлось оставить в крепости. Жаль, но для животины в пути места нет — придется покупать новую, когда он доберется до Диких Земель. *Если* доберется.

— Это корабль, а не лодка! — вспыхнул капитан.

Забавно было найти кого-то, кто не боялся Танкуила только за то, что он арбитр. Освежающее чувство.

— Прошу прощения. Не думал, что есть большая разница.

Капитан посмотрел на Танкуила как на несмышленное дитя.

— Корабль больше, — отрезал он.

— Понятно.

— Инквизиция заплатила за тебя, но держись подальше от команды, арбитр. И никаких тут этих ваших шпучек со сжиганиями. Вся власть на боте принадлежит капитану.

— Мне казалось, ты говорил, что это корабль, — ляпнул Танкуил и немедленно об этом пожалел. — Я понимаю, капитан. Я воздержусь от сжигания кого бы то ни было во время путешествия.

Капитан рывкнул поднимать трап.

— Кас, проводи арбитра. Не хочу, чтобы он путался под ногами, когда мы отшвартуемся.

— Есть, капитан! — крикнул мелкий паренек и махнул Танкуилу, а сам рванул с места.

Кас был невысоким, но у него уже четко обозначились мускулы. Носил он только штаны, обнажив загорелый торс. У него были короткие волосы, темные и засаленные, а еще от него пахло морем, впрочем, как и от всего корабля, экипажа и, как ни странно, самого моря. Ничего хорошего от этого путешествия ждать, похоже, не приходилось.

Парень вприпрыжку повел арбитра в глубь корабля, шлепая босыми ногами по дереву, и остановился у койки.

— Вот.

Койка оказалась немногим лучше простой доски, окруженной такими же досками, к тому же короткой — точно по росту Танкуила. Никакого матраца, никакой простыни и никакой подушки. Для Танкуила — в самый раз. Ему доводилось спать в условиях хуже, намного хуже, и потому он радовался хотя бы просто плоской поверхности, на которой можно лежать. Он еще не решил для себя, что в путешествии будет невыносимее: провести три недели в постоянном страхе неизвестности и неизбежной смерти или же воздержаться на это время от воровства. Если вдруг начнут пропадать вещи, все пальцы укажут на него.

Так что Танкуил просто сел на свою койку и стал ждать. Он чувствовал мягкое покачивание корабля под ним, время от времени слышал скрип досок и живо представлял себе холодную воду, которая плескалась совсем близко. Хорошо хоть его не донимала морская болезнь. Некоторые не могут вынести постоянного движения на воде — они зеленеют и проводят всю дорогу, опустошая желудки за борт. Танкуил не знал, относится он к таким людям или нет, и не рисковал проверять. Вместо этого он носил на шее оберег от тошноты.

Бот пришел в движение. Странное ощущение: знать, что ты перемещаешься, но не видеть никаких доказательств этого. Быть может, это и вызывало морскую болезнь? Танкуил откинулся на койку, вытащил небольшую стопку бумажных полосок, маленькую баночку чернил и стал рисовать символы. Всегда лучше иметь под рукой полный набор, ведь никогда не знаешь, что тебе потребуется и когда.

— Что ты делаешь?

Танкуил поднял глаза и увидел Каса, с интересом глядящего на него. Вполне возможно, что паренек никогда до этого не видел бумаги.

— Создаю руны.

— А. Капитан сказал, что теперь ты можешь подняться на палубу, если хочешь. А что такое руны?

— Это... форма силы. Я рисую руны на бумаге или дереве, а когда разрушаю руну, сила высвобождается, — объяснил Танкуил; поверхностно, но должно хватить.

— Не понимаю, — сказал Кас с глупым выражением детского лица.

Танкуил ухмыльнулся, быстро глянул по сторонам и, убедившись, что поблизости никого нет, взял один из уже разрисованных кусочков, а затем вынул кинжал из сапога. Приложив оружие к бумаге, он легким движением рассек ее, и два кусочка неспешно осели на пол. Лезвие вспыхнуло ярким оранжевым пламенем, и Танкуил не без удовольствия увидел, как у парня отпадает челюсть и глаза превращаются в блюдца. Через несколько секунд пламя, больше ничем не поддерживаемое, угасло.

— Не надо нам огня на корабле, — пролепетал Кас, не сводя глаз с кинжала, пока Танкуил вытирал его о собственный плащ и прятал обратно в сапог.

— Раз так, никому об этом не говори, а я больше не буду так делать.

Кас кивнул. Танкуил встал на ноги, потянулся и двинулся к двери, оставив парня изумленно таращиться на две половинки бумажки на деревянном полу.

Снаружи на Танкуила налетел порывистый соленый бриз. После постоянного солнца и жары свежесть была очень кстати. Корабль то мягко приподнимался, то оседал на волнах. Матросы бегали по палубе: одни возились с такелажем, другие занимались чем-то иным — у

каждого была своя работа, и все трудились как единое целое. Это, может, и ободряло, только вот не отводило от них тени смерти, которая только и ждала, когда у воды под их ногами разыграет жестокий норв.

Танкуил прислонился к ограде у борта... или носа... или кормы... Вообще, он понятия не имел, что есть что, и поэтому предпочел назвать это просто бортом слева. Вдалеке еще виднелся Сарт — крошечная белая капля на побережье, с каждой секундой все уменьшающаяся.

Спустя некоторое время к нему присоединился капитан, спиной оперевшись о борт. На его лице играла ухмылка.

— Хороший ветер. Если так будет и дальше, покажем отличное время, арбитр.

Если бы Танкуил решил подобрать слово, описывающее голос капитана, он бы выбрал «соленый».

— Это да, но вот будет ли так дальше?

— Трудно сказать. Ветер делает что хочет, а морской ветер — тем более.

Даркхарт кивнул, словно заявление капитана было мудрейшим утверждением из всех, что ему доводилось слышать. Он давно уяснил, что зачастую, когда тебе нечего сказать, лучше просто промолчать.

— Ты не любишь море, не так ли, арбитр? — наконец спросил капитан.

Танкуил не переставал восхищаться людьми. Инквизиция была самой пугающей организацией во всем мире, и арбитры были ее орудием, несущим праведный суд. Большинство людей прекрасно знали, что не стоит даже разговаривать с арбитрами. Они были судьями, присяжными и карателями в одном лице. И все же раз за разом Танкуил становился объектом расспросов. Быть может, потому, что сам он ненавидел задавать вопросы.

— Мне казалось, это не настолько очевидно, — ответил он, стараясь придать своему голосу нотки угрозы. Не получилось.

— Для большинства, может, и нет, — сказал капитан важно, — но я провел в море почти тридцать лет и научился подмечать такие вещи.

— Не сомневаюсь. Как по мне, трудно любить что-то, что способно убить тебя бесчисленным количеством способов. Штормы, гигантские волны, пираты, морские змеи. Трудно придумать врага более опасного, нежели море.

Капитан расплылся в ухмылке.

— Ага, и это если забыть про водовороты, сирен и корабли-призраки. — Мужчина рассмеялся. — Штормы опасны, но в это время года они редки. Там, где мы ходим, гигантских волн не бывает — ищите их ближе к Драконьей империи. Пираты, да, могут доставить проблемы, но я еще не встречал пиратов, которые смогли бы догнать «Насмешку моря». — Он провел рукой по борту с такой нежностью, словно это была его любимая женщина. — И наконец морские змеи. За тридцать лет в море я ни разу их не видел.

— Это еще не значит, что их не существует, — почесывая щетину на подбородке, возразил Танкуил. — Я никогда не видел дракона, но знаю, что они существуют.

— Я видел, — похвастался капитан. — Чертовски впечатляющее зрелище, но далеко не такое страшное, как рассказывают.

Мужчина хлопнул Танкуила по плечу и отстранился от ограждения.

— Три недели на борту, арбитр, так или иначе. Расслабься и получай удовольствие. — В море он выглядел совсем другим человеком. Намного счастливее, чем тот, которого

Даркхарт встретил в доках. — В конце концов, никакая беда с вами не случится. Арбитры же Божьи избранники, не так ли?

Танкуил кивнул с деланой улыбкой и вернулся к созерцанию моря. Сарт превратился в еле заметное пятнышко на горизонте. Арбитр произнес благословение зрения, но даже так смог различить лишь черную башню Инквизиции и белую — императорского дворца. Хорошая пара, ничего не скажешь.

Коррал — последнее место, где Бетриму хотелось находиться. Но по иронии судьбы именно здесь он торчал уже два дня. Огромному стаду — вечно движущейся массе зверей всех видов и размеров — потребовалось пять дней, чтобы пройти и дать людям Босса завершить путешествие. На равнинах еще оставалось множество животных, но они хотя бы не стояли плотной стеной и вообще куда охотнее пропускали наемников, когда те оказывались у них на пути.

Проход стада сыграл бандитам на руку — Коррал просто кишел людьми. Охотники, свежевальщики, кожевенники, торговцы, моряки и черт знает кто еще наводнили город, и стража была слишком занята поддержанием порядка, чтобы высматривать преступников, за чьи головы объявлена награда. Мослак подыскал для отряда небольшую лачугу настолько близко к докам, насколько возможно, а Босс разнюхал, как им попасть на бот до Чада.

Только Зеленый мог спокойно бродить по улицам свободного города, остальные же были слишком известны и слишком приметны. Однако никто еще не доверял Зеленому, так что Босс приказал всем оставаться в лачуге до тех пор, пока судно не будет готово к отплытию.

Сидеть днями напролет в тесной каморке с одними и теми же людьми не каждый вытерпит, и Бетрим чувствовал, что он уже на грани. Шустрый со своими едкими комментариями... Зеленый с его наивным поклонением Черному Шипу... Мослак, вечно полирующий свои кости... Даже Шустрый стал мрачнее тучи, а ведь должно было произойти что-то невероятное, чтобы он перестал улыбаться.

Но сегодня все было по-другому. Сегодня они наконец должны были убраться из этой задницы свободного города. Босс все тщательно проработал, а они просто ждали его приказа. И поэтому когда южанин вышел из своей с Генри комнаты и скомандовал отправление, Бетрим был готов ликовать вслух.

— Пора нам отсюда выбираться, — сказал Босс, сверкая металлическими зубами собравшейся группе головорезов. — Бот отплывает через час, и те, кто его упустит, пролетают мимо работы в Чаде, так что...

Внезапно снаружи раздался топот сапог — такой ни с чем не спутаешь, — и дверь резко распахнулась. Один из стражников попытался ворваться внутрь, возникнув прямо позади Бетрима, но Шустрый оказался быстрее всех. Нож полетел за спину Шипу и вонзился в шек стражника. Мгновение спустя Бетрим мощным ударом вытолкнул истекающего кровью человека за дверь и с грохотом ее захлопнул.

Тишина.

— По приказу стражи Коррала, бросайте оружие и выходите! — раздался крик снаружи. Хорошо хоть они больше не пытались взять лачугу приступом.

Зеленый быстро заглянул в дыру в стене.

— Дерьмо.

— Сколько их? — спросил Босс.

— Черт знает, — дрожащим голосом ответил парень. — Я до стольки считать не умею.

Шустрый плечом отодвинул Зеленого и сам уставился в дырку.

— Он прав, Босс. Мы в заднице. Их, должно быть, около двадцати. Плюс те, кого я отсюда не вижу.

Босс мрачно кивнул.

— Законы свободного города. Если мы сможем добраться до бота и заплатить капитану, чтобы он нас не вышвырнул, то стражникам нас не взять. Мослак, задняя стена. Разделитесь и рвите когти в доки так быстро, как только сможете. Судно называется «Подбитая чайка». Любой, кто не успеет, остается сам по себе.

Босс не успел договорить, а Мослак уже хорошенько потрудился, разбирая заднюю стену. Даже здоровяку хватило бы места пролезть. Не говоря больше ни слова, все они выбрались через пролом и двинулись в противоположных направлениях.

— Я с тобой, Черный Шип. Показывай дорогу.

Опять Зеленый использовал его кличку и опять достаточно громко для того, чтобы народ в округе услышал. Это уже перебор.

Черный Шип схватил Зеленого за волосы и взмахнул топором прямо перед его носом.

— Если ты только попробуешь пойти за мной, я тебе к черту отрублю ноги и оставлю подыхать. Усек? — зашипел он в лицо парню.

Тот в ответ лишь кивнул, потеряв от ужаса дар речи. Бетрим оттолкнул мальчишку и быстро осмотрелся. На него пялились окружающие, но стражников не было. Пока не было. Поэтому Торн прогулочным шагом двинулся прочь, нисколько не заботясь о Зеленом, которого бросил на произвол судьбы.

Страже не потребовалось много времени, чтобы найти его, тем более что люди, видевшие их разборку с Зеленым, все еще тарацились на него. Не успел Бетрим дойти до конца улицы, как три стражника в желто-красной форме Коррала и с опасного вида копьями с металлическими наконечниками заметили его и закричали, чтобы привлечь внимание своих товарищей.

Бетрим не стал тратить ни секунды: развернулся и дал деру. Его ноги стучали по утоптанной земле, и он не мог нарадоваться сапогам, украденным во время последнего пребывания в свободном городе. Торн свернул в переулок, чувствуя одышку и усталость от бега. Призвание Черного Шипа — убивать людей, а не бегать по подворотням. Но он слышал, что его нагоняют. Судя по звуку, стражников стало уже больше трех, и от этого сердце погнало кровь по венам еще быстрее.

Тупик. Ну кто придумывает улицы с тупиками? Высокая стена почти в двадцать футов внезапно выросла перед ним. Слева была закрытая дверь. Черт знает, куда она ведет, но раздумывать над этим нет времени. Бетрим всем своим весом навалился на створку — замок отлетел в сторону, и она с треском распахнулась. Бетрим Торн щуплым не был, а вот дверь оказалась слишком хлипкой.

Тщедушный мужчина в фартуке вскрикнул, когда дверь раскрылась... нет, это скорее был тонкий девичий взвизг, который просто не мог зародиться в мужской глотке. Восхитительный запах свежееиспеченного хлеба ударил в нос. В любое другое время Бетрим бы непременно схватил на бегу буханку, но сейчас еда была наименьшей из его проблем. Нужда остаться в живых была куда более насущной.

Он заметил дверь в дальнем конце пекарни и бросился к ней, перепрыгнув через стол, разбросав ножи, скалки и прочие штуковины, названия которых не знал. Распахнув створку, Бетрим обнаружил за ней лестничный пролет. Крики стражников раздавались все ближе. Вот в дверях пекарни появилась фигура, пекарь-недомерок снова завизжал, как девчонка, и ткнул пальцем в Бетрима.

Взбежав по лестнице, Торн обнаружил окно, выходящее на задний двор лавки. Бетрим рывком сорвал деревянные ставни и выглянул наружу. До земли десяток футов — хороший способ сломать ногу. Но когда припекает задницу, и не на такое пойдешь. Торн выбросил в окно свой заплечный мешок, услышал кошмарный звук бьющегося стекла, когда тот приземлился бутылкой вниз, а затем сам последовал за ним, тяжело грохнувшись на ноги и прокатившись по земле. Колени запротестовали, когда он попытался подняться, но, к счастью, не подвели. Бетрим подхватил мешок и вновь побежал, тогда как стражники повысовывали головы из окна пекарни и принялись голосить что было мочи.

Его по-прежнему преследовали, а значит, нужно было ускориться. Только вот сделать это среди уличной толпы — не самый лучший способ скрыться. Кроме того, из-за побега ему пришлось удалиться от порта, а это, безусловно, сулило большие неприятности. Бетрим решил, что ему нужно спрятаться — хотя бы до тех пор, пока стражники не решат, что он ушел.

Он снова двинулся в сторону от доков, нырнул в другой переулок, пересек его и вышел с противоположной стороны. Слева вдалеке находился порт. Справа же Торн увидел торговую площадь. В это время года рынок всегда переполнял народ всех мастей — торговцы мясом, кожей и слоновой костью, добытой в стаде, а также не переводящиеся в Коррале рыбаки сделали толпу почти непроходимой. Это была сплошная человеческая масса, в которой торгаши старались выудить из чужих кошельков денег побольше, а покупатели выискивали товар подешевле.

Бетрим, не раздумывая, припустил в сторону торговой площади и, раздавая пинки, работая локтями, толкаясь и рыча, вклинился в столпотворение. В таком хаосе и своего-то носа не сыщешь, так пусть стражники попытаются его тут найти. Тем не менее час отплытия лодки неуклонно приближался, а Бетрим отнюдь не горел желанием быть брошенным в Коррале. Некоторое время он переждет здесь, на рынке, но не слишком долго.

А вот и она, «Подбитая чайка» — крошечное торговое суденышко с двумя мачтами и широким корпусом, покачивающееся на волнах. Бетрим мог с ходу придумать сотню причин не подниматься на ее борт, но даже все они вместе не могли перевесить единственный резон это сделать.

По его подсчетам, он ждал в непрерывно движущейся людской массе на рыночной площади около получаса. Стражники сдались быстро, но ему нужно было знать наверняка. Теперь же он видел, куда те делись. Тридцать человек отделяли его от бота, на котором наемник должен был находиться. Тридцать вооруженных человек с очень нехорошими намерениями.

Босс маячил у борта на виду у стражников, не раззадоривая их, а просто наблюдая. Это значит, что Генри тоже там. Остальных Бетрим не видел. Сержант стражи стоял ближе всех к судну и звал капитана, но больше ничего он сделать не мог. Без дозволения капитана никто не имел права взойти на борт. Таковы были правила свободного города.

Все, что Бетриму нужно было сделать, — пробиться через три десятка солдат, попасть на судно, и он свободен. Даже в теории это представлялось непростым делом, и он не сомневался, что на практике все окажется еще труднее. Поэтому Торн выжидал, наблюдал и надеялся, что в толпе стражников появится просвет, при этом понимая, что сейчас как никогда дорога каждая секунда.

На глазах Бетрима матросы закончили погрузку и начали готовить бот к отплытию.

Время вышло. Веревки распущены, сходни убраны, посудина начала потихоньку двигаться. Время вышло.

Торн натянул на голову капюшон и шагом двинулся вперед. Между ним и причалом все еще стояли тридцать стражников, ему нужно было преодолеть всю длину пирса, и не было никакой возможности попасть на борт по трапу. И все же он шел.

Стражник со скучающим выражением лица обернулся и увидел приближающегося Бетрима. Черный Шип специально чуть споткнулся и стал слегка пошатываться при ходьбе, пытаясь казаться пьяным. Стражник мгновение оценивающе смотрел на него, а потом ткнул локтем одного из своих соратников. Второй солдат не поддался на уловку — он поднял крик, и остальные одновременно начали поворачиваться к головорезу.

Бетрим побежал. Рванул что было сил. В момент он оказался перед стражниками, проскочил под их копьями и протолкнулся в щель между двумя мужчинами. Сержант силился вытащить свой меч из ножен, но Торн на бегу двинул ему в лицо костлявым локтем. Бежать, бежать до конца пирса. Босс все видел и что-то кричал кому-то рядом с собой. Внезапно копьё вонзилось в пирс возле Бетрима. Близко, слишком близко.

Бот продолжал двигаться, с каждой секундой набирая скорость. Он уже почти миновал пирс, когда ноги Бетрима коснулись последней деревянной доски, и он прыгнул. На короткое, но до жути пугающее мгновение Торн оказался в воздухе, и лишь мутная зеленая вода бухты Коррала плескалась под ним. А затем наемник врезался в борт, хорошенько приложившись всем телом о твердое дерево. И он сползал. Пальцы отчаянно пытались найти хоть какую-нибудь опору, крошечный выступ, за который можно было бы ухватиться, ноги скользили по корпусу — без толку.

Еще одно копьё полетело в его сторону и шлепнулось в воду. Бетрим цеплялся за все, что попадалось под руки, но неизбежно соскальзывал. Однако внезапно что-то железной хваткой сжало его правое запястье. Мгновение спустя схватили и левую руку, и Торн почувствовал, что его тянут вверх.

Сначала глазам предстала палуба, потом ограждение, а затем — покрасневшее от натуги лицо Мослака, который его поднимал. Вот Бетрим оказался над бортом и перевалился вперед. Он обнаружил себя лежащим на Мослаке и перекатился на бок, тяжело дыша и дрожа всем телом. Черный Шип никогда бы никому не признался, что ему страшно. Никому, кроме себя, — особенно когда страх потом сочился из каждой поры.

Внезапно над ним вырос Босс и протянул руку. Мослак стоял рядом — он тоже тяжело дышал, но улыбался от уха до уха. Шустрый примостился на бортовом ограждении, спустил штаны и показывал Корралу голую задницу. Здесь же была и Генри, как обычно, с волчьим оскалом и дьявольским блеском в глазах.

— Хорошо, что ты смог добраться, Черный Шип, — сказал Босс и хлопнул Бетрима по плечу.

Бетрим в ответ лишь кивнул и посмотрел на Мослака. Здоровяк по-прежнему улыбался. Торн не мог даже предположить, что его друг настолько силен.

— Спасибо, — севшим голосом сказал он.

— Было видно, что рука тебе не помешала бы, — между вдохами бросил Мослак.

Больше всего настораживало то, что его были рады видеть все, кроме Зеленого. Парень держался в сторонке и взирал на Бетрима потемневшими, кровожадными глазами.

Джеззет прибыла в свободный город Чад спустя две недели после битвы в форте Эйрика. Переход через горы занял больше времени, чем она надеялась. Кроме того, ее чуть не угораздило забрести прямо в лагерь грязных гнилозубых бандитов. Не сказать, что она сама выглядела и пахла намного лучше их, но все равно это не повод попадаться. Ей пришлось ликвидировать одного из их разведчиков во время ночного патрулирования — Джеззет знала множество способов бесшумно убить человека, особенно если подобраться к нему сзади с длинным ножом. После этого она с удвоенной скоростью двинулась вниз по тропе, опасаясь его разгневанных спутников, идущих за ней по пятам.

Дорога по равнинам тоже выдалась небыстрой. Джез решила первым делом выйти на побережье и следовать так до самого свободного города. Ближе к берегу всегда больше еды — например, на пляжах Диких Земель никогда не было недостатка в гигантских крабах размером с собаку. Поймать их не очень-то просто — у них были высоко посаженные на стебельках глаза и клешни, способные крошить кости, и это не считая твердого как камень панциря. Но Джеззет давно раскрыла секрет охоты на них — нужно было опрокинуть краба на спину и вспороть мягкое брюшко.

Когда под рукой было вдоволь и живности, и вынесенных на берег деревяшек, Джеззет могла не голодать. Дым от костра не представлял особой опасности, но все же она разводила огонь только по ночам. Перспектива умереть от голода давила на нее куда сильнее, чем вероятность привлечь ненужное внимание.

Джез даже рискнула раздеться и обмыться в море. То еще испытание, надо сказать, — стоять по грудь в воде, когда перед тобой, насколько хватает глаз, расстилается бесконечная синева, бесконечная неизвестность. Что угодно могло скрываться под ее гладью. Джеззет слышала истории о гигантских рыбах с зубами размером с руку, способных перекусить пополам даже человека в броне. Другие байки рассказывали о похожих на студень созданиях с крючковатыми щупальцами, которые утаскивают людей в морские глубины.

И вот, перебирая в памяти все эти рассказы, Джез простояла в воде достаточно, чтобы смыть с себя кровь, пот и дерьмо, а затем чуть ли не в панике бросилась обратно к берегу, все время поглядывая через плечо, словно ожидая увидеть морских чудовищ, и стараясь не обращать внимания на стук крови в ушах.

Когда Джеззет добралась до Чада, она выглядела лишь немногим лучше, чем после того как сбежала из форта Эйрика. Грязная кожа, к тому же обгоревшая на солнце, засаленные волосы... Одежда воняла, словно только что вынутая из сортира, и здорово смахивала на грязное рваньё. А еще девушка невообразимо устала. Лишь одно утешало Джез, когда она проходила сквозь ворота свободного города: она все еще жива.

Стражники встретили ее мрачными ухмылками, но задерживать не стали. Они повидали много чего и похуже. Любой мог войти в свободный город, но если патрули ловили бездомных бродяг за попрошайничеством или шастаньем по пустым домам, эти бездомные бродяги обычно исчезали. Свободные города жили за счет торговли, и если у тебя нет денег — значит, ты здесь лишний. Зато на рабах всегда можно было хорошо нажиться.

Чад был самым первым и самым крупным свободным городом в Диких Землях. Лишь однажды Джеззет довелось побывать в большем — огромном, расползающемся во все стороны нужнике, который жители Пяти Королевств называли столицей. Город опоясывали

каменные стены под сотню футов высотой — и на них было более чем достаточно стражников, чтобы противостоять даже самой решительно настроенной армии.

Свободным городом правил Совет четверых, и эти четверо были, пожалуй, самыми могущественными и богатыми людьми во всех Диких Землях. Единственным способом попасть в Совет было купить себе место одного из действующих его членов, но мало у кого находилось столько денег, тем более что законы города запрещали заседать в Совете отпрыскам знатных семейств.

Свободные города в Диких Землях всегда сохраняли нейтралитет. Они подчинялись своим собственным законам и не принимали никакого участия в политических играх знати. По крайней мере, так гласили официальные манифесты, но Джекзет давно для себя уяснила, что богатые и могущественные редко остаются нейтральными к чему-либо. Никогда еще ей не доводилось видеть типов более самоуверенных, чем те, кто способен купить мнение остальных.

Стражники следили за девушкой с недобрым интересом, люди расступались перед ней, и даже торговцы, расположившиеся у ворот в надежде втюхать свои товары новоприбывшим, умолкали, когда она проходила мимо. Все видели, что у Джез нет денег, и все считали, что быть ей закованной в цепи и металлический ошейник уже к концу дня.

Было множество работ, за которые девушка ни за что бы не взялась. Например, она не стала бы грабить или торговать своим телом. Но она знала, куда ей идти. У Джеззет Вель'юрн еще осталась пара друзей в Диких Землях, и так получилось, что один из них владел трактиром в Чаде и занимался деловым посредничеством. У него обязательно найдется работенка, а может, и не одна. Хорошим людям в свободном городе всегда пригодятся услуги наемников.

Стражники были здесь повсюду, на каждой улице, — зверского вида мужики в металлических кирасах поверх красных дублетов, с мечами на поясах и палицами в руках. Преступления в Чаде совершались скрытно, потому что если тебя поймают, то наутро ты проснешься рабом, а если ты мужчина, то еще и евнухом. Время от времени можно было увидеть стражниц-женщин, но они были такими же суровыми, как мужчины, и примерно настолько же привлекательными. В Диких Землях взрослеешь и матереешь быстро.

Хотя, конечно, воров в Чаде тоже хватало. Джеззет чуяла их за милю. Они ошивались по улицам группами, даже не скрывая своих намерений, обменивались легкими кивками и переглядывались, решая, у кого лучше просто пошарить по карманам, а кого можно уволочь в переулочек и ободрать как липку. Все они игнорировали Джез, и девушка была этому только рада.

Когда она добралась до цели, солнце уже садилось, а ее ноги, казалось, готовы были отвалиться. Джеззет шла неделями, ее сапоги держались буквально на честном слове, а ступни сплошь покрылись волдырями. Тем не менее она остановилась, не доходя до трактира, и некоторое время наблюдала за зданием. Старый друг давно приучил ее к осторожности. Куда бы он ни ходил, всегда останавливался неподалеку и часами высматривал, нет ли внутри кого-нибудь знакомого. Джеззет недоставало его терпения, поэтому она подождала всего двадцать минут, прислонившись к стене и следя за трактиром.

Двадцать минут — и ни одного знакомого лица. Впрочем, неудивительно — большинство из тех, кого она знала, уже мертвы.

«Кроме моей доброй подруги Констанции. Вот будет сюрприз, если она ждет меня... Быть может, даже купит мне выпить, прежде чем убить».

Джез прогнала эту мысль прочь и с притворной уверенностью шагнула к двери трактира. Толчком открыв себе путь в призывное тепло, она, уже входя, вдруг заметила, что название заведения изменилось.

Раньше трактир назывался «Две бронзовые монеты», а теперь вывеска гласила: «Змеиный зуб». Это наводило на нехорошие размышления, но, в конце концов, трактир есть трактир, и если ее друга не окажется, она просто пойдет искать себе работу в другом месте.

Общий зал практически не изменился — все такой же обширный, хоть народу в нем было и поменьше. Компания из пяти моряков расселась у камина, веселилась от души и громко стучала пивными кружками при каждой шутке. Двое мужчин сидели отдельно. Один, судя по красному носу и не менее красным щекам, был пьян в стельку. Второй же укрылся в тени, надвинув на лицо капюшон. Четыре стражника заняли стол у дальней стены. Когда Джез вошла, они бросили в ее сторону мимолетный взгляд, а затем снова перестали замечать происходящее вокруг: самый крупный из них рассказывал историю о том, как он один бился сразу против троих — и всем навалял. Прямо над камином стену украшал огромный, чуть ли не в половину роста Джез, зуб с устрашающе острыми краями.

«Что ж, это объясняет смену названия. Просто большой чертов зуб».

Джезет поймала себя на том, что пытается представить зверя, которому такой клык мог бы принадлежать.

Девушка выбрала стол подальше от остальных и, присев за него, стала ждать появления хозяина заведения, нацепив маску мрачной задумчивости, которая, как она надеялась, у любого отобьет желание приставать к ней.

Пухлая служанка с глубоким декольте и радушной улыбкой двинулась к ней, но стоило толстушке подойти ближе, как лицо ее скривилось.

«Нравится запах?»

— Чего угодно? — спросила женщина, глядя на Джез поверх огромного бюста. — Деньги вперед.

Джезет смерила ее презрительным взглядом.

— Можешь привести хозяина.

Если служанка и смугилась, то виду не показала.

— Он натурой не берет.

«Сучка!»

— Конечно, зачем ему, когда рядом есть ты. — Голос Джезет был холоден словно лед. — Держу пари, ты даешь ему все, чего он хочет. Каждую ночь он бросает тебя на стол и хорошенько разрабатывает твою задницу. Достойная плата, ничего не скажешь.

Это заставило служанку заткнуться. Она залилась краской и потупилась.

«Прямо в точку», — позволила себе победную улыбку Джез.

— А теперь иди, позови хозяина и скажи, что здесь Джезет Вель'юрн.

Толстушка поспешила через зал и вверх по лестнице. Только теперь до Джез дошло, что если Гарод больше не владеет этим местом, ее имя будет лишь пустым звуком для того, кто теперь обхаживает огромный зад служанки.

Но в этот раз удача оказалась на ее стороне. Через несколько минут Гарод спустился по лестнице и с важным видом осмотрелся. Его ясные голубые глаза под густыми бровями остановились на Джезет, и хозяин заведения двинулся к ней. Гарод всегда был мужчиной в теле, но за прошедший с момента их последней встречи год совсем растолстел, отрастил второй подбородок и приобрел качающуюся походку человека, который не сознает

собственного веса. Его светлые волосы, некогда длинные, теперь были коротко острижены, но даже так не узнать его было невозможно. Он остановился у стола и с прищуром посмотрел на Джек.

— Разрази меня Вольмар, это ты! — загремел его голос. — Джеззет Вель'юрн. Вот уж не думал, что на своем веку увижу тебя снова. Кстати, ты зачем довела мою девчонку до слез?

— Мне кажется, ты сам не раз доводил ее до слез, старый ты засранец, — понизив голос, откликнулась Джеззет.

— Ну хорошо, ты сама знаешь, что да как. Она работает не только на разносе, — ухмыльнулась Гарод, и Джеззет ответила ему тем же.

Обычно, видя ее улыбку, люди говорили, что она красивая, но сама девушка была уверена, что выглядит скорее слегка сумасшедшей.

— Не хочу показаться грубой, Гарод, но я подыхаю от жажды.

— Не хочу показаться грубым, детка, но пахнешь ты дерьмово.

— Побочный эффект от ползанья в выгребной яме.

Гарод открыл было рот, чтобы ответить, но лишь засмеялся.

— Полагаю, тебе есть что мне рассказать.

— Под пиво рассказ идет легче, — настаивала Джез.

Гарод сокрушенно покачал головой:

— Вечно ты пользуешься моей доброй натурой, Джез. Я принесу выпить, а ты поведает, что за чертовщина с тобой стряслась. Как твой меч?

— Чуток затупился, но по-прежнему готов рубить.

— Дай мне, я скажу Джеймсу его заточить, пока мы будем разговаривать, а затем подыщу, чем бы тебе заняться.

— Хороший ты человек, — с улыбкой сказала Джез и выложила меч на стол.

Гарод взял оружие и вразвалочку удалился, а через несколько минут вернулся с двумя кружками пива. Опустившись на табурет напротив Джеззет, он терпеливо дождался, пока та опустошит свою кружку.

«О боги, еще несколько таких же не помешает. Будто годы минули с тех пор, как я в последний раз напивалась».

И девушка принялась рассказывать Гароду свою историю. Не только об Эйрике и Констанции — все, что случилось с ней за этот год. Ей было приятно поговорить с кем-нибудь, а Гарод всегда был хорошим слушателем, изредка вставляющим свои комментарии. За время рассказа Джез прикончила еще три кружки темного пива.

Она была навеселе, если не сказать больше, и ей было хорошо.

Гарод поднялся, не показывая ни малейшего признака опьянения, и кивнул:

— Что ж, Джез, оставайся у меня на ночь и приведи себя в порядок, а завтра мы поищем тебе работу, чтобы ты могла расплатиться за комнату и пиво.

«Бесплатный сыр бывает только в мышеловке».

— Ты настоящий друг, Гарод, — сказала Джез и вернулась к своему пиву, тогда как трактирщик поковылял прочь.

«Теплая постель и вдоволь пива — отличная ночка. Дела, похоже, налаживаются».

— Джеззет Вель'юрн...

Кто-то знает ее имя, а это всегда не к добру. Джез обернулась. Четверо стражников, до этого сидевших за столом, теперь стояли позади нее. Самый крупный, тот самый, что

хвастался перед остальными, держал руку на небольшой палице, висевшей у него на поясе.

— Вы ошиблись, ребята, — с улыбкой сказала Джез. — Но удачи вам в поисках.

Стражник-здоровяк выглядел сбитым с толку. Его взгляд сместился куда-то в другой конец зала.

— Ты уверен, что это она?

Джез посмотрела туда же и увидела Гарода. Толстый трактирщик убрался от Джез как можно дальше и теперь стоял, настороженно скрестив руки на огромном пузе. Он коротко кивнул стражникам, не сказав ни слова.

Сотни оскорблений в этот момент пронеслись в голове Джекзет, но она выбрала одно:

— Ублюдок!

— Нам не нужна драка, — сказал стражник-здоровяк. — Спокойно.

«Четверо на одну. Плохой расклад, Джез. И раздвигать ноги совсем не годится».

Девушка потянулась к мечу — и вдруг поняла, что его нет. Она доверилась Гароду и отдала этому жирному подонку свой клинок.

Здоровяк увидел, что Джекзет тянется к отсутствующему оружию, и двинулся к ней. Джез швырнула в него стул, и он поднял руки, защищаясь. Девушка рванулась вперед и пнула его в колено. Громила, вскрикнув от боли, рухнул на пол, но другой стражник, более мелкий, но зато с огромным крючковатым носом, уже наступал на Джез, держа в руках палицу.

«Если бы я только могла выхватить один из их мечей...»

Стражник взмахнул палицей, но Джез успела пригнуться и, шагнув вперед, двинула коленом ему в пах. Это должно было заставить блюстителя закона со стонами валяться на полу, но вместо плоти колено встретилось с чем-то твердым, и теперь пришел ее черед кричать. Джез попробовала дотянуться до меча противника, но его рука уже была на эфесе.

Кто-то схватил девушку сзади, и вдруг она ощутила, как ее ноги отрываются от пола, она летит по воздуху, а трактир вращается вокруг нее. Она налетела на что-то спиной, и это что-то обрушилось под ней. Деревянный стол. Джез, шатаясь, поднялась, и мир перед ее глазами слегка качнулся.

«Не стоило так много пить. Не стоило доверять этому ублюдку Гароду».

Здоровенный стражник быстро наступал на нее. Он замахнулся своей палицей, и Джекзет ушла в сторону, одновременно целясь кулаком ему в лицо. Они встретились. Джез услышала приятный звук ломающегося носа, ощутила, как из него брызжет кровь, — и ухмыльнулась.

«Навалял он трем мужикам в драке, как же...»

Внезапно острая боль пронзила ее голову, и мир залила ослепительная белизна. Джез не понимала, где находится. Что-то ударило ее в лицо, в грудь, приложилось ко всему телу. Должно быть, пол. А затем стало темно.

Часть вторая

СЕКРЕТЫ И ЛОЖЬ

Чад — самый крупный и богатый город во всех Диких Землях. Свободный город, подчиняющийся лишь собственным законам, управляемый собственным Советом и не принадлежащий ни одному из великих королевств. У Инквизиции нет власти в свободных городах, и Чад — не исключение. Танкуил находился здесь с позволения правящего Совета, чтобы допросить пленника, но не питал на свой счет иллюзий, понимая: ему здесь не рады.

Еще издалека Танкуил увидел, насколько это большой — почти как Сарт — и оживленный город. Корабли и лодки самых разных форм и размеров наводнили Радужную бухту, покачиваясь на тихих волнах. Мачты в количествах столь больших, что арбитру было лень считать, тянулись к небу — одни высоченные, словно шпиль, другие значительно ниже. Кас остановился у борта и объяснил, что временами — например, когда рядом проходит великое стадо — Чад переполнен и кораблям приходится целыми днями ждать свободного места у пристаней. Танкуил решил: он чертовски благодарен великому стаду, что в это время года его не бывает. Чем раньше он ступит на твердую землю, тем лучше.

— Почти прибыли. Все в порядке, как я и обещал. Никаких пиратов или морских змей, — сказал капитан, остановившись у привычного места Танкуила.

Тот столько времени провел, оперевшись именно на этот участок бортового ограждения, что матросы уже стали называть его «пристанищем арбитра». На всей «Насмешке моря» не было человека, который бы рано или поздно не пришел пообщаться с мракоборцем. Для моряков, похоже, это было сродни игре: кто сможет дольше всех говорить с охотником на ведьм. Танкуил меньше всего стремился занять компанию, но приходилось терпеть.

— Даже жаль, что не удалось увидеть морского змея, — отозвался он. — Чисто для того, чтобы доказать твою неправоту.

Капитан рассмеялся и ткнул Танкуила в спину. За эти три недели они провели много времени в беседах, и арбитр не мог не признать, что ему понравился старый моряк. Временами он был даже чересчур дружелюбным и честным, обожал хлопать людей по рукам или по спине, говорил то, что думал, и любил закрученную в бумагу травку.

— В следующий раз, как увидишь Вэнса, передай ему, что мой долг выплачен, хорошо? — попросил капитан.

— Инквизитора Вэнса.

— Ну да, старшего. Хотя младший ничем не лучше.

— По правде говоря, я бы с радостью больше никогда не видел обоих, — с ухмылкой сказал Танкуил. — Но он обязательно узнает, что я добрался быстро и без проблем.

— Ага, хорошо, — кивнул капитан, а затем отправился орать на какого-то беднягу из команды.

А Даркхарт остался размышлять, чем морской волк мог быть обязан человеку вроде инквизитора Вэнса. Он попробовал представить великого инквизитора на этом самом корабле, быть может, на этом самом месте, представить матросов, которые подходят к нему и говорят с ним, — но не сумел, поскольку, если верить слухам, даже другие инквизиторы боялись Артура Вэнса.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Когда корабль пришвартовался, Танкуил смог увидеть, насколько загружен порт.

Матросы сновали буквально везде: одни работали, другие чего-то ждали, третьи собирали плату, а четвертые группами направлялись, естественно, к ближайшим борделям. Когда неделями живешь на корабле в компании одних мужиков, неудивительно, что в голове только и остаются мысли о теплой постели да хорошенькой девчужке. Хотя Танкуил слышал, что в некоторых борделях в Диких Землях даже не заботятся о кроватях — женщины обслуживают мужчин прямо в общем зале, как животные на воле.

Бочки и ящики, сумки и пассажиры, рабы и товары — все это непрерывающимся потоком выгружалось с кораблей. Танкуил видел ящики, полные провизии, шелка или других тканей, связки оружия всех форм и назначений. Одним капитанам платили, чтобы они привозили товары только определенным торговцам, другие же просто загружали свои суда чем подешевле, чтобы продать это добро прямо тут, на причале. Купцы сновали туда-сюда, оценивая товары, предлагая цену за них и договариваясь о количестве. Капитаны, поторговавшись, приказывали своим командам выгружать необходимое, и сделку можно было считать состоявшейся. После этого в дело вступали люди купцов, которые забирали ящики и тюки в город. За всеми действиями неусыпно следили как городская стража, так и маленькие жадные портовые чиновники, не забывающие взимать положенный налог. Забавно, но в свободных городах на деле ничто не было по-настоящему свободным.

Когда корабль пристал к пирсу, капитан первым шагнул на трап и сразу же принялся спорить с портовым управляющим. Вслед за ним матросы начали разгружать судно. Подгадав момент, когда путь будет свободен, Танкуил сошел на пристань. Он слышал, как Кас желает ему удачи, но проигнорировал парня и зашагал навстречу свободному городу Чаду.

Едва ступив на пирс, Даркхарт сразу же оказался окружен людьми. Одни предлагали ему свои услуги, другие пытались втюхать товары. Некоторые продавали самих себя. Они наседали со всех сторон, и казалось, конца им не будет — сколько бы Танкуил ни оставлял за спиной, перед ним всегда возникали новые. Но что хуже, арбитр чувствовал, как дрожит в кармане его рука. Уже три недели он ничего не воровал, и теперь, в новом и чуждом для него месте, жажда взять что-то, ему не принадлежащее, разыгралась с новой силой.

Но даже в давке и шуме толпы Танкуил ощутил, как чья-то рука изнутри коснулась его плаща. Касание легкое и мимолетное — другой бы его и не заметил, — но Даркхарт знал технику воровства в совершенстве. Молниеносным движением он схватил руку, которая уже держала его кошелек, и выкрутил ее. Раздался жалобный визг — и на землю упала девочка, а ее локоть был выгнут под опасным углом. Чуть больше силы — сломается, как сухая ветка. Толпа вокруг расступилась, а пара особо ретивых товарищей предпочла украдкой улизнуть и затеряться в толпе.

— Какие-то проблемы? — раздался неподалеку громкий и властный голос, принадлежащий, судя по всему, стражнику, окруженному группой таких же дюжих молодцев.

Танкуил выдернул кошелек из руки девочки и спрятал обратно в карман. Толпа вокруг рассосалась, уступив место стражникам в красных дублетах с металлическими нагрудниками и деревянными дубинками. Мракоборец отпустил девочку, и та уставилась на него испуганными глазами. Она была совсем юной, лет двенадцати или около того, и носила довольно дорогую одежду, правда, по стилю больше подходящую мальчику. В Пяти Королевствах или в Акантии Танкуил принял бы ее за избалованного отпрыска какого-нибудь знатного рода, но здесь, в Чаде, знати не существовало — только разодетое ворье.

— Воровала, да? — спросил стражник, свирепо ухмыляясь.

— Я вот думаю, что делают с ворами в Чаде... — протянул Танкуил.

— Как и везде. Наказывают.

— Воров загоняют в рабство, — выпалила девочка, совсем поникнув.

— Молчать! — рявкнул стражник. — Доброму господину нет дела до таких, как ты.

Танкуил с трудом сдержал стон. Не успел он сойти на твердую землю, как уже обрекает ребенка на пожизненное рабство. Естественно, слухи разлетятся быстро, и скоро все будут судачить об арбитре, который, едва прибыв в город, сразу же осудил невинное дитя.

— Уверен, девочка вроде тебя должна знать дорогу к убежищу Инквизиции, — сказал Танкуил. — Где-то рядом с террасой ремесленников, возле ратуши.

— Ага. — Слова рвались изо рта малышки так быстро, что налезали одно на другое. — Я знаю это место. Я могу отвести тебя туда.

— Тогда хорошо, — делано улыбнулся Танкуил. — Мне жаль, но здесь произошла ошибка. Она ничего не крада, лишь предложила свои услуги проводника по вашему замечательному городу. Будучи здесь впервые, я, пожалуй, приму ее предложение. Простите, что отняли ваше время.

Стражник посмотрел сначала на девочку, а затем на арбитра. Его правая рука сняла дубинку с пояса.

— Слушай, друг. У нас так дела не делаются. Мы видели, что она ворует.

Танкуил чувствовал себя неуютно в окружении толпы, собравшейся посмотреть представление. Девочка вся побелела, понимая, что ее жизнь сейчас висит на волоске. Перспектива провести остаток дней в рабстве и Танкуила напугала бы до дрожи.

— Арбитр, — поправил стражника Танкуил. — Называйте меня арбитром. Плащ конечно, убитая дешевка, так что смотрите на пуговицы.

— Это не важно. Будь ты хоть самым долбаным императором, мне все равно. У тебя здесь нет власти! — прорычал стражник, сделав небольшой шаг назад.

Танкуил, напротив, шагнул вперед. Девочка держалась рядом.

— О, поверь мне, сила моя всегда при мне. Что до полномочий, то они у меня тоже есть. Правящий Совет Чада наделил эмиссара Инквизиции временными полномочиями и черте города, и так получилось, что я как раз тот самый эмиссар.

— Это правда, — включился в диалог другой стражник. — Совет запрашивал арбитра. Для той, что в тюрьме.

— И сейчас мы уходим, — сказал Танкуил стражникам, недвусмысленно давая понять, что те свободны. — Веди, девочка.

— Ага, — пискнула она и зашагала вперед.

Блюстители закона разошлись в стороны, давая дорогу, и Даркхарт последовал за ней, надеясь не почувствовать затылком удар тяжелой деревянной дубинки. Похоже, удача улыбалась ему. С громким ворчанием стражники двинулись обратно по своим постам, и портовая жизнь вернулась в обыденное русло. Купцы ринулись занимать пустые места, и вновь поднялся шум, способный поспорить с раскатами грома.

Танкуил облегченно выдохнул. Девочка все время посматривала на него, должно быть, гадая, сможет ли улизнуть. Для себя Даркхарт уже решил, что не станет тратить время и гоняться за ней.

— Ты действительно арбитр? — спросила она.

— Да.

— Что-то не сильно похож.

Танкуил пожал плечами:

— Ты тоже не похожа на обычную воровку. Стражники уж очень хотели тебя забрать.

Девочка сплюнула:

— Страже платят за каждого нового раба. Это заставляет их трудиться усерднее. За молодых девушек полагается надбавка. Одну мою подругу однажды взяли, так вот она...

— Тебе лучше следить за дорогой, девочка, — оборвал ее Танкуил.

Еще на борту лодки он вдоволь наслушался историй о «старых друзьях», и все они заканчивались либо утоплением, либо ударом в спину, либо гибелью в пасти кракена. Одна, помнится, завершилась тем, что левиафан утащил в морскую пучину целый корабль со всей командой.

— Конечно. Я не...

— Я дам тебе бронзовую монету, если ты мне расскажешь что-нибудь о женщине в тюрьме.

— У тебя в кошельке явно больше одной бронзовой, я почувствовала.

Танкуил не ответил. Он не собирался спорить с девчонкой, которая только что пыталась его ограбить. Не после того, как он спас ее от судьбы худшей, чем смерть.

— Говорят, она опасна. Стража недавно поймала ее. Она убила четверых солдат, причем одного голыми руками. Бен рассказывал, что видел ее. Он говорил, что у нее в глазах пламя и что она сожгла одного из стражников заживо, просто посмотрев на него. Безумная — так они ее называли. Она дралась мечами, рвала их когтями и зубами, а взяли ее только потому, что она была пьяна. Ее заковали в цепи и бросили в тюрьму в ожидании кого-нибудь, знакомого с такими делами. Это же ты, так ведь?

И снова Танкуил промолчал. Девчушка косила на него глаза, ожидая подтверждения. Вне всякого сомнения, весть о прибытии арбитра разлетится по городу со скоростью лесного пожара. Информация, как всегда, на вес золота.

— Дай мне мою монету.

Даркхарт потянулся к одному из множества карманов своего плаща, вынул оттуда маленький бронзовый кружок и покрутил его в пальцах. Девочка жадно следила за его движениями.

— Получишь, когда я прибуду на место.

Чад был большим городом, разделенным на четыре квартала: гавань, террасу ремесленников, Золотой город и Старый город. Девочка объяснила Танкуилу, что потребуется полдня, чтобы пешком пройти от одного конца города до другого. Арбитр мысленно поблагодарил градостроителей за то, что терраса ремесленников была расположена совсем недалеко от доков.

По дороге они миновали всевозможные виды лавок, мастерских, складов, жилых домов, таверн и сторожевых башен. Стражники толпами сновали по улицам и следили за происходящим голодными глазами. Девочка рассказала, что городская стража насчитывает тысячи человек, и Танкуил с легкостью готов был в это поверить. Рабов было еще больше. Одни избитые, другие в цепях — все как один в ошейниках и с метками. У мужчин знак их хозяина выжигался на левой щеке, а у женщин — на левой руке.

Танкуилу видеть невольников было не в новинку. Сарт тоже строился на спинах тех, чьи жизни принадлежали другим, — правда, еще никогда арбитр не видел настолько плохого к ним отношения. Рабы носили лохмотья, многие были босы. Одни таскали товары для своего

господина, другие носили самих господ в огромных, богато украшенных паланкинах, и все это под беспощадным полуденным солнцем. Даркхарта поразило, что с лошадьми в Чаде обращались на порядок лучше.

Девочка не солгала — она действительно знала дорогу и привела Танкуила именно туда, куда ему было нужно. Дом в самом деле находился на террасе ремесленников, не более чем в двадцати шагах от ратуши, где в поисках работы ошивался разномастный люд.

На доме был изображен символ Инквизиции, так что Танкуил бросил девочке монетку, и маленькая воровка испарилась прежде, чем он успел поблагодарить ее. Арбитр со вздохом поднялся по ступенькам, постучал и стал ждать. Это был неприметный, скромный дом: маленький, построенный из камня, как, похоже, и большинство зданий на террасе ремесленников; тяжелая деревянная дверь, два окна, заколоченных изнутри. Танкуил постучал снова. Все еще никакого ответа.

— Ты один из этих, арбитров? — раздался за его спиной голос.

Танкуил обернулся и увидел закутанную в мантию фигуру; из-под капюшона блестели настороженные глаза. Мужчина кашлянул в замотанную руку.

— На мне плащ арбитра, — ответил Танкуил.

— Забавная одежда еще ни о чем не говорит. Хочешь попасть внутрь-придется доказать свою принадлежность.

Танкуил стиснул зубы. Он ненавидел задавать вопросы.

— И кому я должен это доказать?

— Мне, — вздрогнув, ответил мужчина у подножия лестницы, а затем поклонился Танкуилу. — Давно уже я не чувствовал на себе принуждения. Неприятно, как и всегда. Прости за этот тест, арбитр. В прошлом нам приходилось иметь дело с людьми, которые прикидывались членами Инквизиции.

Человек выпрямился во весь рост и распахнул мантию, под которой оказался костюм из темно-красного шелка.

— Я — арбитр Танкуил Даркхарт. А ты, должно быть, клирик, приписанный к Чаду.

— Да, арбитр, — подтвердил мужчина. Его акцент жителя Диких Земель сменился сартским. Он поднялся по ступеням и вставил ключ в замок. — Клирик Мойн. Если тебе что-нибудь понадобится, не стесняйся.

Внутри дом оказался обустроен добротно, но аскетично. Все в нем служило одной цели — быть местом, где арбитр мог бы спать по ночам.

— Мне нужны еда и постель, клирик Мойн. Завтра ты покажешь мне, где зал Совета, а после этого я осяду в трактире до конца пребывания в городе. Сюда я вернусь, только если мне потребуется больше денег.

— Как угодно, арбитр Даркхарт. Ах да... Добро пожаловать в Чад.

— Добро пожаловать в Чаде.

Бетрим уже не в первый раз был в Чаде, и, надо сказать, с прошлого раза впечатления лучше не стали. Наемник оттолкнул в сторону тщедушного торговца, приветствовавшего его, и посмотрел по сторонам. Слишком жарко, слишком много стражи, слишком много торговцев, слишком много соли в воздухе, слишком много надоедливой суеты.

— А я никогда раньше не был в Чаде, — пролепетал Зеленый, с раззявленным от удивления ртом глядя на зрелище порта.

— Да мы это уже поняли из первой сотни раз, как ты это сказал, — вздохнул Мослак.

До этого Бетрим считал, что провести два дня в одном помещении с бандой — сущий кошмар, но две недели с ними на борту бота оказались намного хуже. Мослак как-то умудрился подружиться с целым легионом крыс, которые вечно кружили вокруг него и пищали, требуя еды. Генри и Босс, кажется, все путешествие самозабвенно отдавались друг другу, при том что вся шайка обитала в одной каюте и ни о какой приватности речи не шло. Зеленый без конца прожигал Бетрима взглядом, когда думал, что тот этого не видит. Пора было парню уже понять, что у Черного Шипа глаза есть и на затылке. Шустрый был единственным более-менее сносным компаньоном, и то потому, что большую часть времени отсутствовал. Каким-то чудом он умудрился залезть в постель ко всем четырем женщинам на корабле, включая жену капитана. Хвала богам, что из-за Шустрого всех их не вышвырнули за борт.

Босс распрощался с капитаном, спрыгнул на деревянный пирс, плечами растолкал своих людей и повернулся к ним лицом.

— Вот мы и прибыли. Я знаю, что всем вам пришлось вытерпеть, но отдыхать и любоваться достопримечательностями пока рано. Мослак, бери Зеленого и найдите нам пристанище поспокойнее и поближе к воротам.

— Будем быстро сваливать, Босс? — пробасил Мослак.

— Всегда есть такая вероятность. Шустрый, наостри уши. Я хочу знать все, что происходит в Чаде.

— Было бы проще, если бы я располагал парой монеток, чтобы дать кому надо на лапу.

— А когда нам было просто? Генри, вы с Шипом раздобудьте припасов — своих у нас осталось мало. Но деньги тратьте с умом. Ну а я встречусь кое с кем по поводу работы. Все знают «Морской пенни»?

— Ага.

— Да, Босс.

— Угу.

— Нет.

— Хорошо. Встретимся там на закате.

Так банда разделилась. Бетрим обнаружил, что Генри скалит на него зубы.

— Что? — спросил он, толкнув девушку плечом так, что та чуть не упала.

— Рыжеешь.

Бетрим запустил грязную руку в спутанные лохмы. Она была права. Черный Шип не красил волосы уже почти месяц.

— Стоит поискать несколько экканских орехов.

Генри покачала головой, все еще по-волчьи скалясь и демонстрируя хорошие зубы за рассеченными шрамом губами.

— Босс сказал тратить с умом. — Она двинулась вперед. — Хотя для такого дела у Рыжего Шипа, уверена, всегда найдется звонкая монета.

Чад всегда пробуждал воспоминания, и далеко не самые приятные. Убив своего второго арбитра, Бетрим незаметно проник на корабль и так оказался в свободном городе. Тогда он был безвестным мальчишкой, у которого еще молоко на губах не обсохло, всего лишь с несколькими убийствами на счету. Едва он выбрался с корабля, не прошло и пяти минут, как стражники попытались схватить его. Бетрим врезал одному промеж ног и убежал. После этого он проработал почти год, охраняя купеческий склад. Торн был самым молодым и неопытным из всей бригады, и двое парней покрупнее решили заняться им лично. Не раз и не два после получки они избивали его и отбирали заработанные деньги, не раз и не два из-за этого он голодал. Но однажды поутру обоих обнаружили в их постелях с перерезанными глотками. После этого Бетрима стали уважать.

В Чаде тоже нашелся арбитр, пятый для Бетрима. Торн не знал его имени, даже не мог вспомнить лица, но зато прекрасно помнил, как убил. Он два дня следовал за арбитром, наблюдал, выжидал. А потом, на торговой площади, подошел к нему со спины и вонзил длинный изогнутый кинжал прямо под ребра. Оставив клинок в теле мракоборца, он ушел еще до того, как кто-нибудь сообразил, что происходит. Это было самое чистое убийство из всех, что ему доводилось совершать. Определенно лучше, чем сжигать дотла целый город.

— Ты как? — спросила Генри. Она пристально смотрела на него. — Видок у тебя тот еще.

— Воспоминания, вот и все. Здесь, в Чаде, меня дважды чуть не отправили к праотцам.

— Знаю, — с ухмылкой отозвалась девушка.

— Первый был еще совсем мальчишкой, как Зеленый. Должно быть, пытался сделать себе имя. Молчаливый ублюдок не задел ни одного важного органа, так что я снял ему голову с плеч.

— Я никогда не промахиваюсь.

— Промахиваешься. Твой шрам говорит об этом.

Генри снова оскалилась.

— Я никогда не промахиваюсь.

Бетрим на это лишь пожал плечами. Впереди находился рынок, Торн уже его видел — все та же дыра, что и раньше. Полно людей, полно запахов, полно шума, полно опасностей. На рынках Чада постоянно кто-то умирал. Одни погибали в драках из-за цен, другие попадались на воровстве, а некоторых попросту затаптывали насмерть, чаще всего детей или женщин — кто будет разглядывать, что у него под ногами!

Сотни видов специй наполняли воздух ароматами, вместе создавая жуткую въедливую вонь. Шум стоял оглушительный — люди кричали один на другого, покупая, продавая, споря. Толпа давила со всех сторон — огромная масса человеческой плоти, собранная в одном месте. В этом-то, по мнению Бетрима, и крылась проблема рынков как таковых. Ты не можешь учуять, услышать или увидеть чужое приближение. Опасные места эти рынки.

— Так что мы здесь делаем? — сквозь шум окликнул он Генри.

— Как сказал Босс, ищем припасы.

— Еду?

Генри засмеялась:

— Хочешь еды — попроси Мослака достать пару крыс.

Бетрим кивнул:

— Мясо есть мясо.

— Нам нужны припасы для работы. На что бы крупное ни нацелился Босс, сейчас у нас нет денег, чтобы это потянуть. Так что сначала он найдет нам что-то помельче, чтобы поправить положение, обеспечить нас всем необходимым, и чтобы вы с Шустрым могли ходить по шлюхам до тех пор, пока мы не закончим.

— Можешь сама раздвинуть перед ним ноги. Сэкономим пару монет, — сказал Бетрим, расплываясь в улыбке.

Но Генри осталась серьезной:

— Я лучше трахну Зеленого, чем этого ублюдка-полукровку.

Генри знала, что им необходимо и куда за этим нужно идти, так что Бетрим просто следовал за ней. Уже после первого купца стало ясно, почему Босс отправил их вдвоем. Генри хорошо знали в Чаде, а Черного Шипа хорошо знали вообще везде, и оба их имени неплохо нагоняли на людей страх. Торговцы резко теряют желание спорить, когда их клиент славится своей привычкой убивать забавы ради. Не то чтобы Бетрим когда-либо убивал просто так, но он уже давно решил не оспаривать собственную репутацию.

К закату они достали все из списка Генри, причем по цене явно меньшей, чем оно того стоило. Бетрим даже сумел разжиться пригоршней экканских орехов, чтобы покрасить волосы. Паста из них, конечно, несколько дней воняет как дерьмо, но это всяко лучше, чем огненно-рыжая шевелюра.

Босс припозднился, а когда явился, то выглядел еще мрачнее обычного.

— Ты нашел нам место, Мослак?

— Да, прямо за углом, в Старом городе. Предыдущий обитатель давно мертв и успел хорошенько подгнить. От трупа избавились, а Зеленый проблевался.

— Мать твою, Мослак! Ты же обещал никому не рассказывать.

— Ага, обещал.

— Довольно. — Босс говорил коротко и отрывисто, в его голосе сквозила угроза. — Веди.

Мослак не соврал насчет их нового обиталища. Внутри стояла удушающая трупная вонь — впрочем, наемникам и не с таким доводилось мириться. Дом представлял собой одноэтажную деревянную хибару с надежной крышей и двумя комнатами с парой кроватей. Условия почти роскошные.

— Что у тебя, Шустрый? — спросил Босс, когда все расселись.

— Много хорошего и плохого. Для начала: в городе ошивается арбитр.

Все взгляды устремились на Бетрима. Он ничего не сказал, лишь продолжил перетирать орехи в порошок.

— Может, он не за тобой, Шип, — сказал Босс.

— Пока не знает, что я здесь. Лучше нам поскорее закончить с работой и убраться отсюда.

Бетрим сбежал в Дикие Земли, чтобы скрыться от арбитров, но они, похоже, ждали его повсюду, куда бы он ни сунулся.

— Хорошая новость состоит в том, что наши проделки в Коррале остались в Коррале, — продолжил Шустрый. — Никаких наград за наши головы. Чистокровки снова развязали войну, но Чада это коснуться особо не должно. Ах да, жена Мослака тоже в городе.

Здоровяк резко вскинул голову, и Бетрим увидел в глазах друга панику. Такое с ним бывало только тогда, когда Бет маячила где-то поблизости.

— Есть шанс, что мы вернемся в Коррал, Босс?

— Я нашел нам работу, — сказал южанин, но Бетрим видел, что он вовсе не в восторге.

— Мы же за этим сюда и прибыли, так ведь? — спросил Шустрый.

— Для большого дела нам понадобятся средства, так что пока займемся другим. — Босс выдержал паузу, и в первый раз с момента их встречи Бетрим увидел, что он нервничает. — Будем работать на Мертвоглазую.

— Босс... — начал Мослак.

— Это плохая идея, — закончил Шустрый.

Бетрим молчал. Генри тоже, но было видно, что она совсем не рада. Во всех Диких Землях только имя Мертвоглазой имело вес больший, нежели имя Бетрима. Даже Зеленый не проронил ни звука.

— Она здесь? В Чаде? — спросил Бетрим.

— Пока нет, но скоро будет.

— Мертвоглазая никуда не ходит без своей армии, — встряла Генри.

— Армиям нет хода в Чад, — отозвался Шустрый.

— Не всю — разумеется, нет, но какую-то часть она с собой проведет.

— Кто-нибудь из нас переходил ей дорогу? — спросил Мослак.

Все снова посмотрели на Бетрима.

— Нет. Я встречался с ней лишь однажды, еще до того, как случилась та история с глазом.

— Поговаривают, что ей даже повода особого не нужно, чтобы убивать, — сказал Шустрый.

— Довольно. — Босс произнес это тихо, но голос его буквально сочился угрозой. Этого хватило, чтобы заставить замолчать обладателей четырех самых громких имен в Диких Землях. — Я уже взялся за эту работу. Она принесет нам денег и позволит оказаться там, где нужно. Хорошо?

Наступила тишина. Каждый раздумывал над идеей наняться к Мертвоглазой.

— Что за работа? — первым молчание нарушил Зеленый.

Босс злобно осклабился:

— Мертвоглазая хочет, чтобы кое-кто сбежал из тюрьмы.

— Арбитр Танкуил Даркхарт...

Танкуил устал от того, что люди произносят его имя. Конечно, ему должно было льстить, что в последнее время оно на слуху у власть имущих, но он давно уяснил, что чем больше о тебе говорят, тем больше от тебя хотят.

Арбитр проигнорировал глашатая и вошел в зал для аудиенций с высоко поднятой головой и хрустальной пробкой от винного графина в кармане. Вряд ли пропажу скоро заметят, да и едва ли кто-то решится подозревать арбитра в воровстве. Кроме того, красному вину полагается дышать.

Зал для аудиенций представлял собой длинную комнату, украшенную богато, но совершенно безвкусно. Кроваво-алые ковры, белоснежные шелковые занавески на окнах, два камина, чересчур больших и ослепительно сверкающих золотым орнаментом, оба в дальних углах зала, один справа от Танкуила, другой слева. Прямо перед арбитром стоял стол — огромное деревянное уродство, заваленное бумагами, картами, таблицами, монетами и всякими безделушками, а за ним восседали четыре человека.

Глашатай встал подле Танкуила и вновь заговорил:

— Лорд Фарин Колт. — Крайний слева мужчина коротко кивнул, отчего его многочисленные подбородки противно всколыхнулись.

Мало кто мог поспорить в ожирении с лордом Фарином. На нем был дорогой шелковый наряд цветов небесной лазури и золота, в изобилии испещренный пятнами пота. Золотые украшения унижали его руки, а в каждом ухе он носил по серебряному колокольчику. Танкуил знал, что стоит ему пожать руку толстяку, и он обязательно стащит одно из золотых колец.

— Лорд Зхо.

Сидящий рядом с Фарином человек отличался от него настолько разительно, насколько это вообще было возможно. Кожа черная, а не белая. Тощий, костлявый, явно с жестким характером. Простая коричневая накидка, единственное украшение — деревянная палочка, продетая в переносицу. Он смерил Танкуила взглядом маленьких темных глаз. Раньше такой взгляд, наверное, напугал бы арбитра, но после встречи с великим инквизитором лорд Зхо казался ему не страшнее щеночка.

— Альфер То'ан.

Высокий, пухлый, женоподобный. Танкуил готов был поставить все содержимое своих карманов на то, что он евнух. То'ан был облачен в голубую мантию с черным кружевом, а на каждом пальце носил по серебряному кольцу. Он улыбнулся арбитру, словно кот — мышке.

— И от лица капитана Дрейка Моррасса будет говорить Белпер Фрот.

Крайний справа мужчина был высоким, тощим и походил скорее на моряка, нежели на градоправителя. Он носил белую матросскую блузу и не щеголял дорогими украшениями, не считая простой сережки в правом ухе, а вокруг левого глаза на смуглом лице красовалась татуировка.

Глашатай поклонился и отошел назад. Танкуил по очереди посмотрел на каждого из присутствующих.

— Значит, капитан Моррасс посадил на свое место лакея.

После этих слов, сорвавшихся с его языка, Танкуил понял, что слово «лакей» было

плохим выбором.

Евнух хихикнул и заговорил высоким девичьим голоском:

— Ох, ну разумеется. Наш Дрейк редко когда сам присутствует. Сомнений нет, пиратствует или, как я слышал, всюю обхаживает драконью императрицу.

— Насколько я его знаю, скорее всего, и то, и другое, — произнес толстяк слева.

— Понятно, — сказал Танкуил, а затем слегка склонил голову. — Что ж, лорды, от имени Инквизиции и по вашему требованию — я к вашим услугам.

— Никогда еще мне не служил арбитр, — ввернул толстяк.

— Лично я надеялся увидеть инквизитора, — небрежно бросил пират справа.

— Уверяю вас, я куда приятнее в общении любого из инквизиторов. Они есть воплощенный злой рок, и будь один из них здесь, как минимум двое из вас уже бы корчились в огне, — улыбнулся Танкуил.

Это заставило мужчин перед ним замолчать. Очевидно, все гадали, кто оказался бы этими двумя.

— Ты здесь не для болтовни, охотник, — произнес лорд Эхо. Он не сводил взгляда с Танкуила с самого момента его появления. — У тебя есть работа.

— Да, конечно. В вашей темнице сидит женщина, и вы хотите, чтобы я допросил ее...

— Мы хотим узнать, как убить ее, — подчеркнуто растягивая слова, сказал Фрот.

— О... точно. — Танкуил сделал паузу. — Полагаю, вы испробовали все традиционные методы: кололи ее — и далее в этом духе.

— Да, — подтвердил пират. — Она всегда возвращалась.

— Эм... она... возвращалась...

— Да.

Пират, очевидно, думал, что такого объяснения достаточно. Евнух оказался более полезным.

— В первый раз она напала на четырех наших стражников в таверне и всех их убила. Это было жутко. Кровь повсюду и запах ужасный. Когда прибыло подкрепление, они таки смогли ее одолеть. Кололи в грудь, пока она не умерла.

— Значит, она все же умерла, — констатировал Танкуил.

— О, безусловно. Удар прямо в сердце. После этого мы предали ее тело морю. А два дня спустя она вышла из воды, нагая и без единой царапины.

Собирательное «мы». Танкуил не сомневался, что евнух никогда не был рядом с женщиной.

— И вы убили ее снова...

— Естественно, — снова вступил пират. — Она убила еще нескольких стражников, так что мы утыкали ее стрелами, но в этот раз бросили в темницу. Решили посмотреть, вернется ли она снова.

— Что она и сделала, — закончил за него Танкуил.

— Да. Она просидела там несколько недель безо всякой еды, но так и не умерла. Вот почему мы запросили тебя.

— И вы хотите, чтобы я убил ее...

— Нет, — взял слово лорд Эхо. Говорил он коротко и твердо: — Мы хотим, чтобы ты сказал нам, как убить ее. Ты... советник, и полномочий здесь у тебя нет.

— Понимаю, но я не вижу причин, почему Инквизиция должна это делать. Вы просите помощи в ее убийстве, ничего не предлагая взамен.

Лорд Зхо наклонился вперед.

— *Экфор но. Алабуш ке 'акт. Феннациун боласт.*

Евнух вздохнул.

— Он говорит: «Она ведьма, а ты охотишься на ведьм». Ну, примерно так, если отбросить крепкие словечки.

— Прозвучало довольно гневно, — согласился Танкуил.

— Кроме того, Инквизиция уже согласилась. Ты здесь для того, чтобы делать свое дело, а не препираться.

— Ваша правда, — с легким поклоном отозвался Танкуил. — Мне нужно время для подготовки. Утром первым делом я увижу эту женщину и доложу сразу же, как только найду решение.

Последовала короткая пауза, пока мужчины переглядывались, а затем толстяк слева провозгласил:

— Нас такой вариант устраивает. Ты свободен, арбитр.

Танкуил фыркнул, тряхнул головой и, развернувшись, стремительно покинул зал. По правде говоря, перспектива встречи лицом к лицу с бессмертной ведьмой прямо сейчас его совсем не прельщала. А вот идея найти таверну и провести вечер за выпивкой выглядела куда более заманчивой.

— Мы на месте? — спросил Шустрый.

— Не сильно похоже на темницу, — отозвался Мослак.

— Ага, — сказал Бетрим. — Я побывал в паре таких, и поверь — это точно темница.

— О, ты не знаешь, где довелось побывать мне, — с ухмылкой выдал Шустрый.

Все посмотрели на него, а потом дружно расхохотались.

Тюрьма была частью казарм стражи в Старом городе — большое каменное двухэтажное строение со множеством зарешеченных окон. Наемники обошли здание по периметру, и это заняло у них около десяти минут. Внутри вел собственный вход, но Бетрим не сомневался, что он соединен с казармами. Хотел бы наемник сказать, что надежнее всего просто войти, не будь он уверен: стража тут же схватит Черного Шипа. Лично его такой вариант не устраивал.

— Так как мы будем это делать? Ты хоть раз устраивал чей-нибудь побег, Шип? — спросил Шустрый, пожевывая какой-то непонятно где раздобытый листок, который жутко вонял — хотя не Бетриму с его смердящей пастой из экканских орехов жаловаться — и придавал слюне Шустрого голубой цвет, но ублюдок божился, что это делает его более бдительным.

— Да, раз или два. Проще всего просто войти внутрь, размахивая топором, и выйти несколькими трупами позже. Кровавая работенка, но все же... — Бетрим окинул взглядом товарищей — все они давно привыкли к кровавой работе, кроме, пожалуй, Зеленого.

Мослак сплюнул.

— Думается мне, слишком много трупов получится. Пойдем напролом — и ляжем: внутри будет тесно. — Бетрим хорошо знал, что Мослак любит драться, когда вокруг есть где размахнуться его здоровенным мечом.

— Всегда можно сдаться и потом уже устраивать побег изнутри, — продолжал Бетрим. — Хотя мне эта идея никогда не нравилась.

— Не знаю, — глумливо произнес Зеленый. — Ты — да в тюрьме... Звучит не так плохо.

— Заткнись, тупой ты идиот. Еще один вариант — скрытое проникновение. С решетками это не так-то просто, но возможно.

— Я однажды слышал, как какие-то парни обвязали прутья веревкой, прицепили ее к лошади, а затем пришпорили животину. Веревка натянулась и вырвала решетку к чертям, — сказал Мослак, кивая самому себе.

— У нас нет лошади, — заметил Бетрим.

— Можно украсть.

— Хм, может сработать.

Шустрый покачал головой:

— Как по мне, так слишком шумно получится. Думаю, Босс хочет провернуть все потихому, без шума, пыли и трупов.

— Когда в последний раз у нас была работа без трупов? — спросил Бетрим.

Никто ему не ответил. Впрочем, он этого и не ожидал.

— Значит, тихо войти и тихо выйти? — подал голос Зеленый.

— Похоже на то, — подтвердил Шустрый. — Для начала нужно выяснить, где держат

пленницу, и проникнуть внутрь как можно ближе к этому месту. Нет ничего хуже, чем войти и понять, что цель на другом конце тюрьмы.

Бетрим потер обрубки среднего пальца и мизинца на левой руке. Он ненавидел планирование — столько всего нужно обмозговать, а в итоге все равно что-нибудь упустишь... Он предпочитал идти в бой с топором наголо и заливать все вокруг кровью, но именно поэтому Торн и не был главным. Бетриму никогда не нравилась идея стоять во главе собственной команды. Руководить даже этой маленькой группкой — уже задача не из легких. Слишком много громких имен со своими идеями и своими проблемами.

Бетрим вспомнил другую команду с громкими именами, в которой он когда-то состоял, еще до того, как сделал имя себе. Дерьма тогда в нем было почти столько же, сколько сейчас в Зеленом. Командовал ими человек по кличке Альый Клык, хотя красными были все его зубы. Еще с ними был Ночной Клинок, для команды — Альфин Тетер. Тогда Ночной Клинок был одним из самых известных наемных убийц в Диких Землях. Поговаривали, что от его руки людей полегло больше, чем сгнуло в море, но никто не мог доказать, какие именно убийства совершены им.

Альфин с Бетримом неплохо поладили. Торн был неопытным, как Зеленый, но не тупым, чтобы рассчитывать сделать себе имя, убив кого-нибудь вроде Ночного Клинка. Другие же не так хорошо воспринимали присутствие в их группе ассасина. Бетрим помнил разговоры о том, что отравители — никчемные и трусливые подонки.

Он покинул команду по-плохому: никому не нравилось иметь под боком человека, за которым охотятся арбитры, а Торн тогда только что убил своего третьего. Спустя некоторое время в одном из борделей до его ушей дошел слухок, что всю ту банду нашли мертвой, за исключением Ночного Клинка, и никто не мог сказать, отчего они погибли. Ни порезов, ни синяков, ничего. Просто мертвы и обворованы. С тех пор никто больше не слышал об Альфине Тетере.

— У них же окна, правильно? — вернул Бетрима к действительности голос Зеленого.

— Да, зарешеченные, — отозвался Шустрый.

— Не мешает позаглядывать внутрь и найти, в какой камере девчонка. Вряд ли здесь сидит много сучек в цепях.

Все на мгновение замерли, размышляя над сказанным. Шустрый похотливо усмехнулся. Сам Бетрим предпочитал, чтобы его женщины были усердными и исполнительными, даже если за это нужно платить.

— А ведь Зеленый в кои-то веки прав. Здесь, в Чаде, если тебя поймали, то ты скорее раб, а не пленник, тем более если ты телка. Найти ее будет нетрудно, особенно если стража посадила ее в клетку с видом на пейзаж.

— Ты хочешь, чтобы мы обошли тюрьму и проверили каждое окно? — уточнил Шустрый.

— Не надо проверять *все* окна, — с ухмылкой успокоил Зеленый. — Лишь до тех пор, пока не найдем ее.

— Ты стремительно начинаешь мне нравиться, парень, — сказал Шустрый, попутно хлопнув Зеленого по руке.

— Навострился куда-то, а, Шустрый? — заговорил Бетрим, не сводя глаз со здания тюрьмы.

— Как получится. Куча борделей в Чаде давно уже не принимали у себя Шустрого, — расплывшись в улыбке, ответил полукровка. — Я слышал, где-то на площади Кефлина

держат южанок. Черногожие, все как на подбор. Это ж все равно что трахнуть дочку Босса.

— У Босса есть дочь? — встрял Зеленый.

— А черт его знает, — бросил Шустрый. — Но если бы была, я б с радостью нагнул ее и так обработал, чтоб аж визжала.

— Шлюхи подождут, — вмешался Бетрим, обнаружив хороший на вид участок стены в переулке и прислонившись к нему. Шустрый, когда разойдется, может быть настоящей занозой в заднице. — Там полно стражников, некоторые патрулируют территорию. Придется хитрить. Избавимся по-тихому от одного из патрулей. Пока их хватятся, у нас будет немного времени. Как думаешь, тяжело будет справиться с решетками?

— Все равно что снести каталажку целиком, — отозвался Мослак. — То есть чертовски тяжело.

Все замолкли. Бетрим подпирал стену, Мослак сидел на земле, Шустрый насвистывал, а Зеленый расхаживал из стороны в сторону. Почему Босс доверил планирование им, вместо того чтобы заняться этим самому, Бетрим не понимал. По его мнению, они лишь топтались на месте.

— Трубы, — сказал Зеленый и ткнул пальцем. — В старых домах вроде этого всегда есть трубы. Смотрите, дырки в земле для сброса еды и прочего барахла. Через них можно пробраться на подземные этажи.

Бетрим присмотрелся повнимательнее. Малец, похоже, прав, но есть проблема.

— Они, должно быть, тоже перекрыты.

Лицо Шустрого приобрело совсем уж самодовольное выражение.

— Не перекрыты. Там всего лишь замки. А нет таких замков, которые я не смог бы открыть.

— Проход-то небольшой получится, — буркнул Мослак.

— Ага, — согласился Бетрим. — Генри и Шустрый пролезут без проблем. Зеленый, скорее всего, тоже. А вот ты и Босс в полете.

— Я так понимаю, забота о страже ложится на меня?

— Похоже на то, — подтвердил Бетрим. — Хорошо?

— Хорошо.

Некоторое время наемники молча смотрели из тени переулка. Все они уже проделывали подобное раньше — ворваться и украсть что-либо или тихо убить кого-нибудь под покровом ночи, — все, кроме Зеленого. Первое правило такой работы гласило: «Не попадись», а лучший способ не попасться — знать, где и когда будет стража.

Два патруля кружили по периметру большого каменного строения, каждый состоял из двух крепких солдат. Много стражи здесь не требовалось — большинство пленников переправлялось в рабовладельческую гильдию сразу же после поимки. Каждый патруль совершал полный обход примерно за пятнадцать минут, и если наемникам удастся устранить один, то у них будет... Бетрим никогда не дружил с числами, но сейчас подсчитал — что-то около тридцати минут, чтобы проникнуть в тюрьму, найти девку, освободить ее и свалить.

Все должно пройти без сучка без задоринки. Конечно, всегда существовала вероятность заблудиться внутри здания, нарваться на непредвиденную толпу стражников, да и Шустрый мог, вопреки своему бахвальству, напортачить с замком. Столько всего могло пойти наперекос... Вот почему Бетрим и ненавидел планирование. Он опять подумал насчет лобового штурма с топором наперевес и снова решил, что наиболее вероятным исходом в таком случае будет неминуемая смерть. Штурм тюрьмы — дело нелегкое.

— Тогда так, — сказал Шустрый. — Я проверю окна, Мослак будет моей лестницей, а Зеленый постоит на стреме. Шип, иди и расскажи наш план Боссу.

— Постой, — осадил его Бетрим.

Он увидел нечто такое, в чем надеялся ошибиться. Совсем недалеко от них в сопровождении пары стражников появился мужчина. Бетрим не различил его лица, но это ему и не было нужно — он увидел плащ незнакомца, а такие плащи он знал слишком хорошо. Инстинкт подсказал ему убраться подальше в переулок, скрыться в тени, а Черный Шип всегда подчинялся своим инстинктам.

— Что ты увидел? — нервно спросил Шустрый, взволнованный поведением Бетрима: нечасто Черный Шип старался спрятаться от чего-либо.

Бетрим до боли сжал зубы.

— Арбитра. Там, между двумя стражниками.

Три его товарища одновременно повернули головы и присмотрелись к мужчине. Мослак вскочил и отступил на шаг, Шустрый издал нечто среднее между стоном и вздохом, а Зеленый просто почесал ногу.

— Ты уверен, Шип? Что-то он мелковат для арбитра.

— Ты беспробудный идиот, Зеленый. У арбитров нет требований по росту. Нужно только быть кровожадным мерзавцем со страстью к сжиганию людей.

— Звучит забавно, — с притворной ухмылкой заявил юный говнюк.

Бетрим точно выбил бы ему пару зубов, не стой на пути Мослак. Вместо этого он лишь дальше отошел в переулок.

— Я пойду изложу Боссу план. А вы глаз с тюрьмы не спускайте. Дождитесь, пока этот охотник уйдет, и только тогда приступайте.

— Думаешь, он приперся за нашей девчонкой? — спросил Мослак. Даже съезжившись, гигант все равно возвышался над остальными.

Бетрим не знал, что ответить. Он лишь пожал плечами, развернулся и двинулся прочь.

Все тюрьмы похожи одна на другую. По крайней мере, так считал Танкуил. В свое время он побывал в нескольких — хорошо хоть не в качестве пленника. Все они состояли из трех компонентов: холодного серого камня, холодных металлических решеток и холодных злых заключенных. Конкретно в этой тюрьме, похоже, заключенные были в дефиците.

Несмотря на теплый климат Чада, внутри было прохладно и сыро. По всему зданию разносился навязчивый звук капающей воды, а стены и потолок выглядели скользкими от влаги. Решетки во многих камерах покрылись ржавчиной, притом что ни одна не была занята. Очевидно, стражники сажали пленников в камеры попроще и понадежнее, оставив остальные догнивать.

Заключенные были в грязи с ног до головы, а пахли и того хуже. Повсюду стояла жуткая вонь пота, крови и экскрементов. В камерах не было никакой мебели, даже коек — только ведра, в которые бедолаги справляли нужду. Понятие «удобство» было в принципе неприменимо. Некоторые пленники кучковались по углам или лежали на полу, дрожа во сне.

Один невольник — мужчина средних лет с пышной косматой бородой, которая когда-то, скорее всего, была седой, но стала коричневой от грязи, — при виде Танкуила рванулся вперед и попытался схватить арбитра сквозь решетку. Стражник сильно ударил по высунутой руке деревянной дубинкой и прикрикнул на заключенного. Мужчина, вскрикнув от боли, упал на пол, и Танкуил увидел, что некоторые зубы у него во рту обломаны и почернели. Он уже видел такое раньше — несомненно, тюремщики держали отдельных пленников подальше от рабовладельцев для периодических избиений. Ничто так не дает слабому человеку чувства собственного превосходства, как возможность избить кого-то еще слабее.

— Хвала милосердным, — пролепетал сквозь разбитые зубы пленник.

Один из стражников загоготал и плюнул в него.

— Милосердный арбитр? Ты, должно быть, совсем тронулся умом.

— Арбитр? — Глаза узника безумно вспыхнули. Он снова прильнул к решетке, вцепившись в железные прутья. — Я еретик, мой лорд. Клянусь тебе. Я делал плохие вещи. Я заслужил смерть.

— Ты не еретик, а просто поганый вор! — рявкнул стражник со сломанным носом и толкнул пленника дубинкой в грудь.

Тот упал навзничь, хныкая от боли, и попытался подняться, но ноги его подкосились, и он опять рухнул на холодный каменный пол, где так и остался лежать, скуля побитым псом. Оба тюремщика заржали, а затем повели Танкуила дальше. Этому несчастному он помочь ничем не мог.

Они миновали множество камер и множество заключенных. Большинство из них выглядели еще хуже бородача, лишь некоторые держались лучше. Стража Чада, похоже, состояла из отмороженных негодяев. Чаще всего их набирали из легионов наемников, что наводняли свободные города в поисках работы. Этим мужчин и женщин интересовала лишь звонкая монета, моральные принципы были им незнакомы, и они совершенно не гнушались издеваться над другими.

Где-то вдалеке продолжала капать вода, а в здании стало еще холоднее. Стражники

остановились перед тяжелой деревянной дверью, окованной железом. Это была непростая камера — никаких решеток, только сплошная каменная стена. Первый стражник, со спадающими на плечи сальными волосами цвета соломы и постоянно кислым лицом, отодвинул металлическую заслонку и заглянул внутрь. Вернув заслонку на место, он вытащил связку ключей и открыл три замка, а затем потянул тяжелый металлический засов и, толкнув дверь внутрь, отошел на шаг, уступая путь Танкуилу.

— После вас, — взмахнув рукой, сказал арбитр.

Стражники переглянулись, и тот, что с кислой рожей, покачал головой. Другой, со сломанным носом, шагнул вперед и, тяжело вздохнув, вошел в камеру. Танкуил последовал за ним в паре шагов.

Внутри было темно — лишь маленькое окошко, не больше полуфута в ширину и еще меньше в высоту, тоже зарешеченное холодным металлом, освещало комнату. Темнота стояла почти непроглядная.

— Фонарь, пожалуйста, — сказал Танкуил.

Сломанный Нос вздрогнул.

— Она может творить всякие штуки с огнем.

— Фонарь. Сейчас же! — приказал Танкуил не терпящим возражений тоном, и, получив кивок от Сломанного Носа, Кислая Рожа поспешил за светильником.

В камере пахло не так плохо, как во всем остальном здании. Было холодно и сыро, в воздухе стоял металлический аромат крови. И соли. Почти как в море.

В дальнем конце темницы, максимально далеко от двери, к стене была цепями прикована фигура. Тяжелые металлические кандалы удерживали руки женщины над головой, а лодыжки — на полу. Вокруг металлических наручников виднелись волдыри и засохшая кровь, и даже в темноте Танкуил мог сказать, что кожа пленницы под кандалами красная и ободранная.

Рот женщины был заткнут тугим кожаным ремнем, протянутым между зубами и запятым кровью вперемешку с желчью. Голова пленницы, обмотанная окровавленной тканью, закрывающей ее глаза, безвольно свисала на грудь. Черные как ночь волосы торчали короткими слипшимися прядями.

Лохмотья на женщине были изорваны в клочья и пропитались чем-то, похожим разом на кровь и мочу. Они едва доставали ей до колен. С одного плеча одежда сползла, и сквозь рваную дыру виднелась левая грудь — маленькая, бледная, но нетронутая.

— Ее не насиловали, — сказал стражникам Танкуил.

— Черт подери, конечно нет. — Стражник говорил тихо, чуть ли не шепотом. — Никто из нас не рискует даже приближаться к ней. Она... нечестивая.

Кислая Рожа вернулся с небольшим светильником и, поставив его на выступ на левой стене, в спешке выскочил из камеры. Мерцающий огонек отбрасывал безумные скачущие тени по всему помещению. На свету женщина выглядела еще более жалкой. Ее голова тихонько дернулась с появлением света, но в остальном пленница оставалась недвижимой.

Танкуил некоторое время изучал предполагаемую ведьму. Капля слюны стекла по ее щеке и упала на грудь, пропитав обноски, но женщина даже не шевельнулась. Танкуил повернулся к Сломанному Носу.

— Она такая уже несколько недель.

— Да, — отозвался стражник. — Ей не давали ни еды, ни воды, ничего. Никто сюда не заходил. Мы лишь каждый день смотрели, не исчезла ли она. Говорят, ее дважды убивали, но

она так и не умерла.

Танкуил снова смерил женщину взглядом. На вид ей нельзя было дать больше двадцати лет, выглядела она поистине ужасно, но что-то в ней было не так. Она напоминала зверя, который прикидывается мертвым, а на самом деле готовится нанести удар.

Даркхарт решил забыть об осмотрительности и приблизился к пленнице. За его спиной залепетал Сломанный Нос:

— Осторожнее, арбитр. Она... колдунья.

Танкуил пронзил тюремщика взглядом. Тот стоял в паре шагов позади него, на лице застыла гримаса страха.

— Со мной все будет в порядке, служивый.

Арбитр присел на корточки перед заключенной — та никак не отреагировала. Поместил руку ей на лоб — опять ни единого движения. Приподнял ее голову — повязка на глазах была вся в грязи и крови, к тому же кровь стекала по щекам, подобно алым слезам. Танкуил убрал руку, и голова женщины снова упала. Только слабое дыхание отличало ее от мертвеца.

Танкуил снял повязку. Стражник задохнулся, и арбитр услышал за спиной грохот упавшего тела. Бледно-голубые глаза женщины рассеянно смотрели в пол. Полоски засохшей крови протянулись из ран в глазницах. Танкуил уже видел такое раньше.

— Невозможно, — прошептал позади него Сломанный Нос.

Даркхарт повернул голову и увидел, что тот убрался к двери, от греха подальше. Кислая Рожа заглядывал внутрь и сыпал ругательствами.

— Это... Это... Это неправильно... — выдохнул Кислая Рожа, а затем повернулся и дал деру.

Сломанный Нос остался на месте, но редко когда Танкуилу доводилось видеть человека настолько испуганного.

— Ее глаза... — напомнил Танкуил.

— Не может быть... Она не...

— Вы лишили ее их, — снова подтолкнул он стражника к ответу.

— Не я. Не мы. Они! — взвизгнул Сломанный Нос. Слова срывались с его языка налезали одно на другое, лились сплошным потоком обвинений. — Когда ее поймали во второй раз... Они забрали их. Сказали, что глазами она подчиняет людей. Они избили ее и вырвали их. Они говорили, что она даже не кричала. Разве кто-то способен не кричать, когда у него заживо вырывают глаза?

— Тот, кто может отрастить новые, — мрачно, даже по своим меркам, произнес Танкуил.

Он снова повернулся к женщине. Она по-прежнему висела, безвольно уронив голову, и невидяще смотрела в никуда. Арбитр приподнял ее лицо за подбородок, и их взгляды встретились. За спиной Танкуил слышал тяжелое дыхание Сломанного Носа, но не обращал на это внимания. Он смотрел прямо в бледно-голубые глаза женщины и ничего в них не видел, словно ее здесь и нет. Взгляд был абсолютно... пустым.

Арбитр коснулся кожаного ремня во рту ведьмы. Он был натянут очень туго, чтобы не дать женщине возможности говорить. Губы пленницы потрескались и покрылись кровавой коростой. Весь ремень был мокрым от слюны.

— Ее рот, — потребовал объяснений Танкуил.

— Она использовала какие-то заклятия или что-то в этом духе. Начитывала их, убивая

стражников. Они не хотели, чтобы это продолжалось.

— Ее язык.

Сломанный Нос на мгновение замолчал.

— Они вырезали его, как и глаза.

— Что ж, надо проверить, не вырос ли новый.

— Постой! — рванулся вперед Сломанный Нос. В его голосе слышалась нескрываемая паника. — А что, если вырос? Что, если она наколдует что-нибудь? В прошлый раз на нее навалились восемнадцать стражников, и десять из них не вернулись домой.

— Если страшно, выйди и закрой дверь. Но мне будет трудно допросить ее, если она не сможет говорить, — теряя терпение, сказал Танкуил.

Сломанный Нос прильнул к стене, но больше никуда не двинулся.

Аккуратно и осторожно Танкуил расстегнул застёжку на ремне и освободил рот женщины. Голова ее поникла еще больше, и пленница сглотнула. По крайней мере, жива. И вдруг она заговорила. Незнакомые Танкуилу слова посыпались из ее окровавленного рта, произносимые каркающим голосом, и цепи натянулись.

— Ну уж нет, спасибо, — сказал Танкуил, сунул правую руку в карман плаща и, найдя подходящий оберег, приложил полоску ткани ко лбу ведьмы.

Материя мгновенно пристала к коже. Монотонное бормотание прекратилось, и глаза женщины закатились. Она начала биться в конвульсиях, дрожа всем телом и пытаясь вырваться из цепей. Свежие струйки крови потекли из старых ран. Игры кончились.

Арбитр с размаху ударил женщину по лицу, и та успокоилась. Ее веки раскрылись, и глаза сфокусировались на Танкуиле. Еще два слова на чуждом языке сорвались с ее языка, но затем она замолчала, не в состоянии вспомнить заклинание.

Даркхарт поднялся, чтобы размять затекшие ноги.

— В этом обереге могущественная магия, — объяснил он женщине. — Прикрепленный к телу, он блокирует в памяти все знания о колдовстве. Ты просто не можешь вспомнить правильные слова или нарисовать правильные символы. Ты лишена своей силы.

Женщина злобно сверкнула глазами и замотала головой из стороны в сторону. Оберег оставался на своем месте — его можно было снять, но невозможно сбросить. Постепенно движения прекратились, и голова ведьмы снова вяло поникла, а глаза уставились в никуда.

— Что ж, приступим, — сказал Танкуил и полностью сосредоточился на женщине. — Кто ты?

Она не хотела отвечать, арбитр видел это, изо всех сил пыталась сопротивляться принуждению, но лишь те, кто обучался ему долгие годы, были на это способны. Однако даже когда ведьма сдалась и заговорила, Танкуил не понял ровным счетом ничего — для него ее слова были лишь беспорядочной чехардой звуков.

Мракоборец посмотрел на стражника. Тот покачал сломанным носом.

— Редкий диалект Диких Земель? — потребовал ответа арбитр.

— Нет. У этих черных, южан, свой собственный говор, но это не он. Я слышал, я знаю.

Одна беда с принуждением — оно вытягивало из человека правду, но не могло заставить его говорить на общем языке.

Танкуил вздохнул. Бессмертная ведьма, способная отрацивать новые органы, да к тому же еще и болтающая на неизвестном наречии, — одна большая проблема.

— Что ж, может, мы и не поймем, кто ты такая, но существует масса способов узнать, что ты такое.

Арбитр снял с пояса короткий острый нож и навис над женщиной в цепях.

Распахнув глаза, Джеззет одним плавным движением встала на ноги, а ее рука потянулась к мечу. Которого не оказалось. А затем она увидела решетку и все вспомнила.

«Ты все еще в темнице, Джез. Сидишь в западне и ждешь своей участи».

Почему она здесь, догадаться было нетрудно. Стражники знали ее имя, они схватили ее, но не стали отдавать рабовладельцам. За женщину вроде нее те отвалили бы неплохие деньги, особенно если ее отмыть и привести в порядок, но кто-то пообещал блюстителям закона намного больше. Хоть Джеззет и сидела в тюрьме Чада, но прекрасно понимала, что на самом деле она пленница Констанции.

«Сидишь и ждешь, пока не придет эта сука. Может, стоит покончить с собой, чтобы лишиться ее удовольствия?»

Джеззет уже не в первый раз в голову приходила подобная мысль, но она знала, что никогда так не сделает. Пока она жива, есть хоть и совсем мизерный, но все же шанс сбежать.

Дни сливались в один, несмотря на то, что Джеззет и могла отслеживать время по свету, льющемуся через единственное зарешеченное окно, — ну или по темноте. Первым делом девушка попробовала поговорить со стражниками, объяснить, что она не сделала ничего дурного. Это оказалось ошибкой, и единственное, чего она добилась, — ее пару раз избили. Джексон обожал ненаглядную деревянную дубинку больше, чем любую женщину в своей жизни. Тогда она попыталась проложить себе путь на волю телом — решила соблазнить тщедушного стражника с вечно опущенной головой по имени Абель. В лучшие времена мужчины ни за что бы не упустили шанса прыгнуть в койку к Джез, но сейчас были не лучшие времена, и Абель просто плюнул ей в лицо, сказав, что скорее наймет себе проститутку, нежели позарится на кучу дерьма. Не самый лестный комплимент, что ей доводилось слышать в свой адрес, но Джеззет хорошо понимала, что пахнет она именно как куча дерьма.

— Так что она такое?

— Тебе не нужно это знать.

— Но я хочу знать. После стольких-то проблем с ней.

В одном из голосов Джез узнала Джексона и, сразу же забившись в угол камеры, села на задницу, которая уже начала ощущаться за пределами костлявой. Да и все тело тоже. Джеззет только надеялась, что ей не придется увидеть себя в таком виде в зеркале.

— По правде говоря, мне плевать, чего ты хочешь.

Показались двое. Первым был Джексон, с фурункулом и сломанным носом. Вторым оказался невысокий, не намного выше Джеззет, мужчина с короткими темными волосами, короткой темной щетиной и в забавном коричневом кожаном плаще. Судя по виду, иноземец, и Джексон, похоже, его слегка побаивался. Оба бодрым шагом двигались мимо камеры и даже не взглянули в ее сторону.

— Забери меня отсюда! — крикнула Джеззет прежде, чем ее мозг сообразил, насколько это плохая затея.

— Заткнись, ты! — рыкнул Джексон, замахиваясь дубинкой. Но было уже поздно — второй мужчина остановился и теперь внимательно смотрел на Джез.

— Выгони меня отсюда, и я сделаю что угодно. *Что угодно!* — Джеззет не шевелилась,

лишь сидела, поджав ноги, в углу. Джексон фыркнул, но девушка проигнорировала его. — Может, выгляжу я сейчас и не очень, но вообще довольно милая, да и с мечом управляться умею.

Недоросток в кожаном плаще улыбнулся.

— Я вот думаю: «все» — это буквально или фигурально?

— И так и эдак, — ответила Джек, не обращая внимания на смущенный вид Джексона.

«Идиот, похоже, понятия не имеет, что означают эти слова».

Девушка поднялась и самой обольстительной своей походкой прошла к решетке.

Мешало лишь то, что выглядела и пахла она действительно дерьмово. И все же это не повод отказываться от возможного спасения.

«Он твой, Джек. Теперь немного томного шепота...»

Она обхватила обеими руками прутья, посмотрела прямо в красивые голубые глаза незнакомца и прошептала:

— Все.

— Отвали, или получишь у меня, — стоя чуть поодаль, предупредил Джексон и замахнулся дубинкой. Пустая угроза.

— Только попробуй, и я отберу у тебя твою игрушку и сломаю нос еще раз, — ответила Джек, не сводя глаз с мужчины в плаще.

Тот улыбался.

— Я не нуждаюсь в услугах блудниц, — сказал он и начал отворачиваться.

— Тогда что тебе нужно? — торопливо спросила Джек. Мужчина остановился и снова посмотрел на нее. В его взгляде читался интерес — или как минимум любопытство. Джекзет не собиралась так просто его отпускать. — Любому человеку что-то нужно, и я могу быть кем угодно. Что нужно тебе?

Джексон, похоже, забеспокоился.

— Ар...

— Проводник, — оборвал стражника плащеносец. — Кто-то, кто знает Дикие Земли, города, людей.

— Это я могу, — солгала Джекзет. — Я могу быть проводником, охранником, другом и вообще кем угодно, только вытаци меня отсюда.

Мужчина, по-прежнему улыбаясь, смотрел на нее.

— Ты, должно быть, преступница, раз тебя заперли здесь.

У него был странный акцент. Возможно, он из Сарта, но Джек не могла утверждать наверняка.

— Она...

— Нет. По крайней мере, не в Чаде. Никогда не делала здесь ничего противозаконного. — «За последнее время — точно». — Они заперли меня, потому что...

— Заткнись, сука! — Джексон шагнул вперед, крепко сжимая дубинку.

Джек уже хотела было дотянуться и разоружить его, как недоросток в забавном плаще выставил руку между ними. Тюремщик, не скрывая страха, отступил.

— Я тут вообще-то пытаюсь вести беседу с юной леди, стражник.

«Леди?!» — Джекзет вволю посмеялась бы, не виси ее жизнь на волоске в эту самую минуту.

— Она опасна, — сказал Джексон.

— Предыдущая была опасной. Ты говоришь, что она преступница, а сама она

утверждает, что нет. Кому верить?

— Я невиновна, — запротестовала Джекзет.

— Сомневаюсь, — возражал мужчина в плаще, улыбнувшись одними уголками губ. —

Про тебя можно сказать много, но невинной точно не назовешь.

— Стража не выпускает меня, потому что одна сука по имени Констанция платит им за это. Она присвоила себе титул военачальницы и теперь хочет, чтобы меня держали взаперти до ее появления.

— Я думал, в Чаде единственными преступлениями, заслуживающими внимания считаются те, что непосредственно совершены здесь. Мне говорили, так у вас все устроено.

Джексон сглотнул. Джекзет видела, как дергается вверх-вниз кадык на его тощей шее.

— Особые обстоятельства. Она убийца.

— И хуже! — вскричала Джекзет, чувствуя, как поднимается в ней волна гнева. — Но это не дает вам права держать меня здесь!

— Какую бы цену назначили за такую милую голову... — как бы невзначай сказал мужчина в плаще, не сводя улыбку с лица.

— У тебя нет таких прав, арбитр. Нет власти. Совет разрешил тебе допросить ведьму — и ничего больше. Эта девчонка наша.

«Арбитр? — Джекзет никогда раньше не встречала охотников на ведьм, но слышала, что они делают и на что они способны. — Все еще уверена, что хочешь быть спасена?»

Арбитр грозно уставился на тюремщика:

— Сколько она стоит?

Глаза Джексона превратились в блюдца.

— Пятьдесят золотых.

— Всего-то... — Арбитр снова повернулся к Джекзет. — А ты дешевка.

«Что ж, и хуже называли».

— Эм... — Девушка взглянула на Джексона. Тот выглядел не на шутку перепуганным. — Он прав. Констанция дала бы за меня намного больше.

— Я даю тебе пятьдесят золотых монет прямо сейчас за ее свободу, — выдвинул предложение арбитр, запустив руку в недра плаща и выудив оттуда тяжелый на вид кошель со странным символом, похожим на перевернутый меч в луче света.

Джексон отчаянно переводил взгляд с мракоборца на Джекзет и обратно.

— Я... Я не могу. Она убьет меня. Мы уже сказали ей, что поймали шлюху.

— Ты кого, дьявол тебя раздери, шлюхой называешь?! — возмутилась Джекзет.

Она чувствовала, что арбитр здесь единственный, кто действительно в состоянии на что-то повлиять, и не собиралась упускать свою удачу.

— Понимаю, — печальным тоном сказал арбитр. Кошель исчез под складками его плаща. — Очень жаль, но я понимаю.

— Стой, что?! — Джекзет вжалась в прутья решетки. — Ты не можешь оставить меня им. Я пригожусь. Клянусь тебе.

Арбитр посмотрел на нее и грустно покачал головой.

— Я здесь ничего не решаю. Он прав. У меня нет полномочий, кроме тех, что даровал мне Совет Чада. Между тем завтра я как раз предстану перед ним и обязательно доложу, что ты совершенно безвинно заперта здесь.

Джексон чуть не задохнулся:

— Ты не можешь!

— Могу.

— Они...

— Они нацепят на тебя железный ошейник еще до конца дня. Как тебя зовут?

— Джексон, — сказал тюремщик и тут же зажал себе рот.

— Обязательно им передам. — Арбитр снова посмотрел на Джексет. — Прошу прощения, но, похоже, я не могу тебе помочь.

— Подожди! — вскрикнул тюремщик.

Арбитр резко перестал улыбаться.

— Твой выбор очевиден, Джексон. Ты либо берешь сейчас золото, отпускаешь ее со мной и рискуешь испытать на себе гнев этой Констанции, либо не получаешь золота, и обо всем узнает Совет.

Стражник закусил губу, а затем вытянул руку.

— Молодец, — сказал арбитр, вкладывая кошель в ладонь Джексона.

Тот шагнул вперед, снял с пояса железное кольцо с ключами и отворил камеру Джексет.

«Свобода! — Джексет смерила взглядом арбитра. — Какая-никакая».

Девушка вышла из камеры и встала рядом со своим спасителем.

Арбитр подошел к Джексону и пожал ему руку. Странное прощание, но Джексет уже раньше видела такое в Пяти Королевствах.

«Хочется верить, что арбитры не настолько плохи, как о них рассказывают», — думала она, следуя за избавителем к выходу из тюрьмы.

Один ее старый друг знал кучу историй об охотниках на ведьм и их деяниях. Как он их только не называл... Лжецами, убийцами, ворами — или еще хуже.

После двух недель пребывания в камере солнце снаружи ослепляло. Джексет жутко хотелось пить, есть, отдохнуть и в кои-то веки нормально справиться нужду, но даже так ей было лучше, чем совсем недавно. Чувствовать лицом нежное прикосновение лучей и кожей — освежающее дуновение бриза... Даже шум толпы звучал райскими песнопениями.

— Я арбитр Танкуил Даркхарт, — сказал недоросток, перейдя на быстрый шаг.

— Джексет Вель'юрн, — представилась девушка, стараясь не отставать.

— Рад знакомству, Джексет. А теперь поспешим.

— Что? Почему?

Арбитр свернул за угол на другую улицу и там уже чуть сбавил скорость. Некоторое время они молчали. В какой-то момент от тишины стало неуютно. Мракоборец шел в нескольких шагах впереди, но ни разу не обернулся, чтобы проверить, не сбежала ли его новая спутница.

«Что-то он не особо разговорчивый — не такой, как в тюрьме».

Когда арбитр остановился, Джексет внезапно поняла, что они пришли на рынок в Старом городе. Лавки окружали площадь, предлагая всевозможные товары, а центр занимали палатки всех цветов, размеров и запахов. Джексет никогда не любила рынки, они вызвали у нее какой-то особый тип страха, что держит в постоянном напряжении, тревожит, играет на нервах. Если приходилось проводить слишком много времени в окружении торгашей, ей хотелось кричать.

— Пахнешь, словно из помойки, — услышала она арбитра, тот смотрел на нее.

«Как мило».

— И выгляжу, думаю, не многим лучше, — с улыбкой ответила Джексет.

Разрядить обстановку не получилось, но попытаться все равно стоило.

Арбитр вынул из глубин плаща еще один кошель — выглядел он в точности так же, как тот, который достался Джексону, — и передал мешочек Джекз.

— Купи себе новую одежду и меч, раз уж говоришь, что умеешь с ним обращаться.

Девушка кивнула в ответ.

— Я буду ждать в «Позолоченном дурне», это в Золотом городе. У меня там комната, где ты сможешь умыться... — Мужчина сделал паузу. — ...Может, даже дважды.

Джекзет заглянула в кошелек и отвесила челюсть от изумления: «Столько золота, Джекз!» Навскидку она насчитала почти пятьдесят монет.

— Откуда тебе знать, что я просто не возьму золото и не сбегу?

Арбитр с ухмылкой отвернулся.

— Потому что тогда я найду тебя, а мне кажется, что тебе совсем не хочется бегать от Инквизиции до конца своих дней.

Первый стражник умер, издав лишь бульканье, а его тело с глухим звуком упало на землю, тут же пропитавшись кровью. Бетрим мог сказать о Генри много плохого, но нельзя было не признать, что людей она приканчивала мастерски. Ничего удивительного, что в Чаде за ней закрепилась репутация одного из самых печально известных убийц.

Никто доподлинно не знал, откуда Генри взялась и почему она начала убивать. Просто несколько лет назад в Чаде стали находить трупы. Поначалу это был простой сброд, но вскоре она стала «заниматься» всеми без разбору. У Бетрима сложилась своя теория насчет этого. Генри любила вид крови. Торн видел, как загорались у нее глаза каждый раз, когда она выпускала кому-нибудь кишки, когда смотрела, как разлетаются алые брызги... Ее лицо при этом сияло так, как никогда и ни у кого, по крайней мере на памяти Бетрима.

Когда стража ее поймала, рабство как кару отмели сразу. Люди вроде Генри не перестают убивать только потому, что кто-то защелкнул у них на шее железный ошейник и объявил чьей-то собственностью. Девушке светила виселица, но у правящего Совета на нее оказались большие планы. Ее освободили в обмен на кое-какую работу для них. Генри никогда не вдавалась в подробности. По крайней мере, не при Бетримае.

Второй стражник отошел в мир иной тоже бесшумно — крик так и не успел вырваться из его глотки. Метательный нож Шустрого попал бедняге прямо в глаз. Чертовски хороший бросок, но Бетрим ни за что не сказал бы этого Шустрому. У парня и так самомнения на троих.

— Вы видели? — Чуть ли не вприпрыжку бросился к трупу Шустрый. Он склонился над телом, чтобы оценить собственную работу. — Скажите мне, что хоть кто-то это видел. Генри, ты ж стояла прямо за ним.

Девушка бросила на него хмурый взгляд.

Шустрый самодовольно улыбнулся и заботливо потянулся рукой к лицу Генри.

— Не волнуйся, любовь моя. Я бы никогда в тебя не попал.

По-змеиному быстро Генри оттолкнула руку Шустрого, а затем прописала мощный удар ему в лицо. Шустрый даже не стал уклоняться — лишь отпрянул, смеясь и разбрызгивая кровь.

— Тихо, — зашипел Босс, — вы оба. Мослак, Зеленый, спрячьте тела, пока кто-нибудь их не обнаружил. Шустрый, открывай решетку. Шип, подойди сюда на секунду.

Бетрим вместе с Боссом отошли чуть в сторону от остальных. Шустрый между тем вытянул свой метательный нож из глазницы стражника, вытер лезвие о ногу мертвеца и вернул оружие за пояс. Хоть он и оставил свой короткий лук в доме, его арсенал ножей всегда был при нем. Послав Генри воздушный поцелуй, Шустрый принялся колдовать над решеткой. В деле вскрытия замков мало кто мог его обойти. По заверениям самого Шустрого, занимался он этим с четырех лет. Впрочем, Бетрим старался как можно меньше верить тому, что вылетало из говорливого рта полукровки.

— Думаешь, сможешь пролезть по трубе, Шип? — спросил Босс, на его лице читалась тревога.

Бетрим никогда прежде не видел южанина таким. Не самое ободряющее зрелище.

— Да, пожалуй. Хоть и впритык. Зеленый вон мельче меня.

— Зеленый — профан, он гавкает, но не кусается. А там мне будет нужен кто-то с

именем. Мне будет нужен Черный Шип.

— Хм?

— Чтобы не дать этим двоим поубивать друг друга, — пояснил Босс, кивнув в сторону Генри и Шустрого.

— Думаешь, от них могут быть проблемы?

— Я думаю, что наша работа слишком важна, чтобы рисковать и пытаться это узнать. Шустрый невысокого мнения о женщинах, даже о Генри, а она скорее выпустит ему кишки, чем позволит к себе прикоснуться. Черный Шип нужен мне там, чтобы поддерживать мир.

— Не мастер я в этом, но тебя понял. Буду держать их на поводке.

Правда заключалась в том, что Бетрим Торн был не из тех людей, которые могли вести за собой других, из тех же, кем он командовал в прошлом, в живых осталось очень мало. Впрочем, головорез считал, что сможет удержать этих двоих от того, чтобы вцепиться друг другу в плетки. И все же ему совсем не нравилась идея лезть в трубу. Если он застрянет на полпути вниз, его могут и не достать. А застрять там — все равно что оказаться замурованным в камне без возможности пошевелиться в ожидании смерти. Эта мысль пугала Шипа до чертиков, хоть он никогда бы в этом не признался.

Шустрый между тем покончил с замком и потянул решетку вверх. Железка издала жуткий скребущий звук, эхом разлетевшийся в темноте. Бетрим не представлял, как такой шум можно не слышать, и уже ожидал, что в любую секунду сюда сбежится стража со всего города. В этом он был не одинок. Вся команда замерла, озираясь.

— Хватит торчать здесь с виноватыми рожами. Полезай вниз, Шустрый, — приказал Босс; даже темнота не могла скрыть его тревоги.

Шустрый ухмыльнулся, сунул обе ноги в трубу и был таков. Бетрим подошел ближе и посмотрел вниз, в непроглядную черноту, окруженную твердым камнем. А затем поднял глаза к открытому ночному небу и пожелал, чтобы Босс родился не таким широким в плечах.

— Шип, ты следующий, затем Генри. Мы с Зеленым и Мослаком будем на стреме. Когда найдете ее, крикните нам в трубу, но не слишком громко, и Мослак поднимет вас. Хорошо?

Бетрим снова уставился во мрак.

— Ничего хорошего не вижу, — проворчал он.

— Думаешь, пролезешь? — злобно скалясь, спросила Генри. — На вид узко, как в заднице.

Бетрим развязал свою накидку, положил рядом с трубой и опять посмотрел вниз. Снял куртку, уложил ее поверх накидки и примерился снова. Нет, все еще не годится. Он опустил в трубу сначала одну ногу, затем другую и уже был готов вытащить их обратно, как Генри толкнула его в спину.

Грубый камень чернее самой ночи пронесся перед его глазами. Он скреб по спине, по рукам, по ногам — и все же Бетрим падал. Приземление получилось жестким. Шип не без труда поднялся на ноги — колени гудели от напряжения — и осмотрелся. Вокруг было темно, хоть глаз выколи, и лишь узкая полоска света выбивалась из-под двери.

Внезапно что-то ударило его в грудь, и наемник снова обнаружил себя на полу, но на этот раз на спине. Мгновение спустя Бетрим понял, что это Генри. Она полезла в трубу сразу за ним, а он не успел убраться с ее пути. Теперь девушка сидела на нем верхом и ухмылялась ему в лицо.

— Как знакомо, — прошептала она.

Бетрим двумя руками похлопал себя по груди.

— Только без крови.

Она встала и принялась осматривать помещение, в котором они оказались. Бетрим же поднял себя с пола уже во второй раз и бросил сердитый взгляд в сторону Шустрого, хотя в темноте, конечно, ни черта не было видно.

— Дверь.

— Не заперта, на той стороне никого нет, только свечка горит.

Бетрим прошелся к двери и потянул за ручку. Мощная деревянная створка открылась с легким скрипом, и в помещение хлынул свет. Теперь Бетрим увидел, что Шустрый все еще лыбится, а Генри настороженными глазами смотрит на него, и уже во второй раз пожелал, чтобы вместо него в эту чертову трубу полез Босс.

В комнате со свечой оказалась пара пустых коек, два простых деревянных сундука, стол с единственным стулом и тело. У человека было перерезано горло, и кровь стекала по его подбородку, пропитывала одежду и капала с рук в лужу на полу — много крови, густой, красной, блестящей в мерцающем свете пламени свечи.

— Ты же говорил, что внутри никого нет, — прошептал Бетрим.

— Ну да, никого нет. *Был*, но я о нем позаботился.

— Вот тебе и «никаких тел», — сказал Торн, аккуратно обходя лужу крови. — Так, идем быстро, тихо и осторожно. Убивайте каждого встречного стражника, но без шума.

Генри кивнула и потянулась к ручке двери. Бросив последний взгляд на растекающуюся по полу кровь и улыбнувшись, она открыла дверь и шагнула наружу. Бетрим последовал за ней, а Шустрый замыкал. Шипа не грела мысль открывать спину полукровке — ему вообще не нравилось полагаться на кого-либо. Даже иди Шустрый впереди или сбоку, Бетрим не стал бы доверять ему больше.

Большинство тюрем, в которых довелось побывать Торну, были переполнены: множество заключенных — неизменно громко орущих и злобных; множество стражников — не таких голосистых, но куда более опасных. Тюрьма в Чаде оказалась совсем не такой, и Бетрим был этому только рад. Здесь было мало заключенных — лишь несколько бедняг, слишком старых для того, чтобы быть рабами, или слишком избитых, чтобы от них вообще был хоть какой-то прок. А еще практически не было стражи, и Бетрим возблагодарил за это всех богов, которых только смог вспомнить.

Единственного тюремщика с кислой физиономией они обнаружили в пустой камере — идиот открыл нараспашку дверь и всю храпел на соломе, служившей постелью. Генри прошмыгнула внутрь, положила руку на рот стражника, а затем вонзила изогнутый кинжал ему под подбородок. Красивое, быстрое, чистое убийство. Мало крови и совсем без шума. После этого наемники остались одни. Камеры, все до единой, были пусты, да и стража поблизости не ошивалась. Бетрим уже начал было думать, что они упустили свою цель, когда Шустрый внезапно остановился и указал на дверь.

Эта камера отличалась от остальных: каменные стены вместо решеток и толстая, окованная железом деревянная дверь сразу с несколькими серьезными на вид замками. Бетрим заглянул в окошко, вырезанное в двери. Внутри в дальнем конце он смог различить человеческую фигуру, но было слишком темно, чтобы рассмотреть подробнее.

— Уверен, что это она? — спросил Торн Шустрого.

— Ага. Мы с Мослаком нашли ее, пока ты прятался от арбитра.

— Тогда открывай.

Пока Шустрый возился с замками, Бетрим отвел Генри в сторону.

— Ты знаешь, что затеял Босс?

Генри сверкнула на него глазами.

— Хм?

— Работа на Мертвоглазую, посулы большого дела... Я никогда не видел Босса напуганным, но сегодня... Что-то затевается, и если кто из нас и может об этом знать, так это ты.

Генри сплюнула. Вид у нее был совсем не веселый.

— Я знаю только то, что он говорит. Что это большое дело станет последним для него и для всех нас и что нам нужно поработать на Мертвоглазую. — Она кивком указала за спину Бетрима.

Обернувшись, Торн увидел, что Шустрый смотрит на них.

— Закончил? — низким голосом спросил Бетрим.

— Разумеется. — Шустрый толкнул дверь, и та открылась. — После вас.

Бетрим сжал челюсти и заглянул в камеру. Хотя темнота все еще не позволяла как следует рассмотреть фигуру у дальней стены, он чувствовал — что-то здесь не так. Отогнав эти шальные мысли подальше, Черный Шип шагнул внутрь.

Женщина была скована по рукам и ногам. Кандалы держали ее руки у стены, ноги же были вытянуты вперед и за лодыжки прикованы к полу. Из одежды на ней было только рваное тряпье, воняющее мочой и практически ничего не прикрывающее. Голова поникла, грязные волосы превратились в спутанную колкую массу. Рот женщины был заткнут натянутым кожаным ремнем, лоб пересекала узкая повязка. Пленница казалась мертвой. Ну или очень к этому близкой.

— Шустрый, иди сюда. Разберись с кандалами. — Бетрим подошел ближе к женщине и опустился перед ней на корточки. — Ты слышишь меня, милка? Мы здесь, чтобы увести тебя отсюда. Спасти тебя. Нас послала Мертвоглазая.

Ни ответа. Ни движения. Ничего. Лишь тихое дыхание выдавало, что заключенная все еще жива.

— Здесь нет замков, — сказал Шустрый. Бетрим повернулся к нему и увидел, что привычная ухмылка исчезла с лица товарища — тот смотрел на женщину с неопределенным выражением. — Похоже, ее не думали выпускать. Никогда.

Генри наблюдала за ними снаружи камеры. Ее руки нервно поглаживали рукояти кинжалов, а темные глаза сверкали в тусклом свете. Шустрый поднялся и отошел назад, подальше от прикованной.

— Катись оно все к дьяволу. — Бетрим взглянул на короткие цепи. — Если ты меня слышишь, не шевелись.

Распрявившись, Торн взял свой топор и, прицелившись по звеньям, удерживающим руку женщины у стены, замахнулся и ударил. С громким звоном, эхом разлетевшимся по пустым коридорам и камерам, цепь разлетелась, и рука безвольно плюхнулась на пол. Еще три точных удара — и страдалница обрела свободу.

Бетрим ожидал, что женщина попытается подняться, уйти, убежать, сделать хоть что-нибудь, что угодно. Но вместо этого она лишь завалилась на бок и, уткнувшись лицом в пол, осталась недвижима. Бетрим посмотрел на Шустрога. Тот пожал плечами.

Со стоном Черный Шип наклонился и рывком поднял женщину с пола, обхватив обеими руками.

— Давай выбираться отсюда.

Путь по пустым коридорам обратно к точке проникновения оказался еще беднее на события. Один заключенный — воняющий дерьмом старик — подполз к решетке и взмолился о свободе. Генри замахнулась для удара, и бедолага отпрянул, теперь уже причитая о милосердии.

Шустрый не стал ждать, подпрыгнул, уперся в стенки трубы и легко вылез на поверхность, оставив Бетрима и Генри ошеломленно смотреть ему вслед. Мгновение спустя из черной дыры вылетела веревка. Торн обмотал грудь спасенной, попутно облапав ее. Та никак на это не отреагировала и, похоже, даже не сообразила, что больше не находится в камере. Бетрим крикнул, и уже в следующую секунду освобожденную пленницу затянуло в ждущую черноту у них над головами. Следующей пошла Генри. Бетрим не рискнул лапоть ее грудь, пока завязывал веревку, да и особо нечего там было лапоть. Проводив девушку глазами, он ждал, пока веревка спустится снова.

Когда голова Бетрима наконец показалась из трубы, с Мослака семь потов сошло — он громко пыхтел, вытягивая веревку. Торн вылез из дыры, развернулся, плюнул вниз и поклялся себе, что подписался на подобное в последний раз. Мослак улыбнулся ему и тут же плюхнулся на задницу, пытаясь перевести дыхание.

Еще два тела в неуклюжих позах неподвижно лежали на земле. Судя по красным — краснее крови — дублетам, оба были стражниками. Бетрим кивком указал на них:

— Еще один патруль?

— Ага, — злобно ответил Босс. — Не знаю, кто тебя учил считать, Шип, но это были ни черта не тридцать минут. Скорее, пятнадцать.

Бетрим пожал плечами.

— Что теперь?

— Мы должны были вытащить ее из темницы. Она свободна.

Освобожденную прислонили к стене. Она по-прежнему не шевелилась, словно кукла в человеческий рост, какие, слышал Бетрим, были у деток богачей.

Босс шагнул вперед и освободил рот женщины от кожаного ремня. Бетрим сразу обратил внимание на ее безупречные зубы. Белоснежные, правильных форм и размеров, без дырок, без пожелтения, ни одного сломанного или недостающего. Черный Шип никогда раньше не видел настолько идеальных зубов.

А уже в следующее мгновение он понял, что все присутствующие внимательно смотрят на спасенную. Первым заговорил Мослак:

— Она же знатных кровей, так?

— Похоже на то, — отозвался Шустрый.

Бессмыслица какая-то. Чистокровки правили Дикими Землями, каждая семья владела собственной провинцией и распоряжалась там всем, кроме свободных городов. Зачем тогда держать знатную особу, тем более женщину, в тюрьме в Чаде? И с чего бы вдруг правящему Совету так плохо с ней обращаться?

— Теперь ты свободна, — сказал Босс. — Можешь идти. Мы должны были вытащить тебя, и мы это сделали.

Женщина снова съехала на бок и уткнулась лицом в землю. Вся команда просто смотрела на это. Бетриму она казалась сломленной. Он уже видел такое раньше: женщины, избитые и изнасилованные с особой жестокостью, просто уходили от реальности, отключали свои мозги. Они могли есть, пить, ходить по нужде и так далее, но в остальном

были просто пустыми оболочками, лишенными души.

Босс был мрачнее тучи.

— Твою ж мать! — в голос выругался он. — Мослак, подними ее. Нельзя оставлять ее здесь — попадет на глаза страже. Подержим в доме, пока Мертвоглазая не явится. Пошли, живо!

Даже в столь позднее время улицы города были полны стражников, выискивающих неудачников для обращения в рабов. Двери гильдии рабовладельцев не закрывались никогда, так что любой пьяный бродяга рисковал проснуться утром в железном ошейнике. Шайка Босса была слишком велика и хорошо вооружена, чтобы на них позарились, но все равно шесть человек, волочащих женщину без сознания, привлекали много ненужного внимания.

Поэтому они старались двигаться по переулкам и держаться в тени как можно дольше. Босс пустил вперед Шустрого — парень, похоже, состоял в дальнем родстве с почтовыми голубями, дорогу находил чуть ли не интуитивно, и потому к своему убежищу группа вернулась довольно быстро. Обрато к крысам, блохам и трупной вони. А теперь ко всему прочему добавились еще и вонь мочи, исходящая от спасенной женщины, запах краски для волос Бетрима и смрад жевательного листка Шустрого. Такая адская смесь могла отпугнуть кого угодно. Даже собаки, учуяв подобное, не стали бы ошиваться близ дома.

Едва оказавшись внутри, Босс принялся осматривать женщину. Он легонько хлопнул ее по щеке, сунул палец в рот, ущипнул за сосок и провел рукой между ног. Недавняя пленница по-прежнему никак не реагировала, а ее холодные голубые глаза смотрели в пол.

Босс отошел к стене, покачивая головой:

— Живой труп.

— Дай мне пять минут, Босс, и я растормошу ее, — начал было Зеленый, но все пропустили его слова мимо ушей.

— Думаю, арбитр что-то сделал с ней, — сказал Шустрый.

— Что?

— Ходят слухи, что Совет запросил арбитра, чтобы тот разобрался с женщиной в тюрьме.

— И я об этом узнаю только сейчас?

— Это не та женщина, Босс, — взял слово Мослак. — Мы видели, как арбитр уходил из тюрьмы с какой-то другой.

Бетрим подошел к прислоненной к стене спасенной узнице, поднял ее голову и посмотрел на полоску у нее на лбу. Это не повязка. На повязках не бывает символов.

— Ты уверен, Мослак? — Бетрим схватил женщину за волосы и поднял ее голову, демонстрируя кусок бумаги всем остальным. — Это их вещьца, или я не Черный Шип.

Зеленый только открыл рот, чтобы заговорить, но Босс оборвал его:

— Сними это, Шип.

Бетрим взялся за уголок и потянул. Раздался жуткий звук, словно мясо сдирали с костей, но сама бумажная полоска поддалась легко. И едва она отделилась от кожи, глаза женщины молниеносно поднялись и встретились с глазами Бетрима.

В следующее же мгновение наемник ощутил сильный толчок в грудь, а затем что-то ударило его по спине, и он обнаружил себя на полу, бесформенной кучей распластанным у дальней стены. Открыв глаза, он увидел, что женщина стоит и озирается. Ее безжизненный взгляд по очереди перескакивал с одного члена шайки на другого и в итоге остановился на Мослаке, которому не повезло стоять прямо перед дверью.

— Пропусти ее, Мослак, — приказал Босс, но было уже поздно.

Женщина рванулась к здоровяку и отшвырнула его в сторону, словно тряпичную куклу. Мослак ударился о стену и сполз на пол второй кучей рядом с Бетримом. Гигант застонал, пытаясь вернуться в вертикальное положение.

Все они смотрели вслед женщине сквозь дыру, зияющую на том месте, где раньше была дверь.

— Нам же заплатят, да? — подал голос Шустрый.

Джеззет уже почти забыла, что значит быть чистой. Чистая кожа, чистые волосы, чистая одежда, свежий запах. Даже самый шикарный секс в ее жизни не шел ни в какое сравнение с простым ощущением чистоты. На это ушло две полные кадучки воды, но результат того стоил. После первого захода бочка изнутри покрылась таким слоем грязи, что ее пришлось отскрести, прежде чем залить вторую порцию воды. Пока служанка работала скребком, Джеззет ждала около невысокого камина и раздраженно пощелкивала языком.

Она потратила лишь малую часть денег арбитра, но потратила с умом. Джеззет купила себе новую одежду, обувь, довольно неплохой острый нож, чтобы укоротить волосы до приемлемой длины, и новый меч, простой на вид, но вполне годный. Все это обошлось ей чуть меньше чем в четыре золотые монеты, но когда она попыталась вернуть остаток арбитру, тот рассмеялся и отмахнулся от кошелька, вынув из глубин плаща еще один, даже более пухлый.

И вот теперь она сидела в общем зале в «Позолоченном дурне» с кружкой пива и тарелкой, полной хлеба, бекона в меду, перченых яиц и крошечных грибов. Самый дивный набор блюд из всех, что Джеззет когда-либо доводилось есть, и она, словно голодный волк, жадно проглотила все, даже не задумавшись, сколько все это добро стоило.

Поев, Джеззет откинулась на стуле и стала ждать, не зная, чем себя занять. Она понимала, что нужно бы найти кого-нибудь для тренировки, партнера для спарринга. Уже почти полтора месяца она нормально не бралась за меч. Наставник однажды сказал ей: «Ты хороша, Джеззет, но даже самый острый клинок тупится и ржавеет со временем без надлежащего ухода». Это была лишь одна из многих истин, которые он поведал ей после изнурительных тренировок. Старый ублюдок любил поговорить.

Джеззет подумала о том, чтобы вернуться в «Змеиный зуб» и отплатить Гароду за его предательство. Подонок заслужил чего-нибудь острого под ребра, но девушка решила оставить все как есть. В трактире могут снова торчать стражники, а ей стоило избегать новых столкновений с ними. Вряд ли арбитр станет утруждать себя, вытаскивая ее из-за решетки во второй раз.

«Ты все еще можешь убежать, Джеззет. Сорок шесть золотых — целое состояние. Можешь прыгнуть на корабль до Драконьей империи, и еще двадцать останется. Хватит, чтобы начать новую жизнь. Арбитр там тебя не найдет. Констанция там тебя не найдет. Сможешь жить так, как тебе хочется. Простой, тихой жизнью...»

И пустой. Джеззет представила себе, насколько ей опротивеет такая жизнь уже после пары коротких недель. Да и где бы она ни оседала, непременно наживала себе новых врагов. Нет, Дикая Земля — вот то, что ей нужно: драки, убийства, секс, ветер в карманах и игра с судьбой каждую секунду до самого конца отведенной ей богами жизни.

Джеззет потягивала свое пиво, когда вернулся арбитр. Он не стал заказывать себе выпивку, а, заметив Джеззет, сразу же прошествовал к ней. Несмотря на утреннюю жару, он не снимал свой длинный коричневый плащ со множеством карманов, блестящими пуговицами и целой коллекцией различных пятен, и при этом, похоже, ему совсем не было жарко. Его волосы спутались, лицо отчаянно нуждалось в бритве, а двигался он с видом человека, который плевать хотел на окружающий мир. Это одновременно раздражало Джеззет и вызывало у нее улыбку.

— Вижу, ты уже проснулась, — сказал арбитр, присаживаясь напротив за маленький столик. Каким-то чудом он сумел улизнуть из комнаты, не разбудив Джек. Девушка списала это на собственную усталость и относительную безопасность трактира после столь долгого пребывания в камере. Обычно она просыпалась от малейшего шороха. — Хорошо же ты выпалась.

— На кровати спится лучше, — возразила Джек, не разделяя благодушие арбитра.

— Боюсь, единственная кровать в комнате моя.

— Я не прошу делиться.

Арбитр улыбнулся, а потом засмеялся. По-доброму так засмеялся, но Джек наслышалась историй об арбитрах, и среди них не было ни одной хоть сколько-нибудь приятной.

«Как может человек, который всю свою жизнь сжигает людей, быть таким счастливым?»

— Дела спозаранку? — спросила она.

Рассвело совсем недавно, а он уже успел исчезнуть и снова объявиться.

— Был в Совете. Похоже, женщина, для убийства которой я сюда и прибыл, сумела сбежать из темницы. А поскольку я видел ее последним, они спустили всех собак на меня.

— И все же ты сидишь здесь и не в цепях.

— Совет не рискнул бы арестовать арбитра за предполагаемое преступление без доказательств. Это равноценно плевку в лицо Инквизиции.

— Зачем им понадобился ты? Самим не справиться? Уверена, они убили бы и меня, если бы захотели.

Джек глотнула пива. Скоро потребуется новая кружка.

— Они убили ее. Она вернулась.

— Люди на такое способны?

— Нет, — качнув головой, ответил арбитр. — Люди — нет.

— Эм-м... ладно. Так для чего тебе нужна я? — спросила Джек. — Ты вытянул меня из тюрьмы, выдал мне кучу золота, и при этом тебе явно не нужно, чтобы я раздвинула перед тобой ноги. Тогда для чего все это?

— Мне нужен проводник. Кто-то, кто знает Дикие Земли и знает, как найти нужных людей. Арбитров здесь не любят. Их вообще нигде не любят, но здесь особенно. Ты можешь получить информацию, мне недоступную, и говорить с людьми, которые не станут разговаривать со мной. Мне нужна твоя помощь.

«Что ж, весьма расплывчато».

— И зачем же ты здесь?

— Совет Чада попросил Инквизицию помочь им убить женщину. Инквизиция послала меня найти человека. Его имя Грегор Х'ост. Ты о нем слышала?

Разумеется, Джек слышала о Х'осте и, по правде говоря, хотела бы никогда не слышать. От одного только его упоминания холодок пробежал по ее спине. Где Х'ост, там всегда и Констанция.

— Прости, арбитр, — Джек сняла мешочек с золотом с пояса и положила на стол перед собой, — я не могу ничем помочь.

— Значит, слышала.

— Конечно. Все слышали. Он глава семьи.

— Семьи...

Джек от удивления раскрыла рот.

— Х'осты. Чистокровное семейство, владеющее собственной провинцией.

— Этой провинцией...

— Точно. Но не Чадом — это свободный город.

Арбитр поскреб щетину, а затем взял кружку Джеззет и хорошенько отхлебнул.

— Не уверен, что правильно понимаю слово «чистокровное».

— Ты действительно ничего не знаешь о Диких Землях. — Джеззет уже начала было сомневаться в умственных способностях арбитра.

— Именно поэтому мне и нужен проводник. У меня не было времени во всем разобраться: только что страдал от жестокого похмелья — а в следующую секунду уже плыл сюда, не имея на руках ничего, кроме имени.

— Чистокровные — это своего рода знать в Диких Землях. Потомки одной линии крови. Девять провинций, девять семей. Грегор — глава семейства Х'остов.

— Хм, это может осложнить дело. Но, по крайней мере, у меня есть ты.

— Нет, нету. — Джеззет должна была бы разозлиться, но внезапно осознала, что трудно сердиться на того, кто еще совсем недавно спас твою жизнь, даже если он пытается втянуть тебя в новую передрагу. — У Х'остов есть своя армия, и во главе ее стоит сука по имени Констанция. Так уж получилась, что эта тварь хочет моей смерти... или чего похуже.

— Ты, должно быть, здорово ее допекла.

— Можно и так сказать. Для начала я убила ее сестру. — Джеззет подняла голову и увидела, что арбитр смотрит на нее спокойными глазами. Почему-то ей захотелось объяснить все этому человеку, словно его мнение что-то значило. — Примерно три года назад Констанция и ее сестра Катерина возглавили армию Х'остов. Констанция больше походила на мужика, но Катерина была другой. Чертовски хороша во владении мечом и к тому же своего рода тактический гений. Констанция просто шаталась за своей старшей сестрой как телохранитель.

Армия Х'остов встретилась с еще одним чистокровным семейством, Д'роанами, и они решили уладить дела старым способом — так, чтобы никто из знати не пострадал. От каждой армии был выбран чемпион, и им предстояло сразиться. Победитель получал землю, проигравший уходил ни с чем. Х'ост выбрал Катерину.

— А Д'роан — тебя, — кивая, сказал арбитр.

— Точно. Я была его... пленницей. Он согласился отпустить меня, если я буду драться и выиграю.

— Под его началом целая армия, а он выбрал тебя.

— Я уже говорила, что умею обращаться с мечом. — Джеззет уставилась в стол, не желая смотреть арбитру в лицо при своих следующих словах. — Д'роан сказал мне устроить шоу. Унизить чемпиона Х'остов. Мне хотелось угодить ему, и я согласилась.

Девушка умолкла, ожидая, когда арбитр спросит, что же случилось дальше, но он этого не сделал. Просто сидел и молча наблюдал за ней.

— Паршивая смерть, — наконец сказала Джеззет. — Я порезала ее на кусочки.

«Наставник всегда говорил: „Смерть не должна превращаться в спектакль. Мастер Клинка должен убивать быстро и наверняка“. А я не слушала его».

— Когда Констанция попыталась вмешаться, я лишила ее левого глаза и бросила истекать кровью прямо на труп сестры.

Джеззет не нравилось говорить об этом. Более того, раньше она вообще никому этого не рассказывала. Похоже, истории о том, что арбитры могут принудить человека говорить

правду, не врал.

— Я сожалею, Джезет, — тихим голосом произнес Танкуил Даркхарт, — но мне все еще нужна твоя помощь.

Девушка покачала головой:

— Лучше бы тебе найти кого-нибудь другого. Констанция жаждет убить меня, и она не остановится ни перед...

— Пускай так. Мне нужна твоя помощь, и ты поможешь мне.

Джезет фыркнула:

— С чего бы мне делать это?

Арбитр подтолкнул к ней тяжеленький мешочек с золотыми монетами.

— Потому что я уже купил тебя. Кроме того, если ты говоришь правду, эта Констанция никогда не прекратит преследовать тебя, а с моей помощью, возможно, ты найдешь способ остановить ее.

— Единственный такой способ — убить ее.

— Уверен, мы сможем это устроить.

Неожиданно для себя Джезет обнаружила, что сидит с открытым ртом. И снова арбитр проигнорировал это. Он вытянул руки, зевнул, а затем взял пиво Джек и прикончил его одним большим глотком.

— Пора идти, Джезет Вель'юрн.

— Куда?

— Подобрать тебе платье.

Солнце стояло высоко в небе и светило ярко. Назвать утро «жарким» было все равно что смолчать. Воздух дрожал перед глазами, густой, тяжелый и влажный, не тревожимый даже малейшим ветерком. Джезет была облачена в простой и легкий комплект кожаной одежды, купленной на деньги арбитра Танкуила, но даже так она жутко потела. Девушка без конца смахивала влагу со лба, но в следующее же мгновение она проступала снова. Но хуже всего было то, что арбитр в своем длинном плаще, похоже, жары совсем не ощущал. Джезет это не на шутку злило.

Арбитр привел ее на торговую улицу в Золотом городе, где к жаре добавились запахи. От ароматов, нависающих над Чадом, спасения не было. Повсеместная вонь гнилого дерьма забивала носы прохожих.

Отдельные более-менее женоподобные женщины и, конечно же, некоторые более-менее женоподобные мужчины ходили туда-сюда, держа у лиц надушенные платки и высоко подняв головы, словно до запахов окружающего города им нет дела.

«Еще бы, никому из них не приходилось ползать по канализации. Такой опыт пошел бы им на пользу».

Время от времени они ловили на себе чужие взгляды — не так много, как думала Джезет, да и все внимание к себе привлекал арбитр. Никто из окружающих не удостоил бы Джезет второго взгляда, но она шагала рядом с охотником на ведьм. От того, что так много глаз смотрело ей вслед, девушка начала нервничать: вдруг кто-то в толпе узнает ее?

— Разве тебя это не заботит? — на ходу спросила она арбитра Танкуила. — Взгляды и все такое.

Он покачал головой:

— Когда на тебя намеренно смотрят, это лишь немногим лучше, чем когда так же

намеренно не смотрят.

Джеззет не совсем поняла, что арбитр имел в виду. Руку она держала на эфесе нового меча, готовая выхватить стальной клинок при малейшей необходимости. Девушка пристально всматривалась в толпу, оценивая каждого встречного человека и определяя возможную угрозу. «Мастер Клинка всегда должен знать, откуда придет следующий удар, и его никогда нельзя будет застать врасплох», — так говорил ее наставник.

— Пришли, — объявил арбитр и нырнул в двери большого деревянного здания с вывеской, гласившей, что это лавка портного.

Джеззет прежде решила, что мракоборец, должно быть, пошутил — игра слов или что-нибудь еще, чего она не поняла. Но теперь у нее возникло кошмарное ощущение в животе — грядут унижения. Злобно нахмурившись, она последовала за арбитром.

Внутри было светло, но все равно намного темнее, нежели на открытом солнце. Глазам Джеззет потребовалась пара мгновений, чтобы приспособиться. Лавка была полна разномастной одежды, рулонов ткани, шляп, изящной маленькой обуви, пудрениц и ерунды, предназначенной для нанесения на лицо. Цвета, названия которых Джеззет даже не знала, со всех сторон бросились ей в глаза, и девушка почувствовала, как ее губы кривятся от отвращения.

— Вот она, — сказал арбитр женоподобному человечку с напудренным лицом, большими выпученными глазами, крючковатым носом и короткими, зализанными назад лоснящимися волосами.

Человечек, едва взглянув на нее, недовольно надул губы.

— Нет! — строгим голосом возразила Джеззет, но оба мужчины пропустили это мимо ушей.

Женоподобный человечек подошел к девушке, и взгляд его бесстыже оценивающих глаз прошелся по ней с ног до головы. Разные люди по-разному смотрели на ее тело и ее шрамы, но то, как этот человек ее разглядывал... Рука Джеззет непроизвольно потянулась к мечу.

— Она тощая, — сказал мужчина; голос его оказался таким же девичьим, как и внешность.

— Ей приходилось плохо питаться, — ответил за нее арбитр Танкуил.

— С грудью тоже не особо.

— Кто-то счел бы это достоинством, — сказал арбитр, и Джеззет не могла с ним не согласиться.

— У нее мальчишеская шевелюра.

Джеззет едва удержалась, чтобы не провести рукой по своим коротким колким волосам.

— Придает ей определенную привлекательность.

«Хватит!»

Джеззет смирила взглядом женоподобного портного сверху донизу — так же, как и он ее до этого.

— Чрезмерная полнота. Судя по виду, недостаток яиц — возможно, евнух, — а волосы выглядят так, словно их выдрали из чьей-то задницы.

Она ожидала увидеть шок на лице портного, даже надеялась на это, но тот лишь вскинул выщипанную бровь. Джеззет повернулась к арбитру Танкуилу:

— Нет!

— Это просто...

— Джеззет Вель'юрн никогда не носила и не будет носить платьев.

Арбитр улыбнулся:

— Не думаю, что ты сможешь заявиться на бал в куртке.

— Почему нет? Ты хотел узнать, как здесь, в Диких Землях, делаются дела. Так вот, во время балов богачей многие важные люди приводят с собой телохранителей. В своей одежде я не буду сильно выделяться.

— Действительно?.. — обратился к портному Танкуил.

— Это правда, — смиренно ответил тот.

— И все же, — продолжал арбитр, — будет неправильно, если арбитр придет с телохранителем. Одно платье, одна ночь.

— Я не надену платье!

— Нет, наденешь!

— Нет, не надену!

Джеззет уставилась на арбитра, арбитр уставился на Джеззет, и в помещении повисло неловкое молчание. Казалось, прошла целая вечность. Тишина поглотила все вокруг, и остались только Джеззет да Танкуил, упрямо глядящие друг на друга.

— Постарайся не стеснять ее движений, — сказал арбитр, и Джеззет поняла, что говорит он снова с портным. — И лучше не попадайся ей под ту руку, что с мечом, когда будешь делать замеры.

Закончив, Даркхарт двинулся к выходу.

— Я буду через улицу, там есть очень интересная оружейная лавка, — сказал он, проходя мимо.

Рука Джеззет метнулась и схватила запястье арбитра.

— Нет.

Он наклонился поближе к ней — так, чтобы портной не мог его слышать.

— Бал через четыре дня. Все приезжие будут там. Твоя подруга-военачальница прибыла в Чад этим утром. Думаю, вряд ли она узнает тебя в платье.

Джеззет выпустила руку Даркхарта. Во рту у нее мгновенно пересохло.

— Почему ты не сказал мне раньше?

— Не хотел, чтобы ты весь день пряталась в трактире. Найди меня, когда вы тут закончите. — С этими словами арбитр шагнул за дверь.

Не успела Джеззет повернуться обратно, как на нее тут же налетел портной, вооруженный мерной лентой.

«Ты все еще можешь убежать, Джез. У тебя есть золото, у тебя есть меч. Нужно просто улизнуть прежде, чем арбитр заметит, и на первом же корабле двинуть куда угодно».

Женоподобный портной принялся замерять ее руки, затем перешел к ногам, плечам, бедрам и груди. Все это время Джеззет прожигала беднягу сердитым взглядом, но стояла смиренно и не убегала, чтобы уплыть на первом же корабле куда глаза глядят.

— Ваши волосы коротковаты, но немного косметики — и я создам такой образ, что все мужчины...

Джеззет сверкнула глазами, а ее рука потянулась к мечу:

— Только подойди ко мне с этими твоими пудрами, и я разрисую лавку твоей кровью.

Мужчина отпрянул.

— Конечно, прошу прощения. Я не хотел вас оскорбить.

— Мы закончили?

— Да. Можете сказать арбитру...

Джеззет не стала слушать — ее это совсем не заботило. Она стремительно вылетела из лавки и направилась напрямик к оружейной, куда зашел Танкуил. Внутри она остановилась и огляделась. Эта лавка была ей куда больше по душе. Клинки всех форм и размеров висели на стенах рядом с молотами, булавами, цепями, копьями, топорами и прочим смертоносным добром. Один только этот магазин мог бы обеспечить вооружением небольшую армию. Правда, большинство выставленных напоказ образцов были скорее декоративными — сталь хорошая, без сомнений, но украшенная драгоценными камнями и всевозможными орнаментами. Джеззет вспомнились слова наставника: «Клинок есть отражение своего владельца. Мастера Клинка должны убивать, а не красоваться».

Арбитр был занят разговором с владельцем. Тот показывал ему небольшое устройство из дерева и металла с закругленной рукояткой и чем-то вроде длинной трубки. Оно удобно ложилось в руку, но выглядело совершенно не опасным — у него даже не было лезвия.

— Что *это*? — с нехарактерным для себя любопытством спросила Джеззет.

— Он называет это шарострелом.

Джеззет вскинула бровь:

— Оно... стреляет шарами?

— Маленькими металлическими шариками, — сказал арбитр, держа один такой в руке. — Смотри.

Джеззет взяла у арбитра шарик и стала рассматривать внимательнее. На вид ничего особенного, просто металлическая сфера размером не больше тех, с которыми иногда играют дети.

— Он стреляет ими, как праща?

— Нет, добрая леди, — вмешался торговец. У него был акцент человека не из Диких Земель, но Джеззет не могла определить, откуда именно он родом. «Пиратские острова, должно быть». — Он стреляет ими как арбалет, но без тетивы.

Джеззет это показалось полной бессмыслицей.

— Тогда с помощью чего он стреляет?

— С помощью черного пороха.

— Никогда о таком не слышала.

Танкуил вернул устройство торговцу.

— Алхимики открыли черный порох несколько лет назад. При контакте с огнем он загорается и взрывается, — объяснил арбитр.

Владелец лавки, держа устройство одной рукой, навел его на заднюю стену магазина.

— Вы просто целитесь и нажимаете на курок, как и с арбалетом.

Крошечный металлический молоточек наверху устройства щелкнул по железной пластине, но ничего не произошло.

— Не работает, — констатировала Джеззет.

Торговец засмеялся.

— Он не заряжен, добрая леди. Позволяет прицельно стрелять на расстояние до десяти шагов.

— Не очень-то далеко. Луки стреляют раз в двадцать дальше.

Торговец снова залился смехом.

— Его ценят не за дальность, добрая леди.

Джеззет ненавидела, когда ее называли «леди».

— Ты видел его в деле? — спросила она Танкуила.

Арбитр хитро ухмыльнулся в намечающуюся бороду и повернулся к оружейнику:

— Я беру шарострел, а также немного черного пороха и несколько металлических шариков.

После этого торговец резко переменился в лице — исчезла улыбка, иссяк поток комплиментов. Он выставил арбитру цену в восемь золотых за устройство, но тот, похоже, был рад расстаться с деньгами. Мракоборец походил на безумно довольного ребенка, получившего новую игрушку. Джеззет же казалось, что арбитра просто надули.

— Следовало бы проверить оружие, прежде чем покупать, — сказала Джеззет улыбающемуся Танкуилу. — В Диких Землях люди готовы впарить тебе что угодно, если у тебя есть деньги, и они с радостью представят любую вещь в выгодном для них свете.

Даркхарт кивнул и посмотрел на нее.

— Быть может, ты и права. Платье...

Девушка пожалала плечами. Ей сейчас совсем не хотелось думать об этом. За всю свою жизнь она ни разу не надевала этих дурацких нарядов, а стоило только встретить арбитра — и он тут же пожелал засунуть ее в платье всем напоказ.

«Даже Д'роан не пытался...»

— Джеззет Вель'юрн? — раздался грубый мужской голос у нее за спиной.

До Джеззет вдруг дошло, что она перестала следить за улицами и за людьми, а встреча с тем, кто знал ее имя, редко сулила что-то хорошее.

Девушка обернулась и увидела перед собой самого уродливого человека из всех, кого ей доводилось встречать. Он смотрел на нее с неким подобием улыбки на обожженном лице.

— Шип! Не думала, что снова увижу тебя в Чаде, — сказала Джеззет, тоже выдав улыбку, причем куда более привлекательную.

— Ты что, знаешь ее, Шип? — спросил здоровый чернокожий южанин рядом с ним.

— Ага. Мы с Джеззет давно знакомы. Она помогла мне, когда...

Он резко замолчал, и Джеззет поняла, что головорез смотрит на человека у нее за спиной. На арбитра Танкуила. Того, похоже, ситуация совершенно не интересовала, но он вынужден был ждать.

— Что ты делаешь в обществе одного из этих, Джеззет? — спросил Торн.

— Работаю. Арбитр нанял меня проводником.

— Это тот самый недомерок, которого мы видели? — встрял щуплый юнец, на вид еще совсем пацан, с противными вьющимися усиками и коричневым пушком на подбородке. — Не стой на месте, Черный Шип, убей его!

Джеззет увидела, как Шип сжал челюсти. Южанин позади него застонал, а гигант, каких Джеззет в жизни не встречала — даже ссутулившись, он был добрых семи футов ростом, — дал мальцу хорошего подзатыльника.

— О боги, Зеленый! Если ты не прекратишь ляпать его имя везде, куда бы мы ни пошли, я тебя лично на кол посажу! — рявкнул южанин.

— Значит, ты Черный Шип, — заговорил за спиной Джеззет Танкуил. — Заноза в заднице Инквизиции.

В лучах яркого солнца сверкнула сталь — все шесть человек напротив Джеззет обнажили оружие. Шип, южанин, гигант, мальчишка, женщина — чуть ниже Джеззет ростом и со шрамом, навсегда растянувшим ее губы в презрительной ухмылке, — и щеголеватый улыбчивый красавчик. Девушка вдруг поняла, что ее меч тоже покинул ножны, и теперь эфес удобно лежит в руке. И рука эта дрожит.

«Черт возьми, Джез. Это не та драка, в которой хотелось бы поучаствовать. Попробуй разрядить обстановку».

— Ты не хочешь драться со мной, — сказала она настолько повелительным тоном, насколько смогла.

— Ха! — рывкнула женщина со шрамом. — Не иначе как тебя пытается запугать девчонка, которая даже меч не может держать ровно.

— Закрой пасть, Генри! — рыкнул на женщину Шип и прожег ее взглядом.

Та лишь засмеялась:

— Не волнуйся. Я смогу защитить тебя от этой маленькой сучки.

«Леди, девчонка, шлюха, сучка!» — похоже, каждый сегодня норовил оскорбить ее, и Джеззет это уже вконец достало.

Шагавшие по улице стражники обратили внимание на сверкающую сталь, но вмешиваться не стали. Не сейчас. Их слишком мало против такого количества людей с оружием. Стражники подождут, пока противники в большинстве своем поубивают друг друга, а потом заберут выживших и отдадут рабовладельцам.

Джеззет заметила, что арбитр еще не вынул из ножен собственный меч. Из всех присутствующих он казался самым расслабленным. Его руки покоились в карманах плаща, а на лице застыла легкая улыбка.

— Никогда не думал, что встречу Черного Шипа, — сказал арбитр за спиной Джеззет. — Это...

— Ты не возьмешь меня, — бросил Шип.

— Возьму...

— Живым или мертвым. Я убил достаточно ваших, чтобы знать, как это делается.

— Да, я слышал. Какой там у тебя счет? Пятеро, полагаю.

— Шестеро. Все постоянно забывают о первом, — подал голос мальчишка со свирепым лицом и сразу же получил еще один подзатыльник от гиганта.

— Что ж, я не хочу стать номером семь. Кроме того, у меня есть дела.

Шип растерялся, его спутники — тоже. Даже Джеззет опешила. Черный Шип всегда говорил, что Инквизиция жаждет поймать его, живым или мертвым, и ни перед чем ради этого не остановится.

— Что за игру ты ведешь? — спросил южанин.

Танкуил весело фыркнул:

— Никакой игры. Просто ты мне не интересен, Черный Шип. И никто из твоей шайки. Думай что хочешь, а мне пора. Джеззет, идем.

Арбитр развернулся и пошел прочь. Джеззет отступила на пару шагов, убрала меч в ножны и поспешила за ним, оставив Шипа и его команду смотреть им вслед.

— Разве ты не должен был попытаться убить его? — нагнав, спросила Танкуила Джеззет. Теперь, когда перспектива драки осталась позади, дрожь в руке унялась — хотя вероятности получить в любой момент нож в спину еще никто не отменял.

— Сражаться с Черным Шипом... паршивое дело, — ответил Даркхарт. — Он уже убил шестерых арбитров, и я не шутил, когда говорил, что не хочу становиться седьмым.

— Проследи за ними, Шустрый. И смотри не попадись, — сказал Босс, хмурясь даже больше обычного.

Бетриму это не нравилось. Вся эта гребаная ситуация ему не нравилась. Сначала Мертвоглазая поручает им вытянуть из тюрьмы какую-то поганую ведьму, а теперь еще этот арбитр с Джеззет Вель'юрн на поводке. Гарантированный рецепт неприятностей.

— Шип, — Босс легонько толкнул Бетрима в бок, — ты знаешь эту женщину?

— Да.

Бетрим смотрел, как Шустрый рысью кинулся за арбитром, оставаясь на расстоянии и прячась за спинами, чтобы его не заметили. Он был чертовски полезным парнем, если только держать его в узде.

— От нее могут быть проблемы?

— Да сколько угодно. Мечом она владеет как никто другой.

— Эта сучка тряслась сильнее Зеленого, — фыркнула Генри.

Торн не стал утруждать себя ответом. Генри всегда плохо ладила с другими женщинами, и его не интересовало почему.

— Оружие на тебя она направила довольно шустро, — продолжал Босс, и Бетрим понял, что он будет гнуть свою линию, пока не услышит всю историю.

— В этом вся Джеззет Вель'юрн. Никогда не знаешь, на чьей стороне она в итоге окажется. Несколько лет назад здесь, в Чаде, у меня была работенка по охране. Плевое дело, легкие деньги. Сидишь, следишь за парой ящиков и ждешь, пока не явятся люди их забрать. Только вот несколько парней решили, что быть трупом мне идет больше. Скорее всего, хотели потом хвастать убийством Черного Шипа.

Восемь человек поднялись против меня, и только она одна осталась со мной. Я убил двоих, она же разобралась с прочими, не оставив им даже шанса. Еще некоторое время мы держались вместе, а потом она получила лучшее предложение. Думаю, ее нанял кто-то побогаче, покрасивее и с меньшим количеством врагов.

— То есть она идет за тем, кто больше платит? — спросил Босс.

Бетрим лишь пожал плечами. Он понятия не имел, что у нее на уме. Еще несколько минут назад он считал Джеззет Вель'юрн старым другом, ровно до того момента, пока не увидел, что она якшается с Инквизицией.

Беспокоило его и то, что на улице собралось слишком много стражи. Должно быть, к служителям закона прибыло подкрепление, и теперь они проявляли совсем не досужий интерес к шайке сорвиголов, которые смотрелись явно не к месту посреди Золотого города. Похоже, стражники решили, что куда уместнее они будут смотреться в железных ошейниках.

— Пора нам двигаться, Босс.

— Ага. — Бетрим был не единственным, кто заметил стражу. Боссу положение дел совсем не нравилось. Впрочем, ему вообще все с каждым днем нравилось меньше и меньше. — Мослак, бери Зеленого и найдите нам другое убежище, как можно ближе к воротам в Старом городе.

— Сделаем, Босс, — отозвался Мослак и потащил Зеленого прочь.

— Нам с Генри нужно встретиться со связным...

— Насчет денег? От Мертвоглазой.

— И это тоже, — ответил Босс. — Возвращайся в дом и жди там, Шип. И постарайся по пути не встретить еще кого-нибудь из старых друзей.

Бетрим пропустил комментарий мимо ушей и зашагал по улице, уже жалея, что Босс вообще решил позвать их на пирушку. Поначалу это казалось неплохой идеей. Они выполнили свою работу, и выполнили хорошо, никто не погиб, да и пострадал из всех только Бетрим, ударившись головой о стену, когда его швырнула ведьма. Поскольку платы за работу они еще не получили, Босс повел всех в одну милую таверну в Золотом городе, чтобы наесться от души и выпить столько темного пива, сколько влезет. По правде говоря, Бетрим уже думал, что пьян в стельку, пока не столкнулся лицом к лицу с арбитром. Забавно, насколько быстро способен протрезвить вид человека, ищущего твоей смерти.

Если бы не эта затея Босса с крутой таверной, Бетрим никогда бы не пересекся с арбитром и Джеззет. Просидел бы весь день в провонявшей мочой таверне попроще и хлестал пиво со вкусом той же мочи до тех пор, пока не напьется так, что перестанет чувствовать шрамы. Тоже неплохой вариант, надо сказать. А теперь ему предстоит провести остаток дня, прячась в доме, словно какому-то нашкодившему пацану.

Хорошо хоть стояла жара. Торн никогда не любил холод. Однажды он провел целую зиму в Пяти Королевствах, далеко на севере. Дождь там мгновенно превращался в белые твердые крупы — вот насколько холодно там было. Жители тех краев не задумывались об этом, но не Бетрим. Вода и в жидком состоянии была штукой дрянной, и не было никаких разумных поводов ей становиться твердой и оседать на землю так, как это было там.

За ним увязался хвост. Парень, несомненно, был хорош, но когда ты носишь имя вроде Черный Шип и пожил столько, сколько Бетрим, начинаешь нутром чувствовать, когда кто-то уделяет твоей персоне излишнее внимание, — это словно зуд, от которого не избавиться. Парень крался за ним, по возможности держался в тени, выглядывал из-за углов, но недостаточно быстро. Бетрим свернул в переулок и стал ждать. Ждать. Ждать.

Он уже был готов сдаться и признать собственную ошибку, когда голова юноши высунулась из-за угла. Рука Бетрима метнулась быстро, как змея, и, схватив парня за рваную сорочку, втащила его в переулок и прижала к деревянной стене пекарни, за которой прятался Шип. В ту же секунду в его трехпалой руке возник нож, и Бетрим приставил лезвие к горлу мальчишки. Осмотревшись, он убедился, что вокруг никого нет. Единственным наблюдателем был толстый рыжий кот, который лениво посматривал на них своими золотистыми глазами, вальяжно растянувшись на солнце. Только коты могут смотреть так, что ты почувствуешь себя виноватым в том, что зашел на принадлежащую им территорию.

Мальчишка выглядел напуганным, но молчал.

— Кто послал тебя за мной? — грозно спросил Бетрим, для пущего устрашения посильнее вжав лезвие ножа в шею парня.

— Стражники. Они видели тебя. Сказали, что дадут мне серебряк, если я прослежу за тобой и скажу, куда ты пошел.

Мертвоглазая, Джеззет, какой-то ублюдок-арбитр, а теперь еще и стража. Похоже, жизнь с каждой секундой становится все сложнее и сложнее. Бетрим еще сильнее надавил ножом, и парень жалобно всхлипнул, когда по его шее за воротник потекла струйка крови. В воздухе появился кислый запах — похоже, горе-преследователь напустил в штаны.

Наемник мог бы предложить парню два серебряка, чтобы спокойно уйти и никогда больше не встречать ни его, ни стражу. Только вот у Бетрима Торна не было ни гроша за душой. Можно было, конечно, убить мальчика, благо никто бы этого не увидел. Один взмах

ножа — и готово. Это был бы не первый юноша, убитый Бетримом, и едва ли последний.

В конце концов он просто оттолкнул парня, достаточно сильно, чтобы тот повалился на землю.

— Будешь дальше преследовать меня — и я скормлю тебя этому коту.

Парень дрожал всем телом.

— Какому коту?

Бетрим обернулся и поискал глазами рыжего, но того уже не оказалось. Исчез так беззвучно, как могут только коты. Пока Шип смотрел в другую сторону, парень дал стрекача и тоже скрылся. Что ж, так даже лучше. Бетрим совсем не горел желанием убивать уличных оборванцев просто так. Подобные поступки имеют тенденцию бумерангом возвращаться к тебе.

Когда начали подтягиваться остальные, на дворе уже стоял поздний вечер. Первыми явились Мослак и Зеленый, и к их приходу Бетрим уже утомился от безделья. Он валялся на спине, пялился в потолок крохотного жилища и считал пауков. Некоторые из них выглядели слишком уж большими.

Бетрим когда-то знал человека, который держал у себя нескольких пауков. Он говорил, что *доит* их, получая яд. «Доить»... Чертовски странное слово применительно к паукам, но Торн не мог не признать, что яд работал. Малейшего пореза отравленным клинком хватало, чтобы жертва уже через несколько секунд билась в конвульсиях, не в состоянии дышать, а через пару минут умирала. Паршивая, надо сказать, смерть — быть отравленным типом, который доит пауков. Поэтому Бетрим ему просто улыбался и кивал, а потом быстро собрался и свалил от этого доильщика куда подальше.

— Все прячешься, Черный Шип? — глумливо поинтересовался Зеленый, вваливаясь в дом. — Никогда не думал, что такой, как ты, может бояться одного человека. Думаю, скоро тебя назовут Желтым Шипом.

Для Бетрима это стало последней каплей. Наемник вскочил на ноги, в два шага подлетел к Зеленому и впечатал тяжелый пятипалый кулак ему в лицо. К счастью для себя, мальчишка оказался достаточно проворным, чтобы увидеть опасность и попытаться уклониться. К несчастью, проворства ему не хватило. Бетрим почувствовал, как ломается нос хама, ощутил чужую кровь на костяшках пальцев и боль от удара в собственной руке.

Зеленый рухнул на пол, сыпя ругательствами вперемешку с булькающими всхлипываниями. Неожиданно между ними вырос Мослак — когда того требовала ситуация, здоровяк демонстрировал чудеса прыти. Одной рукой он оттолкнул Черного Шипа, и Торн чуть было сам не покатился по полу, но устоял и принялся трясти ушибленной правой кистью. Удивительно, насколько сильно удар, нанесенный кому-то кулаком в лицо, может аукнуться тебе самому.

Зеленый едва держался на коленях, кашляя, рыдая и плюясь. Кровь заливала ему лицо. От этого зрелища губы Бетрима растянулись в улыбке. Ему хотелось врезать мелкому гаденышу еще с момента их самой первой встречи. Он бы с радостью еще как следует навалил мальчишке, если бы не перспектива подраться с Мослаком.

— Отойди, Шип, — предупредительным тоном сказал Мослак. — С него хватит.

— Хочется верить, — все еще улыбаясь, ответил Бетрим. Нечасто он так веселился. — Одного удара таким, как он, безусловно, вполне достаточно.

Парни вроде Зеленого в этой игре долго не живут, вот и приходится что-то делать с их

непроходящим желанием донимать людей вроде Черного Шипа.

Зеленый прокашлялся, едва поднялся на ноги и, шатаясь из стороны в сторону, поковылял к Бетриму. Но на его пути оказался Мослак и одной рукой толкнул парня.

— Уймись, Зеленый, — теперь уже успокаивающим тоном сказал великан. — Сядь и дай мне взглянуть на твой нос. Похоже, он сломан.

Зеленый плюнул на устланный соломой пол. Кровь и слюна с примесью слез. Бетрим от этого зрелища заухмылялся пуще прежнего.

— Пошел ты, Шип! — вскричал парень. Очень храбро с его стороны, особенно если учесть, что его держал гигант, по силе превосходящий их обоих вместе взятых. — Да я тебя к черту убью!

Только этого Бетрим и ждал. Правой рукой он взялся за свой топор, левой рывком сдернул с пояса кинжал и встал в боевую стойку.

— С дороги, Мослак. Мальчишка хочет умереть.

Зеленый в ответ обнажил свой короткий меч. Теперь Мослак открыто занервничал, и небезосновательно — когда по бокам от тебя стоят двое вооруженных людей и каждый хочет убить другого, трудно не потерять хладнокровие. Еще пара секунд — и он отойдет, дав им покончить с этим раз и навсегда...

— Кто-нибудь скажет, что за ерунда здесь творится? — раздался из дверного проема голос Босса.

Бетрим глянул в сторону входа, и одного взгляда на лицо южанина ему хватило. Никогда еще он не видел настолько мрачного, укоряющего и полного чистейшей злобы лица, как в тот момент у их вожака. Торн убрал свое оружие и, отступив, прижался спиной к стене. Улыбка испарилась с его лица, уступив место привычной безэмоциональной маске из шрамов и ожогов.

Зеленый же намек не понял. Увидев, что Бетрим сдался, он решил действовать. Далеко, впрочем, парень не зашел. Мослак схватил его за руку с мечом и сильно ударил мальчишку в грудь. Зеленый выпустил оружие и кубарем покатился в угол, где и остался лежать, тяжело дыша и по-прежнему харкая кровью. Мослак отшвырнул меч к стене.

— Что стало с носом Зеленого? — требовательно спросил Босс.

Мослак плюнул и уселся на пол.

— Он взбесил Черного Шипа. Я говорил ему этого не делать, но парень плохо слушал.

Босс устремил взгляд на Бетрима. Тот лишь отвел глаза и пожал плечами, словно вся ситуация и яйца выеденного не стоила. Торн чувствовал толику разочарования. Он хотел гарантированно заткнуть Зеленого.

— Генри, подлатай пацану нос, — приказал Босс, и девушка двинулась к лежащему ничком Зеленому, ухмыляясь на ходу.

— Не знаю, за что вы оба друг на друга взъелись, — мне на это наплевать. Вы это прекратите, прямо сейчас. Как закончим дело, можете грызть друг другу глотки сколько влезет, но если до тех пор что-то подобное повторится, я лично вас обоих сдам работоторговцам. Понятно?

Бетрим кивнул:

— Да, понятно.

Зеленый взвыл от боли, когда Генри с громким хрустом вправила ему нос. Свежая кровь хлынула в рот, и парень снова принялся плевать алой слюной.

— Как новенький, — сказала девушка и поднялась.

Ее руки были красными от крови Зеленого, на которую она смотрела с нескрываемым восторгом. Бетрим вспомнил, как она точно так же таращилась на его кровь и хохотала, предварительно ткнув ножом в бок. Впрочем, даже после этого Торн не смог забыть, что обнаженная Генри очень даже ничего.

— Что там с работой? — спросил он, подпирая стену. — И когда нам заплатят за прошлую?

— Как только вернется Шустрый, — ответил Босс, растирая пальцами виски. — У нас есть новое дело от Мертвоглазой.

— Босс, это не...

— Не хочу ничего слышать, Шип. Нам нужна эта работа, и мы ее сделаем.

Бетрим кивнул, но слова Босса его совсем не убедили. Работать на Мертвоглазую — все равно что играть с огнем. Эта сука имеет поганую привычку не платить наемникам, а просто убивать их. По крайней мере, так о ней говорят слухи. Впрочем, те же слухи вешали и о том, что Черный Шип однажды дотла сжег целую деревню, убив всех жителей до единого. Так Бетрим на собственном опыте убедился, что они чаще всего врут.

— Что за дело?

Босс лязгнул металлическими зубами и нахмурился еще сильнее.

— Мы должны убить члена правящего Совета Чада.

Едва ли это место можно было назвать уютным, но оно было удобно расположено, и внутри оказалось довольно просторно, если не считать множества старых ящиков и пары бочек. Одни уже давно прогнили и держались на честном слове, другие были еще вполне пригодны для использования. А еще здесь в огромных количествах водились крысы, многих из которых запросто можно было назвать гигантами. Раньше тут ютились какие-то бездомные, которых в Чаде всегда хватало, но Танкуил прогнал их. Уединение ему было так же необходимо, как и свободное пространство.

Джеззет переступила порог следом за Даркхартом и осмотрелась. Даже сейчас она все еще держалась, словно туго натянутая тетива лука, готовая действовать в любой момент.

— И ты заплатил за *это*? Зачем?

— Инквизиция заплатила. У нас есть свое убежище в городе, но иногда арбитрам требуется полное уединение. А поскольку я единственный арбитр в Чаде, то мне оно и полагается.

— Только вот ты притащил сюда и меня, — заметила Джеззет. Она подошла к одному из старых ящиков, приподняла крышку, заглянула внутрь и опустила крышку на место. — Думаю, от этого стоит избавиться. Там внутри что-то сдохло.

Судя по запаху, девушка была права.

— Советую тебе перенести сюда все свое снаряжение и хорошенько его спрятать.

Джеззет сощурилась. Это придало ее облику кошачьи черты.

— Полагаешь, нам придется в спешке убираться из Чада?

— Трудно сказать. Но стоит быть готовыми ко всему.

Она фыркнула:

— Главное, чтобы не пришлось снова ползать по выгребным ямам. Не возражаешь, если я тут немного помашу мечом?

— На здоровье.

Танкуил окинул взглядом помещение в поисках подходящей мишени. Все здание представляло собой небольшой склад, построенный из дешевого дерева, с маленьким чердаком, на который вела прогнившая лестница. Он заметил деревянную доску длиной в два фута и шириной в треть. Подняв доску, арбитр поставил ее на бочку и двинулся назад. Отсчитав семь шагов, он развернулся, снял с пояса устройство для стрельбы металлическими шариками и зарядил его — засыпал в ствол немножко черного пороха, а поверх вкатил дробинку.

Затем Танкуил тщательно прицелился в деревянную доску, прикрыв один глаз, а другим глядя точно вдоль ствола. Вдруг он поймал себя на том, что нервничает при мысли о необходимости нажать на курок. Арбитр уже видел прежде черный порох в действии и знал, насколько он может быть капризным и разрушительным. Даже алхимики, создавшие это вещество, обращались с ним чрезвычайно осторожно. Были известны случаи, когда экспериментаторам из-за их ошибок в обращении с порохом отрывало руки, ноги и даже головы.

Вздрогнув, Даркхарт нажал на курок. Ничего не произошло.

— Ну я же говорила. Народ в Чаде любит дурить таких, как ты, — укоризненно сказала Джеззет.

Танкуил глянул на нее. Девушка стояла в полуприседе, держа меч левой рукой так, что лезвие шло вдоль предплечья, но глаза ее были устремлены на арбитра и его шарострел.

Вспомнив человека, продавшего ему оружие, Даркхарт оттянул крошечный молоточек наверху устройства и, прицелившись, еще раз нажал на курок.

БАХ!

Танкуил ощутил, как по руке прошла волна отдачи. Облако дыма вырвалось из ствола адской машинки. Арбитр обернулся и увидел Джеззет распластанной на полу, широко раскрытыми глазами глядящей на шарострел.

— Что это, черт возьми, было? — с панической дрожью в голосе спросила она.

Даркхарт через силу растянул губы в нерешительной улыбке.

— Я... гм... Я думаю, что оно работает.

Он положил оружие на крышку ближайшего ящика и двинулся к деревянной доске, исполнявшей роль мишени.

— Ага, похоже на то.

Джеззет легко вскочила на ноги и присоединилась к нему, тоже желая посмотреть на результат.

Стрела лука или болт арбалета должны были застрять в дереве; наконечник, быть может, и прошел бы насквозь, но древко бы застряло. А сейчас в доске зияла маленькая круглая дырочка в том месте, куда попал металлический шарик. Дробинка пробила цель и куда-то отлетела — ее нигде не было видно. Танкуил прикинул, что снаряд поразил доску не дальше чем в полу-футе от той точки, куда он целился.

Джеззет круглыми, словно блюдца, глазами осмотрела мишень, а после перевела взгляд на шарострел.

— Как они смогли уместить столько мощи в такую маленькую штуку?

Даркхарт все еще искал металлический шарик.

— Дело не в устройстве. Мощь в себе таит черный порох.

— То есть это сделала щепотка пороха? — скептически уточнила Джеззет. — Мне это не нравится.

Танкуил отчасти разделял ее позицию. В дурных руках такое оружие может натворить кучу бед, хоть арбитр и сомневался, что черный порох когда-нибудь станет легкодоступным товаром. При одной только мысли о целой армии, вооруженной подобными устройствами, по его спине пробежал холодок.

Оставив бесплодные попытки найти дробинку, Танкуил снова поставил мишень на крышку бочки и подобрал шарострел. Джеззет отошла на безопасную дистанцию и стала наблюдать за тем, как мракоборец засыпает в ствол новую порцию пороха, но на этот раз оборачивает металлический шарик полоской бумаги, извлеченной из кармана плаща.

— Что это?

Танкуил одарил ее улыбкой.

— Руна.

Выбранная им руна была огненной, и он не на шутку разволновался, предвкушая возможный эффект. Если, конечно, устройство просто не взорвется у него в руке.

— Магическая?

— Да.

— Как по мне, так эта штука достаточно мощна и так, без этих ваших охотничьих фокусов.

— Не люблю, когда меня называют «охотником на ведьм», — сказал Танкуил, помещая снаряд в устройство и наводя оружие на цель; уголком глаза он увидел, что Джеззет закрыла уши руками, и пожалел, что не может сделать то же самое.

Арбитр взвел молоточек и нажал на курок.

БАХ!

В этот раз деревянная доска вспыхнула ярким оранжевым пламенем. Даркхарт довольно улыбнулся, а Джеззет замерла с раскрытым ртом, наблюдая, как пламя пожирает дерево.

— Работает! — радостно повернулся к ней Танкуил.

Девушка не сводила глаз с полыхающей мишени.

— Это твоя маленькая руна вызвала огонь?

А пламя меж тем постепенно переползало с доски на прогнившую бочку, и его языки становились все больше. Не хватало только спалить склад.

Нескольких минут, пока арбитр сбивал огонь, хватило, чтобы его плащ насквозь пропитался запахом древесного дыма. Джеззет не стала ему помогать — она вернулась к своим упражнениям с мечом, чертя клинком смертоносные дуги и грациозно, словно кошка, переходя из одной стойки в другую. Вот меч словно кружится вокруг ее тела, а вот уже устремляется вперед, колющим ударом поражая невидимого врага...

Танкуил обучался у одного из самых почитаемых оружейников Инквизиции, но он никогда не встречал никого, кто был бы хоть в половину таким же грациозным и умелым в обращении с холодным оружием, как Джеззет Вель'юрн. Он видел танцоров, мужчин и женщин, которые тренировались всю свою жизнь, но и они не могли похвастаться такой плавностью движений. Он видел котов, бегающих по заборам толщиной с веревку, но и они делали каждый свой шаг не так уверенно, как это делала Джеззет.

— Как это работает? — спросила она, в очередной раз меняя стойку.

Сначала девушка держала меч двумя руками лезвием вниз вдоль правой ноги, а уже через мгновение клинок оказался направлен прямо вперед, словно став продолжением правой руки. Она провела несколько выпадов, затем отработала парирующие движения, и все это время покачивалась на пятках, подпрыгивала и отскакивала.

— Устройство, по сути, просто ствол. Он фокусирует взрывную энергию черного пороха и выталкивает металлический шар туда, куда ты его направишь, — объяснил Танкуил.

— Я имела в виду вашу магию. — Меч девушки метался из одной руки в другую, и каждой она управлялась с ним неизменно уверенно и искусно.

— Руны чертят на бумаге или дереве, реже на камне. Когда руны разламывают, ее сила высвобождается.

Джеззет приостановила свои занятия и смахнула проступившие на лбу капли пота.

— И что, кто угодно может рисовать эти руны? Опасное дело.

Танкуил уселся на пол, прислонился спиной к трухлявой бочке и покачал головой.

— Заклинания черпают силу из человека, начертившего руны. Сама по себе руна лишь указывает, какую форму эта сила должна принять.

— То есть когда ты рисуешь эти... каракули на бумаге, ты... вкладываешь в них свою силу?

— Да.

— Кто угодно может так делать? — уточнила Джеззет, принимая новую стойку; теперь она держала в правой руке меч, а в левой — маленький кинжал.

— Нет. Только те, кто обладает определенными способностями, и только после долгих

тренировок. Существуют и другие виды магии. В благословениях и проклятиях используются особые слова с различными эффектами. Еще есть обереги — вроде того, что носишь ты.

Он проследил, как Джеззет потеряла правой рукой левое запястье.

— Опасная операция, — продолжал он, — шитье оберег себе под кожу.

Джеззет кивнула.

— Идея моего старого наставника. Он говорил, что не хочет, чтобы я его когда-нибудь потеряла. Ребенок — это последнее, чего мне хотелось бы в жизни.

Танкуил слегка наклонил голову.

— Существует много типов магии, и у каждого есть свои особенности. Благословения улучшают твои... способности, проклятия — наоборот. Руны одновременно выплескивают силу, обереги же обладают постоянным действием.

Танкуил не горел желанием развивать эту тему дальше, чтобы не затрагивать технику принуждения. Он рывком поднялся на ноги, в три шага покрыл расстояние между ним и Джеззет и вытащил свой меч...

...чтобы обнаружить, что в руке его больше нет. Джеззет держала стальной клинок в своей левой, тогда как правой прижимала собственное оружие к шее арбитра. Он даже не успел понять, как она это провернула, — настолько быстро все произошло.

Джеззет отступила и смерила взглядом меч Даркхарта: длинная тонкая полоса стали, заточенная с одной стороны, с простой гардой и письменами, выгравированными по всей длине лезвия. Ее меч был немного короче и легче, заточен с обеих сторон и не имел гарды.

Девушка фыркнула и бросила клинок обратно арбитру. Танкуил поймал его и сразу же принял боевую стойку.

— Ты неаккуратен и медлителен, но твой меч хорош.

Даркхарт не стал ждать, пока она договорит, а перешел в наступление. Первая атака — размашистый нисходящий удар, от которого девушка уклонилась, затем — быстрый выпад ей в грудь. Джеззет отразила его и резким движением запястья выбила клинок из руки арбитра.

— А ты действительно хорошо управляешься с мечом, — сказал Танкуил, подбирая свое оружие с пола и снова приближаясь к Джеззет.

— Вообще-то, с любым клинком. А ты — нет.

— Нет. Мой наставник всегда твердил мне, что мой уровень в лучшем случае удовлетворительный.

Даркхарт побежал на девушку, размахивая мечом. Джеззет перевернула оружие в руке, поднырнула под удар Танкуила, и он сам по инерции налетел на плоскую сторону ее клинка.

— Ты уже трижды был бы мертв. Как ты вообще прожил так долго? — с издевкой улыбнулась ему в лицо Джеззет.

— Я арбитр, мне необязательно сражаться честно.

В этот раз Танкуил сделал ложный выпад влево, сам шагнул вправо и направил колющий удар девушке в голову. Уловка прошла впустую — Джеззет сместилась вместе с ним, присела под его мечом и провела подсечку.

Арбитр тяжело упал, воздух со свистом вырывался из его легких. Мгновение спустя он обнаружил, что Джеззет придавила его к полу, одним коленом прижав запястье руки с мечом, а второе поставив ему на грудь, отчего дышать стало еще труднее. Кончик меча замер прямо у оголенной шеи.

— Сомневаюсь, что такой миниатюрной женщине, как ты, разумно так приближаться к противнику, — втянув немного воздуха, просипел Танкуил.

— Это не так, — с улыбкой ответила девушка. — По крайней мере, пока я сильнее.

Она рывком поднялась с колен — арбитр закашлялся — и, словно в танце, отпрыгнула назад и стала ждать, пока он встанет.

— Не думаю, что против тебя у меня есть шансы, — сказал Даркхарт, с трудом возвращаясь в вертикальное положение.

— У тебя их нет, — согласилась Джеззет. На ее губах по-прежнему играла улыбка. — Но немного спарринга никому из нас не повредит.

Он пригнулся, парировал вальяжный выпад ее клинка, а затем рубанул изо всех сил. Джез поймала меч Танкуила своим, согнула руку и шагнула вплотную к нему. Арбитр внезапно обнаружил свой собственный меч в опасной близости от своей же шеи, впрочем, как и клинок Джеззет. На таком расстоянии он мог чувствовать ее запах — она пахла чистотой, лишь с легкими нотками пота. Значительное улучшение с того дня, как он ее встретил. Его сердце билось чересчур быстро, но было ли это вызвано адреналином или ее близостью, сказать он не мог.

А затем девушка снова упорхнула, оставив Танкуила в раздумьях, какого черта он вообще решил заняться с ней спаррингом.

— Могла бы хоть давать мне советы, раз уж постоянно убиваешь, — вздохнул он, становясь в боевую стойку.

— Никогда не дерись с Мастером Клинка, — подмигнула она.

— Постой, так ты...

Но она уже всю наступала.

Джеззет была мрачнее тучи. Ей не нравилась обувь, платье нравилось еще меньше, люди, в обществе которых придется быть, — еще меньше, но меньше всего ей нравилось то, что эти люди будут на нее глазеть.

Это был не первый бал в ее жизни. Д'роан любил выходить в свет под ручку с ней, правда, в те разы ей не приходилось отказываться от своей привычной кожаной одежды. Публика на этих балах видела именно то, что хотела видеть: в коже Джеззет казалась бы им дикаркой, которую следует сторониться и игнорировать, а в платье богачи сочтут ее одной из своих.

«Но ты не одна из них, Джез. Просто помни: если кто-то смотрит на тебя с усмешкой — убей его. Столовых приборов под рукой будет полно».

От мысли о том, чтобы убить кого-нибудь вилкой, Джеззет расплылась в улыбке, хоть она и не была уверена, что такое возможно. «Если только это действительно очень острая вилка».

— Прямо светишься от счастья, — раздался позади нее голос Танкуила.

Она позволила нарядить себя, как какую-то чистокровную леди, но когда арбитр попытался взять ее за руку, она чуть не сломала ему его собственную.

— Ты когда-нибудь убивал вилкой? — спросила девушка.

— Гм-м...

— Я тоже нет, но, думаю, стоит попробовать.

Слов в ответ на такое заявление у Танкуила не нашлось, но на его лице можно было явственно прочесть: «Она что, серьезно?»

Джеззет, мягко ступая сандалиями, прошла вдоль вереницы людей. Было забавно видеть, как эти напыщенные знатные индюки ждут своей очереди. С Д'роаном ей никогда не приходилось ждать. Все знали его, все боялись его и расступались перед ним. Он спокойно проходил мимо любых очередей и мимо слуг со списками на входе — и Джеззет вместе с ним. Она никогда не признавалась, но ей нравилось это чувство — быть человеком низкого происхождения и все равно оставлять за спиной богатых и чистокровных, словно они лишь пустое место.

«Да, носить платье — та еще работенка...»

Оно было сшито из темно-синей ткани, очень похожей на шелк; одновременно и до боли сдавливало, и свободно ниспадало, заставляя Джеззет чувствовать себя обнаженной. Лиф целиком прикрывал грудь, и за это девушка была признательна портному. Платье облегало тело, оставляя немного простора для фантазии, и каким-то образом безо всякого декольте делало бюст больше, чем на самом деле, а ниже талии слегка расширялось — немного, но достаточно, чтобы не стеснять движений. Портной убедил ее, что ткань будет кружиться вместе с ней в танце и ослеплять своим сиянием любого мужчину в зале. Джеззет едва не ударила его за одно предположение, что ей придется танцевать.

Портной отчаялся что-либо сотворить с прической Джеззет, а у нее не было времени с ней возиться. Она любила свои волосы короткими и колкими — так они не лезли в глаза и не требовали особого ухода. Джез видела женщин, которые часами расчесывали и умащивали волосы, пока те не начинали блестеть. Ей это казалось пустой тратой времени, которое можно было потратить с большей пользой. Например, научиться убивать — в Диких

Землях это умение куда более востребовано.

Сейчас они с арбитром приближались к началу очереди. Вскоре слуги попросят мракоборца показать его приглашение, а затем они окажутся внутри, среди пышного убранства и толпы разодетых людей, и Джезет предстоит быть одной из них.

«Звучит дерьмово».

Она попробовала отвлечь себя разглядыванием раскинувшихся вокруг угодий. Удивительно: девушка несколько раз была в Чаде, дважды с Д'роаном, и даже не подозревала о существовании такого места. Особняк хоть и располагался в черте города, но был огромным, словно замок. Его защищали стены высотой почти в тридцать футов, и всю территорию патрулировала частная охрана, а не городская стража, печально известная своими непостоянством и неверностью.

Внутренний двор был выложен дробленным камнем, он же окаймлял дорожки, ведущие в прекрасные сады, которые, судя по всему, окружали имение. Высокие зеленые кусты росли ровными линиями и под прямыми углами, цветы всех известных Джезет оттенков покрывали клумбы, фонари искусной работы висели над расписными скамьями и, привлекая к себе крошечных летающих жучков, обитающих у любого водоема, отбрасывали на землю танцующие тени.

Само по себе поместье размерами запросто могло поспорить с личным особняком Д'роана. Оно было целиком возведено из камня, со стеклянными окнами, и зеленые стебли виноградной лозы оплетали его стены. Вход был прикрыт сверху громадным портиком, опирающимся на две массивные колонны из белого камня высотой в добрых десять футов и толщиной с дерево. Вопреки собственной натуре, Джезет была впечатлена. Арбитр же, судя по выражению его лица, откровенно скучал.

«Еще бы, он ведь явно все это видел не раз и не два. Арбитры вхожи куда угодно».

Жизнь в Диких Землях трудна, жестока, коротка и кровава, но деньги меняли все. Чистокровные и те обитатели свободных городов, что именовали себя «лорд такой-то» и «леди такая-то», в деньгах буквально купались и знали, как с их помощью сделать свое существование роскошным. И все же Джезет это казалось пустой тратой золота.

— Приглашение, — попросил слуга у входа, когда Танкуил и Джезет предстали перед ним впереди очереди знатных особ.

— Арбитр Даркхарт со спутницей, — с приятной улыбкой сказал Танкуил.

Слуга поклонился и улыбнулся в ответ.

— Приглашение, — повторил он.

— У меня его нет. Я не был приглашен.

Джезет обратила внимание на охранников у каждой колонны: всего четыре человека, вооруженных и опасных на вид. Лакей перестал улыбаться и обратился к арбитру в предельно вежливой манере:

— Боюсь, только те, у кого есть приглашения...

— Как тебя зовут?

— Элджин, сэр.

— Я тебе не сэр, Элджин. Я арбитр, и я не забуду упомянуть лорду Зхо, что его слуга Элджин в ответе за то, что им занялась Инквизиция. Уверен, ему будет очень интересно узнать, почему ты отказал мне, когда я пожелал войти.

Элджин забеспокоился. Никто не хотел становиться объектом внимания охотников на ведьм, даже обитатели свободных городов. Инквизиция могла превратить чью угодно жизнь

в сущий ад, и Джеззет готова была спорить, что эта организация не гнушалась прибегать к заказным убийствам.

— Разумеется, арбитр Даркхарт, — Элджин снова перешел на льстивый тон, но на его пухлых губах замерла нервная улыбка. — Можете проходить. Гм-м... ваш меч...

— Останется у меня в ножнах.

Элджин еще раз поклонился и отступил в сторону. Танкуил одарил слугу ухмылкой и вошел; Джеззет последовала за ним, держась в полушаге позади. Внутри их ждал еще один прислужник, который, поприветствовав надлежащим поклоном, повел их в бальный зал. Джеззет вплотную приблизилась к Даркхарту и взяла его под руку. Она предпочла бы драться со всей городской стражей Чада разом, чем шагнуть в этот зал, полный капризных богачей.

— Это бы действительно произошло? Инквизиция взялась бы за Эхо только потому, что тебе не дали войти?

Танкуил тихо хихикнул.

— У Инквизиции полно дел и без того, чтобы разбираться с каждым лордом, которому недостает учтивости.

И снова Джеззет убедилась: пусть невозможно солгать арбитру, это совсем не означает, что арбитр не может солгать тебе. А этот Даркхарт, похоже, настоящий мастер искажения действительности.

Когда двери большого зала распахнулись перед ними, Джеззет окатила волна шума, жара, красок и веселья. Играла музыка, выплескиваясь в коридор. Огромное помещение, казавшееся девушке еще больше из-за совсем недавнего пребывания в тюремной камере, освещалось сотней различных светильников. На стенах через равные промежутки горели факелы, в дальнем конце зала зияла пасть огромного камина, в котором, несмотря на жару, ревел пламя. С потолка свисали три люстры, и на каждой мерцало по дюжине свечей.

Помещение уже было полно гостей, чьи одежды обилием цветов затмевали даже клумбы в саду. Женщины в пышных вычурных или гладких, обтягивающих фигуру шелковых платьях красного, голубого, желтого, пурпурного, зеленого, оранжевого и еще черт знает каких цветов, которые Джеззет с радостью никогда бы больше не видела. Одна дама носила настолько тонкий наряд телесного цвета, что Джек сначала показалось, что она голая. Только не увидев у женщины сосков, она поняла, что та в платье.

Мужчины были не лучше. Их костюмы были окрашены либо в цвета гильдий, в которых они состояли, либо под стать дамам, с которыми они пришли. В сравнении со всем этим пестрым народом Джеззет в простом синем платье и арбитр в стеганом коричневом дублете и таком же коричневом форменном плаще выглядели совсем не к месту. «Как гадкие утята, затесавшиеся к павлинам».

— У тебя рот открыт, Джеззет, — заметил арбитр. — Такое леди не очень-то идет.

— Я не леди, Танкуил, — язвительно отозвалась Джеззет, но постаралась придать лицу менее изумленное выражение.

«Ты все это уже видела раньше, Джек. Просто столько времени провела вдали от цивилизации, что забыла, каково это. Они могут хорошо смотреться, но стоит положить этих женщин на спины — и они зайдутся в стонах, как дешевые шляхи. Мужчины в шелках умирают так же, как и воины в доспехах. Как говорил Д'роан, это все лишь фальшь, ложь, позволяющая им думать, что они лучше других».

Эта мысль слегка успокоила девушку, но ненадолго — Джеззет вспомнила, что Д'роан

был самым большим лжецом из всех.

— Арбитр Даркхарт со спутницей, — громко провозгласил лакей, перекрыв своим голосом даже музыку.

Несколько пар глаз повернулось к новоприбывшим — больше, чем Джек хотел бы, но меньше, чем она рассчитывала. Женщины удостоили ее лишь мимолетного презрительного взгляда, тогда как мужчины оценивающе осматривали сверху донизу. За свою жизнь Джекет Вель'юрн чувствовала себя много кем: воином, воровкой, убийцей, шлюхой, — но никогда еще она не ощущала себя такой дешевой, как под взглядами всех этих богачей в зале. В ней всколыхнулся гнев — гнев, требовавший выхода. Она стала осматриваться в поисках столовых приборов. А мужчины меж тем вернулись мыслями к своим спутницам, к чужим спутницам и к мужчинам, с которыми они чокались кубками.

— Как это неудобно, — шепнула Джек на ухо Танкуилу.

— Ты самая красивая в этом зале, Джекет. Привыкай, что к тебе могут быть прикованы взгляды, — сказал арбитр. Скосив глаза, он оглядывал помещение. — Ты отлично выполняешь свою работу.

— Свою работу? — вспыхнула Джекет, сама не до конца понимая почему.

Даркхарт повернулся к ней.

— Ты же не думала, что я привел тебя сюда для того, чтобы ты хорошо провела время? Когда ты рядом, ни один мужчина и ни одна женщина меня даже не заметят.

Чувство собственной дешевизны снова накатило на Джекет. «А ведь он прав, Джек. Он купил твою жизнь и твою свободу. Так чего ты ожидала?» И все же девушка с трудом сдержалась, чтобы не вырвать свою руку из руки арбитра и не зашагать прочь, но что-то в лице Даркхарта остановило ее. Он... нервничал.

Танкуил обливался потом, его челюсти плотно сжались, так что зубы скрипели, а глаза в безумной пляске металась между людьми, собравшимися перед ним.

— Все в порядке? — спросила она его.

— Мне... уф-ф... нужно... туда...

Арбитр потащил девушку за собой и остановился перед толстым мужчиной в костюме аж четырех разных цветов, один ярче другого. Толстяк носил на себе больше золота, чем Джекет видела за всю свою жизнь: по золотому кольцу на каждом пальце, золотые браслеты, золотые гвоздики в обоих ушах и носу, даже обрюзгшую шею покрывало золото. Джек посчитала это бесцельной тратой денег — ведь, например, на одно из этих колец целая семья могла безбедно существовать в течение месяца.

Арбитр Танкуил протянул толстяку руку. Джекет уже видела такое прежде — в некоторых местах рукопожатие считалось традиционной формой приветствия. Впрочем, не в Диких Землях. Людям здесь не нравилось прикасаться друг к другу. Чистокровные имели обыкновение убивать себе подобных и не гнушались использовать для этого самые изощренные способы, например перстни с ядовитыми иглами. Одно необдуманное рукопожатие вполне могло обернуться смертью.

— Арбитр Даркхарт, — представился Танкуил. — Не ожидал тебя здесь встретить.

Толстяк даже не взглянул на протянутую руку Танкуила, да и самого его удостоил лишь мимолетного взгляда. Зато он много внимания уделил Джекет. Женщина, с которой он был, тоже смерила Джек взглядом, но куда более враждебным и куда менее похотливым. На какой-то момент Джек даже задумалась о том, чтобы схватить ближайшую вилку и выпустить обоим кишки, но пара развернулась и ушла прежде, чем она успела найти оружие.

— Что это сейчас было? — прошептала девушка так близко, что арбитр почувствовал своим ухом ее дыхание. Впрочем, он ее даже не слушал. Его глаза продолжали безостановочно метаться, и Джез готова была поклясться, что рука мракоборца дрожит.

— Жди здесь, — приказал он и высвободил руку.

Джеззет наблюдала, как он шагнул прямо навстречу спешащему слуге с полным пустых кубков подносом. Мужчины столкнулись. Слуга сию же секунду раскланялся, принес свои извинения, собрал разлетевшиеся кубки и был таков.

Когда Танкуил вернулся, он больше не потел и не дрожал, а глаза перестали бегать. Вся тревожная нервозность, похоже, испарилась, и он снова стал самим собой.

«А он совсем ненормальный, Джез».

— Что это было? — повторила Джеззет.

Арбитр мягко улыбнулся ей и снова взял за руку.

— Так, ничего. Не бери в голову. — Другую руку он глубоко запустил в карман плаща. — Нам следует представиться лорду Зхо. Это как-никак его бал.

Джеззет покачала головой:

— Его здесь не будет. По крайней мере сейчас. А может, и вообще. Те, кто устраивает такие приемы, обычно показываются позже, когда все гости соберутся. Д'роан, например, вообще не появлялся. Просто сидел в своих покоях наверху, пока все кутили внизу. Он говорил, что это показывает его власть над людьми. И куда шел прием, мы... — Джез умолкла, не желая говорить об этом, и поймала на себе взгляд Танкуила. — И все же зачем мы здесь? Зачем я здесь?

— Я здесь, потому что мне нужно поговорить с одним из членов Совета, а бал — единственный способ сделать это без присутствия остальных трех.

— С лордом Зхо?

— Нет. А ты здесь по двум причинам. С первой ты уже прекрасно справляешься. Рядом с тобой меня никто не удостоит даже второго взгляда.

Лесть заставляла Джез нервничать и чувствовать себя некомфортно. Хотя здесь, среди всех этих разодетых богачей, ей хватало и того, и другого.

— Вторая причина в том, что мне может потребоваться отвлекающий маневр, и его обеспечишь ты, — пугающие слова, но арбитр произнес их с веселой улыбкой.

— Ты хочешь, чтобы я отвлекла на себя целый зал самых богатых и могущественных людей Чада?

— Да, если потребуется.

— Как?

Танкуил хитро ухмыльнулся и окинул взглядом собравшихся.

— Джеззет, нет в этом зале мужчины, который бы не таранился на тебя хоть недолго. Вне всяких сомнений, ты самая грациозная женщина из всех, кого я когда-либо видел. Уверен, ты найдешь способ отвлечь их. Ну а если нет, тогда можешь... ну, ты знаешь... убивать.

— Убивать? — «В зале, набитом вооруженной охраной и самыми грозными телохранителями из всех, что мне ранее встречались?»

Телохранители между тем держались у стен, старательно прикидываясь предметами интерьера.

— Да. Вилкой, если пожелаешь.

Она сверкнула на арбитра глазами, но тот встретил ее взгляд улыбкой.

— И как я узнаю, что тебе нужен отвлекающий маневр?

Тень сомнения легла на его лицо.

— Поверь, узнаешь.

— Нравится быть таинственным и загадочным?

— Такова работа арбитра. Вон там, — он кивнул в сторону танцующих, — дверь в дальней стене. Я все думаю, куда она ведет.

Джеззет посмотрела в указанном направлении. Должно быть, один из служебных входов, может, даже лестница наверх. Пересечь весь зал будет непросто, вокруг грохочет музыка и движутся танцующие.

— Если ты скажешь мне танцевать, я снова сделаю тебе больно, — предупредила она.

Арбитр Танкуил рассмеялся.

— Даже не думал. Здесь нам лучше разделить. Ты обращаешь на себя слишком много внимания. Помни, ты — мой отвлекающий маневр. А пока танцуй, веселись, общайся и наслаждайся жизнью, Джеззет Вель'юрн.

Девушка послала ему вслед сердитый взгляд, но Даркхарт этого уже не видел — огибая танцоров, он направился к двери.

Проскользнув в дверь, Танкуил оценил обстановку. Длинный коридор уходил в глубь особняка, а П-образный лестничный пролет вел на второй этаж. Даркхарт закрыл за собой дверь и только тогда позволил себе короткий вздох облегчения оттого, что он наконец покинул бальный зал. Весь этот шум, гам и фальшь живо заставили его возжелать скорейшего возвращения обратно в Инквизицию, где люди хотя бы не стараются прятать свои неприязненные взгляды.

Никто не заметил его исчезновения, в этом он был уверен. Никто не заметил его, потому что никто не хотел замечать. Арбитра угнетало, что пришлось бросить Джезет на произвол судьбы, но дело требовало определенных жертв. Она, скорее всего, уцелеет, так или иначе. Танкуил опустил руку в карман плаща и покрутил в пальцах маленькое медное кольцо. Украденная вещица помогла ему обрести столь необходимое сейчас спокойствие. Нужно найти слугу или стражника — кого-нибудь, кто сможет ответить на его вопросы.

Ступеньки были застелены ковром, лучшим другом воров и Танкуила, но этой ночью арбитр больше не собирался играть в прятки. Если, конечно, обстоятельства не вынудят.

Он шел практически бесшумно — лишь легкий скрип кожаных подошв нарушал тишину. Шагая через две ступени, поднялся по лестнице и остановился, прислушиваясь. Ничего, кроме отдаленных звуков музыки. Арбитр осторожно высунул голову из-за угла и посмотрел сначала в одну сторону, затем в другую. Еще один коридор, снова пустой.

На стенах больше не было украшений. Похоже, лорд Зхо был сторонником аскетизма. Танкуила это не удивило. Некогда Зхо хозяйничал на доброй половине Дикого Юга и, по сведениям, имел собственную армию в пятьдесят тысяч чернокожих. Он огнем и мечом прокладывал путь на север, оставляя за собой разруху и смерть, пока альянс чистокровных не сокрушил его войско и не отбросил назад. Сам Зхо чудом сумел бежать с поля боя. Ему хватило денег, чтобы купить себе место в правящем Совете Чада после того, как его предшественник загадочным образом исчез. Сейчас лорд владел половиной свободного города, но все еще знал цену золота и не разбрасывался им.

Впрочем, не лорда Зхо Танкуил хотел увидеть. Он искал толстяка, Фарина Колта. Свинья, алкоголик и извращенец, он должен был быть где-то здесь. Арбитру пришлось раскошелиться на пару золотых, чтобы выяснить это. Лорда всегда тянуло к балам, к роскоши и вежливости, но он никогда не оставался в бальном зале. Он приезжал, здоровался с приглашенными, а затем Зхо предоставлял ему комнату и женщину. Поговаривали, что Колт падок на чернокожих девушек, и чем моложе, тем лучше, а Зхо был только рад ему в этом помочь. Безусловно, за ответную услугу.

Давая взятки нужным людям и слушая нужные разговоры, Танкуил понял, насколько сложна и изменчива политика в Совете Чада. Только пирата Дрейка Моррасса, похоже, махинации остальных членов не касались, и то лишь потому, что он редко когда посещал город.

Шаги. Определенно больше, чем одна пара ног; судя по звуку, движутся по направлению к Танкуилу. Даркхарт метнулся к ближайшей двери и обнаружил, что она не заперта. Арбитр скользнул в темноту комнаты и стал ждать, прильнув ухом к створке. По шагам он насчитал троих, они даже не пытались скрыть своего присутствия. Слышал он и шепчущие голоса, но не смог ничего разобрать. Судя по звуку, двое мужчин и одна женщина.

Шаги приблизились, миновали его укрытие и стихли, но Танкуил для верности решил подождать еще немного. Он обернулся и осмотрел комнату, в которой оказался. Никогда не знаешь, где найдутся безделушки, которые можно украсть. Но нашел Танкуил нечто совершенно иное. Он чуть не выпрыгнул из своего плаща, когда увидел чью-то фигуру на кровати. Несколько секунд арбитр присматривался к ней, а потом, поняв, что человек не шевелится, решил подойти поближе.

Мужчина лежал на простынях без движения, раздетый до нижнего белья. Он дышал, глаза его были открыты, но, похоже, он не замечал Танкуила. Арбитр провел ладонью перед лицом мужчины — никакой реакции. Рядом с левой рукой лежащего валялась курительная трубка. Танкуил взял ее и принялся. Травка, без вариантов, но и что-то еще, что он не смог опознать. При беглом осмотре комнаты обнаружилась форма. Стражника явно одурманили, подмешав что-то в травку, но, по крайней мере, он жив и в сознании.

Танкуил снова занялся мужчиной — обхватил его голову руками и повернул ее так, чтобы их лица оказались точно друг напротив друга. Как же он ненавидел задавать вопросы...

— Где лорд Колт?

Принуждение не сработало. Арбитр чувствовал волю мужчины, но каждый раз, когда он пытался ухватиться за нее, она ускользала, словно вода сквозь пальцы.

— Колт... со шляхой... второй коридор... вторая дверь... направо, — словно в бреду заговорил стражник.

Танкуил на мгновение озадаченно замер.

— Почему ты ответил мне? — Если принуждение не подействовало, мужчина не должен был произнести ни слова.

— Я... не знаю...

Танкуил снова осмотрел беднягу. Его зрачки были расширены, причем даже слишком, но взгляд был невидящим. Одна струйка крови текла из носа, другая — из уха. Лоб был горячим и липким от пота. Что бы с ним ни сделали, это убивало его. Даркхарт задумался на мгновение, что способно вызвать подобные симптомы, но время поджимало. Нужно было найти Колта, и быстро, чтобы успеть допросить толстяка.

Шаги снаружи давно стихли, а вместе с ними и шепчущие голоса. Танкуил слышал лишь приглушенную музыку вдалеке да тихое потрескивание горящих свечей.

Значит, второй коридор. Танкуил повернулся в одну сторону, в другую. Выбора нет — остается идти куда указано и надеяться на лучшее. Он двинулся направо, миновал первый примыкающий коридор, попутно удостоверившись, что там никого нет, и свернул в следующий. Особняк был огромным — даже увидев здание снаружи, Танкуил не мог предположить, насколько огромным, и теперь гадал, сколько в нем может быть комнат. Принц Пяти Королевств однажды хвастался тем, что во дворце более трех тысяч покоев, что чересчур по любым стандартам. Поместье лорда Зхо дворцом не было, но количество помещений в нем измерялось сотнями, не меньше.

Вторая дверь направо. Танкуил остановился, прижался к двери ухом, стараясь расслышать даже малейший шорох. Он торопливо прошептал благословение слуха, и звуки нахлынули на него. Музыка, прежде приглушенная, снова стала громкой, свечи шипели словно прямо над ухом... Далекие шаги, очень тихие даже с благословением; еле слышное проклятие с последовавшим за ним ударом, но не из этой комнаты; щебет птиц где-то в ночи; рычание, скрипы и стоны чьих-то прелюбодеяний где-то неподалеку...

Арбитр прекратил читать благословение и, повернув ручку, вошел в комнату. От увиденного он напрочь забыл закрыть за собой дверь. Кровь. Кровь повсюду: на кровати, полу, стенах, мебели... Кровь капала даже с потолка, который находился на высоте добрых десяти футов от пола.

На кровати лежали два тела, оба с распоротыми животами и выпущенными внутренностями. Первое было огромной тушей — Колт, не иначе. Второй труп был тоньше, меньше и моложе, с черной кожей и грудью... которая теперь отсутствовала. Куда она делась, Танкуил боялся даже представить.

Арбитр подошел ближе, двигаясь на цыпочках, аккуратно обходя или переступая кровь на полу и старательно избегая мест, куда она капала с потолка. Чем ближе он подходил, тем труднее становилось сдерживать рвоту. Сколько же крови... Нужно провести расследование — может, удастся найти какие-нибудь улики, проливающие свет на убийство.

Тела, судя по всему, вспороли клинком, острым, но зазубренным — об этом свидетельствовала рваная плоть. Оба к тому моменту уже явно были мертвы — они не смогли бы перенести такое потрошение без криков, способных заглушить даже музыку в бальном зале.

Оба трупа были обнажены. У Колта, ко всему прочему, был отрезан член.

Танкуил многое повидал за свою бытность арбитром. Сжигания... Убийства во всем жутком многообразии... Он видел расплосованные, разорванные на кусочки тела. И никогда это не угнетало его так сильно, не заставляло чувствовать слабость в животе. Это было не обычное убийство. Арбитр был уверен — кто-то так оставил послание.

Даркхарт ощутил, как капля крови с потолка ударилась о его плащ, и не выдержал. Развернувшись, он вылетел из комнаты, оставив позади сцену кровавой бойни.

Бетрим вытянул верхнюю шифлядку⁴ — ничего. Среднюю — ничего. Нижнюю — ничего. Три комнаты были одна краше другой, и ни в одной нет ровным счетом ничего ценного. Правда, не считая мебели, и хоть Бетрим знал, что пару монет ему это принесет, побег из поместья со шкафом на спине вряд ли можно назвать хорошей идеей.

Даже канделябры на стенах были уродливыми штуковинами из темно-серого железа. Бетрим никогда раньше не бывал в таких особняках, но думал, что в них решительно все должно блестеть золотом. Черт, да у него самого золота было больше, чем во всем этом поместье, где хорошо если на одну монету наберется. Целое состояние, ничего не скажешь.

Он проверил шкаф. Собран из хорошей твердой древесины и, очевидно, привезен откуда-то издалека. Пуст. Еще здесь стояло большое, в рост человека, зеркало. Стоило оно явно немало, но Бетрим понимал, что не сможет вынести его, не разбив, а всем известно: битое зеркало — к беде. Ему же бед и так хватает выше крыши.

Шип поразмыслил над тем, чтобы укутаться занавесками и стащить их, но кто, черт возьми, станет покупать комплект занавесок? Правильно, никто. Он надеялся, что хоть у Шустрого дела идут получше. Им без проблем удалось проникнуть в имение — это несложно, когда владелец построил секретный туннель, который оказался не таким уж и секретным. Босс оставил Мослака сторожить вход, который заодно был и путем отхода, а остальные двинулись через сады, перебегая от тени к тени, когда стражники не смотрели. Затем они взобрались на второй этаж, и Шустрый открыл окно, быстро и тихо. Попав внутрь, Босс взял на дело Генри и Зеленого, а Бетрим с Шустрым отправились воровать все, за что можно выручить деньги и что не приколочено намертво к полу. Пока что весь улов Торна насчитывал три бронзовые монеты, которые он нашел в чьих-то штанах в одной из комнат.

Босс, Генри и Зеленый уже должны были закончить с убийством, а это значило, что Бетриму тоже пора убираться. Ему не хотелось торчать здесь, когда найдут тело, — в этом случае Босс вполне мог бы бросить его на произвол судьбы.

Черный Шип пошарил под кроватью. Ничего, за исключением блестящей ночной вазы. На вид сделана из добротного металла, может, даже стали, и пуста. Хорошая сталь, предложенная правильным людям, стоит нескольких монет, поэтому Бетрим схватил ее и быстро принялся — запаха нет. Впрочем, даже если бы и был, это вряд ли удержало бы его от кражи.

С ночной вазой в руке наемник подошел к двери, открыл ее и, высунув голову, посмотрел по сторонам, убеждаясь, что путь чист. Он шагнул наружу, и в этот самый момент из комнаты через две двери показался еще один человек.

Бетрим сразу его узнал. Недомерок с короткими волосами, щетиной и в плаще. И плащ выдавал в нем врага Торна.

Арбитр и Черный Шип уставились друг на друга, точно два голодных волка. Бетрим понимал, что, если он развернется и побежит, начнется погоня. Лучше остаться на месте и, надеясь на удачу, попытаться убить мерзавца. Но на удачу Торн полагаться не любил — эта стерва может повернуться задом в самый неподходящий момент.

Арбитр опустил глаза на трехпалую руку Бетрима. Чувствуя все растущее раздражение, тот отшвырнул ночную вазу.

— Черный Шип... — сказал арбитр.

— Арбитр, — отозвался Торн.

Больше, похоже, им друг другу сказать было нечего. Наемник снял с пояса топор и с криком бросился в атаку.

Арбитр уклонился от первого замаха, одновременно выдернув из ножен свой меч, а затем, блокировав второй удар, сам перешел в наступление, проведя два молниеносных выпада. Бетрим поднырнул под первый, парировал второй, но вдруг невесть откуда возник левый кулак арбитра и врезался ему в лицо.

Торн едва устоял, опершись трехпалой рукой о стену, и сплюнул на пол кровь. Ощущение было такое, словно его огрели тяжеленным молотом. Хорошо хоть зубы остались целы — уродства его лицу и так было не занимать. Радовал и тот факт, что с арбитром не было Джеззет Вель'юрн. На свете есть мало людей, с которыми Черный Шип боялся драться, и так уж получилось, что Джеззет Вель'юрн этот список возглавляла.

Оба мужчины следили друг за другом — Бетрим с топором в руке, арбитр с мечом — и ни один не хотел проиграть. Торн почти удивился самому себе, когда замахнулся на арбитра, и был уверен, что ублюдок этого тоже не ожидал. И все же мракоборец блокировал удар и стал бубнить себе под нос какие-то странные слова, которых Черный Шип не понял.

Он рубанул снова, но в этот раз арбитр поразительно легко отбил атаку и сразу же обрушил на наемника шквал размашистых ударов. Снова и снова Бетрим блокировал их, все время отступая. Арбитр был слишком быстр, слишком силен. Торн знал — это магия. Подлые охотники всегда жульничают.

Улучив момент, Бетрим выхватил из-за пояса маленький нож и нацелил его в лицо арбитра. Мракоборец попробовал уклониться от атаки, наткнулся на стену, споткнулся и на четвереньках отполз ровно в тот момент, когда Черный Шип вонзил свой топор точно в то место, где только что была его голова.

Когда арбитр поднялся на ноги, Бетрим увидел, что из крошечного пореза на левой щеке, всего в дюйме под глазом, у него сочатся темные капли — создавалось впечатление, будто охотник плачет кровью. Торн осознал, что ухмыляется. Он понимал, что зрелище это не из приятных и запросто способно напугать простых обывателей. Но не арбитра.

Послышались шаги — судя по звуку, тяжелые сапоги, стучащие по каменному полу. За спиной арбитра в конце коридора возникли два стражника. Бетрим рискнул обернуться и увидел еще двоих. Один из них перебросился парой слов с напарником и скрылся из виду — явно побежал за подкреплением. Три оставшихся двинулись вперед по коридору.

Торн посмотрел на арбитра. Тот выглядел не менее обеспокоенным. Он бросил взгляд сначала на Черного Шипа, потом на приближающихся охранников, потом снова на Шипа. Со стороны Бетрима был только один стражник, что для него означало вдвое большие шансы на выживание.

— Опустите оружие и сдавайтесь! — приказал один из охранников, подходящих со стороны арбитра; он на ходу заглянул в открытую комнату — ту, откуда вышел мракоборец — и резко побледнел.

Арбитр вздохнул.

Стражник посмотрел на него, на Черного Шипа и, наконец, на своих товарищей.

— Убить их.

Охранник ринулся на Бетрима, размахивая тяжелым мечом так, словно собирался рубить дерево. Торну не составило труда отвести оружие в сторону и впечатать стражнику в лицо сначала локоть, а затем топор. Лезвие глубоко вошло в череп точно меж глаз, и

мужчина рухнул на пол, заливая все вокруг кровью.

Наемник рывком высвободил свой топор — в воздух полетели ошметки плоти и кусочки кости. Развернувшись, он бросился на связанного своим боем арбитра. Охотник на ведьм увидел новую угрозу и сумел заблокировать нападение. Один из стражников с его стороны уже был мертв, а второй, увидев, что меч противника занят, атаковал. Да, сказать, что только Черный Шип завалил этого арбитра, не получится. И плевать. Все равно «семь мертвых арбитров» звучит лучше, чем «шесть».

Но в последний момент мракоборец выдернул из-за пояса маленький арбалет без тетивы, прицелился и нажал на курок.

БАХ!

Бетрим, спотыкаясь, отпрянул, мотая головой и пытаясь избавиться от звона в ушах. Стражник свалился на каменный пол. В его нагруднике возникла крошечная дырочка, а на стене за спиной остались брызги крови. Арбитр засунул свое чудное оружие обратно за пояс и повернулся к Черному Шипу.

Охотник на ведьм шагнул вперед. Бетрим шагнул назад. Убивать гончих Инквизиции всегда непросто. Они хитры и коварны, применяют магию, и сопутствующие жертвы их не заботят. Однажды Бетрим использовал женщину в качестве заложницы — так арбитр просто проткнул мечом одновременно и ее, и Черного Шипа.

Мракоборец снова принялся шептать какие-то слова, на этот раз своему мечу. Торн уже готов был атаковать, когда арбитр ударил эфесом оружия по стене. Та затрещала и разверзлась, и огромная трещина в камне устремилась по направлению к Бетриму. Достигнув Черного Шипа, разлом будто бы взорвался изнутри, извергнув поток камня, дерева и штукатурки. Получив в лоб здоровенным куском кирпича, Бетрим упал на одно колено. На мгновение в глазах потемнело, и потребовалось несколько раз хорошенько потрянуть головой, чтобы снова прозреть.

— Черный Шип, — заговорил арбитр; порез на его лице кровоточил, и густые капли покрыли плащ алыми пятнами, — почему ты...

Не давая уклонку возможности закончить вопрос, Бетрим резким взмахом левой руки метнул в него нож. Бросать нож всего лишь тремя пальцами наемник научился уже давно — а вот попадать в цель, к сожалению, получалось не всегда. Короткое лезвие вонзилось в правую ногу арбитра, и охотник, взревев от боли, упал на спину.

Ухмылка вернулась на лицо Черного Шипа, когда он шагнул к своему врагу. Арбитр, преодолевая боль, силился подняться.

— Шип! — Бетрим обернулся и увидел в дальнем конце коридора Шустрого, который остервенело размахивал руками, будто ему подпалили задницу.

— Что?

— БЕГИ! — бросил Шустрый и исчез.

Арбитр все-таки сумел встать, и за его спиной Бетрим увидел новых стражников. Коридор заполнился злыми и серьезно настроенными вооруженными людьми. Торн никогда не дружил с числами, но сейчас он насчитал больше десяти человек, и с каждой секундой их становилось все больше. Мракоборец быстро обернулся, а затем снова посмотрел на Черного Шипа, и на мгновение тому показалось, что на лице охотника промелькнул страх.

— Удачи, — с ухмылкой бросил Бетрим, прежде чем развернуться и броситься бежать в надежде, что Босс не решит оставить его здесь.

Не успел арбитр уйти, как мужчины стали по очереди представляться Джеммет. Первый оказался довольно привлекательным джентльменом, но совсем юным. Легкий пушок песочного цвета на подбородке, точеная челюсть, прямой нос и глубокие голубые глаза. Он низко поклонился и попытался взять Джем за руку. Девушка отстранилась и едва не оттолкнула мальчишку, но вспомнила, что в некоторых местах принято, чтобы мужчина целовал даме руку. Ей это казалось опасной затеей — никогда не знаешь, где побывали руки обхаживаемой особы. Ее собственные, например, повидали немало очень неприятных мест.

Смазливый юноша выпрямился с неловкой улыбкой, но не убежал, поджав хвост. Наоборот, он шагнул к Джем и сказал:

— Не желает ли леди потанцевать?

Джеммет фыркнула ему в лицо:

— Леди не желает.

После этого парень сдался. Когда он уходил, на его лице застыло выражение полного смущения, словно он никак не мог уразуметь, почему девушка не пришла в восторг от его знаков внимания. Чтобы впечатлить здешних расфуфыренных дам, многого не требовалось. Одного милостивого личика зачастую хватало, чтобы они растеклись.

Второй ухажер был уже в возрасте — Джеммет предположила, что ему около пятидесяти, — но не менее самоуверенным. Он подошел почти вплотную. Девушка отступила на шаг, и он последовал за ней. Она назад — он снова за ней. Эта странная пародия на танец продолжалась шесть шагов, пока ухажер не улыбнулся в самой что ни на есть обезоруживающей манере. Впрочем, Джеммет спокойно увиливала бы от него целую ночь — так она могла следить за каждым из окруживших ее людей.

— Я лорд Альберт Бринд, — медовым голосом представился мужчина, обдав ее пропитанным вином дыханием.

— Лорд чего? — спросила Джеммет.

— Прошу прощения?

— Нельзя быть лордом без собственного аллода, особенно будучи настолько же чистым кровью, как я...

Ухажер вновь улыбнулся, но на этот раз куда холоднее.

— Я лорд Эллинворта, что в Акантии. Леди знает, где это?

Не прозвучи его слова настолько снисходительно, Джеммет сама бы расплылась в улыбке. «Я родилась в Акантии, придурок». Она провела первые двадцать лет своей жизни в торговом городе Труридже, и это были далеко не самые приятные годы.

— Никогда о таком не слышала. Должно быть, это очень маленькое владение. Мне пора.

Джем развернулась и чуть не налетела на другого человека. Она готова была поклясться, что еще мгновение назад его тут не было.

«Бесшумный, словно призрак».

— Прошу прощения. Это исключительно моя вина, миш...

— Джеммет, — не задумываясь, ответила она.

Мужчина был здорово пьян, но привлекательности это не убавило. Скулы и глаза выдавали его чистокровное происхождение, а красные щеки намекали на дружественные

намерения.

— Миш Джезззззет, — улыбнулся он.

«Точно чистокровный. Что ни говори об этих богатых засранцах, но они милые».

— Какое прелештное имя... и какое прелештное лицо.

— А ваше имя, милорд?

Рот мужчины сложился и принял форму буквы «О».

— Мне ужасно жаль. Мои манеры никуда не годятша.

Он прильнул к девушке, и Джеззет в нос ударил запах алкоголя, который перекрывал собой даже аромат его духов. Джезз сочла это добрым знаком. «От мужчины не должно пахнуть духами».

— Мне кажетша, я шлегка перепил, — растягивая слова, выдавил он.

— Ха!

— Меня зовут Андерш, и для меня большая честь... честь встреть такую очаровательную леди, Джезззззет.

— Ага.

Джезз быстро окинула взглядом бальный зал и снова повернулась к ухажеру. Андерс по-прежнему улыбался ей, слегка покачиваясь. Он был не многим выше Танкуила, и у него были длинные темные волосы. Зеленый шелковый костюм выглядел изрядно поношенным и запятнанным в некоторых местах. Но было в этом человеке что-то такое, что заставило нервы Джеззет натянуться до предела.

— Правда в том, — заговорил Андерс, чуть наклонившись к ней, — что я нахожу эти сборища ужасно шкучными. Как такая крашивая, очень-очень крашивая девушка может терпеть их?

Джеззет смерила его пристальным взглядом.

— Я насчитала в этом зале нескольких вооруженных людей и могу поклясться, что знаю, где все они находятся.

— Правда? — В его голосе прозвучало удивление.

— Двенадцать стражников, по четыре у каждой стены, все вооружены длинными мечами и облачены в панцирную кирасу. Трое, похоже, еще новички, но зато как минимум двое — ветераны.

Андерс принялся осматривать помещение, хоть Джеззет и сомневалась, что в его состоянии он способен что-то разглядеть. Они находились возле стены, и по обеим сторонам от окна за спиной Андерса стояла охрана.

— Это впечатляет.

— Еще восемь, скорее всего, телохранители. Двое прикидываются гостями, один вооружен коротким мечом, другой — длинным кривым кинжалом. Шестеро оставшихся держатся у стен: двое с железными булавами болтают у камина, четверо с мечами и в кожаной броне рассредоточились по залу.

Андерс кивал, словно птица.

— Думаю, двух ты пропустила.

Джеззет прищурилась: «Что-то здесь не так, Джезз».

— Вот хотя бы ты, для начала.

Джеззет отпрянула от собеседника.

— Что? — Она обратила внимание на маленькую капельку крови на плече его шелкового костюма.

Андерс улыбнулся собеседнице, но приблизиться к ней не стал.

— У тебя ешт м... меч. Под твоим прекрашным синим платьем. Привязан к ноге. — Он похлопал себя по бедру, чтобы показать ей, где именно.

Джеззет быстро осмотрелась, дабы убедиться, что никто за ней не идет. «Как он узнал?»

— Но ешт и еще одна. Уф... другая женщина... с оружием, я имею в виду. Вообще здесь много женщин. Она очень, очень вышюкая.

В этот момент Джеззет услышала грохот выстрела. Даже приглушенный, он прозвучал слишком знакомо. Секунду спустя из той двери, за которой еще совсем недавно скрылся Танкуил, выбежал охранник и паническим взором окинул бальный зал. Джез же отметила, что музыка, равно как и досужие разговоры, тут же смолкла.

— Наверху арбитр сражается с Черным Шипом!

«Дьявол! Похоже, самое время для отвлекающего маневра, Джез».

По толпе разодетых богачей пробежал шепоток, а стражники двинулись к двери.

— Там арбитр? — услышала она голос Андерса.

«Думай, Джез. Отвлекающий маневр...»

— А разве арбитр прибыл не с женщиной?

— Она была где-то здесь...

— Очень милая особа. Я говорил с ней...

— Кажется, на ней было синее платье...

Андерс посмотрел на нее.

— Твое платье синее, миш.

— Так вот же она...

— У окна...

— Стража! Сюда!

— ДЖЕЗЗЕТ!

Джез узнала бы этот голос где угодно и когда угодно, мужественный и женственный одновременно. Она нашла глазами Констанцию, возвышающуюся над толпой и расталкивающую всех на своем пути.

— Это она. Вышюкая.

Несмотря на множество взглядов, устремленных на нее, несмотря на злобную великаншу, жаждущую получить ее голову, несмотря на стражников, прикидывающих, как ее лучше повязать, Джеззет осталась на удивление спокойной.

— Прости меня, Андерс, — сказала она совершенно искренне, вопреки исходящему от него чувству опасности.

— Что?

Девушка обеими руками схватила кавалера за костюм и с силой толкнула в грудь. Ноги мужчины подкосились в отчаянной попытке сохранить равновесие, но Джез вложила в толчок весь свой вес.

С оглушительным звоном и треском окно разлетелось, и оба они оказались в воздухе, падая, падая, падая... Джеззет крепко вцепилась в Андерса и плотно прижалась к нему.

Мужчина ударился о землю с отвратительным глухим звуком. Джеззет скатилась с него и жадно глотнула ртом воздух. Они пролетели добрых двадцать футов, и даже с телом для смягчения приземление получилось жестким.

Наверху из окна высунулось лицо. Большое пунцовое злобное лицо. Констанция вне себя от ярости что-то редела, и в какой-то момент девушке даже показалось, что эта сука

прыгнет следом за ней. Джеззет сама лишь чудом выжила при падении, и это при том, что весила вполтину меньше Констанции.

— Я УБЬЮ ТЕБЯ, ШЛЮХА! — кричала из окна великанша, но Джез ее уже не слушала; она бежала прочь... ну или пыталась бежать — ноги ее запутались в платье, и она споткнулась.

Безо всякого уважения к наряду как произведению швейного искусства Джеззет оторвала подол, чтобы освободить ноги, и вынула меч из ремешкового крепления на правом бедре. На бегу она рискнула обернуться и глянуть на Андерса. Он не шевелился, судя по всему, не дышал и истекал кровью. Джез это не удивило.

«Лучший отвлекающий маневр, что я смогла устроить, Танкуил, и ценой всего одной жизни. Удачи».

Она бежала. Не зная куда, но все равно бежала. Посыпанная гравием дорожка, живая изгородь, каменная стена — все мелькало перед ней сплошным размытым полотном, но девушка ни на секунду не сбавляла скорости. Внезапно путь ей преградили два стражника — вряд ли они искали ее, скорее всего, просто патрулировали территорию.

Первый умер еще до того, как успел вынуть меч из ножен, — его лицо перечертила глубокая рана. Второй одним движением выхватил оружие и сразу же рубанул. Джеззет отразила его удар и, резко крутанув запястьем, вскрыла защиту противника. Шагнув вперед, она сделала выпад, и лезвие прошло шею мужчины. Когда она высвободила оружие, фонтан крови брызнул на остатки платья. Девушка вновь побежала.

«Мастер Клинка никогда не ранит, только убивает. Никогда не оставляй врага в живых, не давай ему шанса отомстить», — странно, что именно эта мысль всплыла сейчас у нее в голове, но Джеззет знала, к чему это. Она допустила ошибку с Констанцией. Вся эта череда бед и несчастий началась именно потому, что она ранила Констанцию, но не убила ее.

Джеззет остановилась, задыхаясь от быстрого бега. Поместью не было конца и края, и ей казалось, что бежит она уже целую вечность. Девушка слышала крики где-то позади, со стороны особняка, отовсюду. Она осмотрелась.

«Тридцатифутовые стены со всех сторон. И как отсюда выбираться? Чертов арбитр как-то не осветил эту часть своего гениального плана».

Вдалеке она увидела, как какие-то люди бегут по небольшому участку газона, а потом внезапно исчезают под землей. Джеззет неожиданно поняла. Тайный ход!

Она оказалась права — подземный туннель, ее единственный шанс спастись из этой смертельной ловушки. Оставалось лишь надеяться, что он ведет за пределы поместья и что те, кто воспользовался им раньше, не будут ее поджидать.

Джеззет прыгнула в дыру. Дурацкие сандалии скользнули по земле, и девушка на четвереньках повалилась в темноту. А когда ей в нос ударил запах, пришлось очень постараться, чтобы не стошнило прямо на месте.

«Великолепно. Еще один гребаный сортир!»

Когда Танкуил протиснулся между дверями старого амбара, кровь у него шла из доброй дюжины различных мест. По большей части это были лишь небольшие порезы, но вот рана на ноге, оставленная ножом Черного Шипа, выглядела серьезной. Впрочем, если уж на то пошло, порезанное ухо напоминало о себе не меньше. Танкуил даже и не подозревал, что раны могут так адски болеть.

За каждое повреждение Даркхарт ответил сторицей, но сражаться против почти двух десятков хорошо вооруженных стражников на деле оказалось намного труднее, чем в теории. Он ранил шестерых и убил двоих. Это было прискорбно, но неизбежно.

Из боя он спасся бегством, и тут оказалось, что бегать на травмированной ноге от ватаги охранников, по пятам следующих за тобой, тоже ой как не просто. Танкуил на ходу прочел комбинацию из благословений скорости и выносливости и вознес хвалу Вольмару за то, что у него это получилось. Смешанные благословения были очень трудными — лишь один из пятидесяти арбитров в совершенстве владел ими, — и мракоборец был рад, что в свое время не пожалел времени и сил, чтобы как следует отточить свои навыки.

Теперь, когда действие благословений прошло, Танкуил чувствовал себя слабым, измотанным, залитым кровью, терзаемым болью и не на шутку озадаченным. Зачем Черному Шипу было убивать лорда Колта и какого черта он не мог подождать еще часок, чтобы Танкуил смог сначала допросить толстяка?

Арбитр оступился, попытался ухватиться за один из старых ящиков под рукой и провалился сквозь прогнившее дерево. Танкуил неуклюже распластался на полу посреди кучи щепок и чего-то, что пахло так, будто когда было живым. Он тяжело дышал, едва не теряя сознание от усталости, но понимал, что на сон времени нет. Еще много чего предстоит сделать, и для начала — выбраться из этого города прежде, чем стража поймает его. Он был уверен, что должность арбитра Инквизиции не спасет его, если оставшиеся члены Совета решат, что это он виновен в кошмарной смерти Колта.

Сунув руку в карман, Танкуил вынул небольшую стопку бумажных полосок и стал перебирать их, пока не нашел нужную. На каждой листке был начертан свой символ, каждый оберег действовал особым образом. Танкуил закатал рукав на левой руке и приложил к ней полоску — та мгновенно пристала к коже, словно приклеенная. Танкуил знал, что когда придет пора снимать оберег — заодно содрав и все волосы под ним, — его ждет дикая боль.

Глаза резко раскрылись, а зрение слегка прояснилось. Оберег бодрствования при длительном использовании может таить угрозу — у носителей проявляются различные симптомы истощения вплоть до галлюцинаций и даже смерти.

С трудом поднявшись на ноги, Танкуил похромал к тому ящику, где оставил свои вещи. Покопавшись внутри, он вытащил тяжелый мешок и плюхнул его на покрытый пылью пол, а рядом бросил свой плащ и коричневую сорочку, теперь запятнанные кровью.

Из мешка он достал тунику из грубой шерсти, свою кожанку и небольшую связку медицинских принадлежностей: немного мази и несколько бинтов — все равно в науке врачевания он никогда не был силен. Танкуил принялся перевязывать свои раны. Первым делом он занялся ногой — очистил кожу вокруг места удара ножом и замотал бинтом поверх штанов. Затем последовала левая рука, на которой ему оставили два маленьких пореза, а за

ней правая с еще одним. Ухо он прочистил настолько тщательно, насколько смог, но оставил его незабинтованным — пока и так сойдет. Натянув через голову тунику, Даркхарт сел на пол, чтобы немножко отдохнуть. Осталось еще одно дело, которым необходимо было заняться. Неприятное дело — такое лучше творить в одиночестве.

— Джеззет, — позвал Танкуил. Ответа не последовало. — Джеззет, ты здесь?

По-прежнему тишина. Хорошо.

Арбитр вынул из мешка чернильницу и чистый кусочек дерева — бумага для такой руны не подойдет, просто не сможет удержать достаточно силы. Он старательно вывел на деревяшке нужные символы — три руны, по одной на каждую использованную Вольмаром печать. Закончив, Танкуил убрал чернильницу обратно в мешок, поднялся и замер. Начертание подобных знаков высасывало из человека силы, и вкупе с потерей крови это вызвало головокружение, мир поплыл перед глазами. Арбитр знал — если бы не оберег бодрствования, он бы точно потерял сознание.

Дождавшись, когда станет полегче, он глубоко вдохнул и вдруг заколебался. Нет, он не боялся. Таким не напугать арбитра Танкуила Даркхарта. Просто... вступать в контакт с Пустотой всегда мучительно. Созданий, обитающих там, не должны видеть людские глаза и слышать людские уши.

Танкуил разломил кусочек дерева на две половинки и бросил их на пол. Обе они, упав по бокам от арбитра, исчезли во вспышках голубого пламени.

На складе, как и во всем Чаде, обычно стояла жара, но сейчас вдруг стало холодно, почти морозно. Танкуил видел, как его дыхание мгновенно превращается в дымку, и чувствовал, что тело покрывается гусиной кожей. Стемнело, исчез даже пробивавшийся сквозь дыры в крыше свет луны, словно ее кто-то заслонил. Все здание погрузилось в неестественный мрак.

А затем раздался лязг. Самих цепей Танкуил никогда не видел, но слышал их каждый раз. Они гремяли, словно громоздкие и тяжелые металлические кандалы, и арбитр знал, что так и есть, но не мог даже предположить, из какого они металла. Вольмар никогда не делился своими кузнечными секретами.

Перед Танкуилом появилось лицо — проступило оно из тьмы или же было сформировано ею, он не мог сказать точно. Лицо огромное, размером практически с самого арбитра. Его было трудно увидеть — скорее можно было лишь различить очертания. Кусок тьмы, оно словно поглощало весь свет вокруг себя, отчего казалось даже чернее мрака. Вспыхнули два желтых огонька — создание открыло глаза и уставилось на Танкуила. Разинув пасть, оно сделало глубокий вдох — быть может, первый вдох в этом пласте бытия за тысячу лет, — и в амбаре стало еще холоднее, будто тварь втянула в себя тепло. В реальный мир явилось существо, которому здесь было не место. Демон пришел на зов.

Танкуил, стоя на месте, смахнул со лба капельки холодного пота. Каждому движению морды демона вторил грохот цепей. Даркхарт смерил взглядом чудовище — оно было больше любого другого из виденных им ранее. Чаще всего они были примерно ростом с человека, но это... Видя перед собой настолько огромное лицо, мракоборец не хотел даже думать, насколько велико тело.

— Арбитр Даркхарт... — произнес демон.

От его голоса у Танкуила мурашки побежали по спине и внезапно нестерпимо захотелось оторвать себе уши. Волна дрожи прокатилась по телу от головы до пят.

— У меня послание для великого инквизитора, — крикнул Танкуил в грохочущую тьму.

— Разумеется, — сказал демон, его нечеловеческий голос дрожал от жгучего презрения, — мы повинемся, как всегда.

Тысячи лет назад Вольмар покориł демонов Пустоты и заставил их служить Инквизиции. Никто не знал, как он это сделал, — свой секрет бог унес с собой в могилу, но его оковы остались нерушимы. Демоны, пусть и неохотно, служили своим новым хозяевам.

— Я осмотрел пленницу. Она ведьма, — начал Танкуил свое послание.

— Ты уверен? — спросил демон.

Это заставило арбитра на мгновение замолчать. Ни один демон прежде не спрашивал его ни о чем. Они были обязаны служить, а не задавать вопросы.

— Она ведьма! — настоял Даркхарт. Демон ничего не ответил. Его большие желтые глаза, не мигая, глядели на мракоборца, а пасть сделала еще один ледяной выдох. Танкуил задрожал. — Совет Чада позволил ей сбежать прежде, чем я свершил свое правосудие. Я выслежу ведьму в Диких Землях, найду ее и предам огню.

Демон издал жуткий, режущий по ушам звук, отдаленно похожий на смех.

— Что-нибудь еще, арбитр Даркхарт?

Танкуил сначала подумывал поведать Инквизиции о бале, рассказать о том, что его преследуют за убийство члена Совета, которого он не совершал, но в итоге решил этого не делать. Им наплевать. Они будут ждать, что он сам разберется со своими проблемами.

— Нет, — бросил арбитр в лицо демону.

— Хорошо, — ответило создание. Его глаза на мгновение вспыхнули ярче прежнего, а затем лицо немного повернулось, словно увидев в комнате что-то, чего не увидел Танкуил. — За тобой следят, арбитр.

Едва гигантская морда с отвратительным смехом растворилась в темноте, свет снова хлынул в амбар, и Танкуил услышал звук — тихий шорох, который сам бы он принял за крысиную возню. Но демону лучше знать. Даркхарт двинулся к источнику звука, и шорох превратился в грохот ящика, сломавшегося под чьим-то весом.

Этот кто-то направлялся к выходу. Снова услышав шорох и еще один треск ломающегося дерева, Танкуил со всей возможной прытью бросился к двери. Между двумя ящиками возникла маленькая фигура и резво побежала туда же. Танкуил вытянул руку, схватил кроху за одежду на спине и, резко дернув, швырнул его в ближайшую бочку.

Ребенок оказался мальчиком не более девяти лет от роду, перепуганным до чертиков. Вжимаясь спиной в бочку, он дрожал всем телом и глядел на арбитра широко раскрытыми глазами, темными и полными страха.

— Я ничего не видел. Ничего! Отпусти меня, пожалуйста. Я никому не скажу, что ты здесь был. Я ничего не видел...

Танкуил смотрел на причитающего мальчика, подтянувшего колени к груди и мокрыми от слез глазами отчаянно ищущего путь к спасению. Он был одет в рвань, у него были длинные грязные волосы; почерневшие зубы росли криво, а руки покрывала сажа. Бродяжка, не иначе. Каким чудом ему удавалось избегать работорговцев — непонятно, но такой подвиг достоин восхищения. Подобные дети обычно не склонны говорить правду. Танкуил знал, что нужно сделать.

— Что ты видел, мальчик? — со вздохом спросил арбитр — он ненавидел задавать вопросы.

— Ты говорил с кем-то. Кем-то темным с огненными глазами...

Паренек вдруг захлопнул рот рукой и разрыдался. Это ему не поможет. Не теперь.

Ничто уже ему не поможет.

Бедняга случайно влез в грязные тайны Инквизиции, и хуже всего было то, что произошло это по ошибке Танкуила. Ему следовало тщательнее обыскать амбар, прежде чем призывать демона. Это был его прокол, но цену за него придется заплатить невинному мальчику.

— Прости меня, — сказал Даркхарт.

Он снял с пояса шарострел, взвел боек, приставил ствол к голове ребенка и нажал на курок.

БАХ!

«Не скажу, что ожидала увидеть такое», — подумала Джек, глядя на арбитра. Танкуил стоял над телом, безвольно опустив зажатый в руке шарострел. Его плащ валялся на полу, а сам он остался в блеклой тунике со свежими следами крови в паре мест. Даже со спины было видно: он устал, дрожит и подавлен.

«Ты сама выглядишь не лучше, Джек. Он хотя бы не пахнет так, словно только что ползал по дерьму... опять».

Бесшумно ступая, девушка подошла к арбитру. Он совсем не удивился, когда она возникла рядом. Казалось, усталость и слабость лишили его эмоций. Опустив глаза, он смотрел на мальчика, лежащего посреди остатков старой бочки. «Мертв. Мертвее не бывает».

Арбитр Танкуил Даркхарт уронил устройство, которым он убил ребенка, и, оступившись, рухнул спиной на штабель досок рядом со своим заплечным мешком. Выглядел он так, словно либо его сейчас вывернет наизнанку, либо он разрыдается, либо то и другое вместе. Джеззет не могла винить его за это, но сама давно перестала принимать убийства так близко к сердцу — жизнь в Диких Землях быстро этому учит.

— Полагаю, он это заслужил, — сказала Джек, наклоняясь, чтобы подобрать смертоносное устройство и положить в мешок.

Охотник издал звук, похожий одновременно на фырканье и на всхлип.

— Нет. Не заслужил.

— О, — вот и все, что смогла в ответ выдавить из себя Джеззет.

Арбитр, кажется, только сейчас заметил ее присутствие.

— Ты... видела...

— Я появилась слишком поздно. Видела только, как ты выстрелил мальчишке в лицо. Зачем — не знаю. И не уверена, что хочу знать.

— Ты... — начал было арбитр и осекся. — Ты выбралась.

Джеззет кивнула:

— Похоже на то. Что бы ты там ни устроил, это подняло много шума. Нашла сточный туннель. И вот что...

Она указала на свое некогда синее платье. Теперь оно все было изодрано, забрызгано кровью и покрыто грязью. Руки девушки, ступни и колени выглядели не многим лучше — поцарапанные в одних местах и запачканные в других.

Джеззет вытянула из тайника свой мешок и пошарила в нем в поисках фляги с водой. Затем она через голову стянула остатки платья и бросила на пол. Сандалии же остались где-то далеко позади, еще в канализации. Следующим она сбросила белье — все равно отчистить его от грязи шансов нет. «Поползала по туннелю — теперь в дерьме с ног до головы. Думаю, в будущем следует держаться от канализаций подальше».

Джек знала, что арбитр смотрит, но ее это не заботило. Более того, ей это даже нравилось. На ухоженную красавицу Джеззет можно было бы глазеть хоть всю ночь, но этот разглядывал ее даже сейчас, нагую и грязную.

«Сколько времени прошло, Джек? Недели? Месяцы? О боги, как же хочется хорошего секса». И плевать на то, что он только что убил ребенка. Джеззет трахалась с теми, кто творил вещи и похуже. Она и сама творила вещи похуже. После этой ночи ей определенно

требовалась разрядка, и Джеззет готова была поспорить, что мракоборцу тоже. Это позволило бы ему отвлечься от мертвого мальчика и от всего того, что произошло на балу. «Нам обоим это нужно».

Двумя руками она зачерпнула воду и плеснула себе в лицо. Прохладная жидкость потекла по телу — чертовски приятное ощущение, особенно в чадскую жару. Сначала девушка вымыла руки, затем колени. И все это время она чувствовала на себе взгляд арбитра.

«Давай, — мысленно подстегнула она. — Только сделай шаг, и нам обоим от этого будет лучше».

Джеззет слышала, как арбитр рывком поднялся на ноги, слышала приближающиеся к ней нетвердые шаги. «Он устал. Как и ты, Джез. Давай же, мне это нужно. Просто вытяни руку и коснись меня, а дальше я сама все сделаю». Джеззет никогда не начинала первой — зато потом она могла утверждать, что в произошедшем нет ее вины.

Она слышала, как Даркхарт сделал еще один шаг — и остановился. Теперь он был на расстоянии касания, и девушка это чувствовала. Она ждала. Ждала. Напряжение становилось почти невыносимым.

— Интересные шрамы, — произнес Танкуил.

В этот момент все прошло. Жар, напряженность, желание, страсть — как испарились. Осталось лишь смущение. Желание прикрыться чем-нибудь. Она огляделась в поисках своей одежды. Единственное, до чего можно дотянуться, — изорванное и уже совсем не синее от грязи платье. Кожаная одежда осталась лежать возле мешка.

Джеззет развернулась, оттолкнула арбитра одной рукой, прикрывая другой шрамы, и подошла к своим вещам. К Танкуилу она держалась спиной — ей не хотелось, чтобы он видел ее смущение. А арбитр сделал еще шаг и с глухим стуком плюхнулся на пол.

— Прости меня, — заговорил он, — я не имел в виду...

Мракоборец замолк. Повернувшись, Джеззет посмотрела на него. Танкуил выглядел изможденным, и даже хуже — словно сделал нечто такое, чего уже никак не исправить. Джез все еще видела неподвижное тело мальчика всего в нескольких шагах.

«Как ты вообще могла подумать, что он захочет тебя после всего этого? Ты бы сама себя захотела?» По правде говоря, она боялась узнать ответ.

— У всех нас они есть, — услышала девушка свой голос — и снова не до конца поняла, зачем это сказала.

— Все Мастера Клинка имеют такие шрамы, — сказал он.

Это не было вопросом, но Джез все равно почувствовала необходимость ответить и кивнула:

— По крайней мере, насколько мне известно. У моего наставника они были. Он говорил, что это часть обучения. — «Старый ублюдок много чего говорил». — Говорил, что Мастер Клинка должен познать боль, чтобы игнорировать ее в бою. Одно неверное движение может стоить тебе жизни. Поэтому он оставил мне эти шрамы. Никогда не предупреждал — это бы все испортило. Просто... иногда во время наших спаррингов ранил меня.

Она помнила все эти разы, и это были далеко не приятные воспоминания. Ни одна часть ее тела не избежала знакомства с его клинками: ни ноги, ни руки, ни груди, ни даже лицо — хорошо хоть на нем он оставил всего одну маленькую отметину, видную лишь при определенном освещении.

— Различные типы порезов: одни поверхностные, другие глубокие, одни длинные,

другие короткие. Различные типы клинков: прямые, изогнутые, иногда зазубренные. Наибольшую боль причиняют именно зазубренные, и шрамы от них... — Девушка потеряла кожу на животе чуть выше пупка. Там находился худший из ее шрамов, длинный и уродливый. — Однажды он даже проткнул меня насквозь. Сказал, что мне следовало узнать, каково это. Не задел ни одного важного органа, но...

Она показала отметину арбитру, сама не понимая, для чего. Джеззет ненавидела, когда люди пялятся на ее шрамы, и все равно показала. Маленький шрамик на боку, не больше пальца шириной, он точно соответствовал шраму на спине, где лезвие вышло из тела. Старый подонок использовал для этого тонкую рапиру, и у Джек ушли месяцы на выздоровление.

Танкуил ничего не говорил. Он просто сидел на полу и смотрел на нее ввалившимися глазами. По непонятным Джеззет причинам от его молчания ей хотелось говорить больше и больше.

«Говорят, арбитру невозможно солгать».

— У других тоже есть похожие шрамы. — Она увидела, как Даркхарт нахмурился. — У других Мастеров Клинка. Долгое время я считала себя последней из этой, по словам наставника, «вымирающей породы», но в Пяти Королевствах встретила еще одного. Какого-то рыцаря... сэра... точно не помню. Все звали его Мечом Севера. У него были такие же шрамы — я увидела, когда мы...

«Когда мы трахались».

Джеззет внезапно поняла, что не может смотреть арбитру в глаза.

— Никого в жизни я так не боялась, как его. Он был... воплощением смерти. — От воспоминаний по телу прошла волна дрожи. — Я видела, как этот Меч Севера зарубил десятерых. Они окружили его, и все равно у них не было ни единого шанса. А потом он бросил вызов мне. Сказал, что хочет узнать, кто из нас лучше.

— Ты не дралась с ним.

Джеззет засмеялась:

— Конечно же нет. Сразу сказала ему, что он лучше. Я бы ни за что не стала с ним драться. Вместо этого мы переспали. И это было страшно. — Она невесело засмеялась. — Я была так напугана, что просто лежала, пока он ерзал на мне. Продлилось это недолго. Потом он скатился с меня и засмеялся мне в лицо. Он сказал: «Отдаются, чтобы избежать битвы, шлюхи, но не Мастера Клинка». И добавил, что я никогда не стану настоящим Мастером, пока не поборю свой страх. — Джеззет чувствовала, как наливаются жаром ее щеки. — Мне следовало убить его за это. Но я лежала, обездвиженная страхом.

«И я все помню, словно это было вчера». В тот же день она решила бежать из Пяти Королевств и никогда не возвращаться обратно. Меньше всего ей хотелось, чтобы их пути с Мечом Севера снова пересеклись.

Долгое время арбитр молчал. Джеззет притянула к себе оружие и крепко обняла его. Холодная сталь в руках придавала ей уверенности. «Мастер Клинка без своего клинка есть никто и ничто».

— Ты из Акантии, — сказал Танкуил. Она кивнула, гадая, как он это понял. Джеззет давно избавилась от акцента, но при желании могла вновь его использовать. — Вель'юрн — не акантийская фамилия.

— Так звали моего наставника. Своей настоящей фамилии я не помню. Когда мне исполнилось девять лет, родители решили продать меня в дом удовольствий. Законы

Акантии запрещают рабство, но не в силах запретить борделям покупать девочек и женщин. Мой наставник был там. Он купил меня, заплатив моим родителям больше, чем могли предложить хозяева. Сказал, что с ним мне будет лучше. — Она фыркнула и сплюнула на пол амбара. — А они даже не сподобились узнать, какие у него на меня планы... А у тебя есть родители, Танкуил? — после недолгой паузы спросила девушка.

Она не могла сказать, зачем это сделала. Наверное, просто надоело говорить о себе. Джек и так рассказала очень много, не зная толком ничего о нем самом.

Довольно долго Танкуил оставался безмолвен, а когда заговорил, его голос изменился — стал жестче, холоднее.

— Нет.

— Прости. Я не хотела...

— Тебе нужно отдохнуть, Джеззет. Мы уходим через несколько часов, перед рассветом.

В пути мы не будем делать привалов и выходить на дороги.

— Мы покидаем Чад? Сегодня?

Вообще это была хорошая идея. Констанция будет искать ее и явно начнет прочесывать город. Чем раньше они смоются, тем лучше.

— Лорд Колт мертв.

— Ты убил его?

Арбитр рассмеялся.

— Мог бы. Поспи, Джеззет. Я разбужу тебя, когда придет пора уходить.

«Да тебе тоже отдохнуть не мешало бы». Но Джек промолчала. На самом деле, она едва держала глаза открытыми. Несколько минут она еще последила за арбитром. Танкуил просто сидел и глядел в темноту, время от времени переводя взгляд на тело мальчика и обратно.

«Вина — опасный враг, — однажды сказал ее наставник. — Вина может свести судорогой руку тогда, когда тебе нужна точность. Вина может замедлить тебя, затмить разум. Вина может заставить тебя проявить милосердие там, где не следует. Вина может убить тебя». Он был прав. Именно вина сейчас пыталась убить Джеззет, и имя ей было — Констанция.

— Что ты, дьявол тебя раздери, творишь, Шип?

Босс не кричал. Даже охваченный гневом, южанин редко позволял себе повысить голос, но сейчас Бетрим видел, что тот на грани. С каждым словом Босса металл в его рту ослепительно сверкал.

Бетрим Торн относился к типу людей, которые не любят трепать языком. Но Черный Шип прекрасно понимал, насколько прокололся. Там, в особняке, ему следовало бежать, поджав хвост нестись обратно к своим и вместе с ними ползти по канализационному туннелю, чтобы встретить арбитра уже на другой стороне. Так их было бы шестеро, а это весомо даже против охотника на ведьм. Но вместо этого он остался на месте и ввязался в драку.

— Извини, Босс, — нечасто в жизни Бетриму приходилось говорить такое.

— Что ж, ты знатно попутал мои планы, Шип, — продолжал южанин, — и вся группа винит в этом тебя.

Последнее заявление Торну совсем не понравилось. Одно дело, когда на тебя зол Босс, совсем другое — когда ополчаются все разом.

— Полагаю, мне следовало просто сдаться арбитру. Уверен, он обязательно задал бы мне пару вопросов.

— Невозможно солгать арбитру, — тихо подал голос Мослак. Как обычно, здоровяк расселся на полу, скрестив ноги, и чистил свои трофейные кости. Он всегда так делал, когда нервничал.

— Как думаешь, мои ответы как-нибудь попутали бы тебе карты? — продолжал Бетрим.

— Ты мог бы просто дать ему убить тебя, — колко усмехнулся Зеленый.

Босс сплюнул и продолжил буравить Черного Шипа взглядом. Мослак старательно отводил глаза куда угодно, лишь бы не смотреть на обоих. Генри наблюдала за улицей, дабы убедиться, что за ними никто не последовал. Зеленый с любопытством следил за развитием конфликта, и такой интерес Бетриму совсем не нравился. Шустрого не было — он не вернулся в убежище с остальными, но Босса, похоже, это не особенно беспокоило.

— Я хотел остаться в Чаде еще на пару дней, чтобы мы могли хоть немного повеселиться да потратить заработанное. Теперь этого не будет. — Босс не сводил с Бетрима злых глаз. — Черный Шип решил помериться силами с гребаным охотником на ведьм, и теперь вся стража города будет стоять на ушах, разыскивая его — и нас заодно. Они не допустят, чтобы убийство члена Совета осталось безнаказанным.

Теперь глаза всех в комнате были вперены в Торна. Лишь одно занятие наемники любили больше, чем зарабатывать деньги, — тратить их, а Бетрим своей выходкой лишил их возможности спустить маленькое состояние в городе, способном исполнить любую прихоть.

Он прочистил горло.

— Куда мы направляемся, Босс?

— Скажу, когда будет нужно, — сверкнул металл, и Черный Шип умолк. — Мы уходим сегодня ночью, как только вернется Шустрый.

Генри сплюнула.

— А где этот ублюдок-полукровка?

Босс бросил на девушку суровый взгляд.

— Доставляет послание Мертвоглазой.

— Какое послание? — спросил Бетрим.

— Что во фразе «Скажу, когда будет нужно» до тебя не дошло, Шип? — Бетрим никогда не видел Босса настолько разгневанным. — Мы ждем Шустрого и уходим. Хорошо? Шип, иди сюда.

Босс открыл дверь в его с Генри комнату и вошел внутрь. Торн покорно последовал за ним, но необходимость подчиняться приказам, не зная, зачем, начинала раздражать. Никогда до этого Босс не напускал столько туману и не позволял себе открыто вспылить.

— Закрой дверь, Шип, — сказал южанин, когда Бетрим вошел в комнату.

Внутри стоял запах пота. Кровать, если ее так можно было назвать, являла собой жалкое зрелище: единственный матрац — набитый соломой, изодранный, запятнанный, заплесневелый — лежал на простых досках. Казалось, вся конструкция грозила развалиться от легчайшего касания, но, когда Босс угнездился на ней с обеспокоенным выражением лица, она — о чудо! — выдержала.

Босс тяжело вздохнул.

— Сейчас ты мне нужен, Шип.

Бетрим окинул комнату взглядом. Разбросанная повсюду грязная одежда, крысиный помет, две мертвые крысы. Мослака бы такое зрелище всерьез опечалило.

— Босс?

— Скорее даже, мне нужно твое имя. Никого в народе не знают так, как Черного Шипа, и это мне на руку. Сейчас все посредники в курсе, что ты работаешь на Мертвоглазую. Более того, сама Мертвоглазая знает, что на нее пашешь ты. Мне это может пригодиться.

— К чему ты клонишь, Босс?

— Дай мне закончить. Сейчас ты мне нужен. Но эта работа... наша работа... Она значит для меня больше, чем ты, и если ты посмеешь мне ее сорвать, я лично убью тебя, и плевать, насколько трудно это будет.

Бетрим сжал зубы и оперся спиной на нормальный с виду участок стены рядом с дверью. Слегка изогнув губы, он почувствовал, как натянулась его обожженная кожа.

— Очень вдохновляющая речь, Босс. Еще немного, и злой чернокожий южанин меня даже напугал бы.

Это была не совсем правда, потому что Черный Шип не боялся никого. Стоит только показать людям обратное, и ты обнаружишь кинжал у себя в спине. Бетрим через это уже однажды проходил, и было это чертовски больно.

Босс некоторое время глядел на него, а затем плюнул и продолжал:

— Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал, Шип.

— Я весь внимание.

— Не спускай глаз с Шустрого.

Бетрим ухмыльнулся:

— Это будет непросто, учитывая, как он носится, задравши хвост, у тебя на побегушках.

Босс проигнорировал колкость в свой адрес.

— Так и есть, Шип. Нам нужно повидать Х'оста.

Торн немного помолчал, затем спросил:

— Ты не доверяешь ему?

— Доверяю больше, чем Зеленому.

Бетрим не удержался от усмешки:

— Говоря по-другому, не очень. И ты просишь человека, которого грозился убить, присматривать за тем, кому ты не доверяешь?

Босс оскалился и качнул головой. На какое-то мгновение он напомнил Торну человека, который нанял его много лет назад.

— Знаешь, Шип, тебе стоило бы попробовать встать у руля шайки головорезов, наемников и убийц. Тогда бы ты понял, насколько это непросто.

Часть третья

ДРУЗЕЙ ДЕРЖИ БЛИЗКО...

Танкуил ковылял так быстро, как только мог, но правая нога горела адской болью. С каждым шагом словно миллионы острейших игл вонзались в позвоночник. Арбитр настолько сильно сжимал зубы, что едва не крошил их, но это было лучше, чем кричать каждый раз, когда касаешься дороги.

Он взглянул вниз. Повязка насквозь пропиталась кровью — недобрый знак. Нужно было как можно скорее ее поменять, но он зарекся останавливаться до тех пор, пока они не уберутся от Чада достаточно далеко.

Уже в который раз мракоборец бросил взгляд на Джеззет. Девушка выглядела уставшей. Ничего удивительного, ведь ей удалось поспать всего пару часов — больше, чем Танкуилу, но все равно недостаточно после пережитой ночи. Она шагала рядом безмолвно, но он видел, что она начеку, натянута, как струна, и почти не снимает руку с эфеса.

Джеззет называла себя Мастером Клинка, и, глядя на то, как она обращается с мечом, Танкуил был готов в это поверить. Во время спарринга она играла с ним, а будь это реальный бой — убила бы в считанные мгновения. Но Мастера Клинка давно превратились в мифы, и практически все были уверены, что они вымерли сотни лет назад.

Танкуил знал историю Мастеров Клинка куда лучше большинства людей — как-никак Инквизиция всегда славилась обширными библиотеками. Орден был создан около тысячи лет назад человеком, равных в мастерстве которому не было, — Эликеном Пламеннорожденным. Он странствовал по пяти великим империям и собирал других воинов с такими же талантами. Когда их набралось две сотни, Эликен решил, что этого достаточно. Они создали свои собственные стили боя, свои методы обучения и свои законы ордена. Это был первый и последний раз, когда Мастера Клинка собирались вместе.

Когда они закончили, Эликен разослал их по всему миру, и с этого момента история ордена стала обрывочной. Одни Мастера Клинка пропадали в неизвестности, другие обретали величие, старые исчезали, чтобы из пепла восставали молодые. Лишь одно известно точно: за тысячу лет с момента основания орден лишь сокращался, но не рос. Танкуил раньше полагал, что он и вовсе сгинул, но теперь рядом с ним шагал самый настоящий Мастер Клинка — и она не очень-то походила на легенду.

Арбитр снова посмотрел на Джеззет. Она была худой, что неудивительно после нескольких недель в темнице, но в ней чувствовалась сила — Танкуил готов был поклясться в этом. Она была грациозной и привлекательной, ее движения — плавными, точными и выверенными.

— Хочешь чего-то, арбитр? — не глядя на него, спросила Джеззет.

Лицо Даркхарта перекосила гримаса боли.

— Инквизиция однажды поймала Мастера Клинка.

— Почему?

— Вы известны своими бесподобными навыками владения мечом...

— Любым клинковым оружием.

Он улыбнулся, но девушка даже не посмотрела в его сторону.

— Инквизиция посчитала нужным выяснить, являются эти навыки естественными или они обретенные... еретическим путем. Решили, что лучшим способом будет поймать и допросить Мастера. Три арбитра погибли, пока его доставили в наши застенки. Этот человек

оказался поразительно устойчивым к... — Танкуил не хотел упоминать принуждение, — к вопросам.

— Никто не может солгать арбитру, — с издевкой произнесла Джеззет. — Ведь так говорят люди?

— Да, так. По большей части это правда, и... Мастер не солгал. Он просто ничего не сказал, даже после... вопроса.

— Пыток?

Действительно, они пытали того человека, но Инквизиция не любила признавать подобное. Мало кто способен под принуждением скрывать истину, поэтому нет нужды прибегать к пыткам. Чаще всего.

— А вы не думали просто спросить его? — с пугающим видом поинтересовалась Джеззет. — Вместо того чтобы ловить и пытаться, не пробовали подойти к Мастеру Клинка и спросить: «Ты еретик?»

— Нет. Полагаю, они не пробовали.

— И что вы узнали, подвергнув беднягу пыткам?

— Результаты... Инквизиция... Они не были уверены.

Джеззет рассмеялась, качая головой и не сбавляя шага.

— Так спроси меня. Вот я, Мастер Клинка, прямо рядом с тобой.

— Нет.

— Почему нет?

Танкуил стиснул зубы. Разговор заходил не туда, куда ему хотелось бы.

— Итак, почему нет?

— Я не люблю задавать вопросы, — вздохнул он.

Джеззет посмотрела на него — насмешливая ухмылка заиграла на ее губах — и взорвалась смехом.

— Арбитр, который не любит задавать вопросы. Вот уж никогда бы не подумала...

Даркхарт неожиданно осознал, что улыбается в ответ.

— Ты не понимаешь. Принуждение... — Он замолчал, пытаясь подобрать правильные слова.

— Что такое «принуждение»?

Танкуил некоторое время безмолвно ковылял вперед. Джеззет шагала, не торопя с ответом.

— Это наш способ заставить людей говорить правду, — наконец сказал Танкуил. — Это магия, и ей арбитров учат в первую очередь. Принуждение подавляет волю человека, лишает его возможности думать о чем-либо ином и заставляет говорить.

— Так почему ты не любишь задавать вопросы?

Танкуил снова умолк в поисках верных слов.

— Принуждение вызывает привыкание. Мы не знаем почему. Думаю, здесь есть связь с чувством превосходства над чужой волей. Некоторые арбитры используют его постоянно. Они нуждаются в этом: задавать вопросы, чувствовать, как принуждение действует на цель. Это...

— Ты один из них?

Танкуил не знал, что сказать. Вообще-то он именно такой, и «да» было бы самым правильным ответом. Но он не любил признаваться в этом даже самому себе, не говоря уже о ком-то другом.

После продолжительной паузы Джеззет снова заговорила:

— А ты не можешь просто не использовать его? Просто задавать вопросы, не прибегая к принуждению?

Танкуил покачал головой:

— Я пытался, поверь мне. Принуждение — первое, чему учат арбитров, и мы... мы пользуемся им до тех пор, пока не развивается привыкание. Это постоянная, изматывающая необходимость, и единственный способ не применять принуждение — не задавать вопросов. Поэтому я и не люблю этого делать.

— Прости, — понурилась Джеззет. — Дай мне осмотреть твою ногу.

— Все в порядке, просто царапина.

На лице Танкуила застыла маска боли, но он продолжал упорно прыгать вперед.

— Она нас задерживает. Ты плетешься, словно улитка.

Танкуил бросил взгляд через плечо на Чад. Джеззет была права. Они покинули город быстрым ходом, но боль, пронзающая его тело на каждом шагу, тормозила его. Они держались вдали от дорог, но даже так, если они не уберутся от свободного города как можно скорее, стража их нагонит.

— Я прочистил и перевязал рану, — запротестовал он.

— Но ты не закрыл ее. По крови вижу. — И тут девушка не ошиблась. — Перевязать и закрыть — две разные вещи. Присядь-ка вон на тот камень и спусти штаны.

Танкуил сделал так, как было сказано. Он сбросил на землю свой мешок и сел на гладкий валун, выставив перед собой оголенную ногу. Вокруг на много лиг не было скальных выходов или гор, и он гадал, откуда мог взяться этот одинокий камень.

Джеззет неодобрительно вздохнула и сплюнула: бинт, который арбитр намотал прямо поверх штанины, насквозь пропитался кровью, а рана выглядела красной и воспаленной.

— У меня в мешке есть мази и кое-что еще, — сказал Танкуил.

Джеззет фыркнула:

— У меня все свое.

Она принялась. Порез был тонким, но глубоким, на добрых два дюйма ушедшим в плоть. Нож попал арбитру прямо в бедро. Попади он всего несколькими дюймами левее — и Танкуил мог бы распрощаться со своим мужским достоинством. Джеззет осматривала рану, а арбитр между тем заставлял себя думать о чем-нибудь неприятном, чтобы не чувствовать возбуждения от женской близости.

Но все мысли разом вылетели из его головы, когда девушка ткнула в рану пальцем. Ослепительная вспышка боли поглотила его, и Танкуил приложил все силы, чтобы не закричать.

— Судя по запаху, заражения нет, — констатировала Джеззет, зарывшись в собственный мешок.

— Чудесно, — отозвался Танкуил напряженным голосом. — Полагаю, будет больно.

— Да.

— Очень больно.

— Чертовски больно.

— Дай мне знать, когда соберешься начинать. Мне известно проклятие, которое притупляет чувства.

Девушка несколько мгновений смотрела ему прямо в глаза.

— Ты можешь это сделать? Проклясть себя, чтобы не чувствовать боли?

— Если не забыл слова, то да.

— Хм. Первым делом я еще раз прочищу рану. После я ее зашью, и вот это будет адски больно. Ну а потом перевяжу — на этот раз должным образом.

Танкуил сжал челюсти и кивнул. Джеззет разложила перед собой собственные медицинские принадлежности: какое-то вино для обеззараживания, тонкую иглу с нитью из конского волоса для зашивания и полосу белой льняной ткани для перевязки. Покончив с приготовлениями, она кивнула в ответ.

Начав монотонно читать себе под нос слова проклятия, Танкуил ощутил, как мир вокруг него тускнеет. Солнце стояло высоко в небе и светило ярко, но глаза арбитра видели ночь. Звуки стали постепенно стихать, и даже биение его собственного сердца и звук дыхания доносились приглушенно, словно откуда-то издалека. Все тело онемело, и если раньше он чувствовал на своей ноге руку Джеззет, мозолистую и теплую, то теперь осталось лишь легкое пощипывание.

— Крепись, — произнесла девушка, прежде чем плеснуть вино на рану.

Ощущение от подобной процедуры такое, словно всю твою ногу до костей охватывает пламя. Даже под действием проклятия Танкуил почувствовал боль, и пот проступил на его лбу, а руки, ноги, шею, голову и вообще все тело охватила дрожь.

Джеззет смотрела на него почти с сочувствием. Она промокнула кожу вокруг раны, и в ее руке возникли игла и нить.

— Сейчас будет самое плохое, — с полной сожаления улыбкой предупредила девушка.

Танкуил продолжал шептать проклятие, решительно борясь с болью, но стоило игле проколоть его кожу, и все пошло насмарку. Он задохнулся от боли, и проклятие нарушилось. Свет солнца, шум природы и адская боль в ноге — все это разом нахлынуло на него, и он не сдержал крика. Только оберег бодрствования не позволил ему потерять сознание. Даркхарт обнаружил, что он плашмя лежит на камне и захлебывается слезами.

— Мне нужно продолжать, Танкуил.

Собравшись с духом, арбитр заставил себя вернуться в сидячее положение, вызвал из памяти слова проклятия и стал шептать их снова. Когда чувства опять притупились, он вымученно кивнул.

Девушка наложила пять швов, и каждый был болезненнее предыдущего. Дважды Танкуил забывал текст и вопил от боли. К моменту, когда она закончила, взмокший арбитр хотел только одного — забиться под одеяло с бутылкой какого-нибудь крепкого пойла.

Джеззет прошлась мазью по раздраженной коже, забинтовала ногу, а после присела на камень рядом с Танкуилом. Выглядела она не многим лучше арбитра.

— Я видела, как мужчины падали в обморок, когда их зашивали, — сказала она.

От нее пахло потом, кровью и помоями, но Танкуила это не заботило.

— Хах. Было не так уж и плохо, — соврал он.

Девушка улыбнулась.

— Стоит тебе как-нибудь попробовать залатать себя самому. Это тяжело. Мой наставник любил говорить: «Когда ты станешь Мастером Клинка, меня не будет рядом, чтобы помочь тебе. Ты должна научиться заботиться о себе». Вот я и *заботилась*... каждый раз.

Джеззет замолчала, а Танкуил не стал продолжать разговор. Голову все еще окутывал туман, мозг работал до отчаяния медленно, и арбитр просто был не в состоянии придумать ответ.

В конце концов Джеззет рывком поднялась.

— У нас осталось несколько часов до захода солнца. Стоит поискать место для ночлега.

Тебе нужен отдых.

Танкуил покачал головой и встал следом за ней.

— Нет времени. Нужно двигаться. Чем дальше мы будем от Чада, когда они бросятся в погоню, тем лучше.

— Ты справишься?

Танкуил кисло ухмыльнулся:

— Пустяки. Смотри.

Он сделал несколько шагов, еще слегка кривясь, но в целом неплохо изобразив, что ему почти совсем не больно. Джеззет это не убедило, но все же она кивнула.

— Хорошо. Однако для начала, думаю, тебе стоит надеть штаны обратно.

Бетрим стоял на часах, когда до него донеслись голоса. За мгновение до этого наемник грыз кусок сушеного мяса, судя по вкусу — чью-то лапу, и был слишком увлечен этим занятием, чтобы обращать внимание на кого-то, кто вздумает к ним подкрадываться. Целую ночь и весь последующий день он ловил на себе мрачные взгляды и слышал в свой адрес злобные оскорбления, а пару раз и неприкрытые угрозы, поэтому сейчас его не особо заботила необходимость что-либо делать на благо остальных. Все когда-нибудь совершают ошибки, и Черному Шипу казалось несправедливым, что за его проступок на него так ополчились.

Но стоило ему услышать посторонние звуки, все эти мысли сию минуту улетучились. Можно сколько угодно ныть и плакаться о своей доле, но перед лицом угрозы всем необходимо держаться вместе, забыв о распрях.

Звуки доносились издалека, но определенно приближались — ночью на равнинах прекрасная слышимость, и собаки были тому подтверждением. Бетрим сбился со счета, сколько раз он вскакивал посреди ночи от долбаного лая, не в силах определить, бесятся псы где-то у черта на рогах или прямо у него над ухом.

Торн легонько толкнул Босса ногой. Южанин всегда спал чутко и проснулся мгновенно. Несколько секунд ему потребовалось на то, чтобы понять, зачем Бетрим разбудил его, и тогда он кивнул — по крайней мере, наемнику так показалось. Таких, как Босс, трудно различить в темноте. Генри проснулась с первым же движением Босса, и в глазах ее, как всегда по пробуждении, заиграла жажда убийства. По правде говоря, это всегда до чертиков пугало Торна, хотя сам бы он никогда в этом не признался.

На четвереньках Бетрим пополз от лагеря в направлении голосов. В это время года трава была высокой — достигала колен стоящего и отлично скрывала человека, припавшего к земле. Единственная проблема заключалась в том, что давно не было дождя и трава стала сухой и ломкой, она шуршала и резалась. Довольно странно было пораниться таким образом, но Бетрим полагал, что именно за это ее стебли и называли «зелеными клинками».

Каждый раз, когда Торн опускал руку на землю, его сердце на мгновение замирало — змеи на равнинах не были редкостью, и стоит только одной тебя укусить...

Бетрим однажды видел человека, укушенного змеей. Они убили тварь, но в этом уже не было смысла. Того парня звали Весельчаком Гартом за его непрекращающиеся шутки и смех. Гарт всегда смеялся искренне, не как Шустрый, и ни разу никому не сказал дурного слова. Укус змеи оборвал его смех. Всего за час его рука сморщилась, стала коричневой и повисла, словно сухая ветка. Парень кричал — кричал, пока не сорвал голос и не стал заходиться в кашле. Все его тело будто начало гнить. Тогда он взмолился о смерти, и они прервали его страдания — одним точным ударом топора Медведь Харви отрубил несчастному голову.

Станным явилось и то, что у Весельчака Гарта практически не шла кровь. Обычно текучая, после смерти она густеет и превращается в этакое желе, но в случае Гарта это произошло, пока он еще был жив. И теперь Бетриму меньше всего хотелось быть укушенным змеей, пауком или какой-нибудь ящерицей, что обитают среди камней, — вообще кем бы то ни было.

Голоса стали громче, и Торн уже мог различить речь. Похоже на болтовню двух

товарищей, которых совсем не заботит, что кто-то их может услышать или увидеть. В этот момент справа к Бетриму подполз Босс, а слева его задела Генри.

Один из двух собеседников слегка прихрамывал — должно быть, ранен, а с ранеными всегда проще иметь дело.

— Что они означают? И для чего они нужны? — услышал Бетрим произнесенный женским голосом вопрос.

— Обереги. — Второй голос был мужским.

— Да. Те, что на твоём мече... Что они означают? — снова спросила женщина.

На расстоянии Бетрим не мог сказать, кто из них ранен, — видел в темноте лишь два силуэта.

Босс несколько раз провел рукой перед лицом Торна и пальцами изобразил шаги. Бетрим уловил идею — эти двое просто идут мимо, и если они вдруг не изменят направления, то пусть себе идут и дальше.

— Их три. Первый сохраняет клинок таким же острым, как в тот день, когда он был выкован. На случай, если какой-нибудь идиот забудет воспользоваться точильным камнем, — заговорил мужчина.

— А у тебя вообще есть точильный камень? — Женский голос звучал чертовски знакомо, так что Бетрим с трудом подавил зарождающийся стон.

— Второй нужен для того, чтобы меч никогда не сломался и не погнулся. Ну а третий — оберег очищения — помогает убивать еретиков, которые могут перенести смертельные для обычного человека ранения.

Бетрим знал, что Босс буравит его взглядом, а Генри с другой стороны давится смехом. Он был уверен, что стражники разберутся с арбитром, особенно после того как ублюдок убил двух их товарищей — но вот он здесь, выслеживает Черного Шипа. Надо было задержаться там, в особняке, и убедиться наверняка, что охотник на ведьм не ушел живым.

Босс подтолкнул Бетрима локтем и указал на парочку. Торн в ответ лишь покачал головой. Будь арбитр один, они справились бы с ним. Шестеро на одного — расклад хороший, только вот с ним была Джеззет, а это в корне меняло ситуацию, причем не в лучшую сторону. «Шестеро на двоих» звучит уже не так хорошо, особенно если эти двое — арбитр Инквизиции и Джеззет Вель'юрн. Тем не менее Бетрим знал, что нужно делать. Если они подождут, пока парочка остановится на привал и арбитр заснет, Шустрый сумеет всадить в него стрелу. Охотник так и не проснется. Потом можно будет разобраться с Джеззет или просто оставить ее. Хотя, возможно, Шустрый уложит сразу обоих — стрелял он чертовски точно и быстро.

Босс снова ткнул Бетрима в бок, но на этот раз указал в сторону стоянки банды. Торн кивнул и уже собрался было ползти обратно, как вдруг услышал отрывку. Низкий, раскатистый звук легко было спутать с далеким громом, если только не знать склонность Мослака рыгать во сне.

Джеззет мгновенно изготовилась, держа руку на эфесе меча. Арбитр же просто остановился и уставился в их сторону. Бетрим не мог сказать точно, увидел охотник их или нет, — лишь макушки их голов высились над травой, да и в темноте их можно было принять за животных. Дикая собака иногда следует за путниками по равнинам, многие лиги следят за ними, ожидая, когда кто-нибудь неосторожно отделится от группы.

— Здесь твой дружок Черный Шип со своей шайкой, — сказал арбитр, вытаскивая свой меч и указывая острием в их сторону.

Несомненно, в темноте, выставив перед собой меч, он выглядел пафосно и грозно, но Бетрим посчитал его дураком, напрашивающимся на очередной нож в теле, и потянулся за одним из своих маленьких метательных кинжалов, которые носил на себе, но Босс решил по-другому. Южанин поднялся в полный рост и медленно двинулся к арбитру. Бетриму ничего не оставалось, кроме как встать и последовать за ним вместе с Генри.

— Думаю, тебе лучше идти своей дорогой, — угрожающе пророкотал Босс.

Он любил драться одновременно мечом и топором и сейчас обнажил оба. Торн понял, что самое время и ему снять с пояса топор.

— Я так не думаю, Черный Шип, — ответил арбитр, словно не замечая Босса.

— Ты говоришь не с Шипом, ты говоришь со мной.

Арбитр бросил на Босса мимолетный взгляд и снова уставился на Бетрима. А затем он направил на Босса свой меч, а маленький арбалет без тетивы — на Черного Шипа.

Бетриму это совсем не понравилось. Он прекрасно помнил, что эта штукавина сотворила со стражником в поместье Зхо. Он неторопливо шагнул влево, и оружие арбитра последовало за ним. Он шагнул вправо, но все равно остался под прицелом. Со вздохом Бетрим смирился с перспективой быть подстреленным.

— Шестеро против двух, арбитр. На твоём месте я хорошенько бы задумался. Так что просто иди, куда шел.

Боссу не нравилось подолгу чесать языком, и Торн полагал, что чернокожий здоровяк тоже всерьез напуган. Единственное, что в данной ситуации грело Бетриму душу, — то, что Джезет Вель'юрн еще не обнажила меч. Похоже, ее вполне устраивало держаться в сторонке.

— Я не могу. Твой Черный Шип убил Колта.

— Что? — прожег Торна сердитым взглядом Босс.

— Я этого не делал. — Такого толстяка, как Фарин Колт, Бетрим точно бы не забыл.

— Сделал. Я видел его с выпущенными кишками и видел тебя, копающегося прямо в соседней комнате.

Бетрим мотнул головой.

— Да, но... Его я не убивал. Только стражника.

— Шустрый, — рокочущим голосом позвал Босс.

Тот возник из травы всего в пяти шагах от Бетрима.

Бесшумно, словно тень, — Торн даже не подозревал, что он там.

— Да, Босс?

— Ты убил Фарина Колта?

— В хоромах Зхо? Нет, Босс. Я никого не убивал. Занимался исключительно честным воровством.

— Было бы что воровать... — фыркнул Бетрим.

Шустрый заулыбался:

— Зависит от того, что искать. Мне вот случилось найти дочурку Зхо. Она оказалась невинной девой, и я это исправил.

Торн ничуть не сомневался, что подонок пошел бы на изнасилование.

Генри плюнула Шустрому под ноги.

— Ты трахал дочь, пока мы убивали отца?

Ухмылка Шустрого стала еще шире:

— Ага.

Глядя на Генри, Бетрим не мог понять, кого ей хочется пырнуть ножом сильнее. Похоже, что Шустрого. Генри, конечно, была сущим бесом, алчущим убийств, однако насильников не жаловала. Наверное, все дело в ее женской натуре, но Торн не горел желанием в этом разбираться.

Арбитр больше не выглядел таким уверенным.

— Вы пришли убить Зхо, не Колта.

— Да, — кивнул Босс. — Х'ост хотел, чтобы Зхо не стало. Он не хотел смерти Колта. Все знают, что Колт работал на Х'оста.

Меч Джеммет зазвенел сталью, когда девушка вытянула его из ножен. На ее лице застыла мрачная маска, отчего она выглядела таким же зверем, как Генри.

— Ты работаешь на Х'оста.

Босс сделал шаг назад.

— Мы работаем на Мертвоглазую.

Торн испустил протяжный стон. Если бы Босс знал что-нибудь о Джеммет Вель'юрн, он понял бы, какую nepозволительную глупость сейчас ляпнул.

— Ты работаешь на Констанцию? — уточнила Джеммет, и Бетрим понял, что вопрос предназначен ему.

— Не совсем. Мы не работаем на Мертвоглазую, Джем. Мы лишь выполнили пару ее поручений. Ведь так, Босс?

— Да. Нам нужно было сделать пару мелких заданий, чтобы получить крупную работу.

В этот момент, кажется, заговорили все разом. Генри сцепилась в перепалке с Шустрым. Босс и арбитр принялись рычать друг на друга, а Джеммет всецело сосредоточилась на Бетримере. Хорошо хоть в ход она пустила слова, а не сталь.

— Как ты можешь работать на Констанцию, Шип? Ты же знаешь ее.

— Сказала девка, работающая на Инквизицию, — парировал Бетрим.

— Ну... они... хорошо платят.

— Как и Мертвоглазая, но она хотя бы не сжигает людей.

Джеммет брезгливо фыркнула.

— Я бы не была так в этом уверена. Она убила Эйрика, Шип.

— Соколиного Глаза?

— Да.

Это заставило Торна взять паузу. Он никогда особо не ладил с Соколиным Глазом, и с его смертью в Диких Землях стало одним пугающим именем меньше. Но это также означало, что Мертвоглазая убивает всех без разбору, и кто знает, когда ей взбредет в голову попытать удачи с Черным Шипом.

— Что за работа? — резанул воздух голос арбитра.

— Нас наняли убить Х'оста, — сказал Босс и чуть было не откусил себе язык, лязгнув челюстями.

На равнину опустилась могильная тишина. Генри, Шустрый, Джеммет, арбитр, даже Бетрим — все уставились на южанина.

Первым рот открыл Шустрый:

— Ты хочешь, чтобы мы убили Х'оста?

Босс смерил его взглядом.

— Да. Это проблема для тебя?

Тот на мгновение задумался, а затем покачал головой. Его привычная веселость

испарилась без следа.

— Ни капли, Босс.

— Значит, работа на Констанцию... — начала Джеззет.

— Нам нужно было втереться к ней в доверие. Нужен был способ подобраться к Х'осту.

— Опасное дело, Босс, — сказала Генри, забыв о ссоре с Шустрым.

— За опасную работу хорошо платят. А это дело — самое крупное. Триста тысяч золотых на шестерых. По пятьдесят тысяч на человека. Хватит всем, чтобы до конца жизни забыть о любой работе.

Бетрим никогда не дружил с цифрами и понятия не имел, сколько это — пятьдесят тысяч, но звучало солидно. Возможно, достаточно, чтобы пойти против Мертвоглазой.

Арбитр убрал свой меч.

— Босс — так ведь? — думаю, нам стоит поговорить.

— Что?

Мракоборец в ответ лишь кивнул и зашагал в туман. Спустя пару секунд Босс обернулся к Бетриму и остальным и указал на Джеззет.

— Следите за ней, — сказал он и последовал за арбитром.

Торн чуть расслабился, но все еще крепко сжимал в руке меч, равно как и Джеззет свой, оба готовые к бою.

— Ты как, Джез?

— Бывало хуже, Шип, бывало лучше. Ползал когда-нибудь по отстойникам?

— Да, однажды.

— Тогда я лидирую.

И тут он улыбнулся. И Джеззет тоже. Когда-то они были почти друзьями. Но это не значило, что они не смогли бы убить друг друга, когда придет время.

— Мне она не нравится, — прошипела Генри, не сводя с девушки убийственного взгляда. — Почему бы нам не прикончить эту сучку?

— Потому что Босс сказал следить за ней, — с озорной улыбкой ответил Шустрый. — И я слежу за ней.

— Держи их на поводке, Шип, — предупредила Джеззет, ясно давая понять, что насадить на меч и Генри, и Шустрого для нее плевое дело.

— Если бы я мог, Джеззет. Генри, Шустрый, это Джеззет Вель'юрн. Вы, может, и не слышали о ней, но именно ей Мертвоглазая обязана своим именем.

Генри смутилась, но Шустрый ловил на лету:

— Ты лишила Мертвоглазую ее глаза?

Джеззет ухмыльнулась:

— Да.

— По ней не скажешь, — все еще недоверчиво протянула Генри.

Бетрим кивнул:

— Это точно. Но по тебе тоже ничего не скажешь, а между тем каждый пес в Чаде знает, что тебя нужно бояться.

Шустрый присвистнул, не сводя с Джеззет голодных глаз.

— Кажется, я влюбился. Прости, Генри, но мое сердце отныне принадлежит другой.

— У тебя нет сердца, Шустрый. Когда-нибудь я вскрыю тебе грудь и докажу это.

Подобно огромному черному медведю — разве что с металлическими зубами, — из темноты возник Босс. Его оружие покоилось в ножнах, но к добру ли это было, Бетрим

сказать не мог. Арбитр показался следом. Он подошел к Джеззет, положил руку ей на плечо и прошептал что-то на ухо. В следующее мгновение девушка убрала меч, хоть и не скрывая своего недовольства.

— Арбитр и его спутница пойдут с нами, — хмуро объявил Босс.

Джеззет это ничуть не осчастливило. Шустрый лыбился от уха до уха. Генри разразилась ругательствами. А Бетриму было плевать, что об этом думают остальные.

— Это плохая идея, Босс.

Босс развернулся к Торну, словно бык, готовый вот-вот сорваться.

— Я тебя что, спрашивал? Нет, потому что я утверждал. Так получилось, что нам по пути, вот и пойдём одной дорогой.

— Ты действительно мне неинтересен, Черный Шип, — добавил арбитр, но Бетрим его проигнорировал.

— Босс, нельзя доверять этим ублюдкам. Они...

На мгновение Торну показалось, что южанин вот-вот его ударит, и он не знал, как бы на это отреагировал. Никогда удар, нанесенный Черному Шипу кем бы то ни было, не оставался без ответа. Если бы Босс попробовал это сделать, Бетрим, скорее всего, дал бы сдачи, а исход драки между Черным Шипом и Боссом мог быть только одним.

Но, к счастью для обоих, руку Босс на Торна не поднял, а просто, стоя вплотную, прожигал взглядом, пока тот, сверкнув глазами, не сдался. События последних дней ему совсем не нравились. Босс начал вести себя странно, и Бетрим нехотя признавал, что, возможно, пора Черному Шипу идти своей дорогой. Паршиво, ведь он сдружился с Мослаком, да и в Генри был определенный шарм. Кроме того, пятьдесят тысяч тоже на дороге не валяются, так что лучше задержаться в банде подольше.

— Они пойдут с нами! — рыкнул Босс. — Арбитр пообещал не устраивать охоту на ведьм. И на тебя тоже, Шип. А теперь все в лагерь, живо!

Не так часто в своей жизни Джеммет Вель'юрн была готова заплатить сколько угодно за лошадь, но данный случай определенно был из числа таких. Танкуил не признавал никакого иного использования животных, кроме как для перевозки багажа, и когда она спросила, почему, арбитр улыбнулся и ответил: «Люди иногда падают с лошадей и разбиваются насмерть. Но я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь погиб, свалившись с ног». Звучало надуманно, но Джеммет уже почти отчаялась заставить Танкуила говорить прямо и откровенно.

Человек, которого все звали Боссом, держался не столь таинственно. Он был невысоким — во всяком случае, по сравнению с гигантом, — но широкоплечим и мускулистым. Руки, шея, ноги, походка — все выдавало едва сдерживаемую силу. Его черные волосы до плеч были собраны в хвост, а во рту каждый раз, стоило ему заговорить, серебристо сверкало. Когда Джеммет присмотрелась получше, стало понятно, что зубы человека сделаны из металла. Сама мысль об этом заставила ее вздрогнуть. На вопрос Джеммет о том, можно ли найти лошадей, чтобы сократить время путешествия, Босс скривил губы и бросил: «В этой команде лошадьми не пользуются». После этого он ускорил шаг, дабы убраться от нее подальше.

Про Джеммет нельзя было сказать, что она не привыкла к пешим походам, равно как и нельзя было назвать хорошей наездницей. Но Дикие Земли поистине бескрайни. Даже с лошадьми путь от Чада до имения Х'остов займет недели, пешком же на это уйдут месяцы, и если Черный Шип в качестве попутчика ее еще устраивал, то о его соратниках она этого сказать не могла.

Арбитр и Джеммет по большей части держались в стороне от банды. Танкуил неловко ковылял, говорил очень мало и постоянно ловил на себе мрачные взгляды наемников. Джеммет шагала рядом с ним. Даже с его замкнутостью и гнетущим молчанием она предпочитала его общество разношерстному сборищу сорвиголов. Спали они тоже отдельно, по очереди сменяя друг друга для уверенности, что никто не убьет их во сне. Босс, похоже, держал свою команду в ежовых рукавицах, и пока что арбитр был ему нужен живым, но Танкуил признался девушке, что не доверяет никому из них, и Джеммет была с этим полностью согласна.

Лишь одно утешало ее: дикие равнины являли собой прекрасное зрелище. Здесь, вдалеке от дорог, редко ступала нога человека. Высокие сухие стебли желто-зеленой с редкими коричневыми пятнами травы колыхались на прохладном ветру. Тут и там росли трупные деревья с корой белой, словно кость, давая жаждущим тень и какое-никакое укрытие. Редкие облачка проплывали по ярко-голубому небу, откуда нещадно палило горячее солнце.

Босс, похоже, хорошо знал путь, а вот Джеммет не чувствовала себя уверенной. Она уже путешествовала в те края прежде, но по дорогам. Они двигались на север, к желтым горам. Там, чтобы попасть в имение Х'оста, им придется повернуть на запад и перейти Йорл. А Йорл — река своенравная.

Поговаривали, что все воды мира рано или поздно проходят через Йорл — сотни мелких ручьев и течений впадали в него. В самом узком месте его ширина составляла около полумили, в самом широком — вдвое больше. Зубчатые камни под поверхностью реки создавали белые пенные пороги, где вода двигалась быстрее скачущей галопом лошади,

быстрее любой птицы. Йорл брал свое начало в Крайсветных горах и уходил в глубь системы пещер под желтыми горами лишь для того, чтобы вырваться на поверхность по другую их сторону и продолжить путь к морю. На своем протяжении Йорл породил множество водопадов, и раскатистый громopodobный рев величайшего из них, Водопада Богов, разносился над равнинами на многие лиги.

Существовало всего несколько способов пересечь Йорл. Только в одном месте по эту сторону желтых гор его воды были достаточно спокойны, чтобы их можно было перейти вброд, но без лошадей это представляло опасность, а Джеззет не была уверена, что все члены команды умеют плавать. Кроме того, в реке обитали водяные змеи — животные, размерами втрое, а то и вчетверо превышающие человека, с огромными пастями, полными бритвенно-острых зубов.

Конечно, существовали и мосты через Йорл, но опасностей они таили не меньше, чем его воды. Хлипкие конструкции из дерева и веревок натужно скрипели и раскачивались на ветру. Нередко под ногами неосторожных путников ломались прогнившие деревянные перекладины или же лопались канаты, отправляя целые группы бедолаг навстречу смерти в беснующихся водах. Скалы по обеим сторонам реки были сплошь усеяны остатками таких мостов. Джеззет слыхала истории о мерзавцах, которые грабят переходящих реку путников. Они ждут, пока человек дойдет до середины моста, а затем возникают у его концов и грозят обрезать поддерживающие тросы, если тот им не заплатит.

Джеззет не грела мысль о необходимости пересекать реку, но в противном случае им пришлось бы неделями идти обходным путем, да еще и без лошадей, так что вряд ли Босс станет даже рассматривать такой вариант.

— Мы все время движемся в одном направлении, — подал голос Танкуил, хромающий рядом с Джеззет.

— На север, — с кивком ответила она. — Путь этот неблизкий, но в итоге он приведет нас куда надо. Как нога?

— Еще побаливает. Никак не могу избавиться от мысли, что это один из наших спутников воткнул в нее нож.

Джеззет фыркнула и улыбнулась:

— Это всего лишь царапина, а послушать тебя, так он тебе ногу чуть ли не отрубил.

— Судя по его взглядам, готов поспорить, он этого хотел бы.

— Могло быть хуже. Этот Шустрый постоянно пялится на меня, — сказала Джеззет, и Танкуил обернулся, чтобы бросить взгляд на лучника. — Он и сейчас это делает, не так ли?

— Он пялится на одну твою часть.

Джеззет ощутила, как губы ее выгибаются, а рука ложится на эфес меча. «Делов-то — развернуться и убить его. Уверена, никто из банды не будет сильно по нему скучать».

— Мы могли бы идти позади их, — предложила Джеззет. — Это избавило бы нас от назойливых взглядов.

— Не думаю, что им это понравится. Они, похоже, считают, что, если хоть на секунду упустят меня из виду, я кого-нибудь из них тут же сожгу.

— А ты сжег бы?

Танкуил рассмеялся. Джеззет отметила, что так он делает часто и со вкусом.

— Мы предаем пламени еретиков, а не обычных преступников.

— А... — Джеззет всегда считала, что охотники на ведьм жгут всех, кого захотят.

— Ведьмы, демонопоклонники, обладатели запретной магии, друрры...

— Друрры существуют? Я полагала, их придумали, чтобы пугать ими детей, как троллей и великанов.

— Существуют, но, как и в случае с Мастерами Клинка, их осталось очень мало. Инквизиция выслеживает их повсеместно, но они прячутся там, где человек никогда не был, в местах, куда человек боится ступить.

— Наставник всегда говорил мне, что страх — всего лишь инструмент. Мастер Клинка должен знать страх, но никогда не должен поддаваться ему.

«Урок, который ты так и не усвоила, Джез».

— Ты так и не рассказала мне, что с ним стало. С твоим наставником.

Джеззет сплюнула.

— Я убила его.

— Ох, — выдохнул Танкуил и на мгновение умолк. — Уверен, он это заслужил.

— Заслужил, — согласилась она. — Я бы еще сотню раз убила его, будь у меня такая возможность. Но убила я его не поэтому. Когда Мастер Клинка берет себе ученика, он понимает, какой их ждет исход: одному предстоит умереть.

Пятнадцать лет мой наставник тренировал меня, и в конце концов настало время финального испытания — дуэли ученика и учителя. Если ученик погибает, значит, он не был достоин. Если погибает учитель, то ученик становится Мастером. Нас было две сотни на заре ордена, и никогда больше. А теперь, насколько мне известно, осталось только двое.

— Вы все время шепчетесь! — рыкнул Торн. Прежде он шагал сбоку от них, но теперь переместился за спины, неизменно прожигая арбитра взглядом. — Это заставляет людей нервничать.

Джеззет отметила, что Черный Шип постоянно держит в руках оружие, а обгорелая часть его лица дергается, когда он обращается к арбитру.

— А ты выглядишь так, будто хочешь еще раз меня пырнуть, что заставляет нервничать уже меня, так что, думаю, мы квиты, — с легкой улыбкой отозвался Танкуил.

— Ты получил то, чего сам заслужил, напав на меня.

— Я не нападал на тебя.

— Напал.

— Не нападал.

«Почему мужчины вечно влезают в эти пустые споры?» — спросила себя Джеззет, а затем глянула на Генри и поняла, что и женщины этим страдают.

Девушка хотела было отойти и оставить Танкуила и Шипа переругиваться, но мысль о том, что они могут перейти от слов к делу, поубивать друг друга и оставить ее одну против целой банды, заставила ее передумать.

— Какая разница, кто из вас начал?! — прикрикнула она на них. — Если продолжите собачиться, я убью вас обоих.

Танкуил опять улыбнулся, но уступил. Лицо Черного Шипа на мгновение приняло озадаченное выражение, насколько это было возможно с его шрамами и ожогами. После этого оба до конца дня брели в молчании, обмениваясь угрюмыми взглядами, но держась так, чтобы между ними непременно находился кто-то еще.

Ночью Босс позволил развести костер, решив, что они уже достаточно удалились от проторенных троп и что если на них кто и набредет — что маловероятно, — то разве что такие же странники, как и они сами. Шустрый за день подстрелил из лука пару птиц — скорострельно, с которой он натягивал тетиву и выпускал стрелу, поразила Джеззет.

— Ты помнишь Эрлона Быстрострела? — спросил он, заметив ее внимание. — Мало кто помнит, но поговаривают, что не было в Диких Землях человека, который бы метал топор хотя бы вполовину так же быстро и точно. Что ж, идиот допустил только одну ошибку — вызвал на дуэль старину Шустрого. Видимо, прознал про меня и мои ножи, и его огорчило то, что я быстрее его. Мы сложили все оружие на землю и стали ждать сигнала судьбы. Я всадил ему стрелу в руку прежде, чем он успел моргнуть. И вторую — промеж глаз, на всякий случай. Потому меня и называют Шустрым, смекаешь? — Шустрый искоса поглядывал на Джез все время своего рассказа.

Откуда ни возьмись появилась Генри и хмыкнула прямо Шустрому в лицо:

— Ага, только шлюхи так тебя зовут. Такой быстрый, что они даже вспотеть не успевают.

Шустрый перевел взгляд на Генри.

— Успевают, не волнуйся.

Генри плюнула ему под ноги и пошла поговорить с Боссом.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Свежее птичье мясо на вкус оказалось еще прекраснее, чем Джез себе представляла. Егс было немного, но девушка удачно ухватила себе целую ножку. Арбитр не получил ничего — поскольку Шустрый раздобыл птиц, то он и решал, кому их есть. Даже Генри получила свою порцию, но Танкуила Шустрый демонстративно игнорировал, словно того вовсе не существовало. Когда Джезет предложила Даркхарту поделиться своей порцией, он просто улыбнулся и покачал головой.

Унылое молчание повисло над костром. Босс и Генри растворились в темноте. Мальчишка, Зеленый, стоял в дозоре, тоже вне круга света. Танкуил сидел и смотрел на пламя, и огоньки плясали в его глазах. Шустрый спал — или притворялся, что спит, — а Мослак занимался чисткой своих трофейных костей. Похоже, он часто это делал.

— Как ты потерял еще один палец, Шип? — спросила Джезет, надеясь начать хоть какое-то подобие разговора и разрядить обстановку: временами тишина так давила ей на нервы, что хотелось кричать.

Черный Шип плюнул в огонь, и на мгновение девушке показалось, что он пропустил ее слова мимо ушей.

— Его у меня отобрал прежний член команды. Парнишка был совсем юным, как Зеленый, но мечом махать хотя бы умел.

— Пошел ты, Шип, — донесся из темноты голос, но покинуть свой пост мальчишка не решился.

— Должно быть, он прождал несколько лет, прежде чем испытать меня. Как там его звали?

— Бол, — ответил Мослак, не поднимая глаз от костей. — Но мы все звали его Быком. Ему это больше подходило.

— А, точно. Так вот, Бол решил схватиться со мной в борделе в Нарисе. Я лежал на койке в чем мать родила, а на мне скакала девчонка. Хорошая такая, милая девица лет пятнадцати. Впрочем, не важно. — Торн тяжело вздохнул. — Первый удар меча Бола пришелся ей в череп. Парень даже перестарался, потому что лезвие застряло в кости и пришлось его высвободить. А я в это время спихнул с себя труп и скатился в сторону. Клянусь тебе, никогда еще так быстро у меня член не опадал. Обнаружить, что на тебе сидит мертвец, поверь, очень странное чувство.

Теперь уже все глядели на Черного Шипа; даже Шустрый приоткрыл глаз, и на его лице застыло нечто среднее между отвращением и восхищением.

— В некоторых культурах мужчина имеет право в последний раз взять в постель жену после ее смерти. Считается, что так он почитает ее память и прощается с ней, — вмешался Танкуил.

Торн снова сплюнул.

— Что ж, там такое вряд ли в почете, да и ничьей женой она не была.

— Так что с пальцем? — напомнила Джез.

— Я добрался до своих шмоток слишком поздно. Успел заблокировать следующий удар Бола, но он был сильным мерзавцем. Отбил мой топор и отсек палец. — Шип поднял руку к груди и потер обрубок среднего пальца.

«Удивительно, как много ситуаций в итоге сводятся к драке или сексу».

— После этого я схватил свой кинжал и дважды всадил ему в пах. Падая, он выпустил из рук меч. Я подхватил его и стал кромсать.

— Я помню, в какую кашу ты превратил парня, — сказал Мослак с испугом в глазах.

— Я помню шлюху, — вторил Шустрый; его глаза снова закрылись, а на лицо вернулась привычная ухмылка. — Она была милой. Я хотел ее, но ты урвал ее первым.

— Печально это все, — снова вздохнул Черный Шип. — Ведь вина за ее смерть лежит на мне.

Биттерспрингс был местом уединенным, но в то же время богатым и процветающим. Он не мог похвастаться выгодным стратегическим положением или развитой торговлей. Великие стада никогда не проходили поблизости. Биттерспрингс выделялся двумя вещами: серой и горькими источниками⁵.

Городок расположился у основания первого и самого величественного пика желтых гор. И стены, и здания были возведены из того же желтого камня, что устилал горный склон. Это поселение на самом краю провинции Х'остов существовало уже четыре сотни лет и неизменно пользовалось популярностью у самых богатых и могущественных людей во всех Диких Землях.

Народ приезжал сюда ради источников — за исцелением, очищением души, успокоением, которыми они так славились. Хозяева в мельчайших деталях знали особенности каждого источника, состав и температуру, знали, какой водой нужно лечить какие недуги, гасить какие боли и вымывать какие яды. Они свято берегли свои источники и, разумеется, позволяли другим испробовать воды из них за скромную плату. Ничто в Диких Землях не давалось бесплатно, даже вода.

Бетрим никогда прежде не был в Биттерспрингсе — это был один из тех немногих городов в Диких Землях, от которого он всегда старался держаться подальше. По правде, он вообще не понимал, зачем Босс потащил их сюда. Город лежал в стороне от их пути, и, кроме источников, здесь не было ничего, достойного внимания. Если только Босс не надумал искупаться в местной смердящей воде, делать им в Биттерспрингсе нечего.

Запах стоял повсюду. Стоило лишь только завидеть вдалеке желтые стены, как в нос ударила вонь, словно от яйца, пролежавшего на солнце слишком долго. Сам Бетрим уже кучу лет в глаза не видел яиц, но хорошо их помнил. Как-никак на ранчо всегда было много кур и, соответственно, много яиц.

Когда банда приблизилась к городу, он разглядел стражу. Кто-то однажды пошутил: мол, в Диких Землях стражников больше, чем зверей в великом стаде. Эти служивые были практически такими же желтыми, как и стены, что они охраняли, — тусклые желтые дублеты с нашитыми поверх кольчуг и спадающими на спины лимонными накидками. У каждого стражника на голове был высокий заостренный шлем, а в руках — копьё с железным наконечником. Издалека они казались игрушечными солдатиками, выстроенными у игрушечных стен. Но стоило подойти ближе — и иллюзия исчезала, а бойцы обретали свирепые выражения лиц.

Игрушечные солдатики, не скрывая враждебности, пристально следили за тем, как банда проходит сквозь громадные деревянные ворота. Возможно, они не видели путников днями или даже неделями, а Бетрим знал, что разношерстная шайка Босса выглядит странной по любым меркам, не говоря уже про арбитра и Джеззет, чье присутствие могло напрочь сбить с толку кого угодно. Тем не менее с проходом в город проблем у них не возникло.

Биггерспрингс был городом маленьким, с приземистыми грязно-желтыми домами и огромным количеством пыли, которая покрывала здесь, похоже, решительно все. Повсюду кто куда сновали люди — жизнь шла своим чередом. На улицах оказалось меньше торговцев, чем Бетрим привык видеть, но то было в свободных городах. Биттерспрингс же был городом

Х'остов, и все его обитатели были вынуждены платить Х'остам дань.

Немного отойдя от ворот, банда оказалась на небольшой площади, главным украшением которой выступал внушительный фонтан в центре. Вокруг него собралась толпа народу с флягами, ведрами, иногда мелькали даже бочки. Вода из родников, конечно, была особенной, но в то же время ядовитой и для питья непригодной, а поскольку Йорл протекал в нескольких милях от города — слишком далеко, чтобы простому обывателю регулярно мотаться туда-сюда, — людям приходилось полагаться на воду из колодцев и фонтанов.

Босс развернулся и собрал всех вокруг себя.

— Мы проведем здесь пару дней. Отдыхайте, как отдыхали бы в Чаде, если бы не эти двое, — ткнул он пальцем в арбитра и Бетрима. — Но первым делом, Мослак, бери Генри, и найдите нам место для постоя, да постарайтесь никуда не вляпаться. Нам нельзя светиться.

— Джеззет и я найдем комнату в таверне, — объявил Даркхарт.

— Нам иногда приходится спешно сваливать, арбитр. Лучше, когда весь отряд держится вместе.

— Мы не часть твоего отряда, и я уверен, что как бы вам ни пришлось торопиться, ты выкроишь время и пошлешь за нами кого-нибудь из своих.

Бетрим никогда не видел, чтобы Босс уступал кому-либо, и, пришлось признать, он был бы не прочь еще понаблюдать за ним и арбитром.

— Я остановлюсь в «Кровавом лепестке», Босс, — подмигнул Шустрый.

— С чего вдруг? — рыкнул тот в ответ.

Ухмылка сошла с лица Шустрого, и он опустил глаза.

— Там моя семья. Хочу повидать ее.

Это заставило Босса задуматься. В конце концов он кивнул.

— Мослак, бери Генри и двух наших гостей и найдите нам таверну.

Генри сощурила глаза, но Мослак лишь улыбнулся.

— Сколько комнат, Босс? — громыхнул его голос.

— Одну для меня и Генри, одну для остальных. Арбитр платит сам за что хочет. Зеленый, Шип, Шустрый, вы со мной. Показывайте дорогу к этому вашему «Кровавому лепестку».

Генри от такого заявления мгновенно завелась, и Бетриму показалось, что она вот-вот организует Боссу несколько ножевых ранений, но, увидев, что Мослак уже двинулся прочь, болтая с Джеззет, девушка плюнула и последовала за ними. Торн же пошел за Шустрым, раздумывая над тем, что в последнее время количество людей в банде, которых Босс начал бесить, стремительно растет. Променять Генри на какую-то шлюху... Даже Бетрим побледнел при мысли о возможных последствиях столь опрометчивого поступка.

Ничто так не поднимало настроение Торну, как знатная женская грудь, и в этом плане «Кровавый лепесток» был заведением чертовски привлекательным. Первая встреченная ими женщина оказалась пухлой, грудастой и напудренной просто до невозможности, но Бетрим все равно ощутил прилив сил. Он обхватил ее за талию и притянул к себе; его шрамы, похоже, ее не особо заботили. Но все испортил Босс, похлопав Бетрима по плечу.

— Не сейчас, Шип.

— Я вернулся! — возвестил Шустрый на весь бордель и распростер руки так широко, словно собирался заключить в объятия всех здешних женщин разом.

Средних лет дама покосилась на него, а затем подошла к ним. Нежно обхватив обеими ладонями лицо Шустрого, она поцеловала его в губы.

— Ма, — произнес он, когда нежности закончились.

— Столько времени прошло, мой мальчик. Мой Шустрый наконец дома! — крикнула она всем обитательницам борделя. — Это твои друзья?

— Да, можно и так сказать, — улыбнулся всем им Шустрый. — Найдите себе девчонок, парни.

Мамаша Шустрого подошла к Бетриму. Она была довольно милой, стройной, несмотря на возраст и работу, но в уголках глаз уже появились морщинки. На ней было темно-синее платье, скрывавшее всего ничего, но зато она хотя бы не перебрала с пудрой и духами. Подать себя она умела, и Бетриму это нравилось, хоть черта с два он ей это продемонстрирует.

— Я Танда, — представилась мать Шустрого. — А ты Черный Шип.

Бетрим кивнул. Он уже давно привык, что его репутация бежит впереди него.

— Роза! — позвала через плечо Танда.

Подошедшая девушка оказалась стройной, как молодое деревце, с длинными и черными как ночь волосами, небольшой, но соблазнительной грудью и прекрасным лицом без единого изъяна. Когда она улыбнулась, Бетрим увидел ее зубы — идеально ровные и белоснежные. Ему пришлось приложить всю свою волю, чтобы не улыбнуться ей в ответ. Ей этого видеть не хотелось бы, никому не хотелось бы.

— Это Роза, — заговорила Танда, но Бетрим внезапно осознал, что слушает ее вполуха, — моя дочь. Ты заплатишь вдвойне, и если попробуешь ударить ее, она убьет тебя.

Это его заинтересовало. Он перевел взгляд с Розы на Танду, а затем на ухмыляющегося Шустрого.

— Твоя дочь?

— Да. И она так же хорошо владеет ножом, как и ее брат.

— Всего лишь «так же хорошо»? — прыснул Шустрый. — Она всегда была лучше меня.

Роза подошла к Торну вплотную и, проведя рукой по его груди, заговорила сиплым голосом, совершенно не подходящим ее пухлым красным губам:

— Уверена, что до этого не дойдет. Но если вдруг, — нож возник в ее руке, и лезвие прижалось к его шее, — то я сначала кастрирую тебя, а затем убью. Подходящий конец для такого человека, как Черный Шип.

У многих мужчин после такого заявления пропало бы любое желание связываться с этой девицей, но Бетрим был не из таких — наоборот, ему захотелось ее еще сильнее.

Роза улыбнулась ему.

— Думаю, он все понял, мама. — Она посмотрела вниз, ему на штаны. — Надеюсь, ты знаешь, как пользоваться этой штуковиной.

Бетрим резко втянул воздух. Редко когда в публичных домах ему предлагали хороших девушек, и теперь только нож, все еще приставленный к горлу, останавливал его.

— Мне с моими парнями на пару минут нужен стол, Танда! — раскатисто прорычал Босс. — Бутылка крепкой и три стакана тоже не помешают. Не тебе, Зеленый. Ты иди, найди себе развлечение. Мне нужны только Шип и Шустрый.

Зеленый проворчал что-то, чего Бетрим не расслышал, а Танда сказала что-то насчет бутылки — но он не обращал на них внимания. Его волновала только Роза. Но вдруг большая рука схватила его собственную и потащила в сторону.

Кинжал исчез из руки Розы так же неожиданно, как и появился, и девушка, надув губы,

провела рукой по своему телу, от груди вниз к животу и дальше.

— Не заставляй меня ждать долго. Мне без тебя так одиноко...

А Босс силен. Если бы не его железная хватка, Бетрим уже точно вырвался бы и... Тут он наткнулся на что-то твердое. Опустив глаза, он увидел стол и несколько стульев.

— Садись, — приказал Босс.

Торн нехотя подчинился.

— Лучше не затягивай с этим, Босс.

— Это займет столько, сколько нужно. Успеешь ты присунуть сестренке Шустрого, не переживай.

Здоровяк-южанин дождался, пока Танда принесет им бутылку и стаканы. Плеснув пойла в каждый, он залпом опорожнил свой и снова наполнил его, а затем окинул взглядом помещение, чтобы убедиться, что никто их не слушает. Бетрим меж тем покончил со своей порцией.

— Там, на равнинах, я не собирался рассказывать всем о работе. Но арбитру нельзя солгать, теперь я точно это знаю. Никогда не чувствовал себя так... — Он умолк и щелкнул металлическими зубами. — Короче, теперь всем известно, на что мы подписались, и мне нужно знать, будут ли у тебя с этим какие-либо проблемы, Шустрый?

Шустрый посмотрел на Босса, потом перевел взгляд на Бетрима. Тот в ответ уставился на него пустыми глазами. Что хорошо в потрепанном лице, так это то, насколько с ним просто не показывать никаких эмоций. Людям не понять, что у тебя на уме. Лицо еще ни разу не подводило Торна.

Шустрый проглотил свою выпивку, Босс снова наполнил его стакан, и Шустрый повторил:

— От Х'оста моя мамка не получила ничего, кроме серебра да его члена промеж ног. Во мне, конечно, течет его кровь, но не думай, что я люблю его как отца. Он никогда не хотел меня знать, и мне он тоже не нужен. Только скажи, и мой нож вонзится ему в глаз.

Некоторое время Босс и Шустрый молча буравили друг друга взглядами. Наконец Босс кивнул и влил в себя второй стакан.

— Хорошо.

— Позволь вопрос, Босс, — воспользовавшись моментом, решил высказаться Бетрим. — Когда и где мы закопаем арбитра? Здесь, например, местечко вполне себе неплохое...

В этот раз Босс отхлебнул прямо из бутылки и сердито сдвинул брови.

— Нигде. Он идет с нами до конца.

— Босс...

— Похоже, ему нужен тот же человек, что и нам, и если эта сучка с ним так хороша, как ты говоришь, я скорее предпочту, чтобы они были с нами, чем против нас. Не самый лучший расклад, Шип, но посуди сам: как только цель погибает, нам платят, и не важно, кто нанес удар — мы или какой-то охотник на ведьм. Так что закрой пасть и не возникай. После можете убивать друг друга сколько хотите, хорошо?

— Да, хорошо. — Бетриму все это совсем не нравилось, но, похоже, выбора у него не было.

— Тогда развлекайтесь, а мне лучше вернуться к Генри, пока она не начала думать, что я кувыркаюсь со шлюхами. Нам не нужно, чтобы она принялась без повода крошить людей в капусту.

Бетрим осмотрелся в поисках Розы. Девушка стояла, прислонившись к барной стойке, и

не сводила с него глаз. «Вот что выделяет хороших шлюх, — решил Торн, — они всегда делают вид, что хотят тебя, даже если ты урод каких поискать».

Шустрый хлопнул Бетрима по руке.

— Позаботься о ней, Шип.

— Ага.

— Ей нравится, когда кусают ее соски.

— Ага... что? — встрепенулся Бетрим, но Шустрого за столом уже не было — он двинулся в глубь зала, разговаривая с матерью.

Торн налил себе еще стакан и залпом выпил его, а затем поднялся и пошел к ждущей его проститутке. Роза встретила его на полпути и тесно прижалась. Даже сквозь одежду он ощущал ее груди, от которых бурлила кровь. Ее белая кожа, ее черные волосы, чернее черного глаза, исходящий от нее запах секса...

Ловким движением она запустила руку ему в штаны и нарочито неспешно принялась ласкать член. Бетрим вздрогнул и обхватил ее за талию. Он уже был готов нагнуть ее над столом и овладеть ею прямо здесь, посреди общего зала.

— Вижу, ты можешь заплатить вдвойне, — прошептала она ему на ухо, и Торн вдруг понял, что одной рукой она держит его член, а другой — его кошель. — Я пока что подержу оба. Не волнуйся, я заберу себе лишь то, что заслужу.

— Уж лучше бы тебе постараться! — рыкнул Бетрим, когда она повела его к лестнице.

Роза взглянула на него, и озорная усмешка заиграла на ее лице — совсем не такая, как у ее брата.

— О, я постараюсь...

Танкуил пытался представить себе ситуацию более неловкую и напряженную, чем та, в которой он оказался. Безуспешно. Сидеть между двумя женщинами, каждая из которых ненавидит другую, в чем-то было даже хуже, чем держать ответ перед Советом Инквизиции; хуже, чем оказаться обвиненным в преступлении, которого не совершал; хуже, чем стоять и смотреть, как арбитр вершит правосудие над собственными родителями.

В свою очередь, Джезет шоу из этого не делала. Она просто смотрела в кружку, но Танкуил буквально ощущал ее гнев, словную темную ауру, окружившую девушку и пресекавшую на корню любые попытки завязать разговор. Генри держалась более открыто — она метала в Джезет полные яда взгляды и кривила лицо даже презрительнее, чем прежде.

Общую печальную картину прекрасно дополняли шум, гам и пьяные запевы, не утихавшие в таверне. Их стол являл собой островок унылого безмолвия посреди бурлящего моря веселья, и это действовало Танкуилу на нервы.

Гигант вздохнул, и Генри тут же устремила на него взгляд, которым можно было бы заморозить океан.

— Вот не надо этого, Генри. Я устал, — пробубнил Мослак. — Все остальные веселятся, а я здесь, застрял с тремя людьми, у которых на лицах написано желание поубивать друг друга.

— Я не хочу убивать никого из вас, — сказал Танкуил.

— Даже Шипа?

— Особенно Шипа. Пытаться убить его — опасная затея. На нем и так шесть мертвых арбитров.

Генри плюнула на устеленный соломой пол. Попала она точно на ногу какому-то мужчине, но тому хватило всего одного взгляда на их стол, чтобы позабыть обо всех своих претензиях.

— Он нам этим тоже хвастался, — злобно проворчала Генри.

— Ты действительно сжигал людей? — спросил Мослак.

Не самая приятная тема для разговора, но к этому моменту Даркхарт уже был готов говорить вообще о чем угодно.

— За мной числятся... несколько сожжений.

— Почему? Я имею в виду, почему именно сожжения? Сталь со своей работой уже не справляется? А обезглавливания? А яды? А утопление? А...

Танкуил решил прервать верзилу прежде, чем у того закончатся способы убийства.

— Огонь обладает очищающей силой. Но если это возможно, я стараюсь не сжигать людей. Есть более гуманные способы лишения еретиков жизни.

— Хах. — Гигант лениво теребил ожерелье из костей, которое он носил на шее.

— Довольно жуткие трофеи, — заметил Танкуил; он давно для себя отметил, что лучший способ избавиться от назойливых вопросов — заставить людей говорить о себе.

Мослак улыбнулся и продемонстрировал все ожерелья, которых оказалось три, — довольно грубые вещицы, сделанные из ниток, продетых сквозь кости. Два были завершенными, на третьем же костей было лишь на половину длины.

— Я забираю по одной у каждого убитого мной, будь то мужчина или женщина.

— Зачем? — спросила Джеззет.

— Как напоминание. Я пересчитываю их каждую ночь, чтобы всегда помнить, сколько жизней я отнял. В нашей игре легко забыть, что каждый убитый нами — человек, как мы сами. У каждого есть кости и кожа, как и у нас. У каждого есть семья и друзья, как и у нас. Кто-то, например, Шип или Генри, стараются забыть об этом, но не я.

— И сколько их у тебя?

— Пока сорок девять.

Генри фыркнула, Джеззет кивнула, а Танкуил попробовал вспомнить, скольких убил он сам. Точно больше пятидесяти.

— Не очень-то и много, — сказала Джеззет.

— Я не всегда был наемником. Раньше я был фермером, или, по крайней мере, работал на ферме. У владельца не было денег, чтобы купить вола, и поэтому он использовал меня и еще одного парня из ближайшей деревни, Джахри. Мы днями напролет таскали плуг, и это, скажу я вам, адски тяжелая работа. По большей части хозяин растил зерновые, но за домом у него был небольшой фруктовый сад. Мы с Джахри тайком пробирались туда и иногда воровали что-нибудь. Вот это, — Мослак показал на одну из костей, — от Джахри.

— Ты убил его? — подала голос Генри.

— У меня не было выбора. Однажды на ферму заявила группа вооруженных конников. Они убили владельца и бросили между мной и Джахри меч со словами: «Нам не нужны два гиганта». Джахри первым схватил клинок, но я всегда был больше и сильнее его. Так я получил свою первую кость. После этого я некоторое время ездил с ними, пока Висельник не поймал их.

— Висельник Ирил? — уточнила Генри.

— Да. Старый ублюдок гонялся за нами по всем Диким Землям.

— Как тебе удалось сбежать?

— Никак. Меня он так и не поймал. Я отошел по нужде, а он как раз налетел на наш лагерь. Услышав шум, я затихарился. Потом, пробравшись обратно, я увидел, что мои вещи лежат на своем месте, а вся банда покачивается на веревках. Он всех повесил.

— Никогда еще я так не радовалась ничьей смерти, как когда услышала, что Висельник отправился кормить червей. Все охотники одинаково паршивы: что за головами, что на ведьм, — прокомментировала Генри.

— Он не был таким уж плохим, — с улыбкой сказал Мослак. — Год спустя я встретил его в Коррале. Чуть не обмочился со страху, но он понятия не имел, кто я такой. Даже купил мне выпивку.

— Ты мог бы вернуться обратно в свою старую деревню, — предположил Танкуил.

Мослак залился смехом.

— Нет пути назад, арбитр. Не для таких, как мы, и не в Диких Землях. Стоит только вступить в эту игру, и она становится частью тебя.

— Ты сжег столько народу, охотник, и неужели ни разу не убивал невинного? — спросила Генри.

Танкуилу сразу же вспомнилось тело мальчика с дыркой в голове, лежащее среди прогнивших деревяшек, вспомнилась кровь, просачивающаяся сквозь доски пола, и вспомнилась Джеззет Вель'юрн, стоящая перед ним и голая, как младенец.

— Да, я убивал невинных.

Генри снова плюнула. Было в этом ее жесте что-то жестокое.

— Видишь, ты ничем не лучше нас.

— Я никогда этого и не говорил. Просто у меня язык подвешен лучше.

— Язык? Слова? Слова — всего лишь воздух, и не важно, как их говорить.

Даркхарт послал Генри улыбку, она в ответ сердито нахмурилась.

— Слова могущественны. Правильно подобранные и к месту сказанные, они способны на многое.

— Слова спасут тебя, если я сейчас брошусь на тебя с ножом?

— Возможно.

— А не помогут они, помогу я, — вставила Джеззет; ее голос был холодным, мрачным и сулящим беду, как и взгляд.

— А ты вообще кто? — переключилась на нее Генри. — Черный Шип говорил, что ты хороша, но я пока что вижу только маленькую испуганную девочку в постели с охотником на ведьм.

Она говорила нарочито громко, чтобы привлечь внимание, и все больше взглядов останавливалось на Танкуиле с его плащом и невысокого роста девушке с жадной убийства в глазах.

— Генри... — начал было Мослак.

— Заткнись.

— Босс сказал...

Генри взведенной пружиной вскочила на ноги, ее стул опрокинулся на пол, и она плюнула в Джеззет. Мастер Клинка даже не попыталась уклониться, и плевок попал ей прямо в лицо. Тут же она сама поднялась из-за стола, держа руку на эфесе меча. Кажется, целую вечность Генри и Джеззет прожигали друг друга взглядами. А затем поднялся Мослак и затмил собой их обеих.

— Босс сказал, что на это дело мы пойдем все вместе, включая ее. Не думаю, что ему понравится, если вы тут начнете убивать друг друга.

— Босс где-то загоняет свой член какой-то вшивой шляхе, так какого черта меня должно заботить, что ему понравится?

С этими словами Генри развернулась и зашагала прочь. Мужчины вдвое больше ее спешили убраться с ее пути.

Джеззет села обратно за стол и вытерла плевок с лица, а Мослак плюхнулся на свой стул. Танкуил удивился, как хрупкая деревянная конструкция не развалилась под весом здоровяка.

В таверне воцарился привычный обыденный гул. Даркхарт нагнулся и поднял упавший стул. Мослак проглотил остатки своего пива и жестом приказал девушке-служанке принести ему еще одну кружку. Джеззет тоже потребовала обновить выпивку. Танкуил видел, что ее руки дрожат, прямо как его собственные, когда он долгое время ничего не воровал.

— Прости Генри, — заговорил Мослак. — Она просто... ну... Генри.

— Я смотрю, она меня недолюбливает, — сказала Джеззет, заплатив служанке за пиво.

— Просто ее бесит, что она в банде больше не первая красавица, — с улыбкой произнес Мослак, и Джеззет улыбнулась ему в ответ. — Только не говори моей жене, что я назвал тебя красивой. Она оторвет мне яйца раньше, чем я успею сказать «прости».

После этого Джеззет и Мослак поведали друг другу несколько историй. Каждый рассказывал о людях с громкими именами, которых они встречали и которых они убивали. В этом соревновании Джеззет, похоже, одержала верх. Мослак постоянно упоминал ту или

иную банду, в которой он работал. Танкуил по большей части сохранял молчание, предпочитая слушать.

Когда явился здоровяк-южанин, которого все звали Боссом, он занял пустующий стул Генри, глотнул пива и сразу же сердито нахмурился.

— Где она?

Мослак вздрогнул.

— Она... гм-м... ушла.

— Почему?

— Ну, последним, что она сказала, было что-то про тебя и шлюх.

— Твою мать. Что ж, будем надеяться, она никого не прирежет. — Южанин выглядел уставшим и не на шутку злым.

— Надеюсь, мы все еще на пути к Х'осту. Помнится, кто-то говорил что-то о западе, а мы, похоже, отклонились на восток, — сказал Танкуил.

Босс кивнул.

— Одни дороги длиннее прочих. Та, по которой пошли мы, безопаснее, особенно для нашей-то компании. Полагаю, сейчас самое время Джезет Вель'юрн рассказать нам, что она знает о Х'осте.

Джезет бросила взгляд сначала на Босса, а затем на Танкуила. Чернокожий южанин продолжил:

— Похоже, кое-кто о тебе все же наслышан. И они полагают, что ты знаешь больше, чем говоришь. Одни толкуют, что ты работала на Х'оста, другие — что служила у Мертвоглазой. Теперь, увидев, как ты выхватила меч, когда я заявил, что мы на нее работаем, я знаю, что ты в этом как-то замешана. Думаю, пора рассказать нам историю, пока остальные не вернулись.

— Невозможно солгать арбитру, — вставил свое Мослак.

Джезет снова посмотрела на Танкуила и отвела глаза.

— Это я оставила Констанции ее мертвый глаз.

— Ага, — сказал Босс, приложившись к пиву. — Это мы уже знаем. Как и про ее сестру, которую все звали Кровавым Ангелом. Скажи, работала ты на Х'оста или нет?

— Да. Несколько лет назад, только придя в Дикие Земля, я оказалась в Солантисе.

— Одиноким женщины в Солантисе очень быстро становятся женщинами изнасилованными и мертвыми.

— Возможно, но женщина, владеющая мечом, в Солантисе может стать очень богатой... хотя бы на некоторое время.

Катерина, сестра Констанции, увидела меня на арене. Она как раз собирала наемников, хотела организовать новый отряд и сделать себе имя. Меня она наняла своим вторым телохранителем. Она называла нас Ангельскими Клинками. Можете представить: отряд наемников, ведомый тремя женщинами. Констанция, здоровая, как медведь, и посильнее многих мужиков, я, Мастер Клинка, и Катерина, которая одинаково хорошо управлялась и с картами, и с мечом.

— Но не так хорошо, как ты, — вставил Босс.

— Не с мечом, нет. В других отрядах смеялись, но те, кто работал с ней, были ей неистово преданы. Вскоре она сделала себе имя в Февилле.

— Так это вы залили Февилль кровью?

Джезет кивнула.

— Правда то, что вы там сделали? — спросил Мослак.

Джеззет кивнула еще раз.

— Нам заплатили, чтобы мы взяли город. Обычный контракт, да и город высокими стенами не отличался. Мы прибыли днем, когда большинство жителей работали на полях. Катерина взяла их в заложники, всех до единого, включая дочь магистрата. Всего двести восемь человек.

Когда подтянулась остальная часть отряда, она установила осаду и встретила с магистратом. Сказала ему, что никому не придется умирать, что никого даже пальцем не тронут. Нужно только открыть ворота и передать командование городом нам. Магистрат велел ей катиться к черту. В ответ Катерина привязала его дочь к столбу перед городскими воротами и отдала ее на поругание мужчинам. Три дня и три ночи все слышали крики и плач бедной девчонки.

В конечном счете одного заела совесть, и он перерезал ей горло. Катерина вздернула его за это. После этого она выбирала каждый день трех пленников, выводила их к воротам, и две группы лошадей разрывали их на части. Двенадцать человек умерли, пока наконец не открылись ворота города и магистрата не вывели в кандалах.

Катерина приказала разграбить город, а гарнизон казнить. После этого ее и стали называть Кровавым Ангелом. Красавица, какой не сыскать, но с руками по локоть в крови.

— Ты не очень-то старалась остановить ее, — встрял Босс.

— Нет, не старалась, — подтвердила Джеззет. Ее лицо словно было высечено из камня. — Х'ост вскоре заключил с нами контракт. У него никогда не лежала душа к военным делам, поэтому он отдал свои войска под полное командование Катерины. Наш отряд влился в личную армию Х'оста.

— О Х'осте нам это говорит мало, — заметил Танкуил.

— Я правда знаю не очень много. Встречалась с ним несколько раз, причем дважды он был в стельку пьян. Он безумец. Все чистокровные семейства спят и видят, как бы превратить Дикие Земли в империю, которой они когда-то были, но Х'ост... Он *верит* в это и считает себя тем человеком, который это совершит.

— И все? — спросил Босс. — Больше ничего?

— Ну, он очень меня не любит, — добавила Джеззет. — С тех пор как из-за меня лишился земель вокруг Большой Заводи. Вернее, с тех пор, как я выиграла эти земли для Д'роана.

— Что ж, уже неплохо, — с легкой усмешкой сказал Мослак. Все взгляды устремились на него. — Я имею в виду, вряд ли ты решишь предать нас, зная, что он тебя ненавидит.

Роза тяжело дышала, ее груди поднимались и опускались с каждым вздохом. И не важно, что они только что сделали это уже в третий раз, — Бетрим снова хотел ее.

Он грубо попытался ухватить ее за грудь целой рукой, но девушка шлепнула его по пальцам. Она наклонилась и взяла с прикроватного стола бутылку, откупорила и приложила к горлышку, наслаждаясь сладкой янтарной медовухой.

— Открывай, — с улыбкой на губах и ярким блеском в глазах сказала она.

Бетрим открыл рот, и выпивка из перевернутой бутылки полилась ему в горло. Прицелилась Роза идеально.

— Ну что, заслужила я двойную плату? — игриво, но без усмешки спросила она.

Бетрим никогда особо не ладил с женщинами, во многом из-за уродливой внешности — даже без шрамов и ожогов красавцем он не был, — но здесь, с этой девушкой, ощутил внезапный наплыв романтики.

— Тебе и тройной мало будет.

Роза от удивления приоткрыла рот.

— Ты меня балуешь. — Она снова сама глотнула медовухи и дала выпить Торну. — Заплатив мне втройне, ты останешься без гроша в кармане.

— И плевать, — скрипнул зубами Бетрим. — После этой работы я либо разбогатею, либо умру. Лучше уж потратить все, пока еще могу, и больше всего мне хочется потратить деньги на тебя.

— Разбогатеешь или умрешь? — невинным голосом переспросила Роза. — Я надеюсь, что разбогатеешь. Тогда ты вернешься сюда, снова заплатишь мне втройне, и мы повторим наши сегодняшние шалости.

Сидя на нем, она выгнулась, наполнила рот медовухой и наклонилась, чтобы поцеловать его. Выпивка потекла Бетриму в рот, по подбородку, разлилась по телу. Ему было все равно.

Внезапно дверь в комнату с грохотом распахнулась.

— Шип, — раздался знакомый голос, но голова Бетрима наотрез отказывалась поворачиваться и выяснять, кто там. — Роза... — продолжал голос, явно улыбаясь.

Торн не мог понять, как голос может улыбаться, но вдруг до него дошло, что к ним пожаловал Шустрый.

Роза выпрямилась, все еще сидя нагой на Бетрима. Золотистая медовуха стекала по ее подбородку и капала на грудь. От этого зрелища Торн возжелал ее еще сильнее — прямо здесь, немедля, и плевать, что Шустрый смотрит.

— Братишка, ты же знаешь, нам с тобой нельзя. Мама говорит, что это неправильно. — Голос Розы был в десятки раз слаще, чем вся медовуха мира; она недовольно надула пухлые красные губы.

— Если бы, сестренка. Но я пришел за ним. — В голосе Шустрого слышалось нетерпение.

Роза невинно посмотрела на брата, а затем перевела взгляд озорных глаз на Бетрима.

— Знаешь, братец, мне кажется, он все же предпочитает женщин.

Торн зарычал и провел ладонями по ее ногам и бедрам.

— Отвали, Шустрый. Мы заняты.

— Тогда заканчивай, — сказал Шустрый и в три размашистых шага оказался у кровати.

Он обхватил Розу за плечи и стянул ее с Бетрима. А уже в следующее мгновение в воздухе сверкнула сталь, и один кинжал замер у горла Шустрого, а второй — у горла Розы. Бетрим ошарашенно наблюдал, не соображая, откуда у девушки взялось оружие, учитывая, что она была совершенно голой.

— Убери ножик, сестренка. У нас на это нет времени. — Шустрый бросил взгляд на Торна, все еще развалившегося нагишом на кровати. — Хах. Неудивительно, что ты ей понравился.

— Мы заняты, Шустрый, — повторил Бетрим, вспомнив про бутылку медовухи и хорошенько к ней приложившись. — Отвали.

— Твоя подружка Джеззет ждет внизу, Шип. Ее послал Босс. Нам пора.

— Черта с два. Он говорил про два дня, а я еще не все потратил.

Роза расплылась в елейной улыбке:

— Думаю, его кошеля хватит еще на несколько заходов.

Шустрый убрал нож от ее горла, и она сделала то же самое.

— По городу шастают охотники за головами. Они ищут нас. Их четверо, и ведет их Большеротый Кэл.

— Вот дерьмо, — бросил Бетрим и свесил ноги с кровати, одновременно ища глазами свою одежду. — Они точно по наши души?

— Если только в городе не объявилась еще одна банда головорезов, до этого убившая члена правящего Совета Чада. Да, они за нами.

— Двух.

— Что?

— Двух, — повторил Торн. — Мы убили одного, но умерли двое, и будь уверен, второго они тоже повесили на нас.

— На тебя, — хмуро сказал Шустрый. — Ты единственный там засветился. Так что быстро одевайся и пошли. Пока, Роза.

Шустрый поцеловал сестру, та ответила на поцелуй, а затем он развернулся и вышел.

Когда Бетрим закончил собираться, Роза взглянула на его кошель, все еще лежащий на столе, а затем на него самого. Она по-прежнему была голой — самая прекрасная из всех, кого Торн когда-либо видел.

— Забирай все, — услышал он собственный голос. — Но если я выживу и вернусь, следующий раз за счет заведения.

— Ни за что, — оскалившись, ответила Роза.

Бетрим попытался поцеловать ее, но она отпрянула от него. Ее взгляд стал пустым, а глаза превратились в темные пятна, не выражавшие ни единой эмоции.

Торн поспешил прочь из комнаты.

Танкуил присел под размашистым ударом и бросился влево как раз вовремя, чтобы уклониться от выпада сзади. По правде говоря, не бормочи он без остановки благословение стремительности, делавшее его реакцию и движения намного быстрее, был бы уже десять раз мертв.

Клинки снова устремились к нему. Первый он блокировал своим мечом, чтобы потом с возросшей силой оттолкнуть оружие обратно. Благословения стремительности и силы было легко сочетать, но использование их одновременно быстро выматывало. Противник сместился в сторону, и Танкуил ощутил укол боли в правой руке. Отпрянув на несколько шагов, он бросил мимолетный взгляд на источник боли — на его плаще возник новый порез, под которым открылась неглубокая рана. Между прочим, уже третья, и все они болели просто адски. Соперник, похоже, решил поиграть с ним.

А правда крылась в том, что и без того невеликое мастерство Танкуила в обращении с клинком за давностью лет совсем выдохлось. Если не считать небольшую стычку с Черным Шипом в Чаде, то уже минул год с того момента, как Даркхарт в последний раз серьезно размахивал мечом, и теперь это давало о себе знать.

Один его противник отличался огромным ртом и каменным выражением лица, зато на физиономии второго играла жестокая ухмылка. Каменнолицый вразвалку шагнул вперед, взмахнул мечом и сразу отступил. Финт. Улыбчивый возник справа от Даркхарта и обрушил на него шквал ударов своим темно-серым длинным мечом. Танкуил парировал каждую атаку, но из-за этого потерял из виду Каменнолицего, который мог быть где угодно. Небольшой круглый щит Улыбчивого рванулся вперед и ударил Танкуила в грудь, отправив его катиться кубарем по пыльной дороге.

— Самое время для магии, арбитр! — крикнул Босс.

Даркхарт выкашлял пыль из легких и осмотрелся в поисках противников. Каменнолицый и Улыбчивый держались вместе, следили за ним и выжидали.

— Спасибо за совет, Босс! — крикнул в ответ Танкуил.

Чернокожий южанин был занят своими проблемами. Здоровенный молодой парень с тяжелым посохом, обитым железом, не давал ему расслабиться. Мракоборцу оставалось только жалеть о том, что они послали Джеззет предупредить Черного Шипа и Шустрого. Он был уверен, что ее присутствие уравнило бы шансы, но одного охотника за головами не хватало, и Босс решил не рисковать жизнью Шипа.

— Разве ты не можешь превратить их в лягушек или типа того?! — снова выкрикнул Босс, уклоняясь от очередной атаки.

У молодца с посохом было преимущество в дистанции нападения, а один его удар мог сломать кость, словно сухую ветку. Босс же был вооружен коротким мечом и топором, но ему никак не удавалось подобраться к врагу ближе, чтобы пустить их в ход.

— Конечно!

— Тогда действуй!

Танкуил испустил стон и покачал головой. Он мог убежать — с благословением стремительности противники никогда бы его не догнали — если бы знал, где расположен тот бордель, куда отправилась Джеззет. Само собой, это означало бы бросить Босса наедине с тремя разъяренными охотниками за головами, но арбитр был уверен, что только

непреклонность южанина держала команду вместе. С другой стороны, побег в сторону ближайшего публичного дома с призывами к Джеззет о помощи вряд ли пристал бы настоящему мужчине, и это Танкуил счел убедительным аргументом.

Каменнолицый расплылся в улыбке от уха до того места, где должно было быть второе ухо. Его рот был настолько большим, что нос на его фоне казался удивительно крошечным.

— Черный Шип! — пробасил он громадной пастью.

— Большеротый! — раздался рык из-за спины Танкуила, но он воспротивился желанию обернуться и посмотреть.

— Давненько не виделись, Черный Шип.

— Не так уж и давно, Большеротый.

— А я все искал повод убить тебя. — Большеротый и его напарник, казалось, забыли о Танкуиле, переключив внимание на Черного Шипа.

— Как и я, Большеротый. Зато теперь, похоже, самое время отправить тебя в могилу.

— Шип, помоги арбитру! Уф-ф-ф! — Босс получил мощный удар посохом по корпусу и зашатался, откашливаясь; малец не дал ему времени на передышку, а, наоборот, насел еще энергичнее.

Танкуил услышал, как за его спиной Черный Шип сплюнул.

— Не рассчитывай на это. Я скорее позволю Большеротому прикончить тебя.

Повернув голову, Танкуил бросил на наемника испепеляющий взгляд. Покрытый шрамами наемник остался невозмутимым. Держа руку на рукояти топора, он даже не пытался им воспользоваться. Как назло, Джеззет нигде не было видно. Даркхарт тяжело вздохнул.

Большеротый рассмеялся:

— Тебя мы тоже заберем, Черный Шип. Награда выставлена за каждого из вас.

— О, — выдал Шип и, подойдя на пару шагов, встал рядом с Танкуилом. — Думаешь, это разумно? Три на три — слишком неопределенные шансы.

— Я вижу, охотника на ведьм можно не считать. Как ты вообще докатился до того, что якшаешься с одним из них?

Черный Шип быстро глянул на арбитра, а затем вернулся взглядом к Большеротому.

— Знаешь, не перестаю задавать себе тот же вопрос.

— Я не вижу Джеззет, — тихо, едва ли не шепотом произнес Танкуил.

— Ага, — отозвался Черный Шип. — Отправилась с Шустрым к магистрату. Похоже, кому-то хорошенько заплатили, потому что стражи я не вижу. Где Мослак?

— Босс послал его найти Генри. Что с парнем, который был с тобой?

— С Зеленым? Мне почем знать? Я думал, он с тобой. В борделе его не было. Большеротый, есть у нас шанс от тебя откупиться?

— Конечно, если у тебя есть пять тысяч. Столько дают за вас с арбитром. Потянешь?

Черный Шип снова покосился на Танкуила. Тот лишь усмехнулся в ответ.

— Полагаю, что отпустить нас в обмен на будущую услугу тоже не вариант? — крикнул Торн.

Большеротый расхохотался, а Улыбчивый стал улыбаться еще шире. Солнце только-только показалось из-за крыш приземистых каменных домов. Танкуил слышал, как где-то справа дерется Босс, но не решился посмотреть, зная, что его собственный бой может продолжиться в любую минуту. А всего-то хотелось нормально выспаться этой ночью...

И ему это почти начало удаваться, когда Босс ворвался в его комнату в таверне. Джеззет

выскочила из постели с мечом наголо прежде, чем Танкуил сумел разлепить глаза. «Пора уходить. Здесь охотники», — только и сказал южанин. Джеззет чертыхнулась и стала искать свои сапоги, а Танкуил скатился с кровати и натянул плащ, не до конца понимая, что происходит.

— Как ты вообще нашел нас, Большеротый? — поинтересовался Черный Шип; дс Танкуила дошло, что он тянет время, оттягивает драку, чтобы дать возможность появиться другим его товарищам.

— Шанс. Удача. Я только вернулся из Орлиного Гнезда, и тут мой посредник сообщает, что за вас с охотником на ведьм назначена награда, а ты как раз в городе.

— Новости разлетаются быстро. Я надеялся хотя бы увидеть листовки о награде.

Большеротый снова рассмеялся, если так можно было назвать громкий, резкий и невыносимо противный звук сродни тем, что издают брошенные в воду злобные коты.

— Листовки разносились птицами, Шип. Каждый охотник отсюда и до самых Скалистых гор ищет вас. Повезло же мне, что именно я вас нашел.

— Повезло? — прыснул Черный Шип. — Помнится, раньше ты работал с ребятами покрепче. Что это за мальчишка рядом с тобой? Как тебя зовут, пацан? Шуг?

— Пошел ты! Меня зовут...

— А где Святоша? — нагло оборвал Улыбчивого наемник.

— О, не волнуйся, он где-то неподалеку. Пошел искать тебя.

Черный Шип сплюнул:

— Что ж, значит, вот ему действительно повезло. — Он перевел взгляд на Танкуила. — Я беру Большеротого, ты — Шута. Сдохнешь — ничего страшного.

Арбитр кивнул. Наемник правой рукой снял с пояса топор, а в левой возник кинжал. Мимходом взглянув на Босса, он двинулся на Большеротого. Несколько мгновений спустя раздался привычный звон металла, скрестившегося с металлом.

Тем временем Улыбчивый оказался перед Танкуилом; все его лицо, казалось, превратилось в одну широченную ухмылку. Довольно неприятное зрелище, учитывая, что у охотника за головами были толстые влажные губы, на безвольном подбородке красовался отвратительный фурункул, а по щекам сбегали бесцветные жидкие бакенбарды. Назвать его уродливым означало оскорбить разом всех уродливых людей в мире. Он дважды ударил мечом по щиту.

— Меня зовут Барри, Барри...

— Вообще-то мне плевать.

Танкуил рванулся вперед, используя все свои возросшие благодаря благословию силы, и нацелил меч в Улыбчивого.

Тот отразил нападение небольшим деревянным щитом, но после такого удара ухмылка мгновенно испарилась с его лица, а Даркхарт, улучив момент, метнулся вправо и размашисто рубанул по ногам противника.

Улыбчивый парировал удар и развернулся к Танкуилу. Еще один выпад в лицо — и арбитр снова ушел вправо. Ему вспомнились слова его старого мастера-наставника о том, что лучший способ победить врага со щитом — это сделать его щит бесполезным, всегда атаковать со стороны руки с мечом, не давать шанса заблокировать удар.

Впрочем, Улыбчивый быстро раскусил тактику противника и с ревом бросился на арбитра. Щит врезался Танкуилу прямо в грудь, и меч охотника за головами засвистел над его головой. Даркхату удалось отразить удар, лишь резко отпрынув.

Со вспышкой боли задница Танкуила встретилась с землей, а уже через мгновение он неуклюже заметался, чтобы не быть зарубленным наступающим Улыбчивым, поднявшим щит и непрерывно размахивающим клинком.

Хоть Танкуил никогда не был хорош в обращении с оружием, раньше ему удавалось одолевать куда более мастеровитых противников. Все дело в уловках.

Как только Улыбчивый подошел достаточно близко, Танкуил ударом ноги поднял тучу пыли прямо в уродливое лицо врага.

— Аргх! Что за черт?! — взвыл охотник за головами.

Танкуил метнулся вправо и сделал выпад. Атака цели не достигла, но зато он увидел, что соперник пытается протереть глаза.

— Как тебя зовут?! — закричал на Улыбчивого Танкуил, чувствуя, как принуждение ледяной хваткой вцепилось в волю противника, и ощутил наплыв пьянящего удовольствия от своего ментального превосходства.

— Барри... — Еще один рывок вправо, еще один выпад.

— Сколько тебе лет?

— Я не знаю... — Снова рывок, снова выпад.

— Откуда ты родом?

— Из Коррала. — Рывок, выпад.

— Как тебя зовут?

— Барри... — Рывок, выпад.

— Сколько тебе лет?

— Я не... — Рывок, выпад.

Но в этот раз враг не парировал и не закрылся. Острие меча Танкуила глубоко вошло в грудь Улыбчивого, миновало ребра и пронзило легкое.

Вопль боли быстро перешел в бульканье. Не тратя ни секунды, Танкуил вынул из-за пояса шарострел, перевернул его, взялся за ствол и со всей возросшей силой опустил тупую рукоятку на голову Улыбчивого. Череп треснул, словно яичная скорлупа.

С глухим ударом охотник за головами рухнул на землю и больше не шевелился. Алая кровь сочилась из дыры в его черепе, равно как и густыми каплями падала с рукоятки шарострела. Танкуил мгновение оценивал картину, а затем вытер оружие об одежду Улыбчивого.

Подняв глаза, он увидел, что Черный Шип все еще обменивается ударами с Большеротым. Никому не удавалось взять верх — оба атаквали, блокировали, парировали и уклонялись. Черный Шип бился с жуткой гримасой на лице, пугающе отраженной, словно в зеркале, в чертах Большеротого.

Танкуил прицелился из своего шарострела. В памяти всплыли слова торговца: «Прицельно стреляет на расстоянии до десяти шагов». По прикидкам арбитра, между ним и двумя дерущимися мужчинами было минимум шагов пятнадцать.

БАХ!

Большеротый вскрикнул и отступил назад, когда металлический шарик попал ему в руку, а мгновение спустя топор Черного Шипа срезал ему нижнюю челюсть, выпустив фонтан крови. Охотник за головами тяжело упал, и Шип вонзил оружие в его грудь. Тело дернулось и замерло. Черный Шип упер одну ногу в труп и рывком высвободил топор, а затем одним резким движением рубанул по шее Большеротого, отделив голову от тела.

Танкуил подошел ближе. Черный Шип стоял, наклонившись над телом, а затем,

выпрямившись, от души плюнул на безжизненного Большеротого и присыпал песком, подгребая его ногой.

— Ты, мразь, нормального погребения не заслуживаешь.

Даркхарт хотел было спросить, откуда Черный Шип знал Большеротого, но вовремя одернул себя. Использование принуждения на Улыбчивом, да еще такое длительное, чуть не довело его до эйфории. Ему хотелось большего, хотелось снова почувствовать этот сладостный прилив удовольствия. Внезапно он осознал, что его руки дрожат, и поспешно сунул их в карманы плаща.

Черный Шип уставился на арбитра с привычным уже пустым выражением лица.

— Хороший выстрел, — рыкнул он и двинулся прочь.

Танкуил кивнул в ответ. То, что он с пятнадцати шагов попал именно в Большеротого, а не в Черного Шипа, было сущим везением, но наемнику об этом знать не следовало.

Из завесы пыли перед ними выскочил Босс. В правой руке он все еще сжимал топор, а левую прижимал к груди. Он дышал тяжело, словно каждый вдох причинял ему боль.

— Хорошая работа, — просипел южанин.

Черный Шип кивнул.

— Зато ты покончил с Крошкой Гарри. Парень, я слышал, силен, как Мослак.

— Слухи не ввали, Шип.

— Мы что, пропустили все веселье? — раздался голос Шустрого.

Рядом с ним шагала Джеззет, настороженная настолько, насколько беспечным казался Шустрый — даже при том, что в левой руке он держал уже снаряженный лук.

— Где вы, черт подери, были? — закашлявшись, поинтересовался Босс.

— О, ты знаешь, трапезничали с магистратом, — ухмыльнулся Шустрый.

— Ты в порядке? — спросила Танкуила Джеззет.

В ответ он лишь коротко кивнул — просто боялся заговорить, чтобы вопросы сами собой не хлынули изо рта.

— Хорошо, — сказал Босс и огляделся. — Где он?

— Не придет. И его стража тоже, — как обычно весело и задорно выдал Шустрый. — Скажи спасибо моей мамке. Кажись, она взяла старика за яйца. А нам, полагаю, лучше поскорее убираться.

Босс снова зашелся в кашле, едва не согнувшись пополам и не отнимая руку от груди. Когда он наконец сумел распрямиться, его лицо исказилось гримасой, став еще мрачнее.

— Двигаемся к главным воротам. Мослак, Генри и Зеленый могут встретить нас там. Шустрый, отсюда ведешь ты. Йорл пересечем при первой же возможности. Хорошо?

— Ага.

— Хорошо.

Внезапно раздался глухой стук, и Босс сначала опустился на одно колено, а потом рухнул на землю, взметнув пыль. Из его широкой спины, прямо под правой лопаткой, торчала стрела с красным оперением. Танкуил озирался в поисках стрелка, когда до его уха долетел звон тетивы Шустрого.

Они услышали Йорл задолго до того, как увидели его. Громоподобное эхо разносилось над равнинами на многие мили. Джеззет всегда казалось странным, что вода может издавать звуки, но стоило только услышать шум могучего Йорла, и все сомнения улетучились. Его голос был громким и злым, словно хор разъяренных богов.

Реки они достигли спустя четыре дня после ухода из Биттерспрингса. Путь был не настолько длинным, но весь отряд задерживал Босс. Едва они подошли к воротам города, как здоровяк упал в третий раз, поэтому Джез пришлось снять с плеча свой мешок и заняться раной южанина.

Два его ребра были сломаны, это сомнений не вызывало. Похоже, он получил удар посохом в грудь. Само по себе это не очень плохо — сломанные ребра, конечно, болят просто адски, но в конечном счете всегда заживают. А вот с раной на спине дела обстояли совсем по-другому. Место было слишком опасным, чтобы протолкнуть стрелу насквозь, поэтому Джеззет пришлось вырезать ее. Стрела вошла довольно глубоко, и хоть она не задела важных органов, Босс слабел на глазах.

Поначалу он держался молодцом — дрожал от боли, стонал, но шел. У ворот им пришлось прождать почти час, пока не объявился Мослак с Генри и Зеленым. На лице Генри застыло выражение гнева пополам со страхом, но Джез так и не смогла определить, на кого маленькая женщина злилась больше: на врага, подстрелившего Босса, или на Джеззет, которая его штопала.

Лучником оказался один из охотников за головами. Бетрим сказал, что это Святоша, старший брат Крошки Гарри. Несомненно, он выбрал Босса своей мишенью в отместку за то, что южанин вспорол брюхо его братишке. Впрочем, за свою месть он заплатил сполна: первая стрела Шустрого попала Святоше в брюхо, вторая — в лицо. В очередной раз Шустрый делом подтвердил свою хваленую быстроту.

Примерно в десяти шагах от моста Мослак опустил Босса на землю. «Гигант волок его целых два дня. Но даже у такого силача есть свой предел», — подумала Джез. Словно подтверждая ее мысли, Мослак присел рядом с Боссом, и его глаза закрылись.

— Нам нужно отдохнуть, — сказала Джеззет, подходя к Боссу, чтобы осмотреть его рану.

«Может, получится что-нибудь сделать с одеждой...»

— Да что ты понимаешь?! — брызнула слюной Генри, встав между Джез и Боссом.

Джеззет остановилась и уставилась на невысокую женщину перед собой. Генри в ответ прожигала ее взглядом.

«Она жаждет крови, Джез. Жаждет даже сильнее обычного».

Мастер Клинка отступила от Генри и двинулась обратно к арбитру.

Танкуил стоял всего в паре шагов от обрыва, под которым ревел Йорл. Арбитр нагнулся и вытянул шею, пробуя заглянуть за кромку скалы. Джеззет подошла к нему сбоку и совсем легонько ткнула в спину. Арбитр чуть из штанов не выпрыгнул и поспешно отскочил назад еще на несколько шагов.

— Все в порядке? — улыбаясь, спросила девушка.

Он засмеялся:

— Уже нет. Все-таки это очень большая река.

«Всего-то, навскидку, пол мили шири. Нигде больше Йорл таким узким не бывает».

— Что, боишься замочиться? — поддразнила она.

— И я тебя за это не виню, — встрял Черный Шип. Он держался к утесу лишь немногим ближе, чем прежде Танкуил. — Что-то в этой воде... неправильное. И тонуть у меня нет совсем никакого желания. Лучше, наверное, чем стореть заживо, но все равно есть куча более достойных способов умереть.

«Например, в постели, пьяной и затраханной до смерти, — вот такое мне по душе».

— А ты что скажешь, арбитр? Как бы ты хотел умереть? — спросила Джеззет.

— Звучит как угроза, Джез. По-хорошему, мне вообще не хотелось бы умирать, но если уж делать выбор... то пусть это будет смерть с бутылкой вина в руке и женщиной на мне.

Джеззет улыбнулась, но заговорил первым Черный Шип:

— Знаешь что, арбитр? Мне начинает нравиться ход твоих мыслей.

— А я когда-нибудь рассказывал вам о том, как переплыл Йорл? — подал голос Шустрый; он стоял прямо на краю обрыва и таращился на бушующие внизу воды.

«Брехун. Никому не под силу переплыть Йорл. Я сама видела, как многие пытались и как они умирали».

— Я был совсем мальчишкой, — продолжал Шустрый, совершенно не заботясь о том, что всем наплевать, — не старше Зеленого.

— Пошел ты, Шустрый!

Зеленый держался в сторонке, с самого Биттерспрингса сохраняя неприязненное, угрюмое молчание.

Каждый раз, открывая рот, он словно напрашивался на драку. Джеззет не знала причины, да ее это и не заботило.

— Я направлялся вниз по реке именно по этой стороне, миновал этот самый мост. Целый месяц шел и за это время раз пять наткнулся на бандитов. Естественно, я их всех убил, но это уже другая история. Когда я добрался до самого истока Йорла, где Белянка и Тойна сливаются вместе, я снял с себя все, кроме подштанников. Мог бы, конечно, и члену дать поплавать вволю, да только не хотелось, чтобы рыба его приняла за приманку...

— Если бы нашла, — подколот Шип.

— Это было бы нетрудно, Черный Шип. Такая здоровенная шгуковина, приделанная к огромным яйцам, — думаю, больше твоего... Нет, твой вряд ли будет хорошим примером. Вот больше члена Зеленого раз в десять точно. Короче, разделся я и сиганул в Йорл. Вокруг жара стояла, а вода холоднющая... Плыл я целую неделю: прыгал с водопадов, как мог, уворачивался от скал, возле которых вода становилась белой от пены... Даже пришлось сразиться с одним из этих проклятых морских змеев. Он был больше Мослака, и зубов у него было немерено, и он был вдвое злее, чем Генри в свои худшие дни.

Зверюга утащила меня вниз, прямо ко дну, и там мы с ней боролись: она — зубами и когтями, а у меня не было ничего, кроме моих рук... и чертовски большого камня, который я подхватил со дна. Им я и проломил твари череп. Хорошо я той ночью пожрал, ничего не скажешь...

Закончилось мое плаванье милях в десяти от этого места вниз по реке, — Шустрый неопределенно махнул рукой по течению Йорла. — Там мне пришлось карабкаться по отвесной скале, прям как эта, но в итоге я выбрался. Девчонки в Биттерспрингсе впечатлились настолько, что сразу впятером прыгнули ко мне в койку.

Закончив, Шустрый игриво подмигнул Джеззет.

— Знаешь, — подал с земли голос Мослак, все еще сидящий рядом с Боссом, — я все ждал, когда же ты начнешь трепать про русалок.

— Русалки... — задумался Шустрый. — Звучит неплохо. Думаю, в моем следующем рассказе вы о них услышите.

Босс попытался встать на ноги и чуть снова не рухнул, но Мослак вовремя подхватил его. Глаза южанина впали, кожа стала липкой от пота, и даже с поддержкой Мослака его все равно шатало из стороны в сторону.

— Проверь мост, Шустрый. Мы за тобой.

Шустрый окинул взглядом мост и повернулся к Джеззет.

— Быть может, я свалюсь и умру. Если так, думай обо мне, когда будешь с охотником на ведьм.

Боковым зрением Джез заметила, как Танкуил залился краской, и одарила Шустрого пустым взглядом:

— Я лучше буду думать о Генри.

Шустрый ухмыльнулся:

— А вот это мысль.

С этими словами он развернулся и зашагал по мосту. При всем своем бахвальстве двигался он медленно, проверяя каждую дощечку, прежде чем перенести на нее свой вес.

Пока Шустрый наконец пересек мост, прошел добрый час. Джеззет едва различала его крошечную фигуру, размахивающую руками на другом берегу. К этому моменту Босс уже с трудом держался на ногах, не говоря уже о том, чтобы идти полмили по раскачивающейся конструкции из деревянных планок, связанных истершейся веревкой. Приказы, судя по всему, он отдавать тоже был не в состоянии.

— Мослак, веди Босса, — велел Шип. — Пойдем по двое: следом за тобой мы с арбитром, затем Генри и Джез. Зеленый, ты идешь последним и следишь за тылами.

— Ты тут не главный! — выплюнул Зеленый.

— Просто делай, что говорят, — сказал Мослак и, напрягшись, поднял Босса на ноги. — Стонать и плакаться будешь на той стороне.

Здоровяк аккуратно поставил ногу на первую планку моста, вздохнул и пошел, поддерживая Босса одной рукой, а другой так вцепившись в веревку, что костяшки пальцев побелели.

У них переход занял еще больше времени, чем у Шустрого. Когда они ступили на твердую землю, солнце уже вовсю жарило в зените. Наступил черед Танкуила и Шипа. Мысль о тени, которую отбрасывал лес на противоположном берегу, казалась Джеззет более чем заманчивой. «Я бы с радостью сама переплыла Йорл, лишь бы прикорнуть под этими деревьями».

— Ты первый, арбитр, — указал на мост Черный Шип.

— Я вот думаю, можно ли поворачиваться к тебе спиной.

— Я не стану тыкать в тебя ножом, не волнуйся. Зато у нас будет время поговорить.

Арбитр кивнул и начал переправу. Торн двинулся следом. Джеззет некоторое время следила за ними, а потом села и стала ждать. Она не могла не заметить, каким взглядом прожигала ее Генри.

Когда настала их очередь, Джез заколебалась. Генри с важным видом прошествовала к мосту, презрительно фыркнула ей в лицо и пошла вперед. Джез дала миниатюрной наемнице фору в двадцать шагов и лишь затем сама ступила на мост. Деревянные доски под

ее ногами ходили ходуном и выглядели какими угодно, только не надежными.

«Хорошо хоть ветерок совсем слабый, иначе был бы полный кошмар».

Она двигалась неспешно: один шаг — одна планка. Ее рука крепко сжимала веревку, не отпуская ни на мгновение. Мост был довольно узким — в ширину метра два от силы — и кое-где недоставало досок. Джеззет посмотрела вниз. «Сколько же людей нашли здесь свою смерть?» Не самая ободряющая мысль. Девушка подумала о том, чтобы закрыть глаза и идти на ощупь, но решила, что так будет только хуже. Стоит не заметить одну-единственную дыру — и все. Проносившийся перед глазами воздух будет последним, что ты увидишь.

«Прекрати, Джез. Не думай об этом. Просто иди вперед. Один шаг, еще один, не торопись, тебя никто не гонит. Не смотри вниз. Доверяй своим ногам. Продолжай идти».

Она уже была на середине пути, как вдруг Генри остановилась и повернулась к ней лицом. Джеззет сразу же заметила оголенные кинжалы в руках женщины. На ее лице застыла гримаса — нечто среднее между злым оскалом и презрительной усмешкой. Всего каких-то пять шагов разделяло ее и Джез.

— Достаточно далеко, шлюха, — крикнула Генри сквозь рев бурлящего в сотнях футов внизу Йорла; ее голос звучал выше обычного, невооруженным глазом было видно, что она напряжена до предела.

— Что ты делаешь, Генри? Здесь не место для разборок, — так же громко отозвалась Джеззет.

— А что такое? Высоты боишься?

«Ну да, если уж на то пошло. Хотя Йорла я боюсь больше, чокнутая ты сука».

— Будем драться здесь — погибнем обе.

Генри рассмеялась, но звук едва долетал до Джеззет. Рев воды под их ногами заглушал его, равно как и громopodobный стук сердца в ушах.

— Выбирай: ты либо дерешься, либо разворачиваешься и уходишь!

Джеззет не строила иллюзий. Если она повернет назад, Генри просто обрубит мост сразу же, как доберется до той стороны. Быть может, так даже лучше. Она сразу станет свободна от общества сумасшедшей стервы, от всей банды и от совершенно безумной работы, в которую они все оказались втянуты.

«Свободна от арбитра?»

Ее правая рука не отпустила веревку, тогда как в левой оказался меч. Джез даже не заметила, как обнажила оружие, но зато прекрасно чувствовала дрожь в руке. «И почему меня всегда трясет перед боем?»

Генри двинулась на нее, сверкая глазами и кинжалами. Сначала слева, потом справа. Джеззет отразила первый выпад и заблокировала второй, отступая куда быстрее, чем шла вперед.

«Стоит подпустить ее поближе, и мне конец».

Джез парировала еще один размашистый удар и ответила своим, за которым сразу же последовал выпад и снова взмах. Ее меч едва не задевал веревку, которая удерживала всю конструкцию на весу. Теперь уже Генри пришлось сдать назад. От их драки мост расшатался настолько, что ее это взволновало.

Внезапно хлестнул порыв ветра, и Джеззет налетела на веревку, одновременно еще сильнее сжав правую руку. Костяшки пальцев на ней побелели словно мел. Генри взвизгнула и чуть не полетела вниз. Один кинжал выпал, когда она схватилась за веревку. Джеззет проследила глазами, как короткий металлический клинок исчез в бурлящей воде.

Издав зверский рев, Генри снова бросилась вперед, целясь оставшимся кинжалом ей в грудь.

Отведя ее оружие своим собственным, Джек крутанула запястье и двинула локтем в лицо Генри. Стерва вскрикнула от боли и отшатнулась, не выпуская из руки веревку. Джек же, наоборот, отпустила спасительную пеньку, подскочила к Генри слева и с силой толкнула ее плечом.

Взвизгнув, словно маленькая девочка, Генри налетела на веревочное ограждение и перевалилась через него. Мир перед глазами Джек опасно повело, когда мост резко вздрогнул и накренился.

«Веревка лопнула!» — подумала она, и в глазах у нее потемнело.

Когда зрение прояснилось, а мост вернулся к привычному раскачиванию, Джек попыталась успокоить дыхание.

На дальнем берегу она увидела Шипа — он размахивал трехпалой рукой и кричал что-то, но девушка не слышала его слов. С другой стороны на мост ступил Зеленый и теперь черепашим шагом двигался по нему. Вокруг по-прежнему ревел Йорл. «Интересно, как он умудряется звучать отовсюду? Ладно снизу, но сверху?» Но было и кое-что еще — тонкий жалобный скулеж, почти переходящий в плач.

Джек собралась с духом и посмотрела вниз. Там за деревянную планку моста цеплялись, словно за саму жизнь, четыре маленьких розовых пальца. Девушка перешла на правую сторону моста и перегнулась через ограждение.

Генри висела на одной руке, а ее тело нещадно раскачивал ветер. Слезы ручьем текли по ее щекам и срывались вниз. Ее глаза превратились в два блюдца, и во взгляде не осталось злобы — лишь страх и мольба.

— Пожалуйста, — пискнула Генри.

Меч Мастера Клинка все еще оттягивал левую руку. А ведь все так просто: один удар по пальцам этой сучки — и она полетит прямиком в ждущие объятия Йорла, а Джек сможет спокойнее спать по ночам, зная, что вряд ли проснется с кинжалом в горле.

Джек взглянула на все еще машущего Шипа, на Зеленого, шаг за шагом пересекающего мост, и на Генри, висящую на одной руке. А затем вложила меч в ножны и двинулась к дальнему концу моста. Ее рука по-прежнему сжимала веревку, но страх упасть уже развеялся — Джек слишком устала, чтобы бояться.

Когда она наконец ступила на твердую землю, адреналин уже отхлынул, и Джек охватила дрожь. Она зашаталась и чуть не упала, но Танкуил вовремя оказался рядом. Он схватил ее за руку и помог устоять. В любой другой ситуации Джек отдернула бы руку и позаботилась бы о себе сама, но сейчас она не была уверена даже в том, что сможет держаться на ногах, и мысленно поблагодарила арбитра.

— Что за ерунду вы там устроили? — потребовал объяснений Черный Шип.

«Твоя долбанутая на всю голову спутница попыталась меня убить, и тебе стоило бы сказать мне спасибо за то, что я не прикончила ее за это».

— Ее спроси, — махнув рукой в сторону моста, ответила Джек. Зеленый уже добрался до Генри, вытянул и теперь чуть ли не волок ее, полубесчувственную, к остальным.

Танкуил помог Джек доковылять до тени от гигантского дерева и аккуратно опустил ее на землю.

— Спасибо, — из последних сил выдавила она из себя улыбку и уже была готова закрыть глаза и немного вздремнуть, как вдруг заметила мужчину верхом на лошади,

возникшего невесть откуда.

Босс лежал на земле, судя по всему, без сознания. Мослак сидел рядом с ним и, казалось, вообще забыл, что такое сон. Шустрый куда-то пропал, Бетрим стоял у моста, а всадник следил за всеми.

— Кто это? — спросила девушка у Танкуила.

— Торговец. Везет пряности в Биттерспрингс.

— Один?

— Похоже на то.

Джеззет не поверила. Только идиоты путешествуют по Диким Землям в одиночку. «Значит, меня тоже можно считать идиоткой». У мужчины были седые волосы и длинная седая борода, и держался он прямо, как столб. Одет он был в старую запятнанную ездовую кожаную одежду, а на каменном лице застыло хмурое выражение. Его лошадь, чья шерсть имела цвет засохшей грязи, похоже, тоже немало пожила на свете. Хорошо откормленная, она тем не менее выглядела уставшей.

— Я немножко посплю, — услышала Джеззет собственное бормотание.

Танкуил хорошенько встряхнул ее, не давая провалиться в забытие.

— Не сейчас, Джез, — прошептал он. — Мне нужно, чтобы ты проверила рану Босса. Проверила и сказала мне, будет ли он жить.

— Он хорошо держится, — с пустой улыбкой ответила она. — Это добрый знак.

— Джез, Черный Шип считает, что Босс не выживет, а сам он не сможет командовать этой бандой. Если Босс умрет... Мне нужна их помощь, Джез.

«Ладно, посмотреть не повредит».

Джеззет кивнула, но одновременно почувствовала, что глаза ее закрываются сами собой. И вдруг все прошло. Дремота, овладевавшая ей, исчезла, зрение прояснилось, из головы выветрился туман. Арбитр держал ее левую руку в своей, и девушка ощутила, как покалывает кожу там, где он к ней прикоснулся. Танкуил обернул вокруг ее запястья тонкую полоску бумаги.

— Что?..

— Это оберег. Сил он тебе не придаст, но зато будет держать в сознании все время, пока ты его носишь. Пожалуйста, просто проверь рану Босса, а после этого можешь спать, сколько захочешь. Я присмотрю за тобой.

Джеззет подняла к глазам руку и посмотрела на бумажный оберег. «А он прав насчет сил. Усталость никуда не делась».

Танкуил помог ей подняться на ноги, и она, на мгновение прильнув к нему, неуклюже двинулась к Боссу. Здоровенный южанин лежал на спине с закрытыми глазами и прерывисто дышал. Джеззет махнула Мослаку.

— Сними с него сорочку и переверни его. — Мослак замер в нерешительности. — Мне нужно осмотреть его рану.

Гигант даже не стал утруждать себя подъемом на ноги, а просто подполз к Боссу и сделал все, что просила Джеззет.

Мастер Клинка вынула из-за пояса свой кинжал и срезала им бинты. В нос сразу ударил запах гниющей, отмирающей плоти. Рана воспалилась и истекала желтым гноем.

— О черт, выглядит паршиво, — сказал Мослак.

Джеззет взглянула на Танкуила и легким кивком позвала его. С ним явился и Черный Шип. Он долго не сводил глаз с раны, а потом отошел в сторону, и арбитр последовал за

ним. Они остановились чуть вдалеке, чтобы никто не мог их услышать, и принялись о чем-то перешептываться.

«И когда это они расхотели убивать друг друга?»

Закончив разговор, Танкуил подошел к своему мешку, тогда как Шип вернулся на пост у моста. Генри и Зеленый уже почти перебрались, хоть и двигались очень медленно.

— Режь остальные бинты, — указал Танкуил, вынимая из мешка небольшую чернильницу и полоску бумаги. Джебзет не стала спорить. — Очисти рану так хорошо, как только сможешь, и будь готова снова замотать ее.

Джебзет отдала кинжал Мослаку, а сама с трудом поднялась. Ее собственный мешок, где она держала бинты, лежал рядом с мешком Танкуила. Сам арбитр был занят тем, что рисовал на бумаге какой-то символ, и от напряжения капли пота проступили у него на лбу.

— Это спасет его? — спросила Мастер Клинка.

Даркхарт дорисовал второй символ. От внимания Джебзет не ускользнула его одышка. Арбитр убрал чернильницу и посмотрел девушке в глаза.

— Это не даст ему умереть, — прошептал он так тихо, чтобы сквозь рев Йорла только она одна могла его услышать.

Джебзет принялась обрабатывать рану Босса, а Танкуил обратился к старому торговцу, по-прежнему наблюдавшему за ними:

— Нам нужна твоя лошадь.

— Она не продается, — отозвался старик, держа руку у маленького кинжала на поясе.

— А никто и не говорит, что мы будем покупать, — возник из-за деревьев Шустрый с привычной ухмылкой на лице, которая тут же исчезла, стоило ему глянуть на рану Босса. — Вот дерьмо.

Даркхарт бросил торговцу небольшой кошелек.

— Двадцать золотых. Это в двадцать раз больше того, сколько она на самом деле стоит.

«И сколько у него этих мешочков с золотом?»

— А что с моими товарами? Сам я их тащить не смогу.

— Забирай золото, оставляй нам лошадь с седлом, уноси своего добра столько, сколько сможешь, и считай, что тебе очень повезло, — положил конец препирательствам Черный Шип. — Поверь, я бы с радостью оставил себе и золото, и лошадь, а тебя бросил бы истекать кровью.

Джебзет плеснула на рану Босса вином. Южанин застонал, но не очнулся, не пошевелился. «Плохо, очень плохо. Он едва жив».

Когда она закончила, Танкуил присел на корточки рядом с девушкой, держа в руках полоску бумаги. Он поместил ее на рану, и оберег мгновенно пристал к коже. Удивленная Джебзет посмотрела на полоску на своем запястье.

— Их можно снять в любое время. Разве что будет немного жечь, — сказал арбитр, угадав ход ее мыслей.

— Что ты творишь с ним? — спросила Генри, без сил опустившись на колени в нескольких шагах от обрыва; Зеленый же в одиночестве двинулся к деревьям.

— Спасая ему жизнь, — солгал арбитр, хотя Джебзет и сомневалась, что Генри в ее состоянии попытается остановить их, даже скажи они ей, что испарывают Боссу брюхо, — женщина едва удерживала себя в сознании и дрожала даже сильнее Джебзет.

— Советую убраться отсюда до заката, — окликнул их старый торговец, ступая на мост. — По ночам здесь ошиваются неприятные личности.

— Вряд ли они будут намного неприятнее нас, старик, — отозвался Шустрый.

Торговец в ответ лишь пожал плечами и пошел своей дорогой.

Танкуил дождался, пока Джеззет закончит бинтовать южанина, а затем взял Босса под руку и поднял его на ноги, одновременно что-то нашептывая себе под нос.

— Мослак, помоги мне положить его на лошадь.

Гигант подчинился. На то, чтобы вскинуть Босса на спину животного и привязать его мотком веревки, у них ушло немало времени и сил.

— Что теперь? — спросил здоровяк.

Черный Шип взялся за поводья.

— Отправляемся в Хостград, как и планировал Босс. Когда мы доберемся туда, ему станет лучше. Я прав?

— Конечно, — сказал Танкуил.

Снова они двинулись в путь: впереди Шустрый с Зеленым, за ними Шип с лошадью, затем Мослак, несущий полубесчувственную Генри. Джеззет замыкала шествие, опираясь на руку арбитра.

— Ты обещал мне сон, — спустя некоторое время заметила она; улыбка промелькнула на ее губах, но сил удержать ее у девушки не хватило.

— Можешь спать, — ответил Танкуил. — Запрыгивай на спину, я тебя понесу.

Она засмеялась, но и тут ее надолго не хватило.

— Сколько он продержится?

Арбитр тяжело вздохнул.

— Недели три. В лучшем случае — месяц.

— А что будет потом?

— Оберег силен, но он не исцеляет. Он нужен для того, чтобы остановить распространение инфекции или ухудшение состояния ран до того, как пострадавшего доставят к настоящему лекарю.

— То есть когда магия выдохнется...

— Он умрет.

В этот момент Джеззет как никогда ясно поняла, что арбитр ради достижения собственной цели без колебаний пожертвует кем угодно. Даже ею.

Задолго до того, как на горизонте показались стены Хостграда, их группа очутилась в фермерских угодьях, на лиги простирившихся вокруг столицы провинции. Где-то растили пшеницу, где-то кукурузу, а кто-то засеивал поля странными коричневыми клубнями, которые при сборе урожая приходилось выкапывать из земли. В изобилии здесь взращивали и различные фрукты: где-то зеленые, где-то оранжевые, где-то желтые и длинные, а где-то круглые и красные. Сердце провинции Х'оста славилось своими угодьями. Много лет назад здесь выжигали леса, чтобы освободить место под посевы, а от великих стад их защищал Йорл. Частые грозы прекрасно увлажняли землю, а в периоды засухи люди выкапывали глубокие колодцы, куда вода поступала из подземных рукавов Йорла.

Хостград был известен на весь мир своими виноградниками, одними из лучших в Диких Землях. Здешнее вино любили за его богатый сладкий вкус и аромат. Танкуил когда-то пробовал хостградское красное и с удивлением обнаружил, что простое дешевое вино пьянит ничуть не хуже. А если нет разницы, то стоит ли платить больше?

Сам по себе Хостград был намного меньше Чада. Подобно всем прочим городам, местечкам, деревням и фортам в Диких Землях, он был обнесен высокими каменными стенами, на которых несли стражу солдаты в форме цветов дома Х'оста — зеленого и красного.

Где-то за полмили до черты города Танкуил увидел множество разукрашенных палаток, рядами протянувшихся до самых стен, столбы дыма от сотен костров и отряды разведчиков, выезжающие из лагеря и возвращающиеся обратно, — верные признаки ставшей на постой армии.

— Полно народа, — чуть ли не шепотом произнес Мослак — чем ближе банда подходила к Хостграду, тем более молчаливыми и хмурыми становились ее члены.

— Причем здесь не только мужчины, но и женщины, — отметила Джеззет. — Ветераны-наемники: Ангельские Клинки — старый отряд Катерины и Констанции, Золотые Шлемы с дальнего юга и Красная Бригада с севера, из Рыжего леса. Другие тоже. Х'ос собрал их всех здесь и превратил из наемников в солдат, свою личную армию. Его провинция густо населена, и всегда найдутся люди, желающие заработать на своем умении махать мечом.

— Сколько их? — спросил Босс со своей лошади.

Южанин понемногу приходил в себя и набирался сил, но все еще был слаб. Каждый день он шел на своих двоих столько, сколько мог, а остаток пути покрывал верхом. Даже говорить ему было тяжело. Танкуил мог лишь надеяться, что Босс протянет еще несколько дней.

Джеззет сплюнула:

— Когда я сбе... меня схватили, армия насчитывала порядка восемнадцати тысяч человек. Теперь, судя по всему, больше. Намного больше.

— Восемнадцать тысяч... — встрял Черный Шип. — Звучит внушительно. Что он собирается с ними всеми делать?

Джеззет засмеялась:

— Он хочет покорить Дикие Земли. Хочет вернуть старую империю, как во времена правления Доро, еще до того, как его сыновья разделили власть между девятью

чистокровными семьями. Он хочет быть королем.

— Прольются реки крови, прежде чем Х'оста признают королем, — сказал Шустрый, даже он в последнее время улыбался меньше обычного.

— В том-то и дело. Никто не станет собирать армию без намерений ее использовать.

— Армия нас не заботит. Куда опаснее те, кто внутри города, — вмешался Танкуил.

— Поверь, арбитр, их там будет полно, — бросил Шустрый и, поникнув, замолчал.

Даркхарта не волновало, сколько человек будет в городе, — его интересовал только один. Грегор Х'ост, глава семьи. У него есть ответы, необходимые арбитру... у него должны быть ответы. Танкуил пересек Море Несчастий и добрую половину Диких Земель, чтобы допросить Х'оста и узнать, что тому известно об изменнике в стане Инквизиции. Но что, если все напрасно?

Вопрос этот давно уже тяготил арбитра. Что, если Х'ост ничего не знает? Что, если бог-император Сарта отправил его гоняться за призраками? Танкуил заручился поддержкой самого опасного отряда наемников из когда-либо ему встречавшихся в обмен на обещание, что после допроса он убьет Х'оста. Но что, если он невиновен? Впрочем, Даркхарта и так уже обвиняли в смерти двух из четырех членов правящего Совета Чада, так почему бы не добавить к этому убийство главы богатейшей семьи Диких Земель?

Танкуил уже почти смирился со своей судьбой. Если он не сумеет предоставить Инквизиции никаких доказательств измены, то в лучшем случае его лишат статуса странствующего арбитра. Несомненно, отправят в какое-нибудь захолустье, где ему до конца дней предстоит объяснять невежественному сброду, что какая-нибудь беззубая старая карга вовсе не ведьма и что она не проклинала их урожай. Ну а в худшем случае... Что ж, Танкуил прекрасно знал, насколько беспощадными могут быть инквизиторы.

Истина заключалась в том, что бог-император выбрал его для этого задания потому, что он был расходным материалом, и никогда прежде Танкуил не ощущал этого так остро. Он лишь надеялся, что его спутники не догадываются, что их жизни не стоят и ломаного гроша.

Из города в их сторону выдвинулась группа из десяти конных солдат. Все они были вооружены длинными копьями, длинными мечами и тяжелыми деревянными щитами. Каждый был облачен в округлую металлическую кирасу поверх поддоспешника из вываренной кожи и носил на голове высокий шлем.

— С чем пожаловали? — бросил солдат с горбатым носом, массивным лбом и каштановой седеющей бородой.

— Не ваше дело, — сердито ответила Генри.

С того момента, как Джеззет оставила ее висеть над бушующим Йорлом, женщина стала молчаливее, но куда как злее.

— Лучше бы вам заткнуть вашу спутницу, иначе я сам это сделаю. — Солдат, как оказалось, мог изобразить злобный оскал не хуже Генри.

— Просто ищем, где бы остановиться на пару дней, — изнуренным голосом сказал Босс. — Хотим пополнить припасы и двинуться дальше своей дорогой.

Солдат уставился на Босса.

— Выглядишь паршиво. Ты болен?

Сидя в седле, Босс выпрямился как смог. Получилось не очень.

— Посмотрел бы я на тебя, получи ты стрелу в спину. Просто рана, ничего больше.

— Бандиты у Йорла?

— Вот видишь, сам все знаешь.

— Остановитесь в «Оперившемся дурне» и спросите старого Бернарда о лекаре. Он скажет, куда вам идти, — буркнул солдат.

Босс кивнул:

— Думаю, так мы и сделаем.

После этого солдаты развернули коней и рысью пустились обратно к городу. Банда неспешно последовала за ними.

— Полагаю, у них тут не так много гостей, — сказал Мослак.

— Много, еще больше и еще чуточку сверху, — отозвалась Джеззет. — Х'ост, конечно, безумец и пьяница, но не дурак. Свою территорию он стережет хорошо. В Хостграде никто никогда не разбойничал, и он ни за что не допустит, чтобы это произошло.

— Идем в «Оперившегося дурня», Босс? — спросил Шип.

— Да.

На мгновение повисло молчание.

— Мне найти место поближе к воротам? На всякий случай? — поинтересовался Мослак.

— Да.

— Хорошо.

— Да.

Босс поник в седле, веки его напоззли на глаза. Было уже поздно, а утренняя ходьба вымотала его. Или оберег терял силу. Если так, то Танкуилу останется надеяться лишь на то, что Черный Шип сумеет удержать банду вместе, чтобы закончить дело.

За стенами Хостграда кипела жизнь. Пустые повозки покидали город, полные прибывали. Под пристальными взглядами надсмотрщиков туда-сюда носились рабы, и стоило кому-нибудь из них сбиться, как в воздухе сию же секунду шелкал хлыст. Люди собирались у харчевен в надежде разжиться миской тушеного мяса и ломтем хлеба, прежде чем возвращаться к работе в поле.

— Время урожая, — сказала Джеззет. — Весь город трудится.

Их группа остановилась лишь один раз, чтобы спросить у солдат путь к «Оперившемуся дурню». Воинов повсюду хватало с избытком, словно добрая половина армии Х'оста находилась внутри стен, и каждый внимательно следил за Танкуилом и его спутниками.

Хозяин трактира — жизнерадостный краснолицый толстяк аж с тремя подбородками — обрадовался, увидев их. У него были крошечные, словно бусинки, близко посаженные глазки и большой нос картошкой, а каштановые волосы он собрал в конский хвост. Выглядел трактирщик довольно нелепо, но при этом, провожая их к столу, он задорно улыбался.

— Вы же будете есть, да?

— Да, — сказал Босс, опустившись на стул и вздрогнув. — Нам нужны комнаты. Две.

— Наши комнаты рассчитаны только на двух человек, а вас восемь.

Босс молчал, поэтому Шип ответил за него:

— Нам хватит. Принеси нам чего-нибудь поесть да выпить.

— Эль?

— Да, подойдет.

— Каков план, Босс? — спросил Шустрый.

Босс поднял веки и окинул взглядом зал. Танкуил заметил, что кожа вокруг глаз у него пожелтела, — дурной знак.

— Сегодня мы останемся здесь, а утром отправимся навестить Х'оста. У арбитра есть

план.

Вся группа, включая Джеззет, уставилась на Танкуила. Он улыбнулся, но подождал, пока трактирщик принесет эль, — под выпивку его план звучал лучше.

— Х'ост будет в своем поместье.

— Своей крепости, — поправила Джеззет.

— Мы пойдем прямо к главным воротам, где я потребую аудиенции. Вряд ли он решится отказать арбитру. Оказавшись внутри, вы отвлекете на себя гарнизон, пока я допрошу хозяина.

Над столом повисла тишина. Все члены группы таращились на Танкуила. Кто-то даже забыл о кружках с элем, застывших на полпути ко ртам. Молчание нарушил Шустрый:

— Ты же раньше ничего подобного не делал, правда?

Черный Шип покачал головой:

— Твой план — самоубийство.

Даже от Джеззет помощи не было:

— Полагаю, нам стоит пару дней все хорошенько обмозговать. Может, придумаем что-нибудь получше.

— Что-нибудь чуть менее безумное, — сердито вставила Генри.

Только Зеленый лыбился от уха до уха.

— А мне нравится.

— Закрой пасть, Зеленый! — рыкнул Шип. — Босс?

Южанин поднял усталые глаза.

— Придется потрудиться.

— Лучше идти ночью, — предложил Шустрый, — под покровом темноты. Перелезем через стену, ворвемся внутрь, найдем нужную комнату и перережем мерзавцу глотку.

— Насколько там высокие стены?

— Если мне не изменяет память, под сотню футов, — сказала Джеззет.

— Для меня это раз плюнуть, — ухмыльнулся Шустрый. — Я вам когда-нибудь рассказывал о том, как...

— Незаметно? Там же патрули и сверху, и снизу, — снова покачал головой Шип. — Как насчет туннелей? Канализации, как в Чаде?

— О боги, пожалуйста, только не канализация! — взмолилась Джеззет.

— Пусть будет как вариант, — пошел на компромисс Шип.

— Он должен иногда покидать свой форт, — предположил Мослак.

Теперь все взгляды устремились к Джеззет.

— Когда его армией командовала Катерина, он обычно устраивал обход лагеря раз в неделю. Но теперь во главе стоит Констанция, так что... Ничего не могу сказать.

Танкуил вздохнул.

— Мне нужно допросить этого человека.

— А нам нужно убить его, — зашипел Шустрый.

— Оставьте меня с ним наедине, и я сделаю и то, и то.

— Что вообще от него нужно Инквизиции? — спросил Черный Шип.

Танкуил прикусил язык, дабы ненароком не сболтнуть банде головорезов, что среди инквизиторов, возможно, завелся предатель.

— Как насчет яда? — продолжал перебирать варианты Мослак. — Ты говорила, он любитель выпить.

Спор продолжался еще почти час. Шустрый божился, что сумеет с тысячи ярдов всадить стрелу Х'осту в глаз, хоть все и знали, что это ложь. Мослак предложил прикинуться трупной артистов и под таким видом проникнуть в крепость. Генри поначалу настаивала на том, чтобы вообще послать всю работу к чертям собачьим, но заткнулась, когда Зеленый напомнил всем о баснословной награде. Танкуил предпочитал держаться в сторонке, слушать и молиться, чтобы Босс оклемался, прекратил все эти препирательства и выдал собственный план. Тогда, на равнинах, во время их беседы наедине южанин утверждал, что хорош в составлении планов, что сможет найти способ проникнуть в крепость, а затем смыться, не привлекая ненужного внимания. Но сейчас Босс выглядел совсем отрешенным и неспособным вести осмысленный разговор.

Конец спору положили два десятка солдат, ввалившихся в трактир. Они быстро рассредоточились по всему залу, но ни один не присел. Черный Шип зашипел на товарищей, чтобы те заткнулись.

— Арбитр Даркхарт? — спросил солдат с капитанским значком на руке.

Банда разом затихла.

— Да, — ответил Танкуил слегка охрипшим голосом.

— Лорд Х'ост желает с тобой поговорить.

Двадцать или около того солдат, все хорошо вооружены и, судя по всему, не новички в своем деле. Танкуил засомневался, что, если пойдет потеха, он сумеет выбраться отсюда живым — даже с поддержкой всей банды.

— А как быть нам? — спросил Зеленый.

Мослак за это вlepил ему затрещину.

— Вы все идете с нами.

Босс зашевелился на стуле, словно только сейчас увидев солдат. Его голос был слабым, тихим, больным.

— Что происходит?

— Я не могу об этом говорить.

— Нам нужно сдать оружие? — снова спросил Зеленый, и опять гигант врезал ему по голове.

Капитан улыбнулся:

— В этом нет необходимости. Лорд хочет просто поговорить.

Танкуил встал из-за стола первым, за ним последовала Джеззет, а затем и вся группа. Боссу помог подняться Мослак. Все старались держать руки подальше от оружия. Только драки здесь не хватало.

Снаружи их ждал еще один отряд солдат, что доводило численность эскорта до сорока человек — похоже, лорд Х'ост не любил мелочиться. Капитан приказал Танкуилу и его спутникам следовать за ним, тогда как остальные выстроились вокруг банды. Если бы даже арбитр, Джеззет и головорезы Босса захотели вырваться, против такого числа врагов у них не было ни единого шанса.

Черный Шип, шагая рядом с Танкуилом, на ходу прошептал:

— Они знают твое имя, арбитр. Не думаю, что это хорошо.

— Главное, чтобы оно позволило мне оказаться лицом к лицу с Х'остом, — шепнул в ответ Танкуил.

— Ну да.

Солнце неспешно опускалось за стены города. Они брели по улицам, и люди неизменно

останавливались поглазеть на странную процессию. Естественно, сбегались и дети, причем некоторые вели себя смелее многих взрослых — они пристраивались маршировать рядом с солдатами, подражая им, или скакали вокруг, без остановки молотя языками: «Что они сделали?», «Их что, повесят?», «А можно посмотреть?».

Единственным членом группы, которого все это, похоже, нисколько не напрягало, был Босс. Впрочем, напомнил себе Танкуил, вряд ли человек, выглядящий не лучше мертвеца, едва волочащий ноги и держащийся за плечо Мослака, способен на какие-то яркие проявления эмоций.

— Капитан, — позвала Джеззет. — Скажи, Констанция вернулась в город?

Капитан повернулся к девушке и одарил ее свирепой ухмылкой:

— Мертвоглазая вернулась три дня назад.

После этого Джеззет умолкла и погрузилась в раздумья. Вскоре они добрались до крепости Х'оста в центре города. Непрístupные серые стены вырастали из земли вокруг него, и Танкуил подумал, что Джеззет должно быть стыдно за ее слова о сотне футов. Он видел лица, глядящие на них с высоких укреплений и из бойниц круглых башен по обе стороны от ворот. Тяжелая металлическая решетка сейчас была поднята, а массивные, обитые железом деревянные створки открыты, чтобы позволить людям войти.

Внутри они оказались в огромном дворе, где с легкостью уместилась бы и тысяча солдат, не то что жалкие сорок человек эскорта. На переднем плане возвышался особняк Х'оста. Кому-то он мог показаться величественным, но после имения лорда Зхо в Чаде и императорского дворца в Сарте Танкуил счел его неприметным и безликим. От главы самого могущественного чистокровного семейства в Диких Землях он ожидал большего.

Капитан повернулся к Танкуилу:

— Пожалуйста, следуй за мной. — По голосу было понятно, что с этого момента он будет сопровождать арбитра в одиночестве.

Даркхарт помедлил.

— Конечно. Джеззет, пошли.

Капитан сощурился:

— Остальные твои люди останутся здесь. Пусть они наслаждаются гостеприимством наших казарм. У нас есть еда и эль.

— Два моих любимых слова, — сказал Шустрый, но без обычной ухмылки. — Сюда бы еще пару шлюшек, и я бы тебя расцеловал.

Капитан смерил Шустрого взглядом, а затем фыркнул, развернулся и двинулся в сторону особняка. Черный Шип поймал Танкуила за руку и, притянув его к себе, прошептал на ухо:

— Делай свое дело, арбитр. А мы сделаем свое.

Даркхарт коротко кивнул и последовал за капитаном. Джеззет шла на шаг позади него.

Старый сержант с длинными седыми волосами, путавшимися в короткой бороде, пропустил их в обеденный зал казарм. Внутри группами сидели солдаты: ели, пили, травили байки, смеялись, делали ставки и играли в различные азартные игры. Некоторые подняли глаза и смерили вошедших подозрительными взглядами, но большинство даже не пошевелились и не оторвались от своих занятий. Черный Шип убеждал себя, что это к добру, — под воздействием алкоголя солдаты хоть и становятся более буйными, но в драке мало на что способны. Правда, соотношение «шесть против шестидесяти» никак не внушало ему уверенности, будь даже эти шестьдесят вусмерть пьяными.

Сержант махнул в сторону свободного стола и проследил, чтобы все заняли свои места. Босс, едва коснувшись задницей скамьи, тут же обмяк, и глаза его захлопнулись.

— Паршиво выглядит ваш южанин, — буркнул старый седой сержант; у него были хорошие зубы, белые и без дырок, разве что двух клыков не хватало.

— Стрела попала... в спину, — попытался объяснить Босс, но слова превратились в невнятный хрип.

— Бандиты?

— Сейчас их много развелось вдоль Йорла, хоть вы и стоите лагерем совсем неподалеку, — вставил Шустрый. — Сколько ты работаешь на Х'оста, старик?

— Почти четыре года. Раньше служил в Сыновьях Солнца, свободном отряде из Тороса. Нас было немного, под три сотни в лучшие годы, но лорд Х'ост купил нас и сказал, что если мы присоединимся к нему, то получим дом в Хостграде и больше никогда не будем знать проблем с деньгами. Капитан Барт ответил ему, что лучше быть свободными людьми, чем солдатами, а на следующее утро не проснулся. С тех пор мы и работаем на лорда Х'оста.

— Ты, судя по всему, повидал немало битв.

Старый ветеран звучно рассмеялся.

— Не то слово. Мне битв на десять жизней хватит. Каким-то чудом удавалось выбираться из них с головой на плечах. Хвала богам.

— Каким богам? — спросил Бетрим.

— Любым, которым до нас есть дело, парень. Еды у нас здесь полно, а эля себе найдете сами. Скоро начнется праздник урожая, и лорд Х'ост выкатит дармовую выпивку.

Седовласый сержант отошел в сторону поговорить с другими солдатами и вскоре уселся за стол, потягивая из кружки. Самое время было Боссу напомнить всем сохранять бдительность и не напиваться, но он, похоже, вообще был не в состоянии говорить. Бетрим решил, что пора взять дело в свои руки.

— По кружке эля, не больше. Напиваться не стоит. Арбитру может потребоваться отвлекающий маневр, — прошептал он.

Генри фыркнула.

— Сдается мне, мы в полной заднице, Шип. Оглядишься, — зашипела она. — Нас окружают солдаты Х'оста. Арбитр и его шляха пропали, а Босс... Короче, я за то, чтобы плюнуть на все и валить отсюда куда подальше.

Торн в душе не мог с ней не согласиться.

— Нет, — сквозь сжатые зубы процедил Босс. — Держимся плана.

— Какого плана?!

Это, похоже, сбило Босса с толку.

— Плана арбитра. Он сделает то, что должен, и миллион у нас в кармане.

Бетрим понятия не имел, сколько это — «миллион», но звучало внушительно. Достаточно внушительно, чтобы рискнуть жизнью.

Все это время одна мысль не давала Торну покоя. Что-то в этом зале казалось ему неправильным. Он осмотрелся, по очереди задержав взгляд на каждом столе, пригляделся, как солдаты пьют и смеются. Слишком уж здесь... тихо.

Бетрим пробыл наемником добрую половину своей жизни и хорошо уяснил одну вещь: если собрать группу мужчин и сдобрить все элем, шумного балагана не избежать. Здесь же была куча народу и бесплатная выпивка, но стояла хмурая, мрачная атмосфера. Солдаты прикладывались к своим кружкам и разговаривали тихими голосами. Все были облачены в доспехи и вооружены. А затем взгляд Торна остановился на капитане. Черный Шип не заметил, когда тот оставил арбитра и вернулся, но теперь он стоял у входа в обеденный зал и следил за отрядом наемников ледяными глазами.

Бетрим уже хотел было предупредить товарищей, когда к их столу подошел гигант с короткими черными волосами и сплюснутой зверской рожей — с мощным лбом, бугристым носом и румянцем на щеках. Он остановился, скрестив руки на груди поверх кожаного дублета.

— Встань, дай-ка тебя получше рассмотреть, — гаркнул здоровяк Мослаку.

Тот отодвинул стул и поднялся из-за стола. Даже ссутулившись, он поравнялся с гигантом в росте. Торн прикинул, что, выпрямившись, любитель трофейных костей оказался бы дюйма на четыре выше розовощекого верзилы.

— Копье мне в задницу, парни, а вы правы, он и впрямь больше меня! — повернулся и заорал через весь зал гигант. — Чертовски больше!

Мослак смутился, но солдат на это, похоже, не обратил внимания.

— Никогда не встречал никого даже ростом с меня, — продолжал он, — не говоря уже, чтоб больше. Твой папаша, наверное, медведь. Хах!

Здоровяк расхохотался, и несколько ближайших столов подхватили его веселье. Однако Мослак не был дураком, каким его многие ошибочно считали.

— Моя мамаша, конечно, была чудной, но под медведей не ложилась.

Улыбка мгновенно сошла с лица розовощекого.

— Эй, парень, я просто пошутил. Как насчет дружеского соревнования?

— На руках?

— Э нет, я говорю о настоящем испытании силы. Старое доброе перетягивание каната. Два человека, десять футов веревки и линия посередине. Первый, кто ступит на линию, проиграл.

— В чем резон? — спросил Мослак.

— Узнаем, кто из нас сильнее.

Мослак пожал плечами:

— Мне как-то все равно.

Босс, собравшись с силами, поднялся на ноги. Ему пришлось упираться обеими руками в стол, чтобы стоять ровно.

— Похоже, нам всем неплохо было бы *отвлечься*.

Мослак кивнул:

— Ага, тогда ладно.

— Хорошо, — пробасил розовощекий гигант. — Твои парни могут тебя подбодрить. Твоя леди тоже.

Генри фыркнула и сплюнула на пол. Впервые в жизни кто-то назвал ее «леди», и ей, похоже, это совсем не понравилось.

Не прошло и пары минут, как все вывалились наружу, и Бетрим сразу заметил перемены. Прежде двор был практически пустым, если не считать нескольких слоняющихся без дела солдат. Теперь он тоже был пустым, только вот те самые солдаты как один нацелили на наемников свои арбалеты. Довольно явная перемена и далеко не самая приятная.

— Кажется, нас кто-то продал, — сказал Шустрый; его голос, низкий и грозный, походил на волчий рык.

Капитан с ледяными глазами вышел следом.

— Заберите их оружие, — приказал он своим людям.

Никто не стал сопротивляться. Солдаты забрали все.

Они даже охлопали одежду Бетрима и достали из плаща спрятанные кинжалы — если не все, то большую часть точно. После разоружения капитан встал перед наемниками. Его лицо словно превратилось в холодную, высеченную из камня маску. Босс пошатывался слева от Торна, Генри вот-вот готова была взорваться справа.

— Кто из вас Черный Шип? — тихим голосом спросил капитан.

Прежде чем Бетрим успел ответить, вперед шагнул Зеленый.

— Вот этот, — ткнул парень пальцем в Торна.

— Хорошо, — протянул капитан. — Его мы отправим обратно в Чад. Остальных повесят здесь, как только лорд отдаст приказ.

— Когда я получу свою награду? — требовательно перебил Зеленый.

— Так это ты нас продал?! — уточнил Мослак.

— Отправил весточку из Биттерспрингса. Пришлось отдать последнюю монету за почтового голубя, но как всегда твердил Шип: «В этой игре люди долго не живут».

— Вообще-то, в игре долго не *живут мальчишки вроде тебя*.

— Пошел ты, Шип. Я-то точно проживу еще долго, а вот ты скоро сдохнешь. Так что...

В этот момент левая рука капитана тыльной стороной врезалась в лицо Зеленого. Парень рухнул на землю, выплевывая зубы и харкая кровью. Бетрим всегда поражался тому, что может сделать с лицом человека латная перчатка, — на правой щеке мальчишки открылась глубокая рана, и Зеленый закричал от боли.

— Заткнуть его, — спокойно приказал капитан.

Его холодные голубые глаза скользнули по остаткам банды, тогда как розовощекий гигант сгреб орущего Зеленого и со всей силы прописал парню в живот, выбив из него весь воздух.

— Не стоит снова кричать или рыдать, — сказал здоровяк. — Тебе же будет лучше, если станешь помалкивать.

— Его светлость решит, какой награды ты заслуживаешь. Свяжи им руки, сержант.

Седой бородатый старик-ветеран подчинился приказу. Даже когда он обматывал веревку вокруг запястий наемников, вид у него был такой, словно он сожалел о том, что делает.

И тут капитан улыбнулся:

— Его светлость скоро закончит с вашим охотником на ведьм. И тогда примется за вас.

Из всех виденных Джезет приемных залов этот оказался не худшим — он вполне вписывался в образ обиталища Х'оста. Деревянные полы, натертые до зеркального блеска и потому скользкие; картины на стенах, среди которых висел и портрет самого Х'оста, каким его запомнила Джезет; свечей больше, чем требовалось для освещения гораздо более просторного зала, и все горящие, отчего воздух в помещении казался плотнее. Но сильнее всего выделялся огромный стол в центре комнаты. Его длины хватило бы, чтобы усадить тридцать человек, но сейчас вокруг стояло лишь четыре кресла.

«Одно для меня, одно для Танкуила, одно для Х'оста и одно для Констанции. Он что, задумал откормить нас на убой?»

Впрочем, хоть стол и был сервирован на четверых, еды на нем не было. «Может, он хочет нас отравить?» — предположила Джез. Х'ост вполне мог бы на такое пойти, но вот Констанция... Констанция жаждала убить Джезет своими собственными руками.

Капитан проводил их до зала, велел ждать и удалился. Джезет и Танкуил остались одни, и за пять минут ни один не проронил ни слова. Арбитр устроился в кресле у стола — молчаливое ожидание, похоже, его вполне устраивало. Джезет же не чувствовала себя так легко. Она постоянно бормотала что-то себе под нос, поглаживала эфес меча, обошла весь зал по периметру, по очереди разглядывая каждую картину, всерьез задумалась над тем, чтобы разбить старую и очень, очень дорогую вазу, осмотрела большой пустой камин, выглянула в каждое окно. До земли недалеко — теперь высота Констанцию точно не остановит.

— Джез, мне нужно, чтобы ты мне помогла, — сказал Танкуил со своего места. Его красивые голубые глаза внимательно смотрели на девушку.

— Ага. В последний раз, когда ты меня просил помочь, Босс превратился в ходячего мертвеца. Он и сейчас выглядит довольно паршиво.

— Мне нужно, чтобы ты разозлила Констанцию.

— Ее злит уже то, что я вообще дышу.

— Тогда дыши глубоко и часто. Мне нужно, чтобы она на тебя напала.

— Зачем? И почему бы мне просто не напасть на нее самой? — спросила Джезет, хотя предполагала, что Констанция набросится на нее сразу же, как только увидит.

— Если она атакует тебя, вряд ли они станут звать стражу. А после можешь спокойно убивать ее, — задумчиво протянул Танкуил, глядя словно куда-то вдаль, как с ним это иногда бывало; вид у него при этом был довольно странный, но у Джезет он вызвал улыбку.

— Пока ты будешь допрашивать Х'оста?

— Да.

— А что со стражей? — спросила девушка.

— Я с ними разберусь.

Джезет вздохнула и плюхнулась в кресло рядом с арбитром. Он выглядел уставшим и сильно нервничал. «Думаешь, ты смотришься намного лучше, Джез?»

— Танкуил, скажи мне, для чего все это? Зачем мы здесь?

Арбитр вздрогнул и запустил руку в спутанные волосы цвета темного дуба, отросшие почти до плеч. «Короткая стрижка ему идет больше».

— Не здесь, Джез. Если мы выживем, обещаю, я расскажу тебе все.

Поняв, что в данный момент большего от него не добиться, Джеззет устала сидеть на столе и стала ждать. Она заметила, что в одном из наборов посуды не хватает вилки — нерадивый бедняга-слуга непременно отхватит розог за это. Зато ложек было в избытке.

— Доводилось убивать кого-нибудь ложкой, арбитр? — спросила девушка.

Танкуил лишь рассмеялся в ответ.

Неожиданно распахнулись большие двойные двери в дальнем конце зала, и внутрь вошел мужчина в ливрее.

— Лорд Грегор Х'ост, правитель Хостграда и глава семьи Х'ост. Завоеватель Высоты Сефли, Низкохолмья, Мусона и Басквилля. Смотритель Йорла и законный король Диких Земель.

«Законный король Диких Земель? Это что-то новенькое...»

Человек, после этих слов вошедший в зал, был точно таким, каким Джеззет его запомнила, — высоким, привлекательным, с короткими золотисто-каштановыми волосами, слегка тронутыми сединой. У него было резко очерченное, словно точеное лицо, которое многие называли бы холодным и жестким, но Джеззет знала лучше. Она прекрасно помнила, как этот мужчина улыбался и смеялся. Он был одет в простую зелено-красную сорочку и такого же цвета штаны. При нем не было никакого оружия, но зато на поясе висел увесистый кошель. «Все еще носишь с собой маленькое состояние, Х'ост?»

— Арбитр Танкуил Даркхарт, — живо поприветствовал гостя Х'ост, — я ждал тебя.

Арбитр выдержал паузу. Джеззет увидела, что Танкуил окинул взглядом помещение, прежде чем заговорить. Он выглядел потерянным.

— Лорд Х'ост. Рад нашему знакомству.

— Разумеется, — отмахнулся Х'ост. — Джеззет Вель'юрн! Сколько времени прошло, а ты все так же хороша.

Констанция явилась следом за хозяином — великанша ростом под семь футов, телосложению которой и Босс бы позавидовал. У нее было удлиненное лицо, нескладными чертами напоминавшее Джеззет обезьянью морду; волосы цвета грязной соломы были связаны в тугий хвост. Поверх кожаной одежды она носила кольчугу, а тяжелый длинный меч, висевший на ее левом бедре, уравновешивался таким же тяжелым коротким мечом на правом. Левый глаз Констанции был белым и остекленевшим, зато правым она метала в Джеззет полные ненависти и ярости молнии.

— Шлюха! — выплюнула Констанция.

«И почему все называют меня шлюхой? Я только один раз приняла деньги за секс, и было это очень давно».

— Катерина, — с легкой улыбкой сказала Джеззет. — Ой, прости, Констанция. Теперь, когда ты раздвигаешь ноги перед Х'остом, вы стали особенно похожи. Скажи мне, Констанция, он заставляет тебя визжать так, как ее?

— Она никогда... — взревела Констанция, схватившись за эфес меча, но Х'ост успокаивающе поднял руку.

— Констанция, Джеззет — наша гостя. Прошу тебя, не надо драк за обедом. Что ж, если мы готовы, я попрошу подать первую перемену.

Он махнул слуге, и Констанция отступила на шаг.

— Серьезно? — вьедливо подколола Джеззет. — Катерина никогда бы не уступила так легко. Впрочем, она всегда была бабой с яйцами. Ей бы еще член — и вы могли бы замечательно...

— КАТИСЬ! К! ДЬЯВОЛУ!

— Констанция, — предупредил Х'ост, — мы уже говорили об этом.

«Почему, черт возьми, я раззадориваю здоровенную бой-бабу, алчущую мести? — Джеммет мимоходом глянула на арбитра. — Ради него?»

Констанция заметила этот взгляд и скривилась в ухмылке, отчего ее безобразное лицо стало еще уродливее.

— Я смотрю, быстро ты нашла себе нового мужика, Джеммет. Но Эйрик хотя бы был человеком, а не охотником на ведьм.

Джеммет почти рассмеялась. Катерина годами пыталась исправить речь Констанции, но все без толку — когда громадина злилась, она снова срывалась на тянущий слова акцент Диких Земель. Х'осту, похоже, тоже ничего с этим сделать не удалось.

— Прошу прощения, арбитр. К сожалению, две женщины в одной комнате всегда начинают клохтаться друг на друга, что те курицы.

Арбитр усмехнулся, но Джеммет видела, что его взгляд остался холодным и мрачным.

— Твоя правда, лорд Х'ост. Впрочем, от женщин есть своя польза.

Х'ост расхохотался.

— Верно подмечено. Как тебе Джеммет? Д'роан всегда говорил, что она поразительно услужлива.

Будь у Джеммет еще хоть немного гордости, она бы, наверное, залилась краской, но все это осталось в далеком прошлом. Теперь же ничто не могло унять разгорающийся в ней гнев. «Разумеется, Д'роан говорил о тебе, Джеммет. Чистокровные ублюдки могут грызться сколько угодно, но на балах и приемах все непременно становятся вежливыми и общительными».

Х'ост продолжал:

— Он признавался, что никто не встречал более похотливой...

— Лорд Х'ост, — прервал собеседника Танкуил, и Джеммет готова была расцеловать его за это, — я все думаю, откуда тебе стало известно о нашем приходе. Боюсь, у меня не было времени отправить весточку.

— После событий в Чаде? Уверен, ты спешил. Побег там и все такое... Ах да, наше первое блюдо — жаркое из мяса жирафа. Вы когда-нибудь пробовали жирафа, арбитр?

— Если откровенно, я не знаю, что такое жираф.

— Хах! Откровенничающий арбитр! Прелестно. Жираф — это такое большое животное. Длинная шея, пятна, рожки... — Х'ост говорил так, словно перед ним сидит самое несмышленное дитя на свете. Танкуил в ответ покачал головой. — Полагаю, в вашей Священной империи они не водятся. У вас есть живой бог, но нет ни одного жирафа. Лично я предпочел бы последних. Их языки — настоящий деликатес. Подумать только, никогда не видеть жирафа... Хм.

За всю свою жизнь Джеммет не встречала никого, кто наслаждался бы своим голосом так, как Х'ост.

— Итак, ты знал о нашем приходе... — напомнил Танкуил.

— Разумеется знал. Тебе, быть может, и не хватило времени известить меня о своем прибытии, но за тебя постарался один из твоих наймитов. Прости, забыл который. Он послал весточку из Биттерспрингса.

Плохо. Если кто-то известил Х'оста, что они приближаются, то, скорее всего, он сообщил и цель. Джеммет пристально наблюдала, как лорд отрезает ломтик мяса и кладет себе в рот. «Даже жует с самодовольной улыбкой».

Джеззет подметила еще кое-что: в зале не было стражи. Не считая слуги, который объявил приход лорда и принес еду, Х'оста охраняла только Констанция. Ничего хорошего это не сулило. И все же Джез нужно было дальше играть свою роль.

— Катерина однажды сказала мне, что вы ненастоящие сестры, — Констанция ни на секунду не сводила с девушки живого глаза, а теперь еще и щелкнула челюстями. Х'оста, похоже, тема заинтриговала. — Меня это не удивило. Катерина была ниже, стройнее и гораздо милее тебя... хотя шрам этот тебе идет.

— Сука, — только и ответила Констанция.

— Она тогда напилась в хлам, и ее потянуло на разговоры. Сказала, что нашла тебя в Солантисе среди отбросов. Тогда она была... со Смелычаками, — Джеззет взглянула на Х'оста, — старым отрядом наемников, который работал в окрестностях. Катерина подобрала тебя, как... зверушку.

— Сука.

— Полагаю, этого ты не знал, лорд Х'ост, — продолжала Джеззет. — Твой могучий генерал Катерина была рабыней.

— Заткнись, тварь!

— Капитан Смелычаков купил Катерину в Чаде, чистую и непорочную, и шесть лет таскал за собой в цепях, чтобы трахать, когда вздумается. Когда она нашла Констанцию, то взяла ее с собой. Как там они тебя называли? Она говорила мне, но я забыла.

— ЗАТКНИ! СВОЮ! ПАСТЬ! — Констанция побагровела от злости.

— Видишь? Внушающая всем ужас Мертвоглазая на самом деле была лишь жалкой зверушкой шлюхи-рабыни, подбиравшей объедки со стола хозяина. — «Надеюсь, ты узнаешь у него все, что хотел, арбитр». — И с тех пор ничего не изменилось. Разве что шлюха умерла.

С ревом, полным ярости и ненависти, Констанция оттолкнула свое кресло прочь, вскочила на стол и прыгнула на Джеззет. Сверкнув, в ее руке возник меч. Джеззет с силой откинулась в кресле, опрокинула его и перекатилась на пол. Услышав треск, она вскочила на ноги, дрожащей рукой тоже выхватывая меч. Кресло, в котором она только что сидела, разлетелось в щепки.

Краем уха Джез слышала крики Х'оста, но ни она, ни ее соперница не обратили на них внимания. Констанция наступала на нее, размахивая мечом. Джеззет блокировала, отступила и блокировала снова. «О боги, я и забыла, насколько она сильна». Девушка отразила удар и провела ответный выпад. Констанция ловко — даже слишком ловко для своих габаритов — отпрыгнула и атаковала снова.

Джеззет стала отходить, блокируя, парируя, уклоняясь, но не нападая. Арбитру нужно было время наедине с Х'остом, и она намеревалась дать ему это время. Мастер Клинка почти уперлась спиной в стену, Констанция обрушивала на нее удар за ударом, слуга застыл в нескольких шагах позади нее, съежившись от ужаса. Джеззет схватила попавшуюся под руку вазу и метнула ее Констанции в голову. Та отбила ее в воздухе, и бесценная вещь разлетелась на множество осколков.

«Я успею».

Джез крутанулась на месте и бросилась бежать еще до того, как первый осколок со звоном упал на пол. Одним взмахом меча она вспорола горло слуге и вломилась в дверь, откуда бедняга выносил еду. Она бежала, не останавливаясь, прекрасно зная, что Констанция следует за ней по пятам, подгоняемая пылающей яростью.

— Женщины, — вздохнул Х'ост после того, как Джезет и Констанция вихрем вылетели из зала. Танкуил все еще слышал звон скрепящейся стали. Ни один из мужчин не пошевелился — оба продолжали спокойно сидеть за столом, хоть Даркхарту и пришлось немного подвинуть свое кресло, когда начался хаос. Х'оста тоже, кажется, несколько не волновало, что его генерал напала на Джезет. — По правде говоря, я чувствовал, что все к этому идет. Констанция весьма полезна, она опытный полководец, но как только дело касается нашей любимой Джезет — вспыхивает моментально.

— Ты знал, что мы придем, — сказал Танкуил, глядя, как Х'ост кладет последний кусочек жареной жирафятины в рот и начинает жевать. — Ты знаешь, для чего я здесь, — это был не вопрос.

— Разумеется знаю, арбитр. Должен заметить, мне весьма любопытно, как ты заставил ее говорить. Я считал, что она должна быть невосприимчива к вашему принуждению, — Танкуил как мог постарался скрыть свое замешательство. Он понятия не имел, о чем говорит Х'ост и откуда ему известно о принуждении. — Еще я не понимаю, как ты узнал язык. Мне казалось, для арбитра с твоим опытом это находится за пределами доступного. Впрочем, никогда нельзя быть ни в чем уверенным. — Лорд откинулся в кресле и зевнул. — Теперь можешь войти, дорогая.

Двойные двери снова распахнулись, и в зал вошла женщина — женщина, которую Танкуил слишком хорошо помнил. Выглядела она заметно лучше — кожу и волосы хорошенько отмыли, а рваные лохмотья сменились облегающей кожаной одеждой. Теперь стало заметно, что она очень похожа на Х'оста, но моложе и женственнее. А еще ее облику недоставало цепей — Танкуил предпочел бы видеть ее по-прежнему закованной в железо.

Он не стал медлить. Выхватив из-за пояса шарострел, арбитр прицелился и нажал на курок.

БАХ!

Торговец говорил, что это оружие точно стреляет на расстояние до десяти шагов. Между женщиной и Танкуилом было больше двадцати, и выстрел ушел в сторону, разбив в щепки дверную раму. Женщина посмотрела туда, куда попал маленький круглый снаряд, увидела гаснущее желто-золотое свечение, и с жестокой улыбкой на лице снова воззрилась на Танкуила. Он уже перезаряжал шарострел.

— Надо же, пистолет! — хлопая в ладоши, восхитился Х'ост. — Чудесно! Где ты его достал?

— В Чаде, — ответил Танкуил, заталкивая новый шарик в ствол.

Закончив, он убрал оружие обратно за пояс и вместо него вытянул меч. Женщина прошла по залу и остановилась у кресла Х'оста. У нее не было оружия, но Танкуил прекрасно понимал, насколько она опасна и без него.

— Познакомься с моей дочерью, арбитр.

— Уже знаком. Ее заковали в цепи и бросили в темницу, перед этим дважды убив и вырезав ей глаза. — Танкуил напрягся как струна. Такого он не планировал. — Что ты сделал с ней, Х'ост?

Глава семейства Х'остов засмеялся, в то время как его дочь, стоя рядом, не сводила с арбитра взгляда холодных мертвых глаз.

— Принуждение. Очень хорошо. Давненько уже я его не ощущал, но должен заметить, что твое, арбитр, довольно слабое.

Танкуил отступил на шаг и попробовал еще раз:

— Что она такое?

Снова лорд позволил себе минутку веселья, но когда он закончил смеяться, голос его стал таким же суровым и резким, как у Танкуила:

— Я не безмозглый простак, арбитр. Я — Грегор Х'ост. Твое жалкое принуждение не сработает на мне. — Он повернулся к дочери. — Убей его.

Женщина двинулась на Даркхарта, странно перемещаясь с ноги на ногу, словно пританцовывая, а затем прошипела что-то на чуждом языке, и волна воздуха с ревом ударила в Танкуила, сбив его с ног и отправив кубарем катиться по гладкому деревянному полу. Женщина быстро приближалась. Ее единственным оружием были руки, пальцы которых заканчивались бритвенно-острыми когтями.

Танкуил поднял меч и заблокировал первую атаку. Раздался скрежет, словно металл столкнулся с металлом. Арбитр отпрыгнул за пределы досягаемости, нашепывая благословения скорости и силы, и взмахнул мечом, целя женщине в голову. Она играючи уклонилась от удара и сразу же атаковала правой рукой. Даркхарт снова парировал, но это дало возможность врагу подобраться к нему вплотную, и арбитр почувствовал, как когти женщины вспарывают его левую руку.

Из раны хлынула кровь, но это было ничто по сравнению с болью. Казалось, что плоть его одновременно и леденеет, и горит адским огнем. Танкуил схватился за левую руку и закричал. Он бросился назад, отталкиваясь ногами и мысленно благодаря строителей за столь гладкий пол. Женщина вприпрыжку двинулась на него, но в этот раз несколько медленнее, словно наслаждаясь моментом.

— Сильна, не правда ли? — услышал Танкуил голос Х'оста. — И она лишь первая из многих. Я создам целую армию таких, как она.

Даркхарт внезапно понял, что в его руке больше нет меча. Он выронил оружие, когда получил рану, и теперь между ним и его клинком стояла тварь в женском облике.

Танкуил сунул руку в карман плаща и вытащил оттуда маленькую полоску бумаги. Плащи арбитров всегда славились обилием потайных кармашков, и Даркхарт наизусть помнил содержимое каждого из них. Он метнул бумажку в женщину, и та когтем рассекла ее. Арбитр успел свернуться клубком как раз в тот момент, когда воздух взорвался.

В ушах еще стоял звон, но он уже вскочил на ноги. Все вокруг застилал дым, а на полу осталось черное пятно. Женщина лежала футах в десяти, всхлиывая и извиваясь от боли. Ее лицо и руки превратились в бесформенные куски почерневшей плоти, а дымящаяся одежда местами еще горела.

Теперь она не выглядела грозной или опасной — жалкое создание, скорчившееся на полу и едва способное дышать. Похоже, взрыв сильно повредил ей легкие. Наставники в Инквизиции всегда требовали осторожности в обращении со взрывными рунами — существовала вероятность вдохнуть пламя.

Танкуил остановился возле агонизирующей ведьмы, достал пистолет и нажал на курок.

БАХ!

Светящаяся пуля пробилась ей череп. Тело вздрогнуло раз, другой — и замерло. По полу потекла кровь. Танкуил ненавидел запах жженой плоти.

— Не думаю, что в этот раз она вернется к жизни. Руна очищения, в которую я завернул

пулю, сделала свое дело. Чем бы ни была твоя дочь, больше ее нет.

Под взглядом Танкуила Х'ост сполз со своего кресла и, словно побитая собака, потащился прочь. Даркхарт же развернулся, чтобы подобрать свой выпавший меч.

— Я никогда не был хорош во владении мечом, но наставники в Инквизиции всегда отмечали мои навыки в магии, рунах и оберегах. Благословения и проклятия — моя спе... Стой!

Арбитр обернулся слишком поздно, чтобы помешать перепуганному до смерти лорду вытащить из мешочка несколько кусочков дерева, разломить их и швырнуть на пол. Он насчитал десять рун и сразу же их опознал. Руны вызова.

В ту же секунду в зале стало холодать, дневной свет угас — и появилась первая тень...

Капитан ждал — спина прямая, холодные глаза ничего не упускают. Его люди, впрочем, были не столь прилежными: одни скучковались и принялись чесать языками, другие ускользнули обратно в обеденный зал — за элем, к гадалке не ходи, а кто-то просто стоял, зевал во весь рот и потирал заспанные глаза. Старый седой сержант минут десять весело болтал с Мослаком. Гигант умудрялся быть дружелюбным даже со связанными руками.

Бетрим посмотрел направо. Босса шатало из стороны в сторону.

— Босс, — зашептал Торн. Ответа не последовало. — Босс, раз уж мы все так попали, скажи, кто нанял нас?

Даже если южанин услышал его, то никак этого не показал.

— Босс...

— Моррасс, — раздался ответ с другой стороны от Бетрима.

Генри.

— Капитан Дрейк Моррасс?

Торн даже не понял, зачем переспросил. Как будто есть еще какие-нибудь Моррассы... Но он отказывался верить в то, что это правда.

— Да.

— Черт возьми, Босс, это же сделка с дьяволом.

Одно только имя Дрейка Моррасса вселяло страх даже в тех, кто его не знал. Ходили слухи, что Моррасса ребенком пытались утопить, но он вернулся, и вернулся отчасти демоном. Он был пиратом, избороздившим все моря мира и плававшим в самые лютые шторма, когда волны поднимались на тысячи футов. Он сумел даже приручить кракена. Моррасс владел половиной Чада, но поговаривали, что ему принадлежит еще и какой-то город в Акантии и что он на короткой ноге с гильдией воров. Он умудрился даже залезть в постель к драконьей императрице, при том что ее охранял самый что ни на есть настоящий дракон.

Но это все были еще цветочки. Он насиловал без разбору что мальчиков, что девочек, а потом вспарывал им глотки и купался в их крови, чтобы сохранять молодость. Однажды, когда кто-то из людей капитана попробовал предать его, Моррасс заморил его голодом почти до смерти, а затем отрезал ему член с яйцами и заставил сожрать. Когда корабль подошел к порту, он отрубил бедняге ноги и руки, выбросил его в море и приказал плыть. А еще он однажды...

БАХ!

Грохот оказался не настолько громким, как в первый раз, когда Бетрим его услышал, — должно быть, далекий или чем-то приглушенный. Капитан даже бровью не повел.

— Вот и пришел конец вашему охотнику на ведьм. Скоро вы все к нему присоединитесь, — ледяным тоном протянул он.

Бетрим сплюнул на землю и почесал необгоревшую щеку. Отросла щетина — надо будет побриться.

— Знаешь, а ведь я сам забрал жизни нескольких арбитров...

— Шестерых, — со своим привычным оскалом вставила Генри.

— Она правду говорит, — продолжал Торн. — Лично порешил шестерых арбитров, и это совсем не похоже на смерть одного из них.

Мимолетное сомнение скользнуло по лицу капитана. Бетрим решил надавить сильнее.

— Вся штука в их магии. Арбитры владеют всеми видами заклинаний и прочего мистического дерьма.

Торн украдкой глянул на Босса. Он беспокоился за южанина. Еще у Йорла Босс выглядел не многим лучше мертвеца, и лишь оберег арбитра поддерживал в чернокожем главаре банды жизнь. Но охотник на ведьм предупредил, что действие его бумажки может закончиться в любую минуту.

— Я видела однажды, как один из них превратил мужика в лягушку, — кивнув, добавила Генри; выражение ее лица стало настолько серьезным, что Бетрим едва не рассмеялся, насколько бы нелепым в данной ситуации это ни было.

— Правда? — спросил Черный Шип, пытаясь глазами приказать Генри заткнуться.

— Правда.

— Правда. — Бетрим повернулся к капитану и шагнул вперед. Служивый сделал шаг назад. — И ты все еще думаешь, что этот шумок означает конец охотника на ведьм?

БА-БАХ!

Это уже точно не был звук маленького приспособления арбитра — он был громче и... он был другим. Не удар грома, а скорее камнепад. Прежде ледяные глаза капитана мгновенно оттаяли, в них плеснулся страх. Хороший знак — страх заставляет человека делать глупости.

Торн рассмеялся своим противным скрипучим смехом прямо капитану в лицо:

— Кажется, пора тебе искать другого нанимателя. И на твоём месте я бы нас отпустил, пока наш охотник развлекается там.

— Сержант, возьми четырех бойцов и позаботься о его светлости, — приказал капитан; его голос слегка дрожал.

Старому сержанту эта идея по душе явно не пришлась.

БАХ!

— Мать твою, капитан, сам иди и заботься о нём.

— Я отдал тебе приказ, сержант!

Седовласый сержант отступил, качая головой. Бетрим меж тем услышал всхлипывания. Зеленый. Тупой ублюдок плюхнулся на задницу и теперь на четвереньках пытался убраться подальше от беды.

— Он арбитр, они сжигают людей. А я не хочу умирать на костре, — бросил сержант.

Бетрим почувствовал холод — либо он начал сходить с ума, либо фонари на самом деле резко потускнели, а воздух наполнился грохочущим звуком, похожим на звон цепей.

— Что за чертовщина? — с надрывом спросила Генри.

Прямо посреди двора стала формироваться тень. Поначалу она казалась парящим сгустком тьмы, неведь откуда взявшимся в мерцающем оранжевом свете, но вскоре у нее четко обозначились руки и ноги. Шипастые конечности, заканчивающиеся жуткого вида когтями, казалось, возникли из темноты чернее, чем даже кожа Босса. Воздух задрожал, и земля под тварью заледенела. А затем появилась голова — такая же здоровенная, как и тело, украшенная темной короной из двух огромных рогов и рваной линией пасти на морде. Исходящий откуда-то из нутра кошмарного создания ослепительно-белый свет четко очерчивал контуры зубов размером с человеческую руку. Наконец тварь открыла глаза — два ярких желтых огня в море тьмы. Два голодных огня.

В облике тени не было ничего человеческого. Рядом с тварью даже Мослак казался

малышом. Ее толстые ноги выглядели слишком короткими для такого длинного и тощего тела, зато руки почти доставали до земли. Но ужаснее всего была голова — вытянутая, увенчанная рогами и держащаяся на короткой тонкой шее. Тьма, казалось, сплела вокруг твари ошестившийся шипами панцирь, но смотреть на него долго было невозможно — шипы рябили, изменялись и безостановочно двигались по телу кошмарного создания.

Первым погиб самый храбрый из солдат — или, возможно, самый глупый. Накачанный здоровяк с длинными каштановыми волосами, замахнувшись, метнул в тень копьё. Едва наконечник коснулся черноты, окрестности сотряс чудовищный пронзительный визг, похожий на скрежет металла о металл, и древко разлетелось в щепки. Человек умер там же, где и стоял, — одним небрежным взмахом лапы тень превратила лицо бедняги в бесформенную массу из костей и изорванной плоти, тремя когтями вспоров солдату череп. С глухим стуком безжизненное тело рухнуло на землю — и начался хаос.

Кто-то бросился на призрачную тварь, кто-то, наоборот, от нее, некоторые просто тупо замерли на месте, раззявив рты и не в силах пошевелиться от ужаса. И были крики. Никогда раньше Бетрим не слышал воплей, настолько исполненных боли. У наемника аж зубы свело. Из темноты возникали все новые и новые тени — Черный Шип не стал утруждать себя подсчетом. Он внезапно понял, что ему вообще трудно думать.

— План, Босс?! — крикнул Мослак.

Но от Босса помощи не было — он сидел на пятках с закрытыми глазами, и Бетрим даже не мог сказать наверняка, дышит он еще или нет.

— Думаю, самое время для твоей легендарной силы, Мослак. Избавься от веревок.

Сам Торн уже до крови растер запястья, пытаясь высвободить хоть одну руку.

Станным образом хаос не затрагивал банду. Вокруг наемников бушевало сражение — смельчаки пытались сообща колоть и рубить тeneвых тварей, трусы бежали к воротам, спасая свои шкуры, — но Босса и его команду словно накрыло пузырем спокойствия.

Мослак рычал, покраснев от напряжения, в попытках разорвать связывающие его руки веревки, но тут к нему подскочил Шустрый с крошечным кинжалом и разрезал путы.

— Старина Шустрый никогда без оружия не останется! — ухмыляясь, бросил парень.

Бетриму сразу вспомнился Биттерспринг и сестра Шустрого, которая, будучи в чем мать родила, откуда-то умудрилась извлечь кинжал. Он и не заметил, как его тоже освободили.

Торн быстро потер саднящие руки и подобрал с земли первое попавшееся оружие — чей-то оброненный меч.

— Не топор, конечно, но тоже сойдет.

— Что нам делать, Босс? — причитала Генри, тряся бесчувственного южанина. — Босс?

Крики вокруг не стихали. Бетрим подошел к Генри со спины и вдруг увидел Зеленого, сидящего на пятках в грязи и тупо таращащегося на творящийся вокруг хаос. От него буквально воняло страхом — или же парень просто наложил в штаны. Перчатка капитана хорошенько «поработала» с его лицом, вспоров левую щеку. Торн даже видел зубы сквозь рану.

— Ф'хорл... — забулькал Зеленый.

— А?

Зеленый выдал что-то нечленораздельное.

— Что?

— Тшшшсссс....

Торн вогнал меч в шею Зеленого. Одним ударом отрубить голову не получилось — лезвие застопорилось где-то на полпути, очевидно, застряв в кости. Впрочем, Зеленому хватило и этого. Бетрим упер сапог в грудь парня и рывком высвободил оружие. Алая кровь хлынула на землю.

— Ненавижу мечи!

Черный Шип плюнул на труп мальчишки и довершил обезглавливание. Когда он вновь вернулся к окружающему хаосу, команда уже вступила в бой, однако Бетрим не мог до конца понять, на чьей стороне. Мослак где-то раздобыл длинный окровавленный меч и теперь отбивался от солдат — двое уже были мертвы, но еще четверо наседали на гиганта. Шустрый каким-то образом умудрился взобраться на стену и схлестнулся с капитаном. Генри в одной руке сжимала кинжал, а другой трясла Босса за плечо, крича что-то ему в ухо. На глазах Торна старый седой сержант, повидавший битв на десять жизней, подбежал к Генри и что-то ей сказал. Женщина мгновенно вскочила и всадила короткое лезвие в грудь солдата — один раз, второй, третий, — а затем для верности резанула по горлу.

Везде, куда ни кинь взгляд, люди бегали, кричали, молили о спасении и умирали. Тени, казалось, совсем не чувствовали прикосновений стали, словно их кожа — шкура? чешуя? — была тверже. Бетрим увидел, как одна тень, высотой футов пять, играючи перехватила меч когтистой лапой и с легкостью разломил лезвие надвое. Солдат, державший оружие, развернулся и хотел уже броситься наутек, но не успел — тень вспорола мужчине спину, да так, что когти пробили нагрудник брони.

Еще одна тварь — поменьше, не выше пары футов — видом напоминала черного беса, порождение горячечного бреда. Она уклонялась от атак, хлестала солдат по ногам и жестоко расправлялась с теми, кто терял равновесие и падал. На глазах Бетрима этот бес запрыгнул на очередного бедолагу и вцепился ему в лицо, кромсая плоть когтями и зубами, пока тело человека не превратилось в трепыхающуюся кашу.

Тень, возникшая первой, уже покончила со своими противниками. Прежде brave солдаты либо разбежались, либо погибли — их тела устлали землю, кровь текла рекой. Тварь двинулась к Генри и Боссу, неуклюже и неторопливо, словно ей не было нужды спешить. Генри что-то крикнула ей в морду, но Бетрим не разобрал слов. Черный Шип не боялся никого из людей, но теперь он понял, что не может заставить себя даже просто пошевелиться.

Генри метнула свой кинжал в тварь и снова закричала. Тень не остановилась. Девушка попыталась оттащить Босса, но безуспешно — южанин продолжал стоять на коленях и смотреть на тень. Только сейчас до Бетрима дошло, что Босс снова открыл глаза. Когда между ними и тварью осталось всего пять футов, Генри оставила свои тщетные потуги и, бросив главаря банды на произвол судьбы, на заднице поползла назад.

Бетрим видел все. Мослака зажала в угол группа вооруженных копьями солдат — он ревел и размахивал своим здоровенным мечом, но врагов было слишком много. Шустрый все еще находился на стене. Капитан куда-то исчез, но теперь ублюдок-полукровка, выставив перед собой меч, спиной отступал от одной из тварей. Тень перед Боссом аккуратно, почти любовно вытянула гигантскую руку и взяла южанина за шею.

Создание медленно подняло Босса в воздух так, что его ноги оторвались от земли, а лицо поравнялось с огромной мордой. Тварь открыла пасть — больше, больше, еще больше. Генри безмолвно наблюдала за происходящим выпученными от ужаса глазами.

Босс даже не вскрикнул. Когда зубы твари сомкнулись, прошив его череп от подбородка

до макушки, все тело южанина содрогнулось, но он не издал ни звука. На землю хлынула кровь.

А затем монстр просто отшвырнул обвисшее, безжизненное тело человека, который много лет вел наемников за собой. В свое время Черный Шип навидался всякого и сам натворил немало, но от вида мертвого командира без половины головы ему стало по-настоящему дурно.

Между тем тварь повернулась к Генри. Чокнутая сука застыла, не сводя глаз с трупа Босса. Бетрим, собрав все свои силы, выставил вперед одну ногу, затем другую. Еще не до конца осознав, что делает, он обнаружил, что стоит от тени на расстоянии броска камня и кричит:

— Мать твою, Генри! БЕГИ!

Тень обратила внимание на Торна. Ее желтые глаза жутко пылали на огромной черной морде. Бетрим чувствовал, как что-то обжигающее течет по его лицу, и сплюнул. Черный Шип никогда не заплачет, даже перед лицом смерти.

— Генри! Поднимай свою задницу и беги! СЕЙЧАС ЖЕ!

Тварь шагнула к Бетриму, но затем остановилась и повернула голову к Генри, едва та встала на ноги.

Черный Шип тяжело вздохнул и, не видя другого выхода, бросился на тень.

— Назад! Прочь в Пустоту! — зашипел Танкуил.

На морде демона появилось что-то вроде ухмылки.

— Мы повинемся. — С этими словами тварь исчезла, словно ее и не было, Танкуил же вновь сосредоточился на Х'осте.

— Что? Как ты...

Подняв с пола одну из разбросанных рун, арбитр решительно двинулся к съежившемуся от страха лорду.

— Создания Пустоты скованы древней магией для служения Инквизиции. А это, — он швырнул обломок в лицо Х'оста, отчего тот испуганно пискнул, — незавершенная руна.

Танкуил схватил Х'оста и изо всех сил приложил об обеденный стол. Тарелки и кубки посыпались на пол.

— Истинная запись заклинания призыва требует трех рун! — рявкнул арбитр, крепко держа лорда. — В своей убогой имитации ты забыл о руне подчинения. Знаешь, что это значит?

Х'ост остервенело замотал головой. Его глаза размером почти сравнялись с блюдами, рассыпанными по полу.

— Это значит, что вызванные тобой демоны тебя не слушаются. Слышишь крики? Звуки битвы снаружи? Они убивают твоих же людей! — Танкуил поднял Х'оста со стола и сразу же впечатал его обратно.

— Она... она не говорила мне... она сказала...

— Что ты сделал со своей дочерью? Чем она стала?

Глаза лорда немного прояснились, и он резко захлопнул рот, глядя на Танкуила с выражением непокорности. Снаружи гремела битва. Х'ост, сам того не поняв, оказал арбитру услугу, призвав демонов. Танкуил только надеялся, что хаос, учиненный ими, продлится недолго.

— Подумай об Инквизиции, лорд Х'ост. Чтобы заставить людей говорить, мы не всегда прибегаем к принуждению. В былые времена, несколько тысяч лет назад, мы полагались на другие методы. Сейчас в основном ими не пользуются, но мы их не забыли. Мало ли, вдруг пригодятся.

Даркхарт взял со стола небольшой серебряный нож и воткнул его Х'осту в левое бедро чуть ниже паха. Лорд завопил. Ткань вокруг раны мгновенно пропиталась кровью. Мужчина задергался, пытаясь вырваться из хватки арбитра, но Танкуил был сильнее. В конце концов лорд бессильно рухнул обратно на столешницу, и низкий жалобный вой сорвался с его губ.

— Что ты сделал со своей дочерью, Х'ост? Чем она стала? — повторил арбитр.

И все же владыка Хостграда молчал, отказываясь отвечать. Танкуил сунул руку в потайной кармашек своего плаща и, вынув оттуда полоску бумаги с начертанным на ней оберегом бодрствования, приложил ее к руке Х'оста.

— Что ты...

Арбитр одной рукой придавил мужчину к столу, а другую положил на его лоб и начал шептать благословение. Х'ост заорал так, что Танкуил удивился, — на его памяти никто не кричал столь громко, даже сжигаемые заживо еретики. Лорд бился в конвульсиях, царапался, пытался ударить арбитра, но Танкуил крепко держал его. Когда он закончил с

благословением, Х'ост рыдал в голос и захлебывался соплями.

— Благословения и проклятия можно применять к другим людям, лорд Х'ост, даже таким неподатливым. Это благословение обострило твое восприятие. Ощущение, наверное, такое, словно тебе ногу вырывают.

Даркхарт схватил еще один нож и с размаху вонзил его в правую ногу Х'оста. Лорд опять закричал, но совсем не так громко, как когда Танкуил снова взялся за его голову и начал читать благословение.

— ГОВОРИ! — прервав нашептывание, крикнул арбитр. Глава самой могущественной семьи во всех Диких Землях вонял потом, кровью и мочой, валяясь на собственном обеденном столе и жалобно всхлипывая. — Послушай, Х'ост, я могу делать это дни напролет. Я буду пытаться тебя, но не дам тебе умереть. С этим оберегом ты не потеряешь сознание, а благословение сделает любую боль в сотни раз хуже.

Танкуил потянулся за следующим ножом, но под руку попала только вилка.

— НЕТ! Пожалуйста... не надо!

— Чем она стала, Х'ост? — зашипел Даркхарт, занеся вилку для удара.

— Демоном, — пролепетал сквозь слезы лорд. — Порождением Пустоты. Она рассказала мне, как это сделать...

— Как поместить демона внутрь человека?

Х'ост кивнул и снова зашелся в рыданиях. Слезы и пот текли по его лицу.

— Она сказала, что это сработает только с теми, у кого есть способности. И я сделал это с ней... Одарил свою дочь...

— Одарил?

— Бессмертием. Я сделал ее сильной и прекрасной, — усмехнулся Х'ост. В его голосе смешались горечь и боль. — А ты убил ее.

Танкуил выплюнул:

— Ты убил ее, Х'ост. Я лишь изгнал демона туда, где ему самое место. Кто научил тебя этому? Кто рассказал тебе о вселении демона в живого человека?

Х'ост отчаянно замотал головой:

— Я... я не... знаю.

Не успел он договорить, как вилка прошила левую ладонь лорда и воткнулась в дерево, пригвоздив руку к столешнице. Снова крик боли. Танкуил опять взялся за голову Х'оста, зашептал благословение и одновременно прокрутил нож в ноге лорда. Крик превратился в гортанный, надрывный, почти нечеловеческий вопль. Даркхарту заложило уши, спазм скрутил желудок, но он продолжал шептать, продолжал до тех пор, пока у Х'оста не осталось сил не то что сопротивляться, но даже кричать.

— Кто, Х'ост? Кто предатель в Инквизиции?

Х'ост всхлипнул и закашлялся. Судя по запаху, он обгадился. Кровь капала на натертый пол. Танкуил понял, что, если быстро не получит ответы на свои вопросы, лорд может просто умереть от потери крови.

— КТО, Х'ОСТ?! — взревел арбитр.

— Я НЕ ЗНАЮ! — закричал мужчина. — Я никогда... никогда не встречался с ней. Она присылала ко мне кое-кого. Арбитра... Ке... Кессик. Его звали арбитр Кессик.

Танкуил не знал никакого Кессика, что, впрочем, неудивительно, — он вообще знал мало арбитров. Но это уже зацепка. Если предполагаемый богом-императором предатель действительно инквизитор и если это женщина, то вариантов тут всего два: либо Герон,

либо Доун. Если этот Кессик работает на предателя, то нужно найти его и проследить за ним. Легче сказать, чем сделать.

Х'ост продолжал пускать слюни, бессильно распластавшись на столе. Даркхарт вплотную наклонился к нему.

— Что-нибудь еще, лорд Х'ост?

Мужчина покачал головой, не прекращая рыдать. Но вдруг его глаза резко распахнулись. Он посмотрел на Танкуила, но поспешно отвел взгляд.

— Последний шанс, лорд, — со зловещей ухмылкой сказал арбитр. — Что еще ты забыл мне поведать?

— Договор, — выдавил Х'ост.

— Какой договор?

— Я не знаю... честно — не знаю. Что-то слышал... Кессик, он... он говорил с одним из демонов... говорил что-то насчет ее договора. Это... это все. Прости, прости, прости меня...

Мужчина на глазах слабел и бледнел. Вероятно, слишком большая кровопотеря. Он то всхлипывал, то причитал, то заходил в кровавом кашле. Арбитр посчитал, что узнал все, что мог, и потянулся за ножом, чтобы закончить дело. Под руку попалась только серебряная ложка.

Выбравшись во внутренний двор особняка, Танкуил почувствовал острое желание проблеваться и напиться до бессознательного состояния. На пути из обеденного зала Х'оста он миновал двух солдат — те расступились перед ним с выражением немого ужаса на лицах. Еще бы, ведь арбитр с головы до ног перемазался в крови лорда.

Снаружи царил хаос, как он и предполагал. Призванные Х'остом демоны с легкостью расправились с гарнизоном крепости. Мертвые тела устилали землю, кровь текла повсюду, куда ни кинь взгляд. Во дворе не осталось почти никого живого — лишь один человек и один демон. Остальные, похоже, вырвались в город и теперь устраивали там настоящую резню.

Черный Шип противостоял демону на целый фут выше его самого. У твари были пламенные глаза и огромная, как у слона, голова. На глазах Танкуила наемник, пригнувшись, подскочил к демону, дважды рубанул мечом по непробиваемой чешуе твари и отпрыгнул назад, одновременно блокируя взмах когтей. Сила удара была такова, что Черный Шип отступил еще на несколько шагов, едва устояв на ногах. Оклемавшись, он быстро зачерпнул рукой с земли ком грязи и бросил его в тварь. Демон расхохотался — грубый, резкий, холодный звук, напомнивший арбитру раскат грома.

Остальных членов банды нигде не было видно — только в почти безголовом теле неподалеку арбитр узнал Босса.

Шип снова бросился на демона, и его зазубренный, износившийся меч отскочил от башки твари.

— Почему ты никак не сдыхаешь?! — заорал Черный Шип на демона.

Танкуил шагнул вперед. Едва только тварь изготовилась к нападению, арбитр властно позвал ее:

— Демон! Назад в Пустоту!

Коготь потустороннего создания замер в воздухе. Взглянув на Даркхарта, тварь стала растворяться в воздухе.

— Мы повинемся.

Черный Шип оцепенело стоял, таращась на то место, где только что находился демон. Затем он повернулся к Танкуилу. Трудно было точно определить выражение его обожженного лица, но арбитр предположил, что это было смятение.

— Что за ерунда?.. — начал наемник.

— Я охотник на ведьм, — натянуто улыбнувшись, объяснил Даркхарт. — Я изгоняю зло.

— Хм.

— Банда... — сменил тему Танкуил.

— Видимо, мертва. Зеленый и Босс точно. Шустрый и Мослак, думаю, тоже. Генри... Генри? — Шип быстро огляделся в поисках маленькой женщины, но нигде ее не увидел. — Может, она и выбралась, но остальные...

— Джек...

— Черт, арбитр, я думал, она с тобой.

Танкуил окинул взглядом двор, присмотрелся к телам, проводил взглядом текущую кровь, а затем обернулся к особняку.

— Будем ждать, — решил он. — Она придет сюда.

Черного Шипа эти слова несколько не обрадовали.

— А что будем делать с этими теньями?

— Исчезнут со временем. Они не могут долго пребывать в нашем мире.

— Но они же вырвались в город. Все эти люди...

Даркхарт лишь коротко кивнул.

Черный Шип сплюнул на землю.

— Бедняги.

Вдруг Танкуил услышал тихое, жалобное ржание.

— Шип, на лошади ездить умеешь?

Джез присела под свистящим мечом и отпрыгнула в сторону. Констанция наступала мощно и яростно, неистово размахивая своим оружием и совершенно не заботясь о попадавших под ее горячую руку стенах, картинах, окнах и слугах. Шаг за шагом Джеззет отступала, и шаг за шагом Констанция следовала за ней.

«Она вообще когда-нибудь устает? А то мы так можем вальсировать всю ночь...» И действительно, здоровенная воительница даже не запыхалась.

Джеззет блокировала, парировала, уклонялась, снова парировала — защищалась, но даже не пыталась атаковать. Отступив в конец коридора, Мастер Клинка отразила сначала высокий, а сразу за ним низкий рубящие удары соперницы и, приложив все силы, плечом выбила дверь. Тяжелый меч Констанции врезался в дверной косяк и застрял там. Воительнице пришлось тратить драгоценные мгновения, чтобы вытащить его, она оказалась открытой для нападения, но Джеззет этим не воспользовалась — лишь отошла в помещение за дверь.

Там оказалась кухня. Внутри стоял невыносимый жар, а воздухе витала целая смесь запахов — свежеспеченного хлеба, жареной свинины, каких-то экзотических приправ и ванили. В любой другой день от всех этих ароматов девушке непременно захотелось бы промочить горло, но сейчас она, наоборот, сплюнула. Большинство поваров разбежались через другие двери. Только один, самый смелый, вздумал зайти Джез за спину с тесаком — Мастер Клинка увидела его отражение в кастрюле. Она уже хотела было развернуться и вспороть хитрецу брюхо, как Констанция закричала:

— Только тронь ее — и ты покойник!

Повар вздрогнул, уронил тесак и убежал.

— Не хочешь ни с кем меня делить, Констанция? Я всегда знала, что ты любишь меня.

Воительница взревела еще громче и в очередной раз взмахнула мечом. Кухонная утварь полетела в Джеззет, разбрызгивая во все стороны кипящее варево. Девушка спешно протиснулась между столами и резко присела — двуручник рассек воздух прямо у нее над головой.

«А ведь могла насадить ее на меч еще тогда...»

Джеззет вскочила на деревянную стойку и спрыгнула с другой стороны — как раз вовремя, чтобы вражеский клинок просвистел у нее за спиной и с грохотом располовинил столешницу вместе с лежащей на ней буханкой хлеба.

Воспользовавшись секундным промедлением соперницы, Джез схватила пустую кастрюлю и швырнула в голову Констанции. Воительница своей громадной ладонью отбила посудину в воздухе, но зато вторая ударила ей точно в лицо. Констанция отпрянула, изрыгая ругательства и сплевывая кровь.

Джез спиной нащупала еще одну дверь и вывалилась в нее как раз в тот момент, когда Констанция оклемалась и бросилась в атаку. Вновь зазвенела сталь, и вновь Мастер Клинка отступала все дальше и дальше, стараясь держать подходящую дистанцию. Теперь обе женщины оказались в какой-то трапезной — повсюду стояли грубые деревянные столы с приставленными скамьями... и валялись трупы. Множество исполосованных трупов, в большинстве своем — прислуга, но были и в солдатской форме. Зрелище застало Джез врасплох, и секундное промедление едва не стоило ей жизни. Констанция, похоже, плевать

хотела на картину бойни — даже наступив на чью-то оторванную руку, она лишь посмотрела вниз, брезгливо отпихнула окровавленную конечность и снова двинулась на Джеззет.

— Хватит убегать, шлюха! — крикнула она.

— Хватит называть меня шлюхой!

«Оскорбления лишь впустую сотрясают воздух. Клинком всегда можно добиться большего, чем словом», — зазвучал у Джез в голове голос ее старого наставника.

— Зачем ты это сделала? — спросила Констанция, шумно втягивая носом воздух. Ее меч застыл в воздухе. — Она же была твоей подругой.

Джеззет фыркнула:

— В Диких Землях не бывает друзей, Констанция. Просто есть люди, которые еще не повернулись против тебя. Катерина знала это лучше всех.

— Лгунья.

— Ты действительно думаешь, что она была такой святой? — засмеялась Джеззет. — Катерина сама первой ополчилась на меня.

— ЛГУНЬЯ!

И бой продолжился.

Джез заблокировала атаку справа, пригнулась и быстро отскочила от мощного рубящего вертикального удара. По скамье взобравшись на стол, девушка парировала выпад Констанции и прыгнула на пол с другой стороны. Военачальница последовала за ней.

«Так, через двадцать футов слева еще дверь». Джез повернулась спиной в отмеченном направлении и принялась отступать, на ходу парируя удары.

— Как, по-твоему, Д'роан нашел меня, Констанция?

— Что? — рыкнула та.

— Когда они взяли меня, я выскользнула из лагеря, чтобы напиться в таверне. Неужели ты думаешь, что люди Д'роана не знали, где я буду, и наткнулись на меня совершенно случайно?

— ЛГУНЬЯ!

— Катерина сдала меня им. Она хотела, чтобы я исчезла. Д'роан часто хвастал этим, когда трахал меня. Он любил напоминать, что меня продала лучшая подруга.

— Она никогда... Зачем ей это делать? — Очередной удар Констанции чуть не разрубил стол пополам, и будь Джез хоть малость медлительнее, гарантированно отсек бы девушке руку.

— Потому что я перестала быть ей нужна. Получив под начало всю армию Х'оста, она стала видеть во мне угрозу и потому сдала меня врагам, надеясь, что те убьют меня.

— Но они тебя не убили.

Толкнув дверь, Джез оказалась на лестничной площадке. Слева вдаль уходил коридор. В нем девушке на мгновение привиделась какая-то темная тень, но Джез проигнорировала ее. Справа вниз вела лестница. Повернувшись к ней спиной, Мастер Клинка вновь сконцентрировалась на мече противника.

— Нет, Констанция, они не убили меня. Д'роан решил оставить меня в живых. Привязал к себе, как шавку, чтобы было, кому загнать член, когда припрет, или кого избить в порыве злости. И так — три месяца! — закричала Джеззет. — Три месяца меня избивали, насиловали и унижали каждый день, так что не надо говорить, что Катерина была моей подругой!

— Лживая шлюха! — раскручивая меч, выплюнула Констанция. — Ты убила ее!

К этому моменту Джем уже дошла до начала лестницы. Перехватив меч военачальницы своим, она шагнула в сторону, тем самым вынудив великаншу повернуться вместе с ней. Теперь спиной к лестнице оказалась Констанция. Джем с силой толкнула соперницу ногой в живот, отправив ее кубарем катиться вниз, и начала спускаться следом. «А лестница-то крутая. Смотри сама не упади».

— У меня не было выбора, Констанция. Когда я надоела Д'роану, он стал грозиться, что отдаст меня на поругание своим людям. Всей своей долбаной армии. А потом объявился Х'ост со своим идиотским соревнованием, и у Д'роана возникла идея получше.

Внизу лестничного пролета Констанция с трудом пыталась подняться на ноги. Ее левая рука, похоже, была сломана, лицо заливала кровь, а сама воительница опиралась на меч.

— Она бы никогда... никогда не стала драться с тобой.

Джем горько рассмеялась:

— Ей бы вообще никогда не драться. Катерина хорошо владела мечом, спору нет. Редко у кого встречается такой врожденный дар, но беда в том, что ее никто никогда толком не тренировал. В лагере Д'роана было с десятков человек, которые с легкостью искрошили бы ее в капусту, но ублюдку захотелось, чтобы это сделала я.

Держа двуручник одной рукой, Констанция неловко замахнулась, но Мастер Клинка просто отошла в сторону и стала неспешно кружить возле великанши.

— Он предложил мне сделку. Сказал, что, если я убью Катерину, если порежу ее на кусочки, да как-нибудь поунизительнее, он дарует мне свободу. Если бы я отказалась, он бы отдал меня своей армии на растерзание и проследил бы, чтобы я этого не пережила.

— Ты лжешь! — Еще один слабый выпад, и снова меч бесцельно вспорол воздух. — Когда ты убила ее, — из живого глаза Констанции потекли слезы, — ты все равно осталась с Д'роаном.

Джем помедлила с ответом.

— Да. Он отпустил меня на волю, но я осталась с ним. — «И ненавижу себя за это. Надс было убить его».

Великанша опустилась на одно колено, опираясь на меч. Она тяжело дышала, на ее лице застыла гримаса боли, а все тело дрожало, словно листок в бурю.

— Зачем ты мне это говоришь? Ты же знаешь, что я не остановлюсь. Я убью тебя, шлюха ты драная!

Джем кивнула:

— Да, Констанция, знаю.

Ее меч сверкнул в воздухе и резанул по лицу великанши.

Констанция рухнула на пол, закричала и схватилась за голову здоровой рукой. Клинок оставил ей второй шрам, зеркально повторяющий тот, оставшийся со дня турнира, со дня, когда умерла Катерина, а Джем обрела заклятого врага на всю жизнь.

Великанша вопила и корчилась от боли. Кровь сочилась между ее пальцами.

— Я говорю тебе это, потому что хочу покончить с этим, — сказала Джем. Собственный голос показался ей удивительно спокойным и печальным. — Я хочу, чтобы эта часть моей жизни осталась в прошлом. Прощай, Констанция.

С этими словами Джем вонзила меч в грудь соперницы, точно и аккуратно — лезвие прошло между ребрами и пронзило сердце. Констанция в последний раз жаднохватила ртом воздух, вздрогнула раз, другой — и замерла навсегда.

На обратном пути к парадному входу Джеззет повсюду видела тела: лакеи, служанки, солдаты, даже пара каких-то благородных особ. Все как один были располосованы на ленточки.

Выбравшись во двор, она поняла, что снаружи все еще хуже. На ином поле боя ей доводилось видеть меньше трупов. Здесь же они покрывали землю сплошным кровавым одеялом. Едва выйдя из здания, девушка чуть не наступила на чью-то голову и лишь через мгновение поняла, что эта часть тела принадлежала Зеленому. Хорошая половина его щеки отсутствовала, но ошибиться было невозможно.

В центре двора стояли двое мужчин с тремя лошадьми. Судя по голосам, Танкуил и Черный Шип о чем-то спорили, но ни тот, ни другой оружия не обнажали. Наемник тыкал арбитру пальцем в грудь и показывал куда-то в сторону города. Охотник на ведьм в ответ лишь мотал головой.

Джеззет подошла к ним, старательно обходя тела.

— Отличный отвлекающий маневр, Шип.

«Не говоря уже о том, что вырезать целый гарнизон уже сродни подвигу».

— А? — Оба мужчины разом повернулись к ней; Танкуил улыбнулся, а лицо Черного Шипа перекосил оскал.

— Ты про это... — Торн окинул взглядом двор. — Это не я, это Х'ост. Хотя винить во всем будут, скорее всего, именно меня.

— Ты... — начал Танкуил.

Джеззет улыбнулась:

— Я в порядке.

— Ты...

— Да, я это сделала.

Шип сплюнул.

— Сделала что?

— Убила Констанцию.

— Серьезно? Что ж, Х'ост тоже мертв. Расскажи ей, арбитр.

Танкуил вздрогнул и поморщился.

— Я убил его ложкой.

Черный Шип прыснул, и Джеззет не смогла удержаться, чтобы не присоединиться к веселью. «Смерти лучше для этого подонка не придумаешь».

— Зачем лошади? — спросила она.

Крупная гнедая кобылица посмотрела на нее глупыми глазами, а затем шагнула ближе к девушке и принялась обнюхивать ее руку.

— Идея нашего охотника, — объяснил Шип. — Нам нужно быстро сваливать отсюда, так что я с ним согласен.

Джеззет кивнула.

— А что с остальными? Я видела Зеленого... вернее, его голову...

— Никого не будет. Остались только мы.

«Что ж, Мослака мне будет не хватать». Хотя, быть может, еще и Шустрого — он, конечно, был полным дерьмом как человек, но Джеззет нравились его истории.

Хоть Джеззет никогда не доверяла лошадям, ездить верхом она умела и потому бодро вскочила на спину кобылицы. Танкуил в седле тоже держался вполне уверенно, а вот Черный Шип все время беспокойно ерзал, словно опасаясь, что кто-то что-нибудь воткнет

ему в задницу. Высоко в небе ярко светила луна, на улицах горели фонари, но все равно было очень темно. Они были не единственными, кто стремился выбраться из города, — все дороги наводнили люди, стекающиеся к воротам. Время от времени Джеммет замечала тела, а откуда-то издалека до ее ушей долетали крики.

— Что здесь произошло? — спросила девушка.

Танкуил горько вздохнул:

— Нас это не касается.

— Ага, только вот думается мне, что это тоже повесят на меня! — рыкнул Черный Шип.

Только на третий день после событий в Хостграде Джеззет задала свой вопрос. К тому моменту стало казаться, что едут они целую вечность, не меньше. Задница Танкуила уже настолько одеревенела, что почти перестала болеть, хотя остальным, похоже, приходилось еще хуже. Черный Шип безостановочно ворчал и жаловался. Арбитр пробовал было советовать ему двигаться в такт с лошадьёю, но тот каждый раз стонал на предмет «бедных своих яиц». Джез терпела боль молча, однако Даркхарт видел, как она вздрагивает. Время от времени они останавливались, чтобы напоить лошадей и дать им немного передохнуть.

Никто не заметил, что они покинули Хостград, — жители города и солдаты были слишком заняты, пытаясь скрыться от вырвавшегося на улицы хаоса, чтобы обратить внимание на трех всадников среди тысяч других.

Никто из троицы не знал местность так, как Шустрый, но путь до леса, граничившего с Йорлом, особых трудностей не должен был вызвать. После всадникам нужно будет найти способ безопасно пересечь реку и дальше скакать на юг до самого Чада. Теперь, когда группа резко уменьшилась, стоять в дозоре по ночам стало намного труднее — приходилось одновременно следить и за возможными неприятностями, и друг за другом. Особенно непросто Танкуилу было доверить свою жизнь Черному Шипу, но арбитр смирился с тем, что выбора у него нет, да и Шип уже не раз хорошо себя показал.

— Ты обещал все объяснить, если мы оба уцелеем, — напомнила Джеззет как раз тогда, когда мракоборец собирался спать.

Костер разводять они не стали, чтобы не привлекать внимание бандитов, которых в лесу хватало. Вся троица просто сидела кругом посреди небольшой рощи. Танкуил прислонился спиной к одному дереву, Черный Шип оперся на другое, не теряя бдительности, но тоже слушая. Джеззет села, скрестив ноги, на покрытую зеленым мхом землю и уставилась на арбитра.

— Я... — Танкуил бросил мимолетный взгляд на Черного Шипа, не уверенный, сколько правды следует говорить, зная, что наемник его слушает.

— В Инквизиции завелся предатель... — начал Даркхарт.

Он рассказал спутникам почти все: о том, как его отправили в Чад разобраться с ведьмой в темнице; об истинной цели найти и допросить Х'оста о его связи с изменником; о том, что лорд ему поведал, — о женщине-инквизиторе и ее сообщнике. Он рассказал, что Х'ост пытался вселять демонов Пустоты в живых людей, и о своих опасениях насчет того, что предатель мог проделывать то же самое с арбитрами. Умолчал только о том, что демоны обязаны служить Инквизиции и что на задание его отправил сам бог-император.

К концу рассказа Даркхарт обнаружил, что от длительной болтовни у него разболелась челюсть. Джеззет словно нарочно старалась не смотреть ему в глаза, зато во взгляде Черного Шипа читалось нечто, похожее на уважение.

— И что ты теперь будешь делать, арбитр? — спросила девушка.

Танкуил видел для себя лишь один приемлемый вариант.

— Я вернусь в Чад. Там сяду на лодку до Сарта. Найду арбитра Кессика. Через нег выйду на инквизитора, что предала нас, и убью обоих.

— А почему бы тебе просто не рассказать остальным инквизиторам об этом Кессике? Пусть они пытками выбьют из него правду, — хмыкнул Черный Шип.

Танкуил вздрогнул.

— Я не знаю, кому можно доверять. Если Кессик пронюхает, что за ним охотятся, он, скорее всего, сымитирует свою смерть и сбежит, а я останусь ни с чем. Мне нужно, чтобы он привел меня к настоящему предателю.

— Тогда вперед, — сказал Шип. — Вычисли отступника и сдай его со всеми потрохами инквизиторам.

— Я не могу обвинять арбитров или инквизиторов в ереси без должных доказательств, Шип.

— Почему нет?

Танкуил с трудом подавил вздох.

— Меня в Инквизиции не очень-то любят. Они скорее меня самого обвинят в ереси. Большинство и так уверены, что я виновен.

— Почему? — спросила Джеззет.

— Не важно. — Меньше всего Танкуилу хотелось сейчас рассказывать о своем прошлом и о своей семье.

Даркхарт сбросил с плеч плащ и, скрутив его тугим клубком, сунул в заплечный мешок.

— Слишком опасно сейчас расхаживать в костюме арбитра — что здесь, что в Чаде или Сарте. — Странно, но без привычного одеяния он почувствовал себя голым.

— Мне нужна ваша помощь, — сказал Танкуил. — Вас обоих. Я...

— Помощь в чем? — уточнил Шип.

— В том, что ты умеешь делать лучше всего, Черный Шип. Убивать арбитров.

Наемник рассмеялся. Танкуил уже почти привык к этому резкому, скрипучему звуку.

— Нет.

— Гм-м... — Такого ответа Даркхарт не ожидал.

Джеззет продолжала безмолвно сидеть на своем месте.

— Убивать вас, подонков, опасно для здоровья, и мне нет никакого резона рисковать своей шкурой из-за твоих проблем. С меня хватило и недавнего. И плевать мне на награду.

— А если я предложу тебе помилование...

— Мм?

— Поможешь мне — и я сделаю так, что Инквизиция отвяжется от тебя, Шип. Тебе больше не придется беспокоиться о том, что арбитры придут за твоей шкурой.

Это, похоже, заинтересовало наемника.

— Ты это можешь? Сам же говорил, тебя не особо жалуют...

Даркхарт усмехнулся.

— Обвинить инквизитора в ереси и убедить Совет в том, что Черный Шип не еретик, — две разные вещи. Помоги мне, Шип, и я добуду тебе помилование. Ты никогда больше не увидишь ни меня, ни других арбитров. А еще тебе хорошо заплатят. Две сотни золотых в валюте Сарта. Вполне достаточно, чтобы отправиться куда угодно и начать новую жизнь.

— Помилование за убийство арбитра, — снова засмеялся Шип. — Я в деле.

Танкуил хотел было открыть рот и спросить Джеззет, но девушка заговорила первой:

— Я тоже. И я хочу того же, что ты обещал Шипу. Две сотни золотых и никакого преследования со стороны арбитров.

— Идет.

— Теперь, думается мне, нам нужен реальный план, — с ухмылкой сказал Черный Шип. Джеззет кивнула, не сводя глаз с Танкуила.

— А без этого плаща ты выглядишь почти нормальным человеком.

Часть четвертая
АРМИЯ ДВУХ

Пусть не быстро, но они снова двигались — уже хорошая новость. Когда троица погрузилась на первый же корабль, следующий в Сарт, ничто не предвещало долгого путешествия.

— Ветер крепкий, — говорил тогда капитан. — Не удивлюсь, если доплывем за три недели.

С тех пор прошло шесть недель, две из которых они провели в полном штиле.

Бетрим не был уверен, что хуже — застрять в море или оказаться в Сарте. Таким людям, как он, не место в городе обители Инквизиции, где повсюду шляются охотники на ведьм и высматривают, кого бы сжечь.

Первые три недели плавания Торн практически не отходил от ограждений, извергая за борт содержимое желудка даже тогда, когда, казалось, блевать уже просто нечем. До этого ему лишь дважды доводилось выходить в море. Первый раз — когда он покинул родной дом и отправился в Пять Королевств, где всю зиму только и пытался, что не сдохнуть от холода. Второй — когда двинул из Пяти Королевств в Дикие Земли, где на протяжении двенадцати лет убивал людей за деньги и прятался от охотников на ведьм. Теперь же он плыл обратно в Сарт — место, где он родился и где ему больше не рады.

Зато хоть корабельная команда оказалась неплохой — Бетрим даже умудрился кое с кем подружиться. Один матрос — носивший прозвище Носатый Олли за огромный нос, похожий на ястребиный клюв, — отвел его на корму и сунул в руку бутылку рома. Моряки называли его «Вдовым даром». Практически черное пойло оказалось намного крепче любого спиртного из всех, что наемник когда-либо пробовал. Вскоре рвотные позывы прекратились, и Торн вознамерился провести остаток путешествия в пьяном забытьи. К счастью для него, на корабле было полным-полно ядреного рома.

Остальная команда тоже отнеслась к Бетриму довольно хорошо. Они пили, играли на деньги и травили байки о том, кого в каком порту какие крали ждут. И никому, похоже, даже в голову не пришло, что перед ними не просто Бетрим Торн, пьянствующий рыжеволосый бедолага с обожженным лицом, страдающий морской болезнью, но Черный Шип — беглый наемник с репутацией чернее, чем ром в их бутылках.

Дважды за их посудиной устремлялись другие корабли — по словам капитана, пираты, — но никому так и не удалось догнать «Голубую чайку». Даже в легкий бриз она без труда обставляла любые другие суда. За время путешествия им не попалось ни одного чудовища из глубин, хоть арбитр из кожи вон лез, утверждая, что они существуют. Бетрим с ним не спорил. Он сам слышал разные истории о гигантских существах с восемью щупальцами, на каждом из которых куча присосок, способных запросто сорвать у человека лицо; об огромных левиафанах, грозящих разбить корабль в щепки одним ударом хвоста и настолько быстро плавающих в морских пучинах, что ни одному кораблю от них не уйти. Когда Торну привиделся под водой чей-то силуэт, Олли лишь рассмеялся и сказал, что это сетвиты, питомцы морского народа. Они следуют за кораблями и ждут, пока кто-нибудь не свалится за борт, чтобы утащить бедолагу на дно, где с ним без конца будут спариваться русалки. Бетрим не готов был поверить в существование русалок и уж точно не собирался нырять, чтобы проверить, действительно ли они живут в морских пучинах.

За спиной Торна раздался глухой стук. Обернувшись, он увидел арбитра, растянувшегося

на палубе и потирающего очередной синяк на руке. Бетрим расхохотался, и несколько матросов поблизости подхватили его смех.

— Ты что, совсем ничему не учишься, ар... Танкуил? — В который уже раз Бетрим едва не сболтнул лишнего, хотя, по его мнению, даже без плаща в Даркхарте только слепой не углядел бы охотника на ведьм.

Сверкнув на Бетрима глазами и тяжело вздохнув, арбитр поднялся с палубы, подобрал выпавший из руки меч и приготовился к очередному избиению. Джеззет Вель'юрн пристально следила за ним и ждала. Они практиковались так каждый день с того самого момента, как ступили на борт корабля, и использовали для этого затупленные мечи — так арбитр мог не опасаться, что в разгар спарринга заработает смертельную рану. Танкуил никогда не жаловался на боль, но Бетрим готов был спорить на любые деньги, что под одеждой все его тело сплошь покрывают синяки да ссадины.

Поначалу матросы глумились над арбитром, мол, «позор!», «проиграл девчонке!» — и все такое. Кто-то вызвался продемонстрировать Джеззет, как с мечом обращаются настоящие мужчины, а один, самый ретивый, даже умудрился схватить ее за грудь. И тут же пожалел об этом, когда Джеззет сломала ему нос, вывихнула руку и чуть не выкинула за борт. Бедолагу спасло только громогласное вмешательство капитана, который после случившегося объявил, что любому, кто хоть пальцем попробует тронуть девушку, светит пять ударов плетью и, если ей того захочется, Джеззет будет сама этой плетью орудовать. Судя по ухмылке, такой расклад ее более чем устраивал.

Мечи вновь скрестились, наполнив воздух сладостным звоном поющей стали. Арбитр напирал, заставляя Джеззет отступать. Она парировала, уклонялась и изредка делала ответные выпады. Время от времени девушка давала Танкуилу советы, как ему следует двигаться и как ставить ноги; когда лучше атаковать сверху, а когда снизу; когда следует бить со всей силы, а когда лучше отвлечь противника. Если мракоборец справлялся хорошо, она подбадривала его, но стоило только ему допустить ошибку — и Джеззет мгновенно била его своим мечом, разоружала, а затем делала строгий выговор.

Все трое делили одну каюту, но Бетрим редко там показывался, и то лишь для того, чтобы взять что-нибудь из своих вещей. Остальное время он предпочитал проводить на палубе, любуясь морем с бутылкой рома в руке. Несколько раз, когда шел дождь, Торн спускался на нижнюю палубу и присоединялся к экипажу.

Он все еще видел сны о той ночи в Хостграде. Кто-то назвал бы их кошмарами, но Черный Шип был не из тех людей, кто жил воспоминаниями. Но все равно каждый раз, стоило ему подумать о тени, пожирающей лицо безмолвного Босса, по спине пробегал холодок. Бетрим в жизни навиделся всякого, но Хостград... что творили с людьми эти тени... и то, как арбитр просто приказал твари исчезнуть...

Торн сделал добрый плоток «Вдовьего дара» и сел на палубу, прислонившись спиной к бортовому ограждению. Голова слегка кружилась. Ярко-голубое небо с одним-единственным облачком, обжигающее солнце, легкий приятный ветерок... Идиллия — если забыть о безграничной водной глади внизу. И это притом, что Бетрим никого не убивал уже семь недель или около того — он никогда не был силен в числах, но в любом случае это можно было считать его личным рекордом.

Арбитр снова шлепнулся на палубу, мотая рукой. Джеззет применила свой любимый прием — резким ударом по запястью выбила меч из руки противника.

С Танкуилом он срабатывал каждый раз. Бетрим рассмеялся и поднял бутылку рома в

салюте арбитру.

— Вот ты смеешься, Торн, а сам даже не попробовал сразиться с Джез, — лежа на палубе, буркнул Танкуил.

Джеззет прожгла мракоборца суровым взглядом требовательного наставника:

— Вставай и подними свой меч. Иначе тебе нечем будет защищаться, когда я атакую.

— Я не дурак, чтобы драться с Джеззет Вель'юрн. Хотя вряд ли со мной она справилась бы так же легко, как с тобой, — сквозь смех выдавил Бетрим.

— Если это, по-твоему, легко...

— Ну, ты все еще без меча, и она еще не начала тебя избивать, так что да, легко.

На самом деле, с каждым разом арбитр действовал все лучше — и хвала за это ангельскому терпению Джеззет. Только вот даже будь у них времени до конца света, охотнику на ведьм ни за что не стать настоящим мечником. Некоторые люди просто не способны на это, и Танкуил принадлежал к их числу.

Внезапно рядом с Бетримом возник шатающийся Олли. Матрос угнездился рядом с наемником, взял у него из руки бутылку и приложился к ней.

— Разрази меня гром, да ты хлещешь эту дрянь быстрее любого, кого я когда-либо знал!

— Ага. На вкус дерьмо и жжется, как огонь, но это лучше, чем снова блевать за борт.

— Твоя правда, Торн. — Мечи вновь запели свою звонкую песню. — Слушай, эти двое хоть иногда занимаются чем-нибудь, кроме драк и секса?

Джеззет перехватила меч арбитра своим, шагнула навстречу противнику, а затем, резко крутанувшись на месте и толчком бедра повалив его на спину, бросила полный желчи взгляд в сторону Бетрима и Олли.

— Кажется, она тебя слышала, Носатый.

— Ага, похоже на то, — ухмыльнулся Олли. — Прости, мисс В'юрн. Я не имел в виду ничего такого. Просто вспомнил одну портовую девчушку. Это было в Краеземье, в Пяти Королевствах. Уж извините, имя не запомнил, но зато когда она не трахалась, любила швырять в людей ножи. Могла с двадцати шагов попасть в подброшенное яблоко. За работу она брала знатно, целый пенни, но, поверьте, это того стоило. Чего она только не вытворяла с...

— Ты меня со шлюхой сравниваешь? — возмутилась Джеззет.

Танкуил все еще валялся на палубе и улыбался, как дурак. Олли забеспокоился, однако Бетрима это уже не заботило. От разговоров о шлюхах ему вдруг вспомнилась Роза.

Быть может, свою роль сыграл ром, но Торн вдруг понял, что ему трудно вспомнить, как она выглядела, как она пахла. Но он помнил, что ему было с ней чертовски хорошо и что она — самая красивая женщина из всех, с которыми ему доводилось спать. Не бог весть что, но все остальное было словно окутано туманом.

От мыслей о сестре Шустрого его мозг перешел к мыслям о самом Шустром, о том, как эти двое поцеловались и как после этого Роза отказалась целовать Шипа. Девушка что-то говорила, что-то об их матери, но он не мог вспомнить, что именно. И хоть Шустрый был тем еще мерзавцем, Бетрим скучал по нему. Парень никогда не лез за словом в карман, и хоть в его историях не было ни слова правды, он умел развеселить ими кого угодно.

Скучал Бетрим и по Мослаку. Он всегда считал здоровяка своим другом, и тот не раз спасал ему жизнь. В Хостграде Торн был слишком занят спасением Генри и не видел, чтобы гиганта убили, но когда все закончилось, Мослак просто исчез, равно как и Шустрый, и Генри. Поскольку Черный Шип не видел их среди горожан или позже, в пути, то склонялся к

мысли, что они погибли. Генри ему не хватало больше всех. Плевать, что эта кровожадная сука пырнула его мечом — они всегда оставались друзьями, хоть Бетрим и не мог сказать почему.

Он скучал даже по Боссу. Торн буквально видел перед собой могучего южанина, качающегося из стороны в сторону и с широко раскрытыми глазами, полными печали. Он видел, как тень потянулась к Боссу, схватила его за шею, подняла с земли. Громадная черная пасть раскрылась так сильно, что могла проглотить человека целиком. Но вместо этого челюсти сомкнулись на его голове, разрывая плоть и кость, словно мякиш хлеба. Кровь... Безжизненное тело Босса, кучей мяса рухнувшее на землю...

— Торн!

Бетрим резко распахнул глаза и огляделся. Олли исчез, Джеззет и арбитр были на своих местах, но уже без мечей. Перед ними стоял капитан и куда-то показывал рукой. Интересным он был человеком, этот капитан, — пестро разодетый, с темно-кариими глазами и квадратной челюстью под стриженной бородой. Спину он держал всегда подчеркнута прямо, а его рука никогда не удалялась от эфеса меча.

— Торн, — повторил арбитр, — если ты еще не совсем пьян, будь добр, подойди сюда и посмотри.

— Ага, — сказал Бетрим и попытался подняться. Получилось только со второй попытки. — Уже иду, гребаный ты охот... Кто из вас меня позвал?

Мракоборец непонимающе посмотрел на него, а наемник потряс головой:

— Что за черт? Почему вас трое?

Он хотел было положить руку арбитру на плечо для равновесия, но ладонь ухватила лишь воздух. Бетрим понял, что стоит на коленях и тупо пялится на палубу перед собой. Вдруг чья-то рука подхватила его и помогла встать.

— А ты чертовски силен, костлявый ублюдок, — невнятно промямлил Бетрим арбитру в лицо. Пьяным быть хорошо уже потому, что можешь творить что угодно без особых последствий. — На что я смотрю?

— Это... — сипло отчеканил капитан. Бетрим сощурился и посмотрел туда, куда указывала рука. Море, сплошь синее море, и только тонкая темная полоска на горизонте. — ...побережье Сарта. Завтра мы прибудем в порт.

— Давно пора.

— Трезвей, Торн, — сказал арбитр.

— Знаешь, меньше всего я хочу соваться в Сарт на трезвую голову.

— Очень жаль, — Танкуил взял Бетрима под руку и повел его куда-то; Джеззет последовала за ними, — потому что я меньше всего хочу видеть тебя в стельку пьяным.

Вместо каюты арбитр привел наемника в кают-компанию. В небольшом помещении умещалась пара столов с парой скамей у каждого, все намертво приколоченные к полу. В углу стоял кок и мешал что-то в кастрюле. Пахла его стряпня одновременно изысканно и отвратительно.

Охотник на ведьм усадил Черного Шипа на скамью. В другой раз Бетрим ни за что не позволил бы так с собой обращаться, но сейчас у него не осталось сил даже просто разозлиться.

— Если все будет хорошо, завтра мы войдем в порт, — сказал коку арбитр. — Он нужен нам трезвым, так что никакого рома.

— Понял, — оскалился тот. — Никакого рома.

Торн проследил, как три мракоборца и три Джеззет уходят, а затем неуклюже повернулся к трем кокам. Все они таращились на него.

— Ром есть?

Никогда за свои пятьдесят лет Танкуил не был так рад снова увидеть Сарт. Но вместе с этим город пугал его. Казалось, годы прошли с того дня, как он сел на корабль и уплыл отсюда, подальше от Инквизиции и мрачных взглядов, от бога-императора с его подозрениями. Трудно поверить, что это было всего пять месяцев назад. И теперь он возвращался обратно. Возвращался без доказательств, которые император Франциск приказал ему найти. Он знал имя одного предателя, но этого было мало. Ему нужно было имя инквизитора, стоящего за Кессиком.

Танкуил мог пойти к богу-императору и рассказать ему то небольшое, что узнал. Факт, что отступник — женщина, сокращал список подозреваемых до двух инквизиторов: это либо Герон, либо Доун. Но что им предъявить, если нет доказательств? Даже император не сможет просто так войти в крепость Инквизиции и заявить Совету, что среди них — еретик. Нет, лучше пока оставить его непосвященным. Танкуил узнает имя предательницы, лично разберется с ней... и после будет держать ответ за свои действия. Даркхарт сомневался, что бог-император замолвит за него словечко. Как-никак он выбрал Танкуила именно потому, что его не жалко потерять.

— И это твой дом? Миленько. Ну и где заседает Инквизиция? В белом или черном замке? — раздался справа голос Джезет.

Девушка, как всегда в эти дни, держалась поблизости. Танкуилу пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы не протянуть руку и не коснуться ее. Она здесь, чтобы помочь ему, а не...

— В черном, — сказал арбитр и ткнул пальцем, словно иначе было непонятно, где какой. — Белый — это императорский дворец, хоромы бога-императора.

Они стояли на носу корабля, опершись на ограждение и ожидая. Сарт был городом осторожности: все причаливающие корабли обязательно встречает небольшая лодка с портовым инспектором на борту. Инспектор поднимается на судно, расспрашивает капитана о том, откуда и куда он держит курс, и досматривает груз. Один из них уже смерил троюцу пассажиров коротким взглядом и, видимо, решил, что они не представляют для него интереса.

— Выглядит... уныло, — сказала Джезет, разглядывая черную башню Инквизиции.

— Словно прямиком из ада, — выдохнул стоящий чуть позади Торн. — И в ней ждет своего часа армия демонов, готовых вырваться в любой момент. Черный шпиль посреди белого города. И я знаю, почему она черная, — это все сажа и прах сожженных людей.

Танкуил, возможно, и посмеялся бы над таким заявлением, не будь в параноидальном лепете Черного Шипа доля истины. Башня Инквизиции видела больше сжиганий повешений, расчленений, избиений и пыток, чем любое другое здание в человеческой истории.

— Совершенно согласен, — сказал Танкуил, — с вами обоими. Никогда не считал это своим домом. Просто место, куда мне нужно время от времени приезжать и отчитываться.

Торн плюнул за борт корабля — он нервничал и не скрывал этого.

— Ты уверен, ар... Танкуил? У меня что с черной, что с рыжей шевелюрой все равно слишком узнаваемое лицо.

— Все будет в порядке. Верить ты мне или нет, но большинство из нас понятия не

имеет, как ты выглядишь. Кроме того, Сарт — последнее место, где тебя кто-нибудь додумается искать.

— Ага, когда я буду шнырять у них под самым носом.

— Именно так.

— А что с тобой? Снял плащ и думаешь — стал невидимкой?

— В некоторой степени. Мало кто в Инквизиции знает меня в лицо. А без плаща даже те, кто знает, вряд ли обратят на меня внимание, встретиться мы на улице.

— А вы разве не... не знаю... не чувствуете друг друга?

Танкуил усмехнулся:

— Нет, не чувствуем.

— Чертовы мракоборцы. Подмяли под себя целый гребаный город. Жизнь в сраном Сарте всегда тяготила мою семью, а ваша братия делала все только хуже. Я не рассказывал, зачем к нам приперся тот арбитр, которого я потом убил первым?

— Нет.

— Потому что мои отказались платить Инквизиции оброк! Вот те и послали охотника на ведьм выяснить почему. Хотя мне кажется, скорее для того, чтобы сжечь моих стариков и поставить на их место кого-нибудь более покладистого. Правда, когда он прибыл, мои уже были мертвы, и сам он быстро присоединился к ним.

— А потом ты сбежал...

— Именно! Я сбежал. А какой еще у меня был выбор? Совсем мальчишка, а уже в бегах. Куда бы я ни сунулся, охотники смотрели на меня так, словно все про меня знали. Словно чувствовали во мне того, кто убил одного из их товарищей.

— Мы такого не можем.

— Теперь я это знаю.

Обожженное лицо Черного Шипа перекосила гримаса, будто от боли, а уже через секунду он блевал за борт.

Меж тем Джезет не сводила глаз с раскинувшегося перед ней вида. С корабля Сарт казался обычным портовым городом, разве что все здания были построены из белого мрамора — королевство всегда славилось его запасами, — который каждый день чистили сотни рабов, дабы город сверкал. Башни императорского дворца возвышались над остальным городом, словно две огромные белые руки, тянущиеся к небесам. Обитель Инквизиции являла собой полную его противоположность — одинокий и оцетинившийся черный шпиль, настолько контрастирующий с окружающей белизной, насколько это вообще возможно.

— Ты никогда раньше не была в Сарте? — обратился к девушке Танкуил, уже зная ответ.

— Нет. По правде говоря, я вообще мало где была. Большую часть жизни провела в Акантии, в Труридже. Иногда наставник, отправляясь в свои недолгие походы, брал меня с собой. Однажды я даже посетила столицу. Но чаще всего он оставлял меня одну.

Когда я убила его... когда стала Мастером Клинка, я двинулась на восток. Хотела увидеть пустыню. Думала даже пересечь ее, а в итоге села на корабль до Пяти Королевств. Там я одно время была наемником, пока на меня не обратил внимание Меч Севера... После этого я рванула в Краеземье так быстро, как только смогла, и отправилась в Дикие Земли. Мне казалось, таким, как я, там легче всего делать деньги.

Когда все это закончится, я, наверное, сяду на корабль, идущий в Драконью империю. Всегда мечтала увидеть настоящего дракона. Ты... ты можешь отправиться со мной. Я

слышала, путь туда неблизкий, а в компании будет не так скучно.

Танкуил рассмеялся:

— Когда все это закончится, меня не будет... — Даркхарт понимал, что к тому моменту он либо будет мертв, либо останется до конца своих дней гнить в темнице Инквизиции, где его единственной компанией будут голодные крысы, и молить о скорейшей смерти. — У меня будут дела.

Джеззет кивнула и вернулась к созерцанию города.

Вскоре на палубе вновь показался портовый инспектор в сопровождении капитана «Голубой чайки». Они пожали друг другу руки, и инспектор вернулся на свою лодку с выражением лица куда более довольным, нежели перед проверкой. Взятки в таких портах не редкость — когда хочешь причал получше, дать на лапу обычно не жалко. Арбитров учили: «Где власть, там всегда и продажность». Причем чем мельче власть, тем более падкая она до денег.

Когда корабль снова тронулся, никто из трех пассажиров на носу не проронил ни слова. Черного Шипа слегка отпустило, но он весь позеленел и явно не горел желанием участвовать в беседах. Джеззет тоже замкнулась в себе. Даже капитан, казалось, почувствовал что-то недоброе, подойдя к ним, и долго не решался заговорить.

— Я обещал доставить вас в целостности и сохранности — я это сделал. Простите за задержку, но... ну... человеку не дано контролировать природу.

— По крайней мере, не полностью, — натянуто улыбнулся Танкуил.

Капитан насупился.

— Точно. Как только мы причалим, вы свободны.

— Спасибо, капитан Хейл.

Тот что-то хрюкнул себе под нос, почесал бороду и с важным видом удалился. Остаток пути до пирса все провели в молчании.

Когда команда пришвартовала судно и начала разгрузку, Джеззет наконец задала вопрос:

— Так какой у нас план?

— Сначала найдем себе пристанище. В Сарте множество дешевых таверн, достаточно удаленных от цитадели Инквизиции, чтобы арбитры туда не захаживали.

— Я думал, ты не боишься обнаружения, Танкуил, — притворно ухмыльнулся Черный Шип.

— Нет смысла испытывать судьбу. Никому из нас. А завтра мы разузнаем подробности о местоположении Кессика.

— Есть идеи, как нам это провернуть?

— Очень просто. Джеззет пойдет в крепость Инквизиции и позовет его.

— Знаешь, вблизи она выглядит еще кошмарнее, — заявил Бетрим и сделал добрый глоток; он уже оценил по достоинству все прелести сартского пива, после которого ту паршивую коричневую мочу, что варят в Диких Землях, даже вспоминать не хотелось.

— А ты прав, — негромко согласилась Джеззет.

Арбитр ничего не сказал.

Танкуил нашел дешевый постоялый двор в одном из самых бедных районов Сарта и снял две комнаты: одну для Торна, другую для себя и Джеззет. Большую часть времени Бетрим провел в общем зале, напиваясь до нужной кондиции, заплатив за все еще с утра, пока мог что-то соображать. Проснулся же он от дикой пульсации в голове, которая, как оказалось, удивительно совпадала со стуком в его дверь. Арбитру хватило всего одного взгляда на Шипа, чтобы горько вздохнуть. Бетриму жутко захотелось врезать ублюдку за такое к себе отношение, но он удержался. А несколько минут спустя Танкуил сунул ему в руку какой-то кулон и велел носить его, не снимая, но прятать под одеждой, иначе другие охотники на ведьм опознают в этой безделушке оберег. Поначалу Бетрим отнесся к заявлению скептически, но стоило ему надеть этот кулон на шею — и всего через пару секунд похмелье как рукой сняло. Черный Шип не преминул этим воспользоваться и накатило еще пива.

Сейчас же они сидели в другом трактире, уровнем повыше, всего в нескольких сотнях шагов от крепости Инквизиции. Таких домов Бетрим раньше не видал: чистые полы, никакого тростника или соломы, только натуральное дерево. У всех столов стояли не табуретки или скамьи, а полноценные кресла, наряду бармена иные чистокровные модники могли бы позавидовать, а служанки все до единой были полностью одеты и сверкали прекрасными белоснежными зубами. На втором этаже трактира — впрочем, как и любого другого здания в этой части города — находился балкон для желающих посидеть и выпить на свежем воздухе. В солнечном свете белый камень, из которого здесь было построено, казалось, вообще все, кроме башни Инквизиции, ослепительно сверкал.

Люди не зря называли Сарт «белым городом Священной империи», но Бетрим считал, что для привлечения народа можно было к этому добавить «город хорошего пива и чистых женщин». Он уже привык к разгуливающим повсюду арбитрам. Хорошо хоть Танкуил оказался прав — действительно, никому из них ни он, ни Черный Шип не были интересны. Джеззет собирала взглядов на порядок больше, чем оба мужчины вместе взятые.

— Видишь стражников у главных ворот? — наставлял Джек Танкуил. — Они остановят тебя, но не станут с тобой говорить. Ты тоже ничего не говори, просто жди. В сторожке всегда дежурит арбитр — он-то и расспросит тебя о цели твоего прихода.

Джеззет кивнула. Она ошутимо нервничала, и Бетрим не мог ее в этом винить — а как иначе, когда ты готовишься сунуть голову в пасть льву?

— Что мне сказать?

— Правду. Ты здесь, чтобы поговорить с арбитром Кессиком.

— И привратник отправится за ним?

— Нет. Он пошлет кого-нибудь, а сам не будет спускать с тебя глаз, пока Кессик не придет.

Джеззет снова кивнула.

— Что, если Кессика там нет?

— Тогда нам очень не повезло.

— А что, если вообще нет никакого Кессика? — вмешался Бетрим. — Что, если твой предатель просто нарядил кого-то охотником на ведьм и послал его к Х'осту? Что, если Кессик — фальшивое имя? Смотрю я, уж больно много в твоём плане этих «что, если».

Танкуил не ответил. Бетрим глотнул еще пива. Мракоборец заявил, что его кошелек не бездонный и что он не сможет в Сарте проставлять выпивку всем, но Бетрим еще в Хостграде обобрал труп Босса и разжился десятью золотыми — достаточно, чтобы не просыхать до самого конца дела.

— Но если Кессик реален... то что мне ему говорить? — смутилась Джеззет.

— Скажи, что Х'ост мертв. Убеди его, что ты посланник из Хостграда и что тебе приказали в случае смерти Х'оста отправиться в Сарт и известить арбитра Кессика. Моего имени не называй, но в остальном постарайся говорить правду.

— Невозможно солгать арбитру, — вставил Бетрим.

— Точно.

— Я серьезно, Танкуил. Что, если Кессик начнет задавать Джез вопросы? Узнать правду ему не составит труда.

— Думаю, я смогу сделать оберег, который защитит ее от его принуждения.

— Думаешь? — фыркнул Бетрим. — Сплошные «что, если», «я думаю», «может быть»...

— Тише, Шип. Со мной все будет в порядке. — Джеззет посмотрела на арбитра. — Может, тебе стоит задать мне пару вопросов, чтобы я на деле поняла, что такое принуждение?

Танкуил вздрогнул и покачал головой:

— Я... Я не...

— Кажется, будто кто-то лезет тебе в голову. Хватает то, что ему нужно, и силой тянет у тебя изо рта. Ты не можешь ни о чем думать, не можешь контролировать себя, идешь против собственной воли. Я права, Танкуил?

Арбитр, уставившись в кружку с пивом, молча кивнул. Его рука почему-то тряслась. Похоже, он никогда не использовал свою магию на Джеззет. Задумавшись об этом, Бетрим вдруг понял, что и на Черном Шипе тоже.

Бетрим взмахом руки подозвал служанку и попросил ее принести еще пива. Глянув на его лицо, девушка застыла, шокированная и напуганная. Раньше бы это разозлило Черного Шипа, но сейчас он лишь засмеялся.

— На вид все еще не так плохо, можешь мне поверить. Хочешь потрогать? — провел он тремя пальцами по обгорелой половине лица.

Служанка сию же секунду развернулась и чуть ли не бегом бросилась выполнять заказ.

— Женщины всегда так на тебя реагируют, Шип? — с невинной улыбкой спросила Джеззет.

— Ты-то еще не сбежала с воплями.

— Мне платят, чтобы я терпела твою рожу.

— Ну прям история всей моей жизни, — ухмыльнулся Бетрим, прекрасно зная, что когда мышцы натягивают обожженную кожу, выглядит это еще страшнее обычного.

Арбитр окинул взглядом улицу, ведущую к цитадели Инквизиции. В Диких Землях мощеные улицы редкость, но в Сарте только такие и были. Здесь вообще все, казалось, было сделано из камня. Зато можно не бояться больших пожаров, что довольно актуально для

города, полного охотников на ведьм.

— Он спросит тебя о Х'осте, — продолжал Танкуил, — чтобы убедиться, что ты та, за кого себя выдаешь. Говори расплывчато, мол, работала на него, но к его совету допущена не была. Когда он будет задавать вопросы, постарайся сделать вид, что ты пытаешься думать о чем-то другом, но не можешь.

Джезет попробовала нахмуриться, сдвинула брови, сморщила лоб. На взгляд Бетрима, это смотрелось так, будто у нее запор. Между тем вернулась служанка и принесла пиво. Черный Шип легонько коснулся ее руки и улыбнулся. Бедняжку аж перевернуло от отвращения, и она убежала.

Так они и просидели в трактире остаток дня, пока солнце не стало опускаться за дома. Арбитр обеспокоенно следил за черной цитаделью и время от времени давал Джезет различные советы. Мастер Клинка по большей части молчала, очевидно, обдумывая свою роль в плане. И если эти двое пили мало, то Бетрим, наоборот, себя не сдерживал. Каждый раз, когда его кружка пустела, он требовал наполнить ее снова — и делал это довольно часто. К тому моменту, когда арбитр поднялся из-за стола и заявил, что пора двигаться, Шип уже был изрядно навеселе.

На лестнице они снова встретились со служанкой. Та поспешно опустила глаза, чтобы не видеть лица Бетрима. Черный Шип фыркнул и хотел было схватить девчонку за подбородок и заставить ее смотреть, но решил не делать глупостей. Народ в Сарте уж больно цивилизованный и вряд ли хорошо отнесется к страшили, до смерти перепугавшему невинную служанку.

Внизу Танкуила остановил человек в знакомом коричневом плаще, уперев руку ему в плечо.

— Я тебя знаю?

Танкуил опустил глаза и замотал головой:

— Не думаю, сэр.

Бетрим протолкнулся за их спины. Да, вот тебе и «без плаща меня ни один арбитр не узнает». Народа в трактире было много — за тремя столами выпивали торговцы и лавочники. И, как назло, ни одного наемника.

— Как твое имя? — спросил арбитр у Танкуила.

— Альфред Костер, сэр.

— Нет, не оно. Я уверен, что узнал тебя. Ты лжешь мне?

Когда требовалось срочно отвлечь чье-то внимание, Черный Шип знал только один способ. Он стремительно двинулся к ближайшему столу, окруженному веселым народом, и по пути схватил стул — крепкий, тяжелый, добротный сделанный стул, которым с ухмылкой от души врезал по спине одному из посетителей. Бедняга свалился без чувств.

Второй мужчина, ростом почти с Бетрима, но тощий, как соломинка, мгновенно вскочил и замахнулся на обидчика костлявым кулаком. Удар пришелся по лицу, и Черный Шип отлетел спиной на другой стол, из сидевшей за которым компании тут же поднялся дородный мужчина и попытался схватить Бетрима.

Шип ударил кузнецу в горло пятипалой рукой, а затем обхватил зашедшегося в кашле болвана и толкнул его в сторону тощего. Воцарился настоящий хаос — кулаки замелькали в воздухе, и те, кто прежде тихо и спокойно попивал свое пиво, принялись без разбору бить морды таким же, как они, былым тихоням.

Хриплый смех сорвался с губ Бетрима. Оказывается, интеллигентный сартский народ не

меньше падок до пьяной драки, чем люди в Диких Землях. Вдруг тощий верзила налетел на Бетрима, размахивая кулаками. Черный Шип двинул противника лбом в лицо — один раз, другой, а затем подхватил обмякшее тело и швырнул его через стол.

Вторая жертва дернула Бетрима за плечо. Он развернулся, намереваясь хорошенько отдубасить ублюдка, но внезапно его резко крутануло на месте, а рука дернулась за спину.

— Уходим, сейчас же! — зашипела Джеззет ему на ухо.

Бетрим напоследок окинул взглядом дело рук своих. По меньшей мере десять человек шумно мутузили друг друга, а в центре побоища стоял арбитр, остановивший Танкуила, и пытался навести порядок. Бедняга, которому перепало стулом по спине, без сознания лежал на столе. Даркхарт стоял у дверей и жестами подзывал кого-то. Спустя пару секунд внутрь ворвалась группа стражников в белой форме. Джеззет оттолкнула Торна с их пути, и вдвоем они последовали за Танкуилом на улицу.

«Мастер Клинка без своего клинка есть никто и ничто».

«Могло быть хуже, — убеждала она себя. — А так всего-то либо постучаться в ворота Инквизиции и попросить позвать изменника, либо провести остаток дня с Танкуилом и Шипом».

После того как прошлой ночью Черный Шип устроил в трактире пьяный дебош, эти двое ругались, не переставая. Вообще, именно благодаря драке им удалось улизнуть от того арбитра, что чуть было не раскрыл Танкуила. Но в то же время драка привлекла к ним много ненужного внимания.

Джез провела кончиком большого пальца по кольцу на указательном правой руки. «Подарок Танкуила». Хотя «подарок» — не совсем верное слово. Небольшое деревянное украшение из темно-красного дерева. Снаружи оно было совершенно гладким, но на внутренней стороне арбитр вырезал символы-обереги.

— Это защитит тебя от принуждения, но ты все равно будешь чувствовать, как оно копается у тебя в голове. Надеюсь, Кессик тоже это почувствует, — сказал арбитр, отдавая ей кольцо.

— Копается у меня в голове... звучит заманчиво. А что, если твоя штукавина не сработает?

Танкуил вздрогнул.

— Она... должна сработать.

— Знаешь, а ведь до тебя мне никто никогда колец на дарил. Может, тебе стоит задать мне пару вопросов на пробу?

Арбитра такое предложение словно обожгло. Джеззет вознамерилась было выяснить, почему Танкуил так упорно не хочет ничего у нее спрашивать, как в комнату ввалился Шип, весь пропахший вчерашним пивом, и настойчиво заявил, что пора выдвигаться.

Группа из трех рабов прошла мимо Джеззет, и она пристроилась за ними, чтобы скрыть свое приближение к воротам цитадели Инквизиции. С рабами в Сарте обращались совсем не так, как в Диких Землях, — порой девушка даже путала их со свободными горожанами. Здешние невольники носили удобную качественную одежду и сандалии для защиты ног. Кроме того, зачастую с ними даже не было надсмотрщика.

Танкуил рассказал ей, что в Сарте существуют очень строгие законы в отношении рабов. Например, их нельзя использовать для проституции, хотя покупать молоденьких рабынь и делать их своими любовницами — обычная практика среди богатых знатных особ. Впрочем, даже в белом городе действительно красивые девушки были редкостью и ценились очень высоко, так что нередко хозяева обращались с ними лучше, чем с собственными женами. Самые состоятельные и могущественные люди Сарта славились тем, что собирали целые гаремы, хотя мало кто мог позволить себе подобную роскошь.

«Беда только в том, что рабы всегда остаются рабами. Они лишены свободы. Если хозяин скажет: „Раздвигай ноги“, — то единственное, что может ответить рабыня: „Насколько широко?“»

Шедшие перед ней рабы были мужчинами, и все они тащили какие-то коробки и бочки. Очевидно, они принадлежали какому-нибудь торговцу, который использовал невольников для транспортировки своих товаров. В Диких Землях большинство рабов-мужчин носили

разве что набедренные повязки. Более того, всех их поголовно холостили. Джеммет задумалась, практикуют ли нечто подобное в Сарте.

Тройка рабов свернула налево, и девушка оказалась одна прямо перед воротами в крепость Инквизиции. Вблизи черная цитадель казалась еще мрачнее и навевала еще больше уныния, чем издалека. Джеммет чувствовала, как ее уверенность тает с каждой секундой, но все же собрала волю в кулак и шагнула к воротам.

Путь ей преградил воин в сияющей белой форме городской стражи. Крикнув в сторону сторожки, он так и остался стоять перед ней, не давая девушке пройти и ничего не говоря. Джеммет отвечала ему таким же гробовым молчанием.

Из сторожки показался высокий мужчина с огромным, словно бочка, пузом и густыми каштановыми усами, скрывавшими добрую половину его покрасневшего лица. На нем был такой же костюм арбитра, как у Танкуила, только размером больше. Намного больше. Привратник выглядел улыбчивым и жизнерадостным, но Джеммет давно привыкла не доверять внешности.

— Чем я могу быть полезен тебе, леди? — гулко спросил толстый арбитр.

Джеммет уже порядком надоело, что все вокруг зовут ее либо шлюхой, либо леди, причем она еще не определилась, какое из этих слов бесит ее больше.

— Я хочу видеть арбитра Кессика, — сказала девушка, специально растягивая слова на манер уроженки Диких Земель.

Толстяк-арбитр смерил ее взглядом с ног до головы — все это время с его лица не сходила веселая улыбка, — а затем кивнул и повернулся к одному из стражников.

— Позови арбитра Кессика. Скажи, что... как тебя зовут, мисс?

Джеммет почувствовала... нечто странное. Она не могла объяснить, что именно, но казалось, будто кто-то вцепился в ее разум. Она едва сдержалась, чтобы не врезать толстому арбитру по его жирной роже, — сделай она это, и на плане можно было бы ставить крест.

— Джеммет Вель'юрн, — нахмурившись, ответила девушка.

Толстяк снова обернулся к стражнику.

— Скажи арбитру Кессика, что к нему посетитель. Джеммет Вель'юрн. — Когда солдат бросился выполнять поручение, арбитр снова посмотрел на Джеммет. — Не хочешь войти? Могу предложить что-нибудь прохладительное.

И снова Джеммет ощутила это странное чувство в мозгу.

«Я хочу воткнуть кинжал тебе в какой-нибудь из подбородков и проверить, есть ли у тебя мозги, мерзкий ты жирный ублюдок».

— Нет, я лучше просто подожду здесь.

Она произвольно потирала кольцо большим пальцем. Борьба с желанием наброситься на стоящего перед ней арбитра с каждой секундой становилось все труднее.

«Кажется, теперь я понимаю, почему Танкуил не хотел ничего у меня спрашивать. Я могла бы просто-напросто убить его».

Вскоре вернулся стражник в сопровождении еще одного арбитра. Этот был невысоким — почти как Танкуил, — но все в его облике говорило о скрытой мощи. Его лицо казалось высеченным из гранита — черты резкие, кожа загорелая. У него были коротко остриженные черные волосы, местами тронутые сединой, и темные, пугающие глаза. Он даже шагал так, словно был сделан из камня. «Либо так, либо ему в задницу кто-то воткнул чертовски длинный штырь».

— Ты Кессик? — обратилась Джеммет к новоприбывшему.

— Я тебя не знаю. — Голос арбитра оказался жестким и неприятным, как раз под стать остальному образу.

— Нет, не знаешь. Но если ты Кессик, то у меня для тебя послание. — Джеззет надеялась, что мужчина поведется на ее деланный акцент.

Пришедший арбитр повернулся к толстому.

— Я забираю ее. Ты! — ткнул он пальцем в Джеззет. — Пойдем со мной.

Джеззет Вель'юрн всегда нравилось считать, что ее непросто напугать, но сейчас она внезапно поняла, что в окружении охотников на ведьм очень трудно избавиться от желания с воплями убежать куда-нибудь подальше. Она не ожидала увидеть их так много в одном месте — арбитры словно заполонили весь внутренний двор цитадели. Одни стояли группами и разговаривали, другие шли куда-то по своим делам, а кто-то просто отдыхал под послеполуденным солнцем. Арбитр Кессик уверенно вел Джез к гигантской черной каменной башне, и девушка молила всех мыслимых богов, чтобы она не выглядела со стороны жалкой раскаявшейся еретичкой. Потому что чувствовала себя именно так.

Перед главным входом в башню арбитр резко свернул направо и, пройдя еще шагов пятьдесят, остановился. Открыв неприметную дверь, он вошел. Внутри оказался узкий мрачный коридор, освещенный чередой настенных факелов. Всего через двадцать шагов коридор закончился четырьмя дверями — по две с каждой стороны. Арбитр выбрал вторую дверь слева, открыл ее, заглянул внутрь, а после кивнул Джеззет:

— Заходи.

Комната сильно смахивала на тюремную камеру, разве что вместо койки здесь стоял стол с двумя стульями. На двери не было видно никакого замка, так что Джеззет сглотнула подступивший было к горлу комок и сделала, что ей сказали. Арбитр вошел следом и закрыл за собой дверь.

— Садись.

— Лучше я постою.

Арбитру такое заявление совсем не понравилось.

— Садись. Сейчас же.

Джеззет снова подчинилась. Арбитр сел напротив. Некоторое время он буравил ее ледяным взглядом темных глаз. Джеззет в ответ смотрела на него.

— Так ты Кессик? — спросила наконец девушка.

— Да, я Кессик, а ты пришла ко мне из Диких Земель.

— У меня послание. От Х'оста. Ну... как сказать «послание»...

— Я тебя там не видел. Поверь, я бы запомнил. Так что либо ты лжешь, либо Х'ост держал тебя в тени.

«Осторожнее, Джез».

— Я не лгу и меня никто не прятал. Я работаю... работала на Х'оста, но в Чаде. Мне давали простую работу и хорошо за нее платили. А еще у меня был приказ: в случае смерти Х'оста отправиться в Сарт, найти арбитра Кессика и сообщить ему об этом.

По лицу Кессика невозможно было сказать, убедила его история или нет, — оно не выражало вообще ничего. Джез словно смотрела на Черного Шипа, разве что без ожогов.

— Как он умер? — спросил арбитр.

Мастер Клинка ожидала снова почувствовать на своем разуме мерзкую хватку, но ничего не было. Ничего.

«И как, черт возьми, мне теперь быть? Делать вид, что его принуждение сработало? Или

вести себя так, словно я ничего не почувствовала?»

— Это сделал один из ваших, — с каменным лицом сказала она. — Ходят слухи, что он попутно полгорода вырезал.

— Имя?

— Чтоб я знала. Меня там не было.

Кессик выдержал паузу. Джеб видела, как сильно он стиснул челюсти.

— Что с дочерью Х'оста?

Теперь Джебзет даже не пришлось изображать удивление.

— Понятия не имею. Повторяю, меня там не было. Мне заплатили, чтобы я передала тебе весть о смерти Х'оста. Я это сделала. Если у тебя закончились вопросы, на которые у меня нет ответов, то мне пора идти. Выпивка ждать не будет.

Кессик снова зловеще умолк, не сводя с Джебзет глаз. Девушка даже подумала, что арбитр решает, убивать ее или нет.

— Конечно, — замогильным тоном сказал он. — Я провожу.

К тому моменту, когда они вернулись к главным воротам крепости, Джеб охватила такая дрожь, что ей пришлось засунуть руки в карманы. Учтявая, что Кессик шагал в паре шагов позади нее и угнетающе молчал, это не помогло. Нервы Джебзет готовы были вот-вот сдать.

— Полагаю, ты скоро отправишься обратно в Дикие Земли, мисс Вель'юрн, — остановившись под аркой ворот, сказал Кессик.

Джеб повернулась и криво ухмыльнулась:

— Именно. Сяду на первый же корабль. Как протрезвею утром, так сразу и сяду.

— Тогда прощай.

Арбитр ни разу не отвел мрачного, грозного взгляда. Он словно даже не моргал. Джебзет кивнула, отступила на пару шагов, а затем развернулась и двинулась прочь, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не сорваться на бег.

Остаток дня и большую часть ночи их троица ждала и наблюдала. Конечно, то, что такая разношерстная компания сидит на одном месте столь долго, выглядело по меньшей мере странно, даже если забыть об устроенной ими в этом самом трактире прошлой ночью драке. Бетрим нашел себе удобный участок стены и, сев на землю, прислонился к нему. Смотрелся он побитым жизнью попрошайкой, и Джебзет, похоже, была не единственной, кто так думал, — несколько раз к Шипу подходили люди и совали ему монету или две.

Танкуил вел себя куда приметнее. Арбитр шатался по магазинам, проводя в каждой куче времени, но ничего не покупал и постоянно следил за главными воротами крепости Инквизиции, пряча лицо от проходящих мимо мракоборцев. Когда зашло солнце, он присоединился к Джебзет в небольшом замызганном переулке за пекарней и поручил ей слежку, пока сам расхаживал из стороны в сторону и действовал девушке на нервы. Три раза он бормотал себе под нос что-то о походе к богу-императору и три раза мотал головой, отмечая идею. Джебзет была этому рада — меньше всего ей сейчас хотелось встречаться лицом к лицу с воплощенным божеством, чье имя она даже не старалась запомнить.

Одни ночи бывают темнее других. Эта ночь казалась Джебзет самой темной за всю ее жизнь, даже несмотря на свет уличных фонарей. Луну и звезды скрывала сплошная завеса облаков, протянувшаяся от горизонта до горизонта, и даже белые каменные строения терялись в непроглядной черноте.

«Отличная ночь для прогулок в одиночку, — подумала она, увидев, как Кессик вышел из

главных ворот крепости. Арбитр посмотрел сначала налево, а затем направо, куда в итоге и двинулся. — Я могу идти совсем рядом с ним, и он ничего не заметит».

Черный Шип уже поднялся с земли и, мимоходом взглянув на Джеззет, последовал за Кессиком на расстоянии примерно тридцати шагов — достаточно, чтобы не вызывать подозрений и не терять при этом арбитра из виду. Джеззет шепнула Танкуилу идти за ней и пристроилась за Торном на безопасном расстоянии.

— Я его не вижу. Ты должна быть уверена, — напомнил Танкуил.

— Шип видит. Это он.

Дальше они шли молча. Черный Шип вел их по не ведающему сна торговому кварталу. Ни звуки, ни свет, ни запахи здесь никогда полностью не исчезали, поскольку огни в кузницах поддерживали круглосуточно. Купцы готовили свое добро к завтрашнему дню. Некоторые лавки вообще не закрывались на ночь — был бы товар, а покупатель найдется всегда, даже в темное время.

В центре квартала находился рынок, тоже никогда не умолкающий. Мужчины готовились к утреннему наплыву покупателей, а вокруг шныряли дети, высматривая, что можно украсть. На глазах Джеззет маленькая девочка побежала по улице, прижимая что-то к груди, а мгновение спустя за ней неуклюже бросился старик, на ходу осыпая воровку бранью. На оставленную без присмотра палатку сразу же набежала детвора, желая стащить как можно больше, пока старый хозяин не вернулся.

Наставник Джеззет тоже заставлял ее воровать. Раз в неделю он называл какую-нибудь вещь — это могло быть что-то маленькое, например красное яблоко, или что-то покрупнее, вроде рулона ткани. А иногда это было нечто особенное — так, однажды он послал ее украсть любимого пса купца Альбера. Если к полудню Джеззет не возвращалась из города с названной вещью, ее ждало наказание. Что-что, а наказывать наставник всегда умел.

— Мне казалось, что в Сарте вообще не должно быть преступлений, раз тут арбитры на каждом углу, — с улыбкой сказала Джеззет.

Танкуил не сводил взгляда со спины Черного Шипа.

— Мы боремся с ересью, а не с простыми ворами. Инквизиция — это не стражи порядка и не миротворцы. Наша задача — искоренять зло, причем не только в Сарте, но во всем мире, в каждом людском королевстве.

— Кроме Диких Земель...

— Даже в Диких Землях, — поправил он. — Просто там нас жалуют намного меньше.

— А вообще есть такое место, где вам, арбитрам, были бы рады?

— Я такого пока не видел.

Дальше они следовали за Черным Шипом молча. Стояла приятная погода, идеальная для поздней прогулки, и на мгновение Джеззет чуть не забыла, что они тут вообще-то преследуют арбитра с твердым намерением убить его и женщину, на которую он работает.

Вскоре Джеззет, Танкуил и Торн оказались в совершенно другой части города. Широкие улицы, на которых спокойно могли бы разминуться три кареты; громадные здания, построенные из белого камня и сияющие в свете фонарей даже в ночной тьме. Вокруг некоторых домов раскинулись изысканные сады со множеством разнообразных деревьев и цветов, подходы же к другим были просто вымощены. При этом все они были обнесены высокими каменными стенами, сплошь усеянными железными шипами для устрашения потенциальных грабителей. Практически у каждого дома дежурил патруль, причем форма на солдатах отличалась от стандартных белых мундиров городской стражи. Некоторые

охранники пристально следили за проходившими мимо Джеммет и Танкуилом, иные же их словно не замечали.

Арбитр поймал на себе взгляд Джеммет.

— Инквизиторам даруют особняки за пределами крепости. Это награда за их долгую службу и усердие в деле спасения мира от ереси. — Последние слова в его устах прозвучали особенно горько. — Кто-то выбирает себе особняк в черте города, кто-то — в пригороде. Единственное исключение — великий инквизитор. Его жилище расположено прямо на верхних уровнях башни.

— И сколько же инквизиторов здесь живет?

— Не знаю. Я бываю в Сарте раз в три года и провожу здесь максимум пару недель. У меня никогда не было ни времени, ни желания выяснять, кто из инквизиторов где обитает.

Идущий впереди Черный Шип внезапно остановился, глянул на Танкуила и Джеммет через плечо и кивком подозвал их к себе. Сам он переминался с ноги на ногу и потирал обожженную половину лица трехпалой рукой. Когда остальные подошли к нему, он указал на один из особняков — немного меньше остальных и окруженный черным железным забором. Справа Джеммет заметила ворота с двумя явно скучающими стражниками в белой форме. Само здание насчитывало всего два этажа и было построено из такого же белого камня, как и почти все остальное в этом городе. Кессика нигде не было видно.

Танкуил накинул капюшон и подошел к прутьям решетки. Он что-то зашептал себе под нос, но Джеммет не смогла разобрать слов.

— И... кто это? — зашипел Шип; по нему было видно, что он сейчас готов оказаться где угодно, лишь бы не торчать здесь.

— Я не знаю, — прошептал Танкуил. — Я лишь видел, как Кессик вошел внутрь.

— Что ж, мы хотя бы знаем, что они оба тут, — сказала Джеммет. — Так почему бы нам просто не вломиться и не сделать то, за чем мы сюда пришли?

Танкуил, похоже, уже был готов согласиться с предложением, как вдруг они услышали голоса. Стражники У ворот говорили с кем-то. Троица преследователей отошла в тень и стала наблюдать. Неожиданно для Джеммет Танкуил выругался — нечасто арбитр такое себе позволял. Мужчина у ворот был высоким и статным, с резкими чертами лица. Чем-то он напоминал гордую птицу, например орла. Светлыми волосами в Сарте никого не удивишь, а вот пара ручных кос на поясе бросалась в глаза.

«Косы. Мерзкое оружие. От них трудно защищаться, и бьют они очень больно». Джеммет вспомнил один из ее шрамов, под левой грудью, — его оставил наставник, когда девушка набралась наглости и решила, что может обезоружить старика. Сделал он это именно косой. Джеммет вспомнила то чувство, когда всю левую половину груди словно охватил огонь, но, к своей чести, она тогда продолжила драться, не обращая внимания на кровь и боль.

Танкуил дождался, пока мужчина с косами пройдет в ворота, а затем, не говоря ни слова, развернулся и стремительно двинулся туда, откуда они втроем совсем недавно пришли. Джеммет бросила на Черного Шипа непонимающий взгляд. Торн ответил ей тем же, и вместе они поспешили за арбитром.

Даже вернувшись в трактир, Танкуил все равно отказался говорить — лишь злобно сверкнул глазами и скрылся в комнате. Черный Шип тяжело вздохнул, плюхнулся в кресло и попросил принести пива. Джеммет сделала то же самое.

«Сейчас выпивка совсем не повредит».

Шип улыбнулся ей. Он был самым уродливым человеком из когда-либо ей

встречавшихся, но его это, похоже, нисколько не заботило. Наемник дождался, пока ему принесут пиво, сделал большой глоток и утер рот. Девушка отпила совсем чуть-чуть и бездумно уставилась на темную жидкость, пенящуюся в кружке.

— Джеммет, — заговорил Шип, — нам с тобой на нашем веку хватило убийств. Кого-то мы пришили сами, кого-то убили на наших глазах.

— На что ты намекаешь?

— Мы оба знаем, что такое убийство. Жажда убийства рождается из гнева и ненависти. Мы оба видели это и испытывали это. А теперь скажи мне, что ты сейчас видела в глазах нашего охотника на ведьм?

Он был прав.

— Думаю, будет лучше, если ты поднимешься наверх и немного его успокоишь. Не дай ему натворить глупостей. За пиво не волнуйся — я присмотрю за ним.

Джеммет поднесла кружку к губам, задержалась на мгновение, а затем, залпом осушив ее, встала из-за стола и двинулась к лестнице. Хриплый смех Шипа прокатился по залу у нее за спиной.

Танкуила она нашла в их комнате. Он расхаживал от стенки к стенке, снова и снова, стиснув зубы и сжав кулаки. Его трясло, а обычно милые глаза превратились в ледышки. Когда девушка вошла, он не проронил ни слова, даже не остановился. Его тень отплясывала бешеную джигу в неверном свете уличных фонарей.

Джеммет закрыла за собой дверь и стала возле нее. «Он похож на Констанцию, когда она увидела меня». Девушке показалось, что она поняла причину его злости.

— Кто этот арбитр с косами?

— Кош. — Танкуил мимолетом глянул на Джеммет и вновь уставился в пол. С каждым шагом он сжимал и разжимал кулаки. — Его зовут Фенден Кош.

Джеммет подождала, но Танкуил, похоже, не собирался сам ей все выкладывать.

— И кто он тебе?

При этих словах арбитр стиснул зубы еще сильнее.

— Он... был моим другом. Нас вместе тренировали, мы вместе получали звания. И напивались тоже вместе.

Джеммет кивнула.

— Знаешь, в Диких Землях есть поговорка: «Не бывает друзей, бывают те, кто еще не повернулся против тебя».

— Мы не в Диких Землях, Джеммет! Мы в Сарте! — закричал Танкуил. Впервые с момента их знакомства он повысил голос. — Я знал его сорок лет!

— Ох, прости, я совсем забыла, что вы здесь, в Сарте, все сплошь культурные, цивилизованные люди. Уж не хотел ли ты, чтобы он по-дружески известил тебя, прежде чем воткнуть тебе нож в спину? Например, письмом?

Танкуил прожег ее предупреждающим взглядом, но Джеммет не отступила. «Никогда не умела успокаивать».

— Итак, тебя предали. Что теперь?

Арбитр бросил свои хождения и шагнул к девушке. Он был выше ее, но ненамного. Перед лицом его ярости многие дрогнули бы, но только не Джеммет Вель'юрн.

— Теперь я убью его.

— Как?

— Пойду в крепость и застрелю.

«Прекрасный план». Джеззет едва сдержала вздох.

— И что дальше? Убьешь одного арбитра, а остальные убьют тебя. Мы с Шипом застрянем здесь без связей, денег и работы, а твоя драгоценная Инквизиция так и не избавится от предателя в своих рядах.

Ноздри Танкуила гневно раздувались.

— С дороги, Джеззет!

— Нет.

Он протянул руку, чтобы отодвинуть ее, но Мастер Клинка отбила ее и толкнула арбитра в грудь. Танкуил отшатнулся с выражением праведного гнева на лице. Он снова двинулся на нее, и опять она его оттолкнула, в этот раз схватив за сорочку. Танкуил не унимался. Он обхватил Джеззет, поднял ее и бросил на кровать. Не думая ни о чем, девушка приподнялась и поцеловала арбитра. Мимолетный шок — и вот он уже отвечает на поцелуи, прижимая ее к постели.

«Драться или трахаться, Джек. А почему бы не одновременно?»

Она извивалась под ним, а он принялся раздевать ее. Джеззет тоже не стала ждать, сорвав с него рубашку. Они ерзали, боролись, рычали друг на друга. Казалось, прошла целая вечность, но когда им наконец удалось избавиться от чертовой одежды, девушка уже вся намочка, а арбитр был тверд как скала.

Со злобным рычанием он резко вошел в нее, и Джек задохнулась — одновременно от боли и от удовольствия. Она царапала его руки, его спину, а он двигался в ней, и каждый его толчок сопровождался хриплым вздохом и хлюпаньем. В какой-то момент Танкуил схватил руки Джеззет и придавил к кровати у нее над головой.

Девушка обвила ногами талию арбитра и прижала его к себе. Его движения становились все сильнее и резче. Она извивалась, выворачивала руки, толкалась, пытаясь освободиться из его хватки, а заглянув в его прекрасные голубые глаза, испустила низкий, продолжительный стон.

Она попыталась укусить его, как вдруг волна удовольствия окатила ее, так что дыхание перехватило. Их губы снова встретились. Он целовал ее властно, напористо, и она отвечала ему тем же.

Арбитр отпустил ее руки, и правой она схватилась за изголовье кровати, а левой впиалась в спину Танкуила, оставляя на коже кровавые полосы. Сладостное удовольствие накатывало на нее снова и снова, все сильнее и сильнее, вознося все выше и выше... Ее спина болела, но она желала этой боли, и пронзительный визг сорвался с ее губ.

Еще несколько мощных, резких толчков — и арбитр тоже остановился, раскрыв рот и жадно глотая воздух. А затем он скатился с нее и изнуренно вздохнул.

Долго еще они просто лежали, тяжело дыша и не произнося ни слова.

— Прости, — сказал наконец Танкуил; он смотрел в потолок, не на нее.

— За что? — усмехнулась Джек.

— Я не хотел быть таким грубым.

«Грубым? Если я еще могу ходить, значит, ничего грубого».

— Но ты думал трахнуть меня?

— Да... или нет... Не знаю, о чем я думал, но я хотел этого, — смутился он.

— Хорошее начало, — с ухмылкой сказала Джеззет.

С того самого дня в форте Эйрика много месяцев назад у нее не было хорошего секса, и теперь она не собиралась останавливаться только на одном разе.

Этой ночью они сделали это еще дважды. Джеммет никогда особо не любила ощущения чьего-то языка у себя между ног, но Танкуил сделал все очень умело, а потом уже вошел в нее. Во второй раз Джеммет сама взяла инициативу и, оседлав арбитра, скакала на нем, пока оба не достигли желаемого. А после они лежали, вымотанные и липкие от пота. Она дождалась, пока его дыхание станет медленным и ритмичным, и лишь затем, убедившись, что он спит, сама закрыла глаза и позволила тьме окутать ее.

На целых два дня Бетрим остался в Сарте совершенно один. Ни арбитра, ни Джемзет нигде не было видно. Каждое утро Торн выползал из постели, едва высыпаясь на колючем и неудобном тюфяке, и неизменно мысленно благодарил охотника на ведьм за то, что тот дал ему противопохмельный оберег. Бетрим обнаружил, что если носить кулон постоянно и не снимать его, то поутру не остается вообще никаких побочных эффектов вчерашней попойки. Само по себе опьянение, правда, никуда не исчезало.

Позавтракав и как следует залив еду пивом, Бетрим просидел в общем зале до полудня в ожидании спутников. Когда никто из них так и не появился, наемник решил найти более гостеприимную таверну, где подают пиво получше и где женщины не боятся пары шрамов на лице. С последним оказалось труднее всего, но Торн твердо вознамерился к ночи найти себе хорошенькую шлюху, и если его лицо у нее будет вызывать отвращение — плевать, женщину всегда можно взять сзади. Все равно ни одна из них даже отдаленно не походила на Розу.

Вернувшись затемно в свою комнату, Бетрим только и смог, что без сил плюхнуться на кровать. Во сне он видел мертвого южанина, кровожадную чертовку с торчащими во все стороны волосами, полукровку Шустрого и своего друга Мослака. Они являлись ему то живыми, то мертвыми, и каждый раз Бетрим просыпался в холодном поту. Утешения наемник опять искал в пиве. Оно помогало забыть о дурных снах, забыть о друзьях.

На третий день после слежки за Кессиком спутники Бетрима наконец вылезли из своей комнаты. Джемзет вышла первой. Бетрим ожидал увидеть на ее лице ухмылку, какая обычно бывает у вора, проникшего наконец в неприступное хранилище, но спускающаяся в общий зал девушка выглядела на удивление сурово. Усевшись напротив Торна, она жестом потребовала принести ей чего-нибудь поесть и выпить. Бетрим улыбнулся.

— Что-то мне подсказывает, что вы двое так никого и не убили, — подколот он.

Джемзет прожгла Бетрима взглядом, на что он ответил своим привычным безмятежным выражением.

— От тебя несет пивом, Шип.

— Ага, — согласился он, — а от тебя несет сексом, только вот меня это нисколько не волнует.

Джемзет Вель'юрн тихонько усмехнулась и покачала головой. Вскоре миру явился и арбитр. Едва взглянув на него, Бетрим понял: что-то в его облике изменилось. Черты лица стали резче и грубее, движения — четче. Былая легкая распушенность сменилась решительностью и целеустремленностью. Похоже, минувшая пара Дней пошла на пользу им обоим.

— Шип, — присаживаясь, поздоровался арбитр.

Бетрима все еще беспокоило, способен ли снявший плащ охотник на ведьм выглядеть обычным человеком.

Арбитры мерещились ему повсюду — они могли сидеть даже здесь, в трактире, и он бы об этом даже не знал.

— Ага. Мне б пара монет не помешала. Пока вы двое были... заняты, я несколько поиздержался. Дорогие же у вас в Сарте бордели, однако.

— Помнится, у нас уже был подобный разговор, и закончился он словом «нет», — зло отрезал арбитр.

Торна, впрочем, это не задело.

— Мать вашу, вы тут два дня занимались черт-те чем... — Бетрим дождался, пока арбитр поднимет на него глаза, и закончил: —...а я тем временем узнал, кто твой предатель.

В этот момент служанка принесла тарелку с едой и кружку темного пива, и над столом повисло тягостное молчание. Сначала из кружки хлебнула Джеззет, потом по спиртному прошелся арбитр. Наконец, когда девушка удалилась, Джеззет выдохнула:

— Как?

— Ну, я не мастер задавать вопросы, но вы себе не представляете, сколько всего можно узнать, просто внимательно слушая чужие разговоры и изредка вставляя комментарии.

— Не заставляй меня спрашивать, кто это.

— Здесь в округе живет только инквизитор Герон. Вторая...

— Доун.

— Точно. Так вот, у нее домик за чертой города, но она никогда не покидает вашего черного форта.

— Инквизитор Селиция Герон, — повторил Танкуил, скорее самому себе, нежели спутникам.

— Довольно симпатичная женщина, если верить пьянчугам из «Сонного серпа», а им лгать резона нет. Хотя, пожалуй, здоровяк, в красках расписывавший, как она у него отсасывала, все же приврал. Ну так как, заслужил я пару золотых? Если хочешь, можно в долг.

Арбитр поставил кружку на стол.

— Конечно. Но при одном условии: чтобы я не видел тебя пьяным до конца работы.

— Да раз плюнуть, — сказал Бетрим и осушил свою кружку. — Готово.

Арбитр кивнул, сунул руку в кошель и выложил на стол пять золотых монет. Торн тут же *сгреб* их. «Не быть пьяным» совсем не означало полностью отказаться от пива и уж точно не означало отказаться от шлюх.

Следующие две недели выдались самыми унылыми в жизни Бетрима. Большую часть времени он проводил на улицах Сарта, жарясь на беспощадном солнце и впустую следя за главными воротами цитадели Инквизиции. Туда-сюда сновали арбитры и посланники, прислужники спешили по своим делам, но нужные им три цели редко когда покидали крепость. Вот и приходилось смотреть, ждать и время от времени заниматься преследованием.

Из двух спутников Бетрима худшим был Танкуил. С каждым днем арбитр, казалось, становился все злее, а когда видел своего друга Коша, так и вовсе готов был взорваться. Торн чувствовал в Даркхарте гнев и едва сдерживаемое желание убивать. Джеззет была куда более приятным партнером, но и она держалась натянуто словно струна. Ну а когда эти двое стояли в дозоре вместе, Бетрим оставался один и скучал без компании.

Ему уже осточертела нерешительность Танкуила. Они давно выяснили, что инквизитор чаще всего отправляется домой после заката. Ехала она в дорогой белой карете, запряженной четырьмя крупными белыми меринами, а охраняли ее шестеро бойцов городской стражи в опять же белых доспехах. Довольно забавно было наблюдать, как из чернокаменной крепости Инквизиции выезжает белая процессия. Джеззет говорила что-то о «контрасте», но Бетрим понятия не имел, что это слово означает.

Высокий миловидный арбитр с косами покидал форт лишь раз в три дня — похоже, даже арбитрам полагался выходной, и Кош предпочитал проводить его за пивом и в женском

обществе. Выйдя в город, он всегда останавливался двух трактирах, «Золотом гиганте» и «Веселом арфисте», где заказывал по паре кружек чего-нибудь крепкого, в то время как люди подходили к нему и совали ему монету или несколько. Бетрим уже видел такое раньше много раз — очевидно, арбитр вымогал деньги под страхом сожжения. Собрав нажитое нечестным путем, продажный мракоборец всегда направлялся в одно и то же заведение — бордель под названием «Розовые щечки». Людям вроде Бетрима Торна в такие места ходу нет.

Кессик же таким количеством свободного времени похвастаться не мог. Раз в два дня он ходил отчитываться инквизитору-еретичке, всегда используя для этого один и тот же маршрут и старательно высматривая возможную слежку, периодически останавливаясь и выжидая в переулках. Бетрим считал, что Кессика убить будет проще всех: арбитр был слишком предсказуемым. Можно его дождаться, втроем навалиться на него — и список удлинится на одного.

И все же Танкуил медлил. Арбитр не горел желанием делиться своими планами с Черным Шипом, да и из Джеззет ничего было не вытянуть, поэтому Торн решил взять себя в руки и спокойно дождаться момента, когда охотник на ведьм наконец созреет.

Момент этот застал Бетрима врасплох. Он сидел в общем зале трактира и наслаждался жареной свининой и утренним пивом, как вдруг появилась Джеззет и велела следовать за ней. Когда они вошли в комнату, арбитр стоял у окна, прислонившись к стене. Место он, надо сказать, выбрал отличное — много света, никто не встанет рядом или за спиной, вся комната как на ладони.

— Закрой дверь, — мрачным голосом сказал арбитр, встретив вошедших ледяным взглядом.

Бетрим сделал, как было сказано, и прислонился к двери. Конечно, не такое клевое место, как у Танкуила, — с дверями всегда хватало проблем, особенно если кто-то снаружи пытался выбить ее топором, — но тоже неплохо.

— Завтра, — объявил арбитр.

— Твою мать, ну наконец-то, — вздохнул Торн. — А то от долгого ничегонеделанья уже начали пошаливать нервишки. Кого будем брать первым?

— Всех сразу.

Бетрим аж онемел от удивления. Три цели никогда не собирались вместе, следовательно, придется разделиться.

— Думаешь, это хорошая идея? Я, конечно, с цифрами не дружу, но вроде как только один из нас прежде убивал арбитров.

— Если мы убьем кого-то одного, а остальные узнают об этом раньше, чем мы до них доберемся... у нас не будет другого шанса. Так что займемся всеми тремя одновременно. — Танкуил помедлил. — Завтра инквизитор Герон будет в своем особняке, Кессик пойдет туда для отчета, а Кош будет отдыхать. По одному на каждого из нас. Убьем их прежде, чем они поймут, что происходит.

— Вот так просто? — фыркнул Торн.

— Вот так просто.

Бетрим ухмыльнулся:

— Полагаю, ты хочешь, чтобы я занялся Кессиком?

Арбитр кивнул.

— Он знает, как выглядим я и Джез. Я возьму на себя Герон.

— Сам? Один?

— Сам. Один.

Бетрим провел языком по зубам. Его всегда раздражало, что двух не хватает, но он еще не сошел с ума, чтобы вставлять на их место металлические.

— Если тебе есть что сказать, Шип, — сказал арбитр, не сводя глаз с Бетрима, — сейчас самое время.

— Ты уверен, что справишься? Что-то мне кажется, что она получила ранг инквизитора не за красивые глазки. Слышал, что между вами, арбитрами, и инквизиторами огромная разница. Так...

— Она не инквизитор. Не больше, чем ты, будь ты женщиной и носи мантию. Селиция Герон — еретик. Так что да, я справлюсь.

Бетрим прикусил язык. Хотел бы он сказать, что бравада арбитра его не убедила, только вот, похоже, она и на самого Танкуила не подействовала.

— Завтра, в два часа пополуночи, ты, Шип, встретишь Кессика на пути к дому Герон. Джебз, ты найдешь Коша в борделе. А я навещу инквизитора в ее особняке. Если все пройдет удачно и они умрут, встретимся здесь.

— А что, если все пойдет не совсем удачно? — спросил Бетрим.

— Тогда кто-то из нас не встретится с остальными, — с легкой улыбкой ответила Джебзет.

— А что, если он не вернется? — спросил Бетрим, ткнув пальцем в Танкуила. — Я все это ввязался не по доброте душевной. Если ты умрешь, арбитр, кто мне заплатит?

Даркхарт смутился, а после подошел к своему мешку и, покопавшись внутри, бросил Бетриму небольшой, с лезвием длиной с ладонь, кинжал. Шип поймал оружие и поднес клинок к глазам, чтобы лучше рассмотреть. Качественный кинжал, хорошая сталь — но не на две сотни золотых. Еще Бетрим увидел на лезвии какие-то письмена.

— На кинжале лежат те же чары, что и на моем мече. Отнеси его любому уважаемому торговцу оружием в этом городе, и ты получишь достаточно золота, чтобы покрыть мой долг перед тобой.

— Да?

— Да.

— А что насчет помилования? Кажется, кто-то обещал убедить Инквизицию забыть обо мне. Сделать так, чтобы арбитры за мной больше не гонялись.

— Об этом тебе беспокоиться не нужно. — Танкуил отвернулся и уставился в окно.

— А я вот беспокоюсь.

— Не стоит.

— Нет?

— Нет.

Черный Шип не привык вздыхать, поэтому он зарычал:

— Тогда потрудись объяснить почему!

Арбитр резко развернулся, в два шага подошел к Бетриму, сжав кулаки, и заговорил грубым, злым голосом:

— Потому что они никогда за тобой не гонялись! Инквизиция никогда никого за тобой не посылала!

Бетрим услышал скрип собственных зубов.

— Это неправда. Долбаные мракоборцы кучу раз на меня нападали.

— Подумай, Шип. Ни разу ведь не было, чтобы арбитр на тебя напал.

Бетрим попытался вспомнить. Он убил шестерых арбитров, и лишь у одного из них был шанс ударить в ответ.

— Тогда в Чаде ты...

— Нет, Шип. Ты сам атаковал меня. Инквизиция никогда за тобой не гонялась, — повторил Даркхарт и усмехнулся. — Вообще-то, даже существует приказ тебя не трогать.

— Нет... — замотал головой Бетрим.

— Да. Ты не еретик, Шип, а простой преступник со склонностью к убийству арбитров. Для Инквизиции ты всего лишь псих, ловить которого себе дороже.

Черный Шип угрожающе шагнул к арбитру. Только сейчас он понял, что мракоборец почти на голову ниже его.

— Тогда, в Диких Землях, ты обещал мне помилование, — прошипел он сквозь сжатые зубы.

— Я лгал. Мне нужна была твоя помощь. Тебе не нужно помилование, но я знал...

Кулак Черного Шипа врезался в лицо арбитра, и тот неуклюже распластался на полу. Но не успел Торн замахнуться для второго удара, как Джеззет вскочила на ноги с мечом наголо.

— Не делай этого, Шип! — резанул ее голос, столь же острый и опасный, как и ее клинок.

Арбитр закашлялся и сплюнул кровь, а после, пошатываясь, поднялся на ноги и плюнул еще раз. С едва слышным звуком на пол упал зуб. Танкуил подошел к Бетриму и снова встал перед ним на расстоянии удара. Вся левая половина его лица ярко алела. Черный Шип прекрасно знал, что через пару часов она из красной станет черно-синей.

— Мне все еще нужна твоя помощь, — храбрости арбитру было не занимать; не многие могли выдержать хук Черного Шипа и потом еще просить его о чем-либо.

— Завтра. Кессик. Два часа пополудни. — Бетрим развернулся и распахнул дверь, едва не сорвав ее с петель. — Но не рассчитывай, что после этого я вернусь.

Арбитр что-то сказал в ответ, но Торн уже не слушал его, а лишь с грохотом захлопнул за собой створку.

Полдень Шип встретил в трактире, пропивая последние гроши. К закату он уже весь провонял выпивкой, а взгляд его затуманился. Мир перед глазами водило из стороны в сторону. Пить в одиночку по-своему хорошо, но Бетриму всегда больше нравилось напиваться в компании. И Мослак, и Шустрый — оба обожали спиртное. Генри и Босс, хоть и не квасили, как остальные, тоже могли пропустить пару кружек. В те времена, когда они только познакомились, Джеззет иногда напивалась так сильно, что забывала, где верх, а где низ. Даже арбитр, этот лживый ублюдок, сгодился бы в качестве собутыльника. Но никого из них не было рядом. Бетрим остался со своим пивом один на один, и, по правде говоря, сейчас его эта компания вполне устраивала.

— Я приехал... — говорил он кружке с пивом, тыча пальцем в колышущуюся темную жидкость. — Я приехал помочь. Я думал... Не знаю, может, думал сделать что-то хорошее...

Мужчина, сидевший неподалеку от Бетрима, смерил его взглядом, покачал головой, а затем сказал что-то смешное трем своим друзьям. Все расхохотались. Торн не обратил на пьяниц внимания.

— А они... они лгали... мне, — продолжал жаловаться он. — Они... они лгали. И я никогда не нападал на него... кроме того первого раза... но я думал... я думал, это он... это

все они... Я лишь... и они...

Он вздохнул. Давненько уже в голове Черного Шипа не было так туманно.

— Первый... первого я... ну, он искал меня, так что я убил его первым. И будь я проклят, если это было неправильно! — бросил он мужчине за соседним столом, который снова на него уставился. — В первый раз... в первый раз было тяжело, но в первый раз всегда так... Нужно было убрать его...

Второй... второго я просто тукнул по голове на улице. Я был... а где я был? Точно, в Пяти Королевствах! Краеземье, точно помню... Просто тукнул по голове... Не помню его лица, а ведь мы даже смотрели друг на друга... А потом... потом он пошел на меня, и я... я вогнал ему топор в шею. Забавно, но кто-то мне даже улыбнулся.

— Что он несет? — Теперь вся компания за соседним столом смотрела на него.

— Третий... О, я помню третьего. Он точно меня преследовал. Я дождался его и...

Несколько мгновений Бетрим тупо таращился на свое пиво.

— Четвертый. Настоящая тварь... Он оставил мне это. — Шип хлопнул рукой по щрам на лице. — Моя ошибка... Я промахнулся... Никогда не умел нормально стрелять из этих долбанных арбалетов... Ублюдок любил огонь. Сжег дотла целый город, чтобы достать меня. Сотни трупов, и все повесили на меня... В итоге я его утопил... Под водой, оказалось, читать заклинания не так-то просто... Полезно знать.

Пятый... С этим получилось быстро и чисто. Дело в Чаде было. Быстро и чисто. Он меня даже не увидел... Один удар — и готово. Быстро и чисто.

— Кажется, он говорит об убийствах арбитров, — сказал алкаш со сплюснутой рожей и огромным лбом.

— Шестой... шестой...

— Эй, ты говоришь об убитых арбитрах? — окликнул Бетрима мужик с носом картошкой и жирными губами.

В общем зале было мало народу: Торн, четверо за соседним столом, двое в углу, которые старались держаться как можно незаметнее, бармен и толстый коричневый пес, постоянно что-то вычесывающий за ухом. Да и сама таверна, по-хорошему, та еще дыра — Бетрим отыскал ее в беднейшем квартале Сарта, где, как он думал, ему хватит серебряка, чтобы разгуляться. Беда в том, что это был его последний серебряк.

— Эй, старик, заснул?

Бетрим смерил взглядом дерзкую четверку: Жирные Губы, Плоская Рожа, Свиное Рыло и Красавчик. Все они были моложе Шипа, но не настолько, чтобы называть его *стариком*.

— Нет, мать твою, не заснул. Какого черта надо?

— Ты говоришь об убийствах арбитров? — спросил Жирные Губы, медленно и громко выговаривая каждое слово, будто Бетрим глухой.

Черный Шип изобразил свою самую жуткую ухмылку, какую только позволяло его изуродованное лицо.

— Знаешь, за что я люблю такие таверны? Кружки здесь очень крепкие!

Бетрим со всей силы швырнул свою кружку Жирным Губам в голову. Наградой ему стали смачный хруст, крик и брызги крови. Первым на ноги вскочил Плоская Рожа. Не успел Торн кое-как сам подняться из-за стола, как здоровяк с непомерно большим лбом прописал ему мощный хук.

Второй удар Бетрим сумел отбить рукой и ответил собственным кулаком. Он услышал треск, но так и не понял, что сломалось — один из его пальцев или нос Плоской Рожи.

Свиное Рыло остервенело теребил что-то на поясе, в то время как Красавчик с разбега врезался Бетриму в живот и повалил его на стол. Мощные руки схватили его за горло. Черный Шип понимал, что должен бы уже задыхаться, но вместо этого рассмеялся — довольно странное действие для человека в его положении, но Торн кое-что вспомнил: когда враг пытается тебя задушить, он оставляет открытыми свои яйца.

Черный Шип двинул коленом противнику в пах, и в этот момент стол не выдержал и обрушился под его весом. Рядом Бетрим почувал какое-то копошение. Он, перекатившись, оказался верхом на Красавчике, расплылся в злобной ухмылке и врезал лбом тому в лицо — один раз, второй, третий, четвертый и, для верности, пятый. Когда Торн закончил, он был перепачкан кровью, а прежде смазливая рожа Красавчика стала куда менее привлекательной.

Заметив сбоку тень, Шип отскочил в сторону, но недостаточно быстро — что-то тяжелое ударило его в левое плечо. Вспышка боли пронзила тело, а после по руке разлилось онемение — дурной знак, и пьяному понятно. Обернувшись, Бетрим увидел Свиное Рыло который замахивался на него чем-то металлическим — вроде как дубинкой, но кто его разберет, когда перед глазами все плывет.

Бетрим метнулся влево, и стул рядом с ним разлетелся в щепки. Присел — и в стене над его головой возникла дыра. Черный Шип рванулся вперед и впечатал локоть в горло Свиного Рыла. Мужчина выронил свое оружие и рухнул на спину, брызжа слюной и заходясь в кашле. Ничто так не помогает разоружить человека и лишит его всякой прыти, как подобный удар, — работает даже лучше, чем по яйцам.

Свиное Рыло перевернулся на пузо и попытался уползти, но Бетрим упер колено ему в спину и обхватил правой рукой за шею. Рыло задергался, пытаясь освободиться. Он был силен, но Бетрим — сильнее. После недолгой борьбы тело обмякло, и Торн отпустил его.

Нетвердо держась на ногах, Бетрим окинул взглядом таверну. Свиное Рыло без сознания. Плоская Рожа забился в угол и хнычет. Красавчик с разбитым лицом валяется в луже собственной крови, но живой. Жирные Губы исчез — очевидно, сбежал. Те двое, что держались в тени и не отсвечивали, стояли на своем месте и боялись издать хоть звук. Хозяин замер с раскрытым от ужаса ртом, а коричневый пес перестал наконец чесаться и лизнул протекающую рядом багровую струйку.

— Вы видели... — Бетрим, споткнувшись, растянулся на столе. — Они первые начали! — заявил он всем присутствующим, пытаясь встать на ноги и используя для опоры стул.

Когда ему это удалось, он доковылял до дверей таверны и вывалился прямо в теплые объятия ночи. От выпитого тело едва слушалось хозяина, но Бетрим все равно упрямо двинул налево.

— Где-то тут должен быть бордель. — Он печально посмотрел на последний оставшийся у него серебряк. — Дешевый бордель.

«Розовые щечки» трудно было обвинить в изысканности. Само здание было построено из того же белого камня, что и почти весь Сарт, но на каждом окне висели вызывающе яркие занавеси, явно предназначенные для того, чтобы скрывать от посторонних глаз происходящее внутри. Даже сидя в укрытии на другой стороне улицы, Джеззет все равно чувствовала въедливый запах духов, пропитавший это место.

Когда Черный Шип устроил сцену и громко хлопнул за собой дверью, Танкуил выложил Джеззет касающуюся ее часть плана, и девушка едва сдержалась, чтобы не выбить арбитру еще парочку зубов.

— Это не простой бордель, — сказал он тогда. — Все женщины здесь благородного происхождения. Сюда богатенькие отцы отправляют дочерей, чтобы...

— Чтобы те как следует научились сексу и знали, как лучше всего соблазнять мужчин, — злобно закончила за него Джеззет. — Согласись, ведь намного приятнее взять в жены женщину, которая мастерски умеет сосать член, чем какую-нибудь неумеху.

Танкуил кивнул:

— Полагаю, что так. Хотя иногда богачи отправляют сюда своих дочерей... когда их слишком много.

— Ну разумеется, вы же все в Сарте такие цивилизованные! Девушке на свадьбу полагается приданое, я права? А если ты не можешь заплатить кому-нибудь, чтобы этот кто-нибудь женился на твоей дочурке, можно просто сослать ее в бордель, где ее будут трахать до конца ее гребаной жизни.

Арбитр вздрогнул.

— Скорее бордель нанимает девушек на работу, а семье платят половину ее выручки.

Джеззет понимала, что Танкуил ни в чем не виноват. Не он писал законы этого города. Черт, он вообще бывал здесь слишком редко! Но ее вся эта ситуация взбесила, а ему просто не повезло оказаться единственным человеком поблизости. И Джеззет кое-как смирила свой гнев.

— Заправляет этим местом леди Фрерри, — продолжил Танкуил. — Сартские воры хорошо ее знают.

— А откуда *ты* знаешь воров?

Танкуил хитро ухмыльнулся, выставив напоказ свежую дыру в ряду зубов.

— Поверь, своими знаниями и опытом я обязан не только Инквизиции. Все знают, что леди Фрерри берет взятки и ей не впервой иметь дело с телами.

Арбитр бросил Джеззет кошель, как оказалось, довольно увесистый. Заглянув внутрь, девушка прикинула, что там по меньшей мере сотня золотых — целое состояние, по меркам большинства людей.

— Отдай это ей. — Джеззет яростно замотала головой, но Танкуила это не остановило. — Скажи, что тебе нужна комната и что ты хочешь Коша.

— Ты предлагаешь мне стать его шлюхой?!

Джеззет снова едва сдержалась, чтобы не врезать арбитру по наглой роже.

— Нет...

— Почему бы мне просто не подловить его на улице, как Шип Кессика?

— Послушай, Джеззет. Ты мастерски владеешь мечом, но Кош... Наш старый наставник по

боевым искусствам всегда говорил, что Кош — лучший воин из всех, когда-либо созданных Инквизицией. А ведь он к тому же еще и арбитр. Мне этого не хочется, но, боюсь, тебе придется притвориться... что ты...

— Что я хочу переспать с ним.

— Тебе нужно, чтобы Кош отложил в сторону оружие, и тогда, — Танкуил поднялся на ноги и протянул Джеззет ее меч, — он тебе понадобится.

Остаток дня выдался... неловким. Они вели неловкие беседы, занимались неловким сексом, а в конце просто сидели в неловком молчании, словно им нечего было сказать друг другу. В какой-то момент Джеззет встала, взяла меч и золото и ушла. Это было вчера — арбитра она не видела уже целый день. А вдруг он подумал, что она сбежала? Что бросила его?

«А разве у него нет повода так думать? Ты же просто вскочила, оделась, забрала деньги и слиняла, Джек. Так себе прощание, надо сказать. Зато он хотя бы жив, а то после тебя люди чаще всего этим похвастаться не могут». Всегда самые совестливые мысли лезут в голову в самый неподходящий момент.

У входа в «Розовые щечки» дежурили два охранника — оба не обезображенные интеллектом верзилы в броне и с оружием наперевес, готовые в любой момент кинуться в бой. «В таких заведениях собственная охрана — обычное дело. Эти двое явно повидали много драк на своем веку. Пожалуй, даже слишком много».

Джек попыталась изобразить на лице предельно деловое выражение — так громили хотя бы не поймут, что она пришла убить одного из их постоянных клиентов. Подойдя к дверям, девушка остановилась и позволила охранникам смерить ее взглядами. Каждый из них был выше Джеззет и весил явно вдвое больше. Они пожирали ее глазами и похотливо ухмылялись, но девушка не дрогнула и не отступилась.

Тот, что с толстой шеей, показал пальцем на меч Джеззет — в его огромных руках оружие смотрелось бы детской игрушкой — и засмеялся.

— Размер не имеет значения. Главное — куда им тыкать, — глумливо фыркнула Джек.

Охранник расхохотался еще громче и махнул ей: мол,ходи. Джеззет кивнула и прошествовала внутрь. Видимо, посетительницы-женщины здесь бывали редко, и верзилы поначалу сомневались, что им следует сделать: дать ей пройти или отправить ее восвояси.

Едва она зашла, в нос ей ударил приторный аромат духов вперемешку с томным запахом секса. «В отстойнике и то лучше пахло». В зале стоял полумрак — немногие светильники были затенены. Джеззет ненавидела бордели. По всему залу были расставлены диваны и софы — на одних уже вальяжно разлеглись проститутки, другие были свободны. Все женщины были одеты в легкие яркие платья, которые резко выделялись на фоне темных подушек. Сорвать такое можно было одним движением. Некоторые девицы окинули Джеззет с ног до головы взглядом, каким обычно хищник оценивает свою жертву, но остальным было на нее, похоже, наплевать.

«Что я к ним чувствую? Жалость или презрение? Может, мне стоит просто избавиться их всех от страданий?» Только вот далеко не все они выглядели страдальцами. «И как только можно наслаждаться такой жизнью?»

Сразу за входной дверью оказались еще два охранника — такие же здоровяки, но хотя бы с чуть более осмысленными лицами. Джеззет прикинула, что смогла бы убить их прежде, чем они хотя бы дотронулись до своего оружия.

— Гм... Мы не обслуживаем женщин... или... ну, Алексис может, но она не берет

плату. — Джеб обернулась и увидела миниатюрную девушку с большими карими глазами и длинными, до пояса, светлыми волосами. Сквозь ее зеленое платье просвечивали крошечные бугорки груди, а сама она выглядела совсем ребенком.

«Дерзкая маленькая шлюха!» Джебзет задумалась, насколько злобно нужно смотреть на человека, чтобы он взорвался. Юная проститутка, увы, так и не взорвалась, но зато опустила голову и отошла на пару шагов. Краем глаза Джебзет заметила приближающегося к ней со спины охранника.

— Нет, нет, нет, нет, Фарен, — раздался голос справа. Такой акцент Джебзет слышала лишь однажды, в Пяти Королевствах. — Наша гостья здесь не за этим. Я же права? Права.

Женщина выглядела старше Джебзет, но ненамного. У нее были темно-оливковая кожа и волосы черные как вороново крыло, полные красные губы и темные живые глаза. На милевидном лице практически не было пудры. Она была одета в легкое красное шелковое платье, которое подчеркивало все прелести ее фигуры и совершенно ничего не скрывало.

— Ты родом из пустыни, — прищурившись, сказала Джебзет.

Женщина скрестила руки на пышной груди. Все в ее облике так и кричало: «Шлюха!»

— Да, я с Запада, из Пяти Королевств, — сладострастно протянула она. — А у тебя для меня что-то есть, я права?

— Сначала мы обсудим условия.

— Нет, нет, нет. Договоримся мы или нет, плату я получу сейчас. — В голосе женщины прорезались опасные нотки.

Джебзет стиснула зубы и вздохнула.

— Может, нам стоит продолжить разговор в более уединенной обстановке?

Хозяйка ележно улыбнулась и, шагнув ближе, взяла Джеб за руку.

— Мм... Я уже думала, ты никогда не попросишь.

«Только коснись меня еще раз, и я тебя убью», — подумала Джебзет, но все же позволила шлюхе увести ее.

Вдвоем они прошли мимо других женщин, которые, раскинувшись на дорогих диванах, провожали их завлекающими взглядами. Джеб с трудом давила в себе желание сплюнуть.

«А ведь тебя саму, по сути, продали в бордель», — напомнила она себе и возблагодарила всех мыслимых и немыслимых богов за то, что старый наставник много лет назад спас ее от такой участи, и плевать на то, что ей потом приходилось каждый день расплачиваться за это.

Как оказалось, на первом этаже «Розовых щечек» не было частных комнат, поэтому хозяйка отвела Джебзет в темный укромный альков. Усевшись в кресло, она предложила гостье сесть напротив. Когда шлюха наклонилась к ней, Джебзет всем телом вжалась в мягкую спинку.

— Я тебя пугаю? — спросила хозяйка.

— Нет.

— Ах, — томно и немного хрипло протянула женщина. «Мужиков, наверное, страшно заводит, когда она стонет им в ухо». — Значит, дело в другом. Ты не согласна с тем, чем мы здесь занимаемся?

Джебзет молча уставилась на собеседницу. «Не видать Танкуилу еще пары зубов, это точно. Он мог бы послать сюда Шипа — тот бы точно прыгал от счастья».

— Твой кошель... — заметила хозяйка притона.

Джебзет сорвала мешочек и чуть было не швырнула его напомаженной шлюхе в лицо, но

в последний момент сдержалась и просто положила на столик между двумя креслами. Хозяйка взяла его и, едва заглянув внутрь, разразилась новым протяжным стоном.

— Итак, ты пришла ко мне в мужской одежде и с мужским оружием. О чем ты хочешь просить меня?

«Я хочу просить тебя катиться к черту, но, боюсь, тебе это только понравится».

— У вас есть постоянный клиент, — сказала Джеззет мрачно и жестко. — Арбитр.

— Ах да. Арбитр Кош. Что он вытворяет с моими девочками... Мм... Хочешь попробовать его?

— Я хочу убить его.

— О, тогда понятно, за что все это золотишко у меня между ног. — От Джеззет не укрылось, куда шлюха положила мешочек со звонкими монетами. — Что же он сделал с тобой, раз ты так жаждешь его смерти?

Джеззет снова прожгла собеседницу суровым взглядом и ничего не ответила.

— Кажется мне, это не важно. Как я понимаю, тебе нужна комната, куда ты его заманишь, разденешь догола и тогда... Ты знаешь, как надо убивать, я это вижу.

— Да, знаю, — отрезала Джез.

— Мм, — снова протянула хозяйка. — Смерть и секс так часто ходят рука об руку... Что ж, у нас мало времени. Тебе нужно как следует умыться и подобающим образом одеться, если ты хочешь, чтобы он выбрал тебя. Пойдем, пойдем. Мы сделаем все в лучшем виде, да, сделаем.

Никогда еще в своей жизни Джеззет не принимала ванну. Едва она опустилась в горячую воду, как появилась маленькая девочка с огромными карими глазами и попыталась потереть девушку губкой. Джез резко выкрутила девчонке руку и уже была готова утопить ее, как в комнату вошла хозяйка.

Ей хватило одного взгляда на шрамы Джеззет, чтобы на ее лице возникло выражение симпатии и сочувствия. Девушку это взбесило пуще прежнего.

— Выйди, Фарен. — Госпожа подошла к кровати и аккуратно положила на нее тонкое голубое платье. — Некоторые женщины... Ты хочешь принимать ванну в одиночестве, я права? Только поторопись — твой арбитр скоро будет здесь.

«Мой арбитр, возможно, уже погиб», — подумала Джеззет, глядя, как хозяйка борделя выходит из комнаты и закрывает за собой дверь.

Девушка вымылась — ее всегда удивляло, сколько грязи при этом с нее сходит, — и вытерлась чистым полотенцем. В комнате стояло зеркало в полный рост, но у Джеззет не было времени любоваться собой. Она накинула через голову платье — оно оказалось почти невесомым, но при этом плотно облегалo фигуру, почти как красный наряд госпожи.

Уголкем глаза Джез увидела свое отражение, и настроение ее совсем испортилось. «Да ты выглядишь как заправская шлюха, Джез. Попадись ты такой Констанции, и она скорее отымела бы тебя, вместо того, чтобы убивать». Прозрачное платье не скрывало практически ничего — девушка даже могла различить бледные очертания некоторых своих шрамов. «Если бы только битое зеркало не было дурной приметой...»

Джез спрятала свой меч и кинжал — нельзя было показываться с ними Кошу, но очень скоро они ей понадобятся. Свою обычную одежду она тоже свернула и сунула под кровать, а затем подошла к двери, сделала глубокий вдох и открыла ее.

Едва только она ступила на лестницу, все взгляды устремились на нее. Полдюжины шлюх смотрели на нее — кто-то с завистью, кто-то со злобой, а кто-то с грустью. Какой-то

мужчина — судя по всему, клиент — не сводил глаз с ее груди, и похотливая ухмылка играла на его лице. Охранники и те отвлеклись на нее: один послал ей редкозубую улыбку, а другой подмигнул, высунул язык и покачал им. Но хуже всего был взгляд хозяйки. Женщина с оливковой кожей неприкрыто оценивала Джеззет, словно торговец, присматривающийся к новенькому товару, а в конце коротко одобрительно кивнула.

Джеззет почувствовала, что лицо ее багровеет. «Джеззет Вель'юрн не из тех, кого могут смутить чужие взгляды».

— Ох, у тебя такие прекрасные румяные щечки... Тебе следует почаще показывать их людям, дорогая, — пропела госпожа, встретив Джеззет у лестницы. Шлюха протянула было руку, чтобы ущипнуть ее за щеку, но остановилась на полпути. — Этот взгляд... Уверена, он довел до дрожи в коленках многих мужчин. Но мы сегодня не хотим никого пугать, не так ли? Будь мягче, нежнее... Надуй губки... ну же. Чуть приоткрой ротик... Мужчинам не нравятся сжатые губы. Шлюха не...

— Я. Не. Шлюха, — процедила сквозь зубы Джеззет.

Хозяйка лишь улыбнулась в ответ и провела руками вдоль тела девушки, не коснувшись ее.

— Но была бы очень хорошенькой. Только эти волосы... — Госпожа подняла руку к голове Джеззет, а затем опустила к лобку. — Пожалуй, стоило бы тебя немножко подстричь.

Для Джеззет это стало последней каплей.

— Только попробуй подойти ко мне с лезвием, и я им же вспорю тебе брюхо.

— Сколько злости... — печально вздохнула хозяйка борделя. — Когда твой мужчина придет, говорить буду я. Отправлю его к тебе. Надеюсь, ты сможешь выдавить из себя улыбку.

Джеззет постаралась успокоиться, сделала глубокий вдох и улыбнулась.

— О да, — с ответной улыбкой произнесла госпожа. — Он выберет тебя, иначе и быть не может. Почему? Я бы сама выбрала тебя. Пойдем со мной. — Она подвела Джеззет к одному из диванов, уродливой зеленой громадине, которая, казалось, могла проглотить девушку целиком, рискни та прилечь. — Сюда. Расслабься. Хм, попробуй приподнять колено. И обязательно разведи ноги — это привлекает мужчин. Убери руки от груди — многим нравится маленький размер, но его должны видеть. Да, вот так, хорошо.

Джеззет чувствовала себя полной идиоткой, словно марионетка подчиняясь указаниям хозяйки, но беспрекословно им следовала, всей душой надеясь, что скоро все это закончится.

— Я поприветствую твоего арбитра. Он тебя выберет, не сомневайся. Отведи его в комнату. А мы потом разберемся с...

— Телом, — закончила за женщину Джеззет. Та кивнула. — Тебе уже приходилось заниматься подобным, не так ли?

Хозяйка улыбнулась и понизила голос до шепота:

— Я пришла сюда из пустыни не для того, чтобы быть шлюхой. Конечно, можно зарабатывать, раздвигая ноги, и неплохо, но вот убивая людей... Убивая людей, можно получать *намного* больше.

С этими словами хозяйка удалилась, чтобы поприветствовать вошедших мужчин. Первый — толстяк, у которого подбородков было больше, чем волос на голове, — остановил свои крошечные свинные глазки на Джеззет, и кривая ухмылка перекосила его лицо, но леди Фрерри отправила его к другой девушке, еще миниатюрнее.

«Да он раздавит ее своим весом. Хорошо хоть долго мучиться бедняжке не

придется», — Джеззет по собственному опыту знала, что толстяки выдыхаются очень быстро.

Второй мужчина явно нервничал — это было заметно по его трясущимся рукам, которые он сцепил в замок. Поздоровавшись с хозяйкой, он направился напрямик к чернокожей красавице, расположившейся на диване в дальнем конце зала. Женщина улыбнулась ему так, словно они были старыми друзьями.

Ну а третьего вошедшего человека Джеззет узнала сразу, как только увидела. Кош был довольно привлекательным высоким мужчиной с резкими чертами лица. У него были светлые волосы и голубые глаза — привычное для Сарта сочетание. «Темные, опасные глаза, и далеко не такие красивые, как у Танкуила». Разумеется, он носил коричневый плащ арбитра, но чистый и опрятный, тогда как плащ Даркхарта скорее походил на старое грязное рванье. Две боевые косы висели у него на поясе.

Леди Фрерри поприветствовала его ослепительной улыбкой и, прижавшись к арбитру всем телом, поцеловала в губы. Кош покраснелся и расплылся в игривой ухмылке.

— Госпожа Фрерри, — звучным голосом протянул Кош, — неужели я наконец испробую тебя, а не кого-то из твоих девочек?

Хозяйка борделя хихикнула.

— А ты наглец, арбитр Кош. Я храню себя для нашего императора.

— Так можно хранить себя до скончания времен.

— А как мне быть иначе? Со временем его чувства проснутся, будь уверен, арбитр. А между тем у меня для тебя есть новенькая. Она хорошо обучена — такую редко встретишь.

Джеззет чуть не вывернуло наизнанку, но все же она улыбнулась так, как когда-то улыбалась Д'роану.

— Хм, — одобряюще кивнул Кош. — Она...

— Очаровательна, не правда ли? Я купила ее в Акантии. Обошлась недешево, но она стоит каждой потраченной монеты, уверяю тебя. По правде говоря, никто ее еще не пробовал. Она прибыла только сегодня.

— Акантия? — задумался Кош. — Рабыня?

Хозяйка негодуяще надулась:

— Нет, нет, нет. Рабство вне закона в Акантии. Я просто... заключила с ней договор.

Арбитр жадно облизнул губы.

— Рассчитаемся после. Она говорит?

«Да, мать твою, говорю. Я скажу: „Гори в аду!“ — и перережу тебе глотку».

— Только если ей приказать. Она скажет все, что ты пожелаешь.

— Хорошо. Что ж, веди, Акантия.

Джеззет поймала на себе тревожный взгляд леди Фрерри, но сделала вид, что не заметила его. Взяв арбитра за руку, она повела его вверх по лестнице.

«Тебе нужно, чтобы Кош отложил в сторону оружие...» До тех пор придется играть роль, пусть даже внутри клопочут гнев и отвращение.

Кош даже не стал дожидаться, пока они окажутся в комнате. Едва Джеззет собралась открыть дверь, как он прижался к ней сзади. Его член, уже твердый как камень, сквозь штаны ткнулся ей в поясницу. Резко толкнув дверь, девушка впорхнула в комнату, и Кош, горя желанием, последовал за ней. Оказавшись внутри, он стал жадно скользить взглядом по ее телу. Джеззет же опустила глаза и давила в себе готовый сорваться крик.

— Сними платье, — приказал арбитр. Джеззет легонько двинула плечами — и

невесомый наряд сам соскользнул на пол. — Шрамы... у вас в Акантии что, принято подрезать шлюх?

Джезет вдруг поняла, что у нее дрожат руки. Ей хотелось прикрыться, хотелось кричать, хотелось трахаться и убивать. Но она лишь прошептала:

— Только непослушных.

Увидев искорки в глазах Коша, Джез поняла, что не прогадала. Идея, что хозяйева наказывали ее за непослушание, пришлась арбитру по душе. Некоторым мужчинам нравится, когда женщина знает, что такое боль.

— Иди сюда.

«Еще немного, Джез».

Она подчинилась. Кош схватил ее за талию, стиснул грудь, прижался влажными губами к ее губам и одновременно стал расстегивать пряжку. Джезет, вынужденная все это терпеть, помогла ему с ремнем. Косы арбитра с металлическим звоном упали на пол. Затем девушка стянула с Коша плащ и отбросила его. Дальше настала очередь штанов.

И вот ее цель, арбитр Фенден Кош, стоит перед ней, голый и безоружный. «Сейчас!»

Джезет толкнула его на кровать. Отступник с любопытством ухмыльнулся. Девушка взобралась на него сверху, устроилась поудобнее и позволила ему войти.

«А у Танкуила побольше будет...»

Джез принялась двигать бедрами: вверх, вперед, вниз, назад, быстрее и быстрее. Она знала, что должна улыбаться — мужчинам нравилась ее улыбка, — но не могла избавиться от выражения отвращения на лице. Сам арбитр этого либо не замечал, либо ему было наплевать — он смотрел на нее голодными глазами, рыча и постанывая.

Джез за свою жизнь много с кем спала. Толстые и худые, потные пьяницы и любители дорогих духов, неженки и грубияны, богачи и те, у кого ни гроша за душой... Чаще всего секс был желанным, иногда ее насиловали, но никогда прежде она не чувствовала такого омерзения в первую очередь к самой себе.

«Драться или трахаться, Джез? Ты всегда выбираешь второе. — Она вспомнила слова Меча Севера: — Отдаются, чтобы избежать битвы, шлюхи, но не Мастера Клинка».

Кош отрывисто дышал, явно наслаждаясь процессом. Его руки больно сжали груди девушки, а затем скользнули по телу и вцепились в ягодицы. А она продолжала двигать бедрами, не чувствуя ни капли удовольствия.

«Мастер Клинка без своего клинка...»

Джезет наклонилась, чтобы поцеловать арбитра, и незаметно просунула правую руку под подушку в изголовье кровати. Пальцы нащупали рукоять спрятанного там кинжала.

— Бог мой, да! — громко выдохнул Кош.

В этот момент Джез выпрямилась и вонзила лезвие арбитру в сердце.

Бетрим сидел у походного костра, глядя на пляшущие языки пламени и гадая, какой из них поднимется выше других. Наемник жевал кусок поджаренной конины — на вкус как резина, но мясо есть мясо — и запивал ее дешевым пойлом из бутылки в руке, обжигавшим внутренности, словно огнем, и пахшим рвотой. Это казалось Торну несколько странным — обычно алкоголь отдает рвотой, когда он вырывается из глотки, а не вливается в нее.

Мослак сидел, скрестив ноги, и коричневой тряпкой чистил трофейные кости. Гигант, с головой погруженный в свое кошмарное занятие, широко улыбался, а тело его заливала кровь из полусотни маленьких порезов. Шустрый валялся на земле с жутко вывернутыми ногами и храпел. Бетрим был уверен, что ублюдок не спит, — Шустрый всегда любил подурачки притворяться.

Босс оторвал от туши на вертеле кусок мяса и затолкал его в кровавую массу из дробленной кости и рваной плоти, которая когда-то была его лицом. Бетрим видел, как в ней дергаются мышцы, но самого лица не было — не было носа, рта, глаз. Лишь хлещущая кровь и жуткий хлюпающий звук.

— Как ты это сделал? — раздался голос Зеленого; тело парня сидело напротив Бетрима, Черный Шип видел его сквозь огонь костра, голова покоилась рядом на земле.

— Сделал что? — спросил голову Торн.

— Как ты убил их? Ну, арбитров.

Бетрим понятия не имел, как отделенная от тела голова может разговаривать, и решил просто не обращать на это внимания. Он поискал глазами Генри — маленькой дьяволицы нигде не было видно. Погибла она или сбежала, Шип не знал.

Где-то вдалеке Бетрим услышал лай диких собак. Скоро, совсем скоро они будут здесь, чтобы вдоволь попировать телами его мертвых друзей... и Зеленого.

— Вставай, — заговорила окровавленная голова Босса не его голосом. — Поднимайся!

Бетрим почувствовал, как кто-то пинает его ногу. Он опустил глаза и увидел голову Зеленого, которая невесть как подкатилась ближе и теперь тыкалась в его сапог.

— Поднимайся! — настаивала безликая голова Босса.

Бетрим попытался открыть глаза. Не получилось.

Должно быть, весь мир навалился на его веки, не давая им подняться. Торн снова провалился в сон.

— Вставай! Видит Вольмар, если ты не поднимешься, я вызову стражу!

С огромным трудом Бетрим сумел-таки разлепить глаза и застонал. Чувство было такое, словно кто-то изо всех сил молотил по его голове... причем изнутри. Все тело ломило, конечности отяжелели.

Он лежал на чем-то твердом, деревянном и очень похожем на пол — Торну слишком часто приходилось валяться на полах, чтобы не узнать этого ощущения. Намного хуже было то, что лежал он в луже чего-то склизкого и вонючего.

— Блевотина... — сам себе сказал Бетрим.

— Вот именно, блевотина! Которую, между прочим, убирать придется *мне*, чтобы хоть кто-нибудь еще остановился здесь!

— Здесь? — переспросил Торн, упираясь руками в деревянный пол и силясь подняться; это оказалось не легче, чем сдвинуть гору.

— Да, здесь. Вставай и проваливай, сейчас же! Ты и так задержался слишком долго. Ну, я пошел за стражей.

— Слишком долго... — протянул Бетрим.

Память начала постепенно возвращаться. Он завалился в этот трактир, швырнул свой последний грош на конторку и потребовал комнату. Шип медленно повернул голову и глянул в окно. Снаружи все еще было темно.

— Да! Слишком долго! Пошел вон!

Бетрим уставился на высокого и тощего уродливого человека.

— На дворе еще ночь... Я заплатил...

— Ты заплатил за ночь, а провалялся еще целый день после.

— Что? — Голову Бетрима пронзила резкая боль. Его рука зашарила по шее в поисках оберега арбитра, который должен был бороться с похмельем, но кулон куда-то исчез. — То есть завтра... уже сегодня?

— Именно что. Выметайся!

— Твою мать! Я же должен... идти. — Шип кое-как поднялся на ноги, и мир перед его глазами повело. Бетрим ударился о стену и, опершись на нее, неловко заковылял к двери. — Аргх!..

Внезапно его скрутило пополам и снова вырвало. Мерзкая жгучая кислота разлилась по полу, в нос ударил запах мочи. Похоже, он умудрился еще и обделаться.

— ВАЛИ ПРОЧЬ ОТСЮДА!

Бетрим нетвердой походкой добрал до лестницы и двинулся вниз. В голове пульсировала тупая боль. На предпоследней ступеньке он споткнулся и полетел мордой в пол, но вовремя сообразил повернуть голову и тем самым сохранил нос в целости.

Вернув себе вертикальное положение, Торн двинулся к дверям, то и дело натываясь на столы. На улице его окатил прохладный воздух. Что-то в этом было неправильно... В Сарте никогда не бывает холодно.

— Ночь...

Бетрим попятился, мир дернулся в сторону, и наемник на кого-то налетел. Женщина упала на каменную кладку и застонала от боли. Черный Шип едва удержался, чтобы не блевануть снова. О боги, ну какого дьявола он умудрился где-то потерять оберег? В этот момент кто-то схватил Бетрима за одежду — мужчина, высокий и широкий в плечах.

— Да как ты посмел...

— Сколько времени? — спросил Бетрим.

— Что?

Торн стряхнул с себя руки мужчины и, схватив за дорожку на вид сорочку, сам его хорошенько встряхнул.

— Сколько сейчас времени?!

— Уф... гм-м... около двух ночи.

— Дьявол! — вскричал Бетрим, окатив мужика кислым выдохом. — В какой стороне Инквизиция?

— Я... гм...

— В КАКОЙ, К ЧЕРТУ, СТОРОНЕ?!

Мужчина ткнул пальцем, и Бетрим швырнул его на мостовую рядом с женщиной, а сам развернулся в указанном направлении и побежал.

Его сапоги выстукивали по каменной кладке ритм, который отдавался биением в голове

наемника. Стояла темнота, но проносившийся вокруг в пьяной поволоке мир казался Бетриму таким ярким, что он щурился. Здания нависали над ним молчаливыми белыми исполинами. Одни прохожие таращились на него, другие, наоборот, отводили глаза, кто-то даже кричал ему вслед, но их слова заглушала барабанная дробь в голове.

Бетрим высматривал что-нибудь знакомое — какой-нибудь знак, таверну, лавку, бордель, церковь. Остановившись во второй раз, чтобы выbleвать то небольшое, что еще оставалось у него в желудке, Торн сообразил посмотреть вверх. Черная башня Инквизиции подпирала небо над Сартом, покачиваясь над белыми домами под ней, словно тоже напилась и ее мутило...

Бетрим встрепенулся — бредить нет времени. Нужно найти Кессика. Найти его и убить, пока он не добрался до особняка инквизитора. Слишком много друзей Торна уже погибли: Мослак, Босс, Шустрый, Генри — все покинули его, умерли или сбежали. Их больше нет. Шип не мог позволить этому повториться. У него всегда было мало друзей, и он не хотел терять двух последних из-за того, что напился, как свинья, и не смог сдержать обещание.

Черный Шип прикинул, где сейчас находится и где ему необходимо оказаться. Башня Инквизиции была уже близко. Кессик всегда шел направо от ворот — значит, Бетрим сможет перехватить его, если двинется налево. Звучало логично, поэтому наемник снова сорвался с места и бросился через переулок, надеясь, что не упрется в один из многочисленных сартских каналов.

Бетрим выскочил на широкую улицу. Прямо перед ним оказалась знакомая пекарня. Он ходил здесь много раз, следуя за Кессиком. Шип повернул направо и побежал. Звуки вокруг стихли, а весь мир перед его глазами превратился в один размытый туннель.

Впереди он увидел плац. Тот самый плац! Бетрим рывком сорвал с пояса топор и с силой сжал зубы. Когда до Кессика оставалось шагов пятнадцать, Черный Шип резко остановился и метнул свое оружие.

— КЕССИК! — взревел он.

Арбитр только начал поворачиваться, когда лезвие топора с глухим звуком врезалось ему в спину. Тело лицом вниз рухнуло на мостовую.

Танкуил ждал. Прячась за стволом огромного древнего дуба, он следил за особняком инквизитора Герон. Хозяйка была дома — арбитр видел, как час назад она вернулась и теперь, должно быть, наслаждалась вечерней трапезой.

Выжидая и наблюдая, Даркхарт крутил в пальцах маленькое ожерелье из пьютера^б. Такие украшения красть было сложнее всего. Немногие могут снять что-то, висящее у женщины на шее, так, чтобы она ничего не заметила. У Танкуила ушли годы, чтобы овладеть этим искусством, но он сумел, к вящему удивлению некоторых воров.

Это все из-за нервов, однозначно. Нервишки шалили, и это пугало его, парализовало. Джебзет уже, наверное, убила Коша, а Черный Шип — если он, конечно, не сбежал — позаботился о Кессике. Осталась одна Герон, и нужно разобраться с ней прежде, чем до нее дойдет весть о смерти ее поделщиков.

Танкуил натянул на плечи плащ. Раз уж ему предстоит это сделать, то он сделает это как арбитр Инквизиции. Сунув ожерелье в один карман, он проверил остальные, чтобы освежить в памяти, где какие спрятаны руны и обереги. Почти месяц Даркхарт проходил без плаща и теперь чувствовал себя так, будто вновь обрел часть своей сущности, некогда утраченную. Мракоборец еще раз все перепроверил: оберег бодрствования обернут вокруг левой руки — значит, его нельзя будет лишить сознания; меч легко ходит в ножнах; шарострел-пистолет за поясом заряжен и готов к бою.

У ворот особняка Танкуила остановили стражники — два мускулистых бугая в белой форме. Оба заметно нервничали. Арбитр посмотрел на каждого по очереди.

— Арбитр Танкуил Даркхарт пришел увидеть инквизитора. Пропустите меня.

— Гм, — тот, что повыше, закусил губу. Судя по ее коричневому цвету, стражник явно злоупотреблял жевательной травкой. — Тебе... назначено?

Танкуил сплюнул на землю — дурная привычка, которую он умудрился где-то подхватить.

— Не знал, что нужно записываться. Отойди сам — или я тебя отодвину.

Стражник съежился, словно побитый щенок.

— Да, сэр, — шагнул он в сторону, и Танкуил свободно открыл ворота и вошел на территорию особняка инквизитора.

Это было восхитительной красоты имение, с этим не поспоришь. Огромные цветочные клумбы всех мыслимых цветов, подрумяненные оранжевым свечением висящих фонарей. Коротко стриженная трава — ночной кошмар любого садовника. Восьмиуровневый фонтан из дробленого белого мрамора, ласкающий слух приятным журчанием воды.

Танкуил подошел к главной двери, глубоко вдохнул, выдохнул и постучал. Не прошло и пары секунд, как дверь открылась, на улицу полился мягкий свет изнутри дома, а в проходе возник тощий лысеющий слуга.

— Арбитр Танкуил Даркхарт пришел увидеть инквизитора, — повторил мракоборец самым официальным тоном, на какой только был способен.

— Цель визита?

Танкуил молча уставился на лакея.

— Разумеется. Если ты пройдешь со мной, арбитр...

— Нет. Я подожду здесь. Иди и позови свою госпожу.

— Ты хочешь, чтобы я... Конечно, сию минуту.

Слуга развернулся и поспешил в глубь дома, а Танкуил отошел обратно на садовую дорожку. Если уж драться с инквизитором, то лучше на открытом пространстве.

Хозяйка особняка не заставила себя долго ждать. Движения ее были легки и грациозны, а красивое лицо озаряла игривая улыбка.

Инквизитор Селиция Герон выглядела немногим старше Танкуила, но арбитр знал, что на самом деле ей уже под восемьдесят. Крошечные морщинки проступили в уголках глаз, но в остальном она ничуть не изменилась с того самого момента, как он впервые увидел ее сорок лет назад. Глядя на ее мягкое и заботливое лицо, невозможно было поверить, что эта женщина — инквизитор. У нее были длинные светлые волосы, сплетенные в косу до пояса, а ее глаза светились легким голубым сиянием даже в темноте. Герон была одета в хлопковые брюки и такую же блузку, а поверх всего на ней был ее инквизиторский плащ — как у арбитров, но не коричневый, а ослепительно-белый. Все это придавало ей образ какой-то непорочной святой, и на мгновение Танкуил даже заколебался.

— Арбитр Танкуил! — Герон говорила мягко и плавно. — Мы беспокоились. Шесть месяцев ты не выходил на связь с Инквизицией. Мы боялись худшего.

Даркхарт чувствовал, как дрожат его руки — точно так, как когда ему необходимо было что-нибудь украсть. Инквизитор Герон стояла прямо перед ним. Он понимал, что нужно атаковать, причем немедленно, не давая ей шанса защититься. Черный Шип когда-то сказал: «Единственный способ убить арбитра — не дать ему тебя обнаружить», — и это было вдвойне верно применительно к инквизиторам. Но Герон... Самая добрая из всех мракоборцев, она единственная когда-либо говорила о нем что-то хорошее. Только она одна не смотрела на него, как на проклятого еретика.

— Арбитр, с тобой все в порядке? — ележным голосом спросила женщина.

Никакого принуждения, никакого давления на волю. В ходе обучения арбитров заставляли использовать принуждение до тех пор, пока не становилось невозможным задавать вопросы без него. Мракоборцы впадали в зависимость от него, и даже великий инквизитор Вэнс страдал этим. Но способность к принуждению даровалась им верой в Вольмара, и если арбитр или инквизитор отвергал эту веру... Тут Танкуил заметил, что Герон вооружена — на поясе у нее висел незачехленным жутковатого вида меч из черной стали с зазубренным лезвием.

— Зачем? — спросил Танкуил.

Его собственное принуждение ударило по воле инквизитора, как волна, накатывающая на скалу. Вопрос был слишком неконкретным, слишком размытым, и даже без защиты Герон это бы на нее не подействовало.

— Что «зачем», арбитр?

— Зачем предавать Инквизицию?

— О чем ты говоришь, арбитр? Я бы никогда...

— Я знаю о тебе и Х'осте. Я знаю о Кессике. И я знаю о договоре, инквизитор, — резко оборвал ее Танкуил.

— Х'ост хотя бы дрался? Он вообще не должен был знать о договоре. Видимо, это ошибка Кессика, — горько вздохнула инквизитор Герон.

Женщина сошла с крыльца и шагнула навстречу Танкуилу. Ее милая улыбка сменилась хищным оскалом.

— Но что тебе известно, арбитр?

Танкуил отступил.

— Я знаю, что ты помещаешь тварей Пустоты в человеческие тела. Так ты обратила Коша?

— Кош? — хихикнула Герон. — Он сам ко мне пришел. Прозрел, увидел истину, а я лишь подтвердила ее. Из всех людей именно ты, Танкуил Даркхарт, должен был тоже ее понять.

— Какую истину?

— Ты помнишь тот день, когда арбитр Йеллон привел тебя к нам, Танкуил? — спросила женщина. — Хороший человек, но с жутким характером. Я тогда сама была еще молодым арбитром и видела, как он вел тебя, держа руку на твоём плече. Остановившись посреди двора, он громко объявил: «Этого мальчика зовут Танкуил Даркхарт». Помнишь? В тот день он дал тебе это имя. Я помню. Все вокруг: арбитры, слуги — все смотрели на тебя с отвращением или смеялись, но ты все выдержал и не дрогнул. Все они видели в тебе лишь ребенка двух сожженных еретиков, но не я. Я увидела другое. Способности.

Танкуил помнил плохо. Ему было восемь лет. Полумертвый от голода, он бессильно смотрел, как его родители сгорают на кострах, и слышал их крики. Последовавшие за этим недели тоже плохо отпечатались в памяти, но забыть всеобщее презрение и насмешки он так и не смог. Танкуил был первым Даркхартом, «отроком греха, ребенком с черным сердцем», в Инквизиции за тысячу лет. В конце концов, дети, рожденные в ереси, чаще всего сами склонялись к тьме.

— Что заставило тебя пойти на это, инквизитор?

— Инквизиция переживает упадок. Ее камнем на шею тянут вниз традиции и предубеждения. Нынешние мракоборцы не способны увидеть силу, даже если она сокрыта прямо у них под носом. — Возведя глаза к небу, Герон глубоко вдохнула, а затем медленно выдохнула. — В былые времена все инквизиторы до единого были столь же могущественными, как наш Артур Вэнс. А что теперь? Мы лишь пережитки прошлого. Слишком упрямые, чтобы понять, что наше время прошло. Инквизиция слаба. Ей не устоять против наступающей тьмы, Танкуил.

Кош понял это, как и я. И неудивительно — ему, столь могущественному, быстро стало ясно, насколько слабы все вокруг. Он пришел ко мне за советом. Он искал ответы, которые в душе уже сам знал, но задавал неправильные вопросы. Я показала ему истину...

— Вселив демона в его тело?

Принуждение Танкуила снова разбилось о непоколебимую волю Герон.

— Я могу показать все и тебе, Танкуил. Я покажу тебе, что нас ждет. Пора выбирать, на чьей ты стороне.

— Свой выбор я сделал.

Селиция Герон рассмеялась:

— Они ведь даже не понимают, на что ты способен. Он боится тебя, избегают, сторонятся, презирают, но ты борешься за них, словно ревнитель ошибочной веры.

Танкуил вынул из ножен свой меч и выставил его перед собой.

— Кош и Кессик мертвы, инквизитор.

— Что? — В первый раз за время разговора тень нерешительности легла на ее прекрасное лицо. — Ты не мог...

— Я вернулся в Сарт не один.

— Скажи мне, арбитр Даркхарт, неужели ты думаешь, что после твоей смерти хоть кто-

то усомнится, что ты поганый еретик? А даже если тебе удастся убить меня, Инквизиция все равно тебя покарает.

— Они найдут доказательства. Договор, — попробовал надавить Танкуил.

Женщина лишь усмехнулась в ответ.

— Ты думал, я оставлю столь могущественный артефакт без должного присмотра, арбитр? Нет. Договор в безопасности, а я — единственный человек, способный найти его.

— Пустота, — догадался Танкуил.

— Да, — улыбнулась Герон. — Демоны Пустоты обязаны подчиняться Инквизиции. Я приказала им забрать договор и никогда никому о нем не говорить.

Если это так, значит, доказательств Танкуилу не видать. Селиция Герон была права: даже если он сможет победить, Инквизиция обвинит его в ереси и казнит.

В этот момент черный меч оказался в ее руке, и с молчаливой ухмылкой отступница двинулась на арбитра.

Джез смотрела, как кровь растекается вокруг лезвия кинжала. Тонкая красная линия сбежала по телу арбитра и пропитала шелковую простыню. Самое время одеться — причем во что-нибудь нормальное, а не в голубое полупрозрачное непотребство — и позвать хозяйку борделя, чтобы та разобралась с телом.

«А затем надо узнать, как дела у Танкуила. Он может нуждаться в помощи».

Джез приподнялась на коленях и провела между ног уголком простыни.

Внезапно глаза Коша широко распахнулись.

«Что...»

Колено арбитра врезалось Джеззет в промежность, и девушка вскрикнула. Следующий удар ногой пришелся в живот; она отлетела к стене и сползла по ней на пол, не в силах сдержать слез боли.

— Такого у меня еще никогда не было, — услышала Джез голос арбитра, которому полагалось быть мертвым.

Кош скатился с кровати и встал в полный рост. Кинжал все еще торчал у него из груди.

«Он же прошел ублюдку прямо сквозь сердце...»

— Мне говорили, что смерть — это больно, но я никогда не думал... Кто ты?

Кош взялся за рукоять кинжала и потянул. Лезвие легко вышло из плоти, а рана буквально на глазах затянулась. Всего несколько мгновений — и на коже арбитра осталась лишь тонкая красная полоска.

Джеззет не ответила. Подобрав под себя ноги, она приготовилась атаковать.

«Мастер Клинка без своего клинка...»

Кош отбросил кинжал и двинулся к своей разбросанной по полу одежде.

— Итак? Кто ты? Зачем ты убила меня?

Когда арбитр нагнулся, чтобы подобрать одну из своих кос, Джез сделала свой ход. Она прыгнула к маленькому комоду, просунула руку между ним и стеной и вытащила оттуда свой меч.

— Твой кинжал не смог убить меня, так почему ты думаешь...

Когда Джез обнажила клинок, два маленьких клочка бумаги неспешно спланировали на пол.

— Вот как, — прохрипел Кош, глядя на оружие девушки.

Джеззет даже не сразу поняла, в чем дело. Стальное лезвие светило. Не ярко, но даже такое слабое свечение не заметить было невозможно.

Кош схватил косу и, резко рванув с места, бросился в окно. Раздались звон битого стекла и треск дерева. Джеззет, не медля ни секунды, ринулась за ним и услышала снаружи глухой звук удара, обозначивший приземление арбитра. Выглянув в окно, девушка увидела, как мертвец бежит по улице прочь от борделя. Джез посмотрела на свой меч и сразу вспомнила, как Танкуил отдавал его со словами: «Он тебе пригодится».

«Если он знал, то почему не сказал мне?»

Джеззет выпрыгнула в окно и, после короткого мгновения полета, ударилась о землю, перекатилась и вознесла безмолвную хвалу богам за то, что публичный дом никто не додумался строить высоким. Развернувшись, девушка бросилась в погоню за убегающим арбитром.

В который уже раз за свою жизнь Джек порадовалась тому, что у нее маленькая грудь. Ей доводилось видеть, как пытаются бегать пышки, и ничего приятного в этом зрелище не было. Кроме того, совсем не помешала бы одежда, но девушка понимала, что за время, нужное для одевания, Кош бы непременно скрылся. Сейчас же арбитр хоть и бежал впереди, но оторвался ненамного. Джек была быстрее и постепенно сокращала дистанцию. В какой-то момент отступник свернул за угол и исчез из виду, но всего две секунды спустя Мастер Клинка снова увидела его. В столь поздний час на улице было мало народу, но те, кто стал свидетелем этой погони, удивленно раскрывали рты, тыкали в бегущих пальцами и кричали. Джек старалась не обращать на это внимания, но все равно ей хотелось прикрыться. Прикрыть свои шрамы.

Их разделяло всего несколько шагов, когда Кош внезапно остановился и развернулся, а его коса опасно просвистела в воздухе. Остановиться, чтобы не напороться на лезвие, Джек не позволила инерция, поэтому она на ходу отклонилась влево. Острая кромка вражеского оружия прошла всего на волосок от руки девушки. Джек перекатилась назад и, приняв позу полуприседа, оказалась лицом к лицу с арбитром.

Кош смотрел ей в глаза — голый, как младенец, и вооруженный лишь одной косой. Джек, такая же нагая, держала в руке светящийся меч. Прохожие вокруг замерли в немом изумлении.

— Кто ты? — снова спросил Кош. — Почему ты пытаешься убить меня? Ты не арбитр.

От его взгляда у Джек по спине табунами побежали мурашки. «Нужно кончать с этим, пока не прибыло подкрепление».

Девушка прыгнула на врага, целясь мечом тому в лицо. Арбитр поднял косу, и два лезвия, скрестившись, зазвенели. Кош, не мешкая, попытался напасть на Джек слева, с ее уязвимой стороны, но юркая девушка не дала ему этого сделать.

Высокий взмах, низкий выпад, прыжок влево, ложный выпад и сразу же хлесткий удар справа... Каждая ее атака натыкалась на звенящую сталь. Потом уже арбитр перешел в наступление. Он действовал быстро и жестко, а его коса хлестала из стороны в сторону. Джек с трудом уклонялась, понимая, насколько опасное оружие в руках ее врага, — косу можно остановить мечом, но ее искривленное лезвие все равно может достигнуть цели и даже убить.

Атакуя, Кош бормотал что-то себе под нос, так же, как это делал Танкуил. «Благословения! Вот почему он такой быстрый!» И действительно, каждый его выпад, каждый взмах были настолько стремительными, что Джек едва успевала за ними следить. Девушка уклонялась, приседала, парировала и отступала, но ей нужно было брать инициативу в свои руки. Даже не имея доскональных знаний о рунной магии, она понимала, что чары на ее мече вряд ли продержатся долго.

Лезвие косы устремилось Джек в голову. Она блокировала удар своим мечом и отпрыгнула вправо. Коса рванулась следом и прошла всего в дюйме от шеи девушки. Джек вдруг почувствовала, что дрожит. А Кош меж тем снова атаковал ее слева.

Арбитр непрестанно шептал слова благословения, но его голос был лишь одним из множества. На свой риск Джек мимоходом глянула по сторонам и увидела целую толпу людей, собравшуюся вокруг дуэлянтов. Все они стояли, боясь приблизиться, оживленно переговаривались и наблюдали. Внезапно девушка поняла, что непроизвольно старается прикрыть шрамы левой рукой, одновременно защищаясь от яростных выпадов арбитра мечом, зажатым в правой.

«Слишком много людей, слишком много взглядов». Спрятать все шрамы она не могла даже на груди, не говоря уже про спину, руки и ноги. А ведь все эти мерзавцы пялятся на нее... От этого движения Джекзет становились вялыми, медленными. Отвлечшись, девушка едва успела заблокировать очередной выпад косой и даже вздрогнула от силы удара. Арбитр надавил сильнее, и Джекзет, не удержавшись, полетела на землю. Тяжело рухнув на холодный камень, она зарычала от боли, но тут же откатилась в сторону — лезвие косы вспорол воздух как раз в том месте, где только что находилась голова девушки. Вскочив на ноги, Мастер Клинка отпрянула от противника. Арбитр в ответ на это улыбнулся.

«Так же улыбался Меч Севера, когда думал, что уже победил».

Джекзет до последнего слова помнила все, что он ей говорил: «Отдаются, чтобы избежать битвы, шлюхи, но не Мастера Клинка. Мы не избранные, нас не тренировали. Мы такими рождены. Лишь немногие рождаются для того, чтобы стать Мастерами Клинка, тенями, несущими смерть, и пока ты не отпустишь свои страхи, ты никогда не сможешь быть одной из нас».

Джекзет почувствовала, как внутри поднимается волна жара. Она не знала, что разозлило ее больше: то, что Меч Севера наговорил ей, то, что она ничего с этим не смогла поделать, то, что он был прав, или то, что ее жизнь вот-вот заберет голый мужик, которого она совсем недавно трахнула и убила.

Убрав левую руку от груди, Джекзет обеими крепче взялась за эфес меча. Когда арбитр атаковал снова, девушка отвела вражеское оружие в сторону и ответила двумя молниеносными ударами вперехлест. Кош блокировал первый и отшатнулся от второго. В его глазах промелькнуло удивление. Джекзет, не давая противнику опомниться, усилила натиск, чередуя размашистые дуговые взмахи с выпадами и постоянно двигаясь из стороны в сторону.

Кош снова начал что-то шептать. Уклонившись от очередной атаки Джекзет, он с нечеловеческой скоростью подскочил к девушке вплотную. Коса устремилась ей в лицо. Джекзет остановила клинок своим собственным и резко крутанула. Истинной наградой для нее стало выражение шока на лице арбитра, когда оба оружия — и его любимая коса, и светящийся меч Джекзет — плоскими сторонами уперлись ему в обнаженную грудь. Резко резанув мечом, девушка отпрыгнула. Раздался крик боли, фонтан крови брызнул в воздух, а рука Коша, все еще сжимая косу, шлепнулась на каменную кладку мостовой.

Арбитр вцепился левой рукой в кровоточащий обрубок правой. Джекзет ловко подскочила к предателю сбоку и, извернувшись, вогнала меч в его левую подмышку. Старый наставник в свое время заставил ее выучить все уязвимые точки человеческого тела, и это знание не раз ее спасало. Во второй раз за ночь клинок Джекзет пронзил сердце арбитра. Прокрутив меч, девушка резко выдернула его. Алая кровь хлынула из раны. Тело Коша мешком рухнуло на землю и вздрогнуло в последний раз.

— Меня зовут Джекзет Вель'юрн. Танкуил Даркхарт послал меня убить тебя, — запоздало сказала она мертвецу и подумала: «Хотя теперь это уже не важно».

Джекзет опустила глаза. Нагая и забрызганная кровью, она сама здорово походила на исчадие преисподней. «Море крови, и ни капли моей. Как всегда».

Люди вокруг по-прежнему оживленно шептались, не сводя с нее взглядов, но ей было наплевать. «Пусть смотрят. Пусть знают, как выглядят тени смерти».

Вдруг невесть откуда возникли десять человек в белой форме и с копьями на изготовку. Один из них сказал что-то, но Джекзет не слышала его. Все заглушал рев в ушах, словно сама

ее сущность разбушевалась, требуя больше крови.

Мастер Клинка зло ухмыльнулась: «Они думают, что смогут вдесятером остановить несущего смерть? Им бы привести армию...»

Едва держась на ногах, Бетрим склонился над телом. Несмотря на утреннюю прохладу, наемник обливался потом. Он мог поздравить себя — бросок получился что надо. Попасть в движущуюся мишень, когда у тебя гудит голова и трясутся руки, — это не просто хорошо, это чертовски хорошо.

Уперев сапог в спину арбитра, Торн взялся за топориче и потянул. Лезвие глубоко вошло в плоть и, судя по всему, перерубило позвоночник, поэтому Бетриму пришлось сначала поверочать оружие, чтобы затем рывком высвободить его. Капельки крови, сорвавшись с топора, брызнули Черному Шипу в лицо.

— Давай-ка сделаем так, чтобы ты точно никогда больше не поднялся, — сказал наемник мертвецу, переворачивая тело, чтобы обнажить шею, и представил выражение лица Танкуила в момент, когда бросит ему под ноги голову Кессика.

Открывшееся его взгляду лицо было совсем юным. Над верхней губой мертвеца только начал пробиваться пушок. Это живо напомнило Бетриму Зеленого. Тело принадлежало не Кессику. Черный Шип убил не того арбитра.

В этот момент чья-то рука схватила Торна за плечо и дернула к земле, а в следующее мгновение кулак врезался ему в лицо. Весь мир залила белизна. Ослепленный, Черный Шип рухнул на мостовую и застонал. Когда зрение немного прояснилось, он попытался подняться. Над телом мальчишки стоял человек и буравил Бетрима холодным взглядом ледяных глаз.

— Кессс... аргх!

Торн едва не закричал от боли в лице. Не нужно было даже трогать челюсть, чтобы понять, что она сломана. Силы Кессику явно было не занимать. Но Черный Шип бывал в передрягах и похуже. Да и вряд ли сломанная челюсть может испортить его внешний вид больше, чем уже есть.

Кессик просто стоял, не шевелясь, и следил за Бетримом. На нем не было плаща — должно быть, он отдал его ныне мертвому мальчишке и не собирался забирать обратно. Черный Шип покрепче сжал рукоять топора и приготовился к бою. Противник был безоружен, но Бетрима это нисколько не обнадежило. Он прекрасно знал, что от арбитров с их магическими фокусами можно ожидать чего угодно.

— Последнее время я чувствовал за собой слезку, но не мог себе даже представить, что мной заинтересуется сам Черный Шип, — сказал Кессик холодным, не выражающим ни единой эмоции голосом.

Бетрим, может, и улыбнулся бы такому заявлению, но не стал, понимая, сколько боли при этом ему причинит сломанная челюсть.

— ...о... как оно... ывает, — еле-еле промычал он.

Черный Шип был на добрый фут выше Кессика, также у наемника имелось преимущество в весе и размахе руки, кроме того, он был вооружен. И Бетрим двинулся на врага.

— Не думаю, что я случайная мишень, — сказал Кессик, не сдвинувшись с места. — Кто-то послал тебя. Это был Даркхарт?

Черный Шип замер. Челюсть не давала ему ничего сказать — ни ответить, ни задать встречный вопрос, ни послать арбитра куда подальше.

— Да. Уверен, так и есть. Я слышал, он вернулся. Это ведь он убил Х'оста, не так ли? И та женщина, что рассказала мне о смерти Х'оста, она же тоже с ним, так?

Такая осведомленность арбитра Торну совсем не понравилась. Немного ослабив хватку, он бросился на врага.

Кессик даже не шелохнулся — он просто ждал и смотрел, как Бетрим бежит на него, как замахивается, как лезвие опускается на его голову. Лишь в последний момент арбитр с нечеловеческой скоростью сместился в сторону, схватил Шипа за запястье и вывернул его с такой силой, что Бетрим взревел от боли даже со сломанной челюстью. Топор звякнул по камню, а Торн получил мощный удар в спину и налетел на тело мертвого парнишки.

— Я еще не закончил, Черный Шип, — укоризненно сказал Кессик. — Стало быть, ты и женщина работаете на арбитра Даркхарта. И много вас здесь? Или только вы трое?

Бетрим не пошевелился и не ответил, а лишь прожигал арбитра-предателя полным ненависти взглядом.

— Да. Только трое. Не самая страшная армия, должен заметить. Но если ты здесь, чтобы убить меня... Он послал женщину разобраться с Кошем, не так ли? Ты же знаешь о Коше? Да. Думаю, знаешь.

Бетрим ничего не понимал. Он ни слова не ответил Кессику на его вопросы, но тот каким-то образом все равно знал правду. Топор наемника валялся у самых ног арбитра, поэтому Шип вытащил кинжал — тот самый *зачарованный* клинок, что дал ему Танкуил. Для убийства ублюдка-арбитра это, пожалуй, именно то, что нужно.

— А сам Даркхарт, получается, решил лицом к лицу встретиться с инквизитором Герон, — заключил Кессик. — Я вот думаю, она его убьет или все же склонит на нашу сторону?

Бетрим взмахнул левой рукой — метательный нож полетел в Кессика. Арбитр даже не думал уклоняться, и лезвие вонзилось ему в левую ногу. Черный Шип не медлил ни секунды. Его зачарованный кинжал трижды просвистел в воздухе. Под первый выпад Кессик поднырнул, второй оставил порез на его руке, но третью атаку арбитр сумел перехватить.

Кессик крепко вцепился в правую руку Бетрима, и кончик лезвия замер в считанных дюймах от сердца предателя. Черный Шип двинул в лицо противнику трехпалым кулаком, но Кессик этого словно не заметил. Тогда Торн замахнулся, чтобы ударить врага лбом, но арбитр вскинул руку и схватил Шипа за горло. Наемнику стало нечем дышать.

Дальше Кессик принялся выворачивать правую РУКУ Бетрима, сжимавшую кинжал. Ублюдок был настолько силен, что Черный Шип не мог даже пошевелиться.

— Очень хорошее оружие, — сказал Кессик.

Его голос был таким же ровным и таким же холодным, как его взгляд. Вдруг его рука отпустила горло Бетрима, а клинок исчез из ладони наемника. А затем Черный Шип почувствовал, как лезвие вонзается в его тело — еще раз, и еще, и еще...

Кессик резко выпустил Бетрима. Наемник на ватных ногах отступил на несколько шагов и, споткнувшись о тело мальчишки, повалился на мостовую, сильно приложившись головой о каменную кладку. В глазах у него снова побелело. Торн с трудом приподнял ставшую невообразимо тяжелой голову и посмотрел себе на грудь. Кровь, растекающаяся под одеждой... Кинжал, такой красивый, серебряный, торчащий из груди... Бетрим не чувствовал боли. Он вообще ничего не чувствовал. Все его тело словно онемело.

Шип закашлялся и ощутил на губах горячую кровь. Он смотрел на звезды, на луну, на безграничную черноту неба... Но вдруг все заслонил Кессик. Он встал над Бетримом, глядя

на него точно так же, как чуть раньше глядел на парнишку. Парнишку, которого сам и убил... или Шип его убил? Становилось трудно вспомнить.

Заходясь в кашле, Черный Шип попытался пошевелиться, убраться подальше от арбитра, но все его тело словно налилось свинцом и не слушалось.

— Гори... — попытался сказать Бетрим, но вместо этого лишь снова захлебнулся кровью.

— Ты удивительный человек, Черный Шип. До последнего цепляешься за жизнь. Многие уже сдались бы, но не ты. Ты любишь жизнь, не так ли? Да. Да, любишь. Жаль. Мне интересно, сколько боли сможет выдержать хваленый Черный Шип, прежде чем сдаться?

Последним, что увидел Бетрим, были пальцы Кессика, тянущиеся к его глазам.

На корабле, во время путешествия в Сарт, Джезет каждый день избивала Танкуила затупленным мечом, и каждый день он ложился в постель с мыслями о тщетности таких упражнений. Теперь же арбитр всей душой радовался тому, что прошел через это тяжкое испытание. Он был уверен, что инквизитор Герон уже давно порезала бы его на кусочки, если бы Джезет тогда его не натакала.

Танкуил блокировал сильный нисходящий удар, шагнул назад и затем снова вперед, сократив расстояние между собой и инквизитором. Их клинки скрестились, зазвенела сталь, в воздух взметнулись искры. Два зачарованных меча в руках бойцов, что черпали новые силы в благословениях, являли собой поистине впечатляющее зрелище. Даркхарту даже стало жаль, что он не может посмотреть представление со стороны, а вынужден лично в нем участвовать, поставив на кон свою жизнь.

Инквизитор резким движением отвернула оба меча в сторону и ударила арбитра ладонью по лицу. Танкуил почувствовал, как что-то прилепилось к его щеке — маленький клочок бумаги, оберег, — и вдруг понял, что не может вспомнить ни единого слова благословения. Он сорвал оберег — раздался противный звук, а щеку прожгла боль, — но слова стали возвращаться слишком поздно. Инквизитор Герон уже наступала. Арбитр защищался, как мог, но движения отступницы были нечеловечески быстрыми, а удары, сыплющиеся на него то с одной, то с другой стороны, — невероятно мощными. Он снова начал читать благословение и вдруг обнаружил, что, отступая, шагнул на клумбу, полную красных и белых роз.

Инквизитор Герон что-то прошептала своему мечу, а затем воткнула острие в землю под их ногами. Танкуил приготовился. Магия могла сотворить что угодно: землетрясения, ураганы, видения, иллюзии... Магия могла разгонять облака и вызывать огонь из ниоткуда. Но арбитр никогда в своей жизни не видел, чтобы магия заставляла растения подчиняться воле человека.

Что-то тонкое поползло вверх по его ноге и вцепилось острыми иголками в кожу. Цветы оплели лодыжки арбитра, не давая ему двигаться. Даркхарт попытался освободиться, но растения оказались необычайно крепкими, а в следующий момент перед ним выросла инквизитор, ее меч засвистел в воздухе.

Времени на раздумья не оставалось. Танкуил развернул свой клинок и вскользь рубанул им по правой ноге. Жгучая боль пронзила лодыжку, но зато он избавился от живых пут. Меч отступницы полоснул по левому боку арбитра, оставив неглубокую рану, но в то же время инквизитор открылась для нападения. «А как бы на моем месте поступил Черный Шип? Двинул бы ей лбом в лицо?» — подумал Танкуил и, выставив навстречу женщине свободную ногу, так и сделал.

Инквизитор Герон вскрикнула от боли и отпрянула, закрывая лицо рукой. Кровь сочилась между ее пальцами и капала на землю. По черному лезвию меча тоже текла кровь, но она принадлежала уже Танкуилу. Арбитр коснулся пальцами раны на боку — к счастью, она оказалась не очень серьезной. А вот с лодыжкой дела обстояли намного хуже — при малейшей нагрузке она просто взрывалась дикой болью. Впервые Даркхарт пожалел, что так мало знает об исцеляющих оберегах.

Обрубив оставшиеся растения, что еще держали его, арбитр, хромя, двинулся к

инквизитору. У женщины был сломан нос, маленький рот и точеный подбородок заливала кровь, а глаза пылали гневом. Если бы Танкуилу не нужно было непременно убить отступницу, он бы, очень вероятно, предпочел поскорее скрыться от такого пугающего взгляда.

Инквизитор сунула руку в карман плаща и вынула оттуда кусочек дерева. Зажав между большим и указательным пальцами, она сломала его и бросила две половинки под ноги Танкуилу. Арбитр чуть присел и приготовился действовать, но ничего не произошло. Даркхарт медленно переносил вес тела со здоровой ноги на больную и обратно, тяжело дыша от напряжения. Он был похож на быка, готового в любой момент сорваться с места.

Селиция Герон подняла свой длинный черный зазубренный меч на Танкуила, замершего в ожидании действия руны. В свете луны стало казаться, что поверхность клинка начала двигаться, изменяться, словно внутри пробудилась тьма. Отступница бросилась в атаку.

Танкуил попытался еще раз глубоко вдохнуть, но не смог. Стоя на открытом воздухе, он не мог втянуть его в легкие. Задышавшись, арбитр припал на одно колено. Конечности отяжелели и стали плохо слушаться, словно тяжесть всего мира разом обрушилась на него.

Первый удар инквизитора выбил меч из руки Танкуила, второй чуть не отрубил ему левую руку — арбитр успел вовремя отшатнуться, но недостаточно быстро, и на его теле появился новый порез. Третий выпад должен был проткнуть его насквозь, но Даркхарт отступил в сторону и рывком подскочил к противнику. На последнем издыхании прошептал благословение силы, он обеими руками толкнул Герон в грудь. Инквизитор отлетела назад, прямо в объятия неестественной тьмы у нее за спиной. Танкуил, едва держась на ногах, принялся искать глазами свой меч. Заметив неподалеку отблеск лунного света на металле, он двинулся туда, но на полпути, обессилев, рухнул на четвереньки.

Неожиданно способность дышать вернулась к нему. Чистый холодный воздух ворвался в легкие, и арбитр зашелся кашлем. Но все же это было восхитительное чувство. Мир перестал давить, тело вновь стало слушаться. Обернувшись, арбитр бросил взгляд на половинки руны, лежавшие на земле позади него, — могущественная магия, за гранью его способностей. Накатило поганое ощущение, что в этой битве ему не победить. И все же он упрямо дополз до меча и поднялся, готовый встретить следующую атаку отступницы.

Но ее нигде не было видно. Тьма плотной пеленой окружила арбитра, а инквизитор как сквозь землю провалилась. Танкуил поднял глаза к небу, где сгустились черно-серые облака, грозя полностью закрыть собой луну и звезды. Даже фонари, прежде яркие, теперь казались лишь крошечными искорками во мраке.

— Я разочарована, Танкуил, — раздался голос у него за спиной. Даркхарт крутанулся на месте — ничего. Он прошептал благословение зрения и лишь тогда увидел ее. Герон замерла шагах в двадцати и смотрела на арбитра так, словно на улице стоял ясный день, а вокруг не клубилась непроглядная тьма. Печальная улыбка играла на ее лице, а из-за маски засохшей крови женщина казалась каким-то жутким монстром-кровопийцей. — Мне говорили, что ты мастерски владеешь рунами, оберегами и благословениями. Но как же так, если ты попадаешься на детские уловки и полагаешься на грубую силу?

Хотел бы Танкуил засмеяться в ответ на такое заявление, только вот та руна совсем не была детской уловкой. Он даже не до конца понимал, что вообще произошло, но убеждал себя, что во второй раз с ним это не сработает.

Приготовившись к атаке, арбитр вдруг заметил, что кромка лезвия его меча зазубрилась. Клинок был зачарован для того, чтобы никогда не тупиться и не ломаться, но глаза не вдали

Танкуилу — небольшой кусочек металла отсутствовал.

— Из чего, разрази тебя Вольмар, сделан твой меч? — спросил он.

Селиция Герон рассмеялась. Раньше звук ее теплого, приятного голоса непременно вызвал бы улыбку у Танкуила, но не теперь, когда они пытались убить друг друга.

— Заметил?

Внезапно из пелены тьмы вылетел кинжал. Танкуил поднял меч, чтобы отразить его, и разрезал бумажную руну, обернутую вокруг лезвия летящего оружия. Не успел он и глазом моргнуть, как его меч и всю его правую руку охватило пламя.

Закричав, Танкуил выронил меч и, повалившись на спину, принялся кататься по земле, пытаясь сбить огонь, но в итоге лишь подпалил полы собственного плаща. Арбитр стянул с себя горящую одежду и отшвырнул в сторону. Его правая рука превратилась в сплошной сгусток боли — пунцовая кожа пузырилась и сочилась кровью, — поэтому он взял меч левой и поднялся, сию секунду вымотав инквизитора в темноте. Не преуспев, Даркхарт бросил отчаянный взгляд на свой полыхающий плащ. Все его тщательно подготовленные руны и обереги остались там. Все руны, до единой!

Он сорвался с места и побежал — не важно куда, лишь бы подальше от плаща.

БУМ!

Мир перевернулся вверх тормашками, когда все спрятанные в плаще взрывные руны сработали одновременно. Танкуила швырнуло на траву, из глаз хлынули слезы. Дым наполнил воздух, арбитра окатило дождем из грязи и земли, а в ушах не унимался оглушительный звон. Мракоборец попытался подняться, но левая его нога подкосилась, и маленький металлический кружок врезался ему в кожу. Танкуил не сразу понял, что это одна из пуговиц. Собрав все силы, он сумел-таки встать и, опираясь теперь на правую ногу, осмотрелся в поисках инквизитора.

В том месте, где он совсем недавно стоял, образовался огромный дымящийся кратер, дышащий жаром. А всего в десяти шагах от него Танкуил увидел Герон.

Отступница, хромая, медленно двигалась к нему, и глаза ее были полны ярости. Левая сторона ее лица почернела и кровоточила, волосы исчезли, выжженные взрывом. От левого уха остался лишь рваный опаленный обрубок. Кровь текла по левой руке инквизитора и капала на землю, мгновенно впитываясь в почву. Взрыв очень сильно потрепал женщину, но все же не убил, а взглянув ей в глаза, Танкуил понял, что теперь игры точно кончились.

Арбитр поднял меч, готовый к бою. Там, где пламя лизнуло сталь, клинок почернел. Левая нога все еще не могла держать вес тела, но отрывать пуговицу он не рискнул.

Первый удар инквизитора оказался таким мощным, что Даркхарта с головы до ног проняла дрожь, и он едва устоял на ногах, чтобы парировать следующий выпад. Слева направо, справа налево... С каждым взмахом меча отступница, казалось, становилась все сильнее и сильнее, притом что ее левая рука безвольной плетью свисала вдоль тела. Шагнул назад, Танкуил ступил на больную ногу и вскрикнул от боли, и в этот момент меч инквизитора разбил его собственный.

Арбитр упал на землю, отбросил в сторону ставший бесполезным кусок металла и принялся отползать, прижимая правую руку к груди. Селиция Герон наступала. Ее прежде красивое лицо превратилось в жуткую обугленную маску, но в глазах не было боли, только гнев.

— Все кончено, арбитр Даркхарт, — бросила она.

У Танкуила не оставалось выбора. Он нащупал деревянную плашку, которую заранее

пришел к штанине, и разломил ее. Именно эту руну он украл у бога-императора полгода назад. Арбитр понимал, что сокрытая в руне сила, скорее всего, убьет и его, и изменницу, но эту цену он готов был заплатить. Он уже чувствовал, как стремительно нарастает внутри него энергия. Арбитр Даркхарт посмотрел на инквизитора Герон и улыбнулся.

— Праведное Воздаяние. Шах и мат, инквизитор.

Никогда еще Танкуил не был так рад увидеть страх в чьих-то глазах. В этот момент небеса разверзлись, и поток яростного света ударил в землю, окатив очищающим пламенем все вокруг.

Свет был настолько ярким, что слепил арбитра даже сквозь зажмуренные веки, а пламя — настолько жарким, что, казалось, в нем плавилась кожа и рассыпались кости. Три отчаянных крика разорвали воздух — Даркхарта, Герон и еще один, нечеловеческий, потусторонний. Танкуил уже не понимал, стоит он или лежит, где небо, а где земля... Остались лишь свет, пламя и боль, ибо Праведное Воздаяние выжигало все грехи, все семена ереси из его души.

А потом все закончилось. Свет погас, пламя исчезло, но осталась боль. Танкуил с интересом открыл глаза и дождался, пока пропадут пляшущие огоньки и зрение прояснится. Он обнаружил, что стоит на коленях, руки его висят вдоль тела, а голова упала на грудь. Не веря собственным глазам, арбитр посмотрел на свои руки. Правая еще раньше была опалена взрывом, но левая, к его несказанному удивлению, осталась цела. Только что неистовое пламя терзало его тело, Танкуил все еще чувствовал невыносимый жар, но на коже не осталось ни единого ожога.

У него не нашлось сил пошевелиться. Да что там говорить — даже просто порадоваться тому факту, что он жив. Арбитр понимал, что, если бы не оберег бодрствования на левой руке, он непременно бы потерял сознание. Ему хотелось смеяться, плакать, кричать, но больше всего — спать.

Послышался смех. Женский смех, хриплый, грубый и отрывистый — звук настолько ужасный, что на Танкуила нахлынуло отчаяние. Она не должна была выжить. Арбитр поднял глаза. Всего в двух метрах от него на коленях стояла инквизитор Герон. Вся левая половина ее тела превратилась в черную кровотокающую массу горелой плоти. В поднятой правой руке женщина сжимала меч, черный и дымящийся. Запрокинув голову, она истошно смеялась прямо в ночное небо.

— Меч... МОЙ меч!

«Прицельно стрелять... до десяти шагов», — вспомнил Танкуил слова торговца оружием.

— А как насчет «в упор»? — вслух спросил он себя, когда инквизитор Герон опустила глаза и посмотрела прямо на арбитра.

БАХ!

Результата выстрела Танкуил так и не увидел. Селиция Герон откинулась назад... или, быть может, он сам повалился на спину. Он знал, что больше не в состоянии пошевелиться и что давно должен был лишиться чувств. Даркхарт лежал, закрыв глаза. Оберег не давал его разуму отключиться, но сосредоточиться на чем-либо было просто невозможно.

В какой-то момент арбитр услышал голоса. Он не знал, сколько времени прошло — несколько минут, часов, дней... Голосов было много, одни говорили торопливо и сбивчиво, другие — медленно и задумчиво. Вроде бы среди них был даже сам великий инквизитор... Хотя черт его разберет.

- Что будем с ним делать?
- Он еще жив?
- Думаю, да.
- Покончите с ним. Она бы этого хотела.
- Нет.
- Сэр?

— Заберите его в крепость и доставьте в изолятор. Он ответит за это преступление.

— Да, сэр.

Танкуил почувствовал, как чьи-то руки поднимают его и куда-то то ли несут, то ли тащат... Мозг отказывался соображать.

- У него что-то на руке.
- Что?
- Не знаю. Я не один из них.
- Сними.
- Но что, если это...

Четверо стражников конвоировали его от камеры до зала Совета. В принципе, даже будь Танкуил здоров, полон сил, вооружен и свободен от оков, это было бы чересчур. А в его нынешнем состоянии даже захудалый новичок с легкостью бы с ним справился. Наверное, такое количество охраны позволяло остальным чувствовать себя в большей безопасности.

Танкуил еле-еле переставлял ноги. И они, и его руки были скованы тяжелыми цепями, которые своим весом тянули пленника к земле. Стражники мрачно молчали и двигались очень медленно — чуть быстрее, и им пришлось бы волочь Даркхарта до зала Совета на себе.

Хорошо хоть высшие чины не стали предавать дело огласке. А ведь могли и приказать провести Танкуила прямо по двору крепости на виду у всех. Вряд ли кто-нибудь из арбитров в Сарте упустил бы возможность посмотреть на предателя.

Ему сказали, что он провел без сознания четыре дня. Врач — угрюмый старый арбитр с обвислой кожей на неизменно хмуром лице — рассказал Даркхарту, что все уже начали сомневаться, очнется ли он вообще. Впрочем, это не помешало приковать его цепями к койке. Старик сделал все, чтобы залечить руку Танкуила, но полностью справиться с таким ожогом даже ему оказалось не под силу.

— Со временем твоя рука, скорее всего, заживет. Но вот прежняя подвижность вряд ли восстановится. От ожогов остаются шрамы, — хрипло сообщил старый арбитр.

Теперь правая рука Танкуила до самого локтя была замотана бинтами, пропитанными каким-то маслом и от этого жирными на ощупь. Но все равно боль была просто дикой, и арбитр чувствовал, как отзывается воспаленная кожа на любое, даже самое мизерное движение. Как будто этого было мало, так стражники еще и настояли, чтобы ему заковали в цепи обе руки — и здоровую, и обожженную. Металлический наручник натирал запястье, отчего страдания только усиливались. Но стража об этом даже не догадывалась — все муки пленный арбитр сносил молча.

Танкуил думал о Джеззет и Шипе. Больше, конечно, о Джеззет. Он так и не получил никаких вестей о Кессике или Коше и потому не знал, справились ли его товарищи со своими задачами и остались ли они в живых. Не знал, но надеялся на лучшее. После окончания работы они должны были встретиться в трактире, пару дней подождать Танкуила, понять, что он не придет, и скрыться. Шип, несомненно, рванул бы обратно в Дикие Земли, а Джеззет... Джеззет пошла бы с ним. Если им повезло, то они, скорее всего, уже на корабле, плывущем в Чад. Так они хотя бы не разделят с Танкуилом полагающуюся им кару.

Путь до зала Совета в этот раз оказался дольше, чем когда-либо. Причем Танкуил не мог определиться, что послужило тому причиной — черепаший шаг из-за раны и оков или тягостное, пугающее предчувствие. Когда впереди замаячили двери, вынырнув из темноты, словно врата ада, он оступился и едва не упал. Шедший позади стражник вовремя подхватил его под руку и помог устоять. Даркхарт повернулся, чтобы поблагодарить конвоира, но, увидев его лицо, промолчал — в глазах служивого застыла ненависть, и арбитр прекрасно понимал почему. Среди мракоборцев Селицию Герон любили и почитали, а Танкуил оставил от нее лишь обезображенный труп. И никто, казалось, не мог и не хотел принять тот факт, что она была еретичкой и желала уничтожить всю Инквизицию изнутри. Никто, кроме самого Танкуила.

По обеим сторонам от дверей на страже стояли два арбитра. Они встретили пленника и его конвой жесткими взглядами ледяных глаз, прекрасно понимая, что у Даркхарта нет шансов бежать — в зале, несомненно, будет еще охрана, и это не считая одиннадцати оставшихся инквизиторов. Мало ради кого принимались такие меры.

Двери открылись с оглушительным грохотом, и арбитры расступились, позволяя Танкуилу и охране пройти. Оба мракоборца были вооружены короткими мечами, сейчас покоившимися в набедренных ножнах, и оба были готовы при первой же необходимости пустить их в ход.

— Неужели я выгляжу настолько опасным? — спросил Танкуил; для пущего эффекта он звякнул цепями и вздрогнул, когда боль снова миллионами игл пронзила его обожженную руку.

Один из стражников — тот, что повыше и с рассеченной губой, — ухмыльнулся:

— Двигай, еретик. Суд ждет.

Танкуил хотел было ответить, но решил этого не делать. Какой смысл усугублять собственное положение? Если, конечно, может быть еще хуже... В зале Совета было тихо — никто из инквизиторов пока не пришел. Очевидно, хотят немного помучить его ожиданием.

— Есть у меня шанс избавиться от этих цепей? — спросил Танкуил у одного из стражников, когда вся процессия остановилась в центре.

— Прости, Танкуил, — покачав головой, ответил конвоир со сплюснутым носом.

— Не говори с ним, Галл. Это же Даркхарт!

Танкуил тихо усмехнулся:

— Не волнуйся, это не заразно.

Стражник, одернувший Галла, уже хотел было вlepить Танкуилу пощечину, но вдруг распахнулась боковая дверь, и в зал начали входить инквизиторы. Одиннадцать человек, хотя должно было быть двенадцать. Великий инквизитор Вэнс возглавлял шествие. Его лицо было таким же мрачным и решительным, как и всегда, а под взглядом верховного мракоборца дрогнули бы даже вековечные горы. Сразу за ним шла инквизитор Доун — единственная оставшаяся женщина в Совете. У нее было плоское лицо, на котором четко выделялись глаза-бусинки. Инквизиторы Верт, Ханое и Вестр о чем-то тихо переговаривались, и никто из них не удостоил Танкуила даже мимолетного взгляда. Инквизиторы Дейл, Джайни, Фель'Ен и Аврелий, наоборот, не сводили с него глаз, словно он был диковинкой, которую больше им никогда не покажут. Последними вошли инквизиторы Элсвин и Маркус — оба они мимоходом глянули на Даркхарта, словно собрались здесь не ради судилища над ним. Следом за одиннадцатью инквизиторами в проеме появился еще один человек. Арбитр Хирон Вэнс, казалось, впорхнул в зал Совета. Закрыв за собой дверь, он остановился у двенадцатого кресла, но не сел, а остался стоять и ждать. Вэнс выглядел молодой копией своего отца — если лицо великого инквизитора было словно высечено из камня, то черты Хирона были более мягкими. Могло показаться странным, что арбитра допустили к такому собранию, но Танкуил не сомневался, что очень скоро арбитр Хирон Вэнс станет инквизитором Хироном Вэнсом.

Когда все судьи расселись по своим местам, повисла гнетущая тишина. Казалось, никто из них не хотел говорить первым, и потому они просто молча сверлили Танкуила взглядами. Фонари в зале висели таким образом, чтобы подсудимый едва мог видеть лица инквизиторов, но зато сам он был для них как на ладони.

Арбитр тихонько звякнул цепями:

— Можно снять их? Ожог натирают.

Молчание.

— Вас одиннадцать человек. Вы не можете бояться меня. — Танкуил прикусил язык, чтобы не наговорить лишнего; каждый раз, оказываясь в этом зале, он не мог удержаться от колкостей в адрес тех, кто судил его.

— Снимите цепи, арбитр Галл, — прогремел голос великого инквизитора.

Спустя несколько мгновений Даркхарт был свободен. Он повел плечами и удивился тому, насколько, оказывается, одеревенели его мышцы и суставы. Посмотрев вниз, на руку, арбитр увидел кровь, проступившую сквозь бинты в том месте, где были наручники. Старому лекарю это не понравится... Конечно, если Танкуил покинет этот зал живым.

— Всего шесть месяцев назад ты представал перед нами, Танкуил Даркхарт...

Мощный, грубый голос. Инквизитор Аврелий. То, что он опустил при обращении ранг, не сулило ничего хорошего.

— Много чего случилось за эти шесть месяцев, инквизитор, — отозвался Танкуил.

— Ты убил инквизитора Герон.

— Она это заслужила.

— Довольно! — Великий инквизитор не кричал. Ему это было не нужно. Его голос и так разносился по всему залу Совета, властный и сильный, способный заглушить рокот грома и рев океана. — Арбитр Даркхарт, ты здесь, чтобы ответить за свои действия, равносильные ереси. Ты расскажешь нам все, что произошло, и мы вынесем соответствующий вердикт. Помни, арбитр, — ложь карается смертью.

Танкуил кивнул. Свой рассказ он начал сразу с событий в Чаде, опустив все упоминания об императоре и его приказах. Арбитр поведал Совету о допросе женщины в темнице и о том, что тесты, призванные показать, что она такое, не дали определенного результата. О том, как он освободил из тюрьмы Джеззет Вель'юрн и нанял ее к себе на службу. Рассказал о побеге пленной ведьмы незадолго до того, как Совет Чада разрешил ему вершить правосудие, и о том, как нашел двух членов Совета мертвыми в поместье Зхо, куда отправился в надежде получить информацию. Рассказал о стычке с Черным Шипом и о том, что именно наемник связал беглянку с персоной Х'оста.

Дальше шла часть о путешествии по Диким Землям в компании Черного Шипа которого арбитр вынудил помочь обещанием помилования. Танкуил не стал говорить о шайке головорезов Босса, посчитав эту информацию несущественной. Затем он рассказал о прибытии в Хостград, о встрече с Х'остом и о признании лорда в сговоре с арбитром по имени Кессик, работающим на женщину-инквизитора, вместе с которой они помещали демонов в тела людей, обладающих способностями. Описал бойню, которую учинили в Хостграде призванные лордом демоны, и вкратце остановился на своем убийстве Х'оста, опустив деталь о том, что сделал он это ложкой.

Даркхарт рассказал о возвращении в Сарт и о том, как он уговорил Джеззет продолжать на него работать. Тему их отношений он развивать не стал. Если инквизиторы будут думать, что девушка работала на еретика за деньги, то вряд ли станут за ней охотиться. Но стоит им узнать, что она с ним спала... Отбросив эти подробности, Танкуил сразу переключился на слежку за Кессиком, которая позволила установить, что мятежным инквизитором была Селиция Герон и что арбитр Кош с ней заодно. Он рассказал о своем плане напасть на всех троих одновременно: Шипу — на Кессика, Джеззет — на Коша, а ему самому — на Герон. Завершил свою исповедь Танкуил словами инквизитора о том, что время мракоборцев

прошло, и рассказом о ее намерениях уничтожить всю Инквизицию изнутри.

Наконец, когда Совет попросил арбитра представить доказательства, Даркхарт изложил все то небольшое, что ему было известно о договоре инквизитора Герон с демонами Пустоты. Членам Совета явно не понравилась весть, что договор надежно сокрыт и что никто не может достать его.

К концу рассказа Танкуил уже потерял счет той лжи, которую он наговорил членам Совета. Он понимал, что если инквизиторы его раскусят, то казни ему не миновать, но он должен был защитить тех, кого сам же и втянул в эту охоту за еретиками. Затаив дыхание, арбитр ждал, пока одиннадцать верховных мракоборцев переварят его историю. Обожженная рука болела и жутко чесалась одновременно, но Танкуил, как мог, давил в себе желание потереть ее.

Жуткое молчание в зале Совета, казалось, тянулось целую вечность, и все это время Даркхарт чувствовал, как инквизиторы — особенно великий инквизитор Вэнс — буравят его испытующими, едкими взглядами. Не выдержав, арбитр заговорил сам:

— Вы можете сказать мне, что стало с Кошем и Кессиком? Что стало с теми, кого я послал их убить? — спросил он, но не был услышан.

С каждой минутой тягостного ожидания рука чесалась все сильнее, а ноги начинали дрожать и подкашиваться. Танкуил боролся со слабостью, но понимал, что до полного восстановления ему еще очень далеко.

— Занятно, что договор, о котором ты говоришь, невозможно увидеть, — шелковым голосом произнес инквизитор Джайни. — Очень удобно для тебя.

— Я бы сказал, как раз наоборот, — ответил Танкуил.

— Так или иначе, доказательств нет.

— Это как посмотреть. Спросите меня, говорю ли я правду. Используйте принуждение, инквизитор.

Великий инквизитор наклонился вперед и прожег Танкуила взглядом своих синих, как море, и таких же глубоких глаз.

— Все мы знаем, что существуют способы уклониться от принуждения, арбитр Даркхарт.

Танкуил гордо посмотрел великому инквизитору прямо в глаза, хоть это и было невыносимо тяжело.

— Я вызвал Праведное Воздаяние и выжил.

— Ты украл руну из личной коллекции бога-императора, — угрожающим тоном сказал инквизитор Ханое. — Кроме того, по твоим же собственным словам, инквизитор Герон тоже осталась жива после Воздаяния. Не самое веское доказательство.

Танкуил открыл было рот, чтобы ответить, но вдруг понял, что ему нечего сказать. Он никак не может доказать свою невиновность, точно так же, как и Совет не может доказать его вину. Ничего хорошего от такого расклада ожидать не стоило.

— Ты сказал, что договор хранят демоны Пустоты, — раздался из-за двенадцатого кресла голос Вэнса-младшего.

— Тихо, арбитр Вэнс. Вы здесь исключительно в качестве наблюдателя, — с акцентом Пяти Королевств осадил юношу инквизитор Верт.

— Дайте арбитру закончить, — высказалась инквизитор Доун.

Все взгляды устремились на великого инквизитора. Тот коротко кивнул сыну, и Хирон Вэнс продолжил:

— По твоим словам, инквизитор Герон запретила демонам отдавать договор кому-либо, кроме нее самой, поэтому существа Пустоты не смогут подчиниться нам, не нарушив ее приказа. Но есть тот, кто может отменить этот приказ. Демоны обязаны повиноваться не только Инквизиции, но и самому Вольмару. — В зале Совета поднялся оживленный шепот, но арбитра это не остановило. — Бог-император может приказать демонам отдать договор. Если таковой, конечно, существует.

На словах все прозвучало настолько идеально, что Танкуил чуть не рассмеялся. Именно Инквизиция нашла императора Франциска и объявила его возрожденным Вольмаром. Отказаться проверить предположение Вэнса для мракоборцев было равносильно признанию, что император не тот, за кого они его выдают. Если демоны подчинятся приказу бога-императора — значит, он действительно Вольмар, нет — значит, нет. Тогда, во дворце, император уклонился от вопроса Танкуила, но теперь... теперь, перед смертью, арбитр хотя бы точно узнает правду.

Великий инквизитор Вэнс посмотрел на двух арбитров у двери и громоподобным голосом приказал:

— Доставьте сюда императора.

Уже одно только это прекрасно иллюстрировало власть великого инквизитора. Только он один мог потребовать немедленного присутствия повелителя Сарта, и тот был бы вынужден подчиниться.

Еще час Танкуилу пришлось провести под испытующими взорами инквизиторов, прежде чем император Франциск вошел в зал Совета. Облаченный в белый шелковый костюм, титан-правитель ростом под восемь футов возвышался над всеми остальными. От одного только его появления в зале словно стало светлее, будто взойшло солнце. Рядом с воплощенным богом Танкуил почувствовал себя мелким, ничтожным и уродливым. Императора сопровождали двое слуг, причем одного из них арбитр узнал — пушок над верхней губой мальчишки за полгода превратился в жиденькие светлые усики.

— Инквизиторы, — с поклоном сказал бог-император, — арбитр Вэнс. Чем я могу быть вам полезен на этом суде?

Владыку, казалось, окружала аура мощи. Танкуил, даже просто стоя рядом, ощутил прилив сил.

Ответ пришел от великого инквизитора:

— Арбитр Даркхарт обвиняется в ереси и убийстве инквизитора. Сам он утверждает, что защищал Инквизицию, а настоящим еретиком была ныне покойная инквизитор Герон. Доказательство его слов сокрыто в Пустоте и охраняется демонами, которых Вольмар обязал нам служить. Если это правда, только ты, император Франциск, своим приказом можешь освободить их от договора.

Когда великий инквизитор закончил, бог-император кивнул и улыбнулся:

— Это может не потребоваться, инквизиторы.

Сердце Танкуила замерло. Он лгал, чтобы защитить императора. Но даже если тот объявит во всеуслышание, что Даркхарт действовал по его приказу, арбитра от кары это все равно не спасет.

Взмахом руки бог-император подозвал слугу с белесыми усиками, и тот положил на холодный каменный пол продолговатый сверток, который до этого держал в руках. Затем владыка заговорил снова:

— Это — меч Селиции Герон. Я забрал его из особняка госпожи инквизитора в ночь

ее... смерти. Инквизитор Вэнс, мне кажется, тебе стоит осмотреть это оружие.

Великий инквизитор мрачно сощурился, но встал со своего кресла и спустился с возвышения. Взглянув на сверток ткани на полу, он недоверчиво уставился на императора.

— Уверяю, инквизитор Вэнс, только ты можешь держать этот меч без вреда для себя.

Великий инквизитор опустился на колени и развернул ткань, в которую был завернут клинок. С первого взгляда стало ясно, что он действительно принадлежал инквизитору Герон. При одном только виде кошмарного зазубренного лезвия раны Танкуила разболелись с новой силой.

Артур Вэнс медленно протянул руку и коснулся эфеса. В тот же миг его глаза широко распахнулись, а зубы закрипели. Отдернув руку, он завернул оружие обратно в ткань и, встав в полный рост, заявил:

— Это Миорзо, демонический клинок.

Сию же секунду зал Совета наполнился неразборчивым гамом — каждый инквизитор пытался перекричать других, требуя ответов от великого инквизитора или от бога-императора.

История демонического клинка была хорошо известна. Она относилась ко временам до основания Инквизиции, когда Вольмар впервые ступил в этот мир. По легенде, у Вольмара был брат Арн. Именно Арн первым захотел приручить демонов Пустоты. Он призвал тень, чтобы изучить ее, но явившаяся на зов тварь оказалась слишком сильна, чтобы ее сдержать. И тогда младший брат пришел за помощью к старшему. Вольмар, великий герой древних сказаний, не раздумывая, согласился.

Он выковал клинок из чернейшей стали и наложил на него древние, ныне утраченные могущественные чары. Сто дней и сто ночей сражались бог и демон, но в конце концов Вольмар пронзил сердце твари. Меч поглотил сущность демона, а тело вернулось обратно в Пустоту. Вольмар назвал демонический клинок Миорзо и спрятал его так, чтобы никто его никогда не нашел.

Некоторые историки и теократы утверждали, что никакого брата у Вольмара не было, а бог сам допустил ошибку и призвал слишком могучее создание. По собственному опыту Танкуил знал, что обычно сторонники такой версии быстро оказывались еретиками со всеми вытекающими последствиями. В любом случае выбранное Вольмаром потаенное место для демонического клинка оказалось не настолько потаенным, как он того хотел.

Великий инквизитор мрачной безмолвной статуей возвышался в центре поднявшегося урагана. Одни инквизиторы кричали, другие, похоже, вообще ударились в панику. Сам Артур Вэнс немигающим взглядом буравил императора Сарта. Только один человек во всем мире мог позволить себе такое. Император Франциск первым отвел глаза.

— Довольно! — Великому инквизитору не нужно было кричать, чтобы его услышали. Словно прочитав его мысли, все прочие инквизиторы мгновенно умолкли. — Стража, отведите арбитра Даркхарта обратно в камеру. И пусть лекарь осмотрит его раны — они кровоточат.

Танкуил посмотрел на свою руку. Бинты действительно покраснели. Стражники подступили к нему, готовые снова заковать его в кандалы.

— Этого больше не требуется, — раздался голос бога-императора.

Арбитры перевели взгляд на великого инквизитора, и тот едва заметным кивком подтвердил слова владыки Сарта.

Едва конвой покинул зал, двери за их спинами с грохотом закрылись, отрезав любые

звук изнутри. До камеры Танкуила вели в тишине.

Когда Джезет проснулась, она лежала на холодном каменном полу в окружении холодных железных решеток, свернувшись калачиком и укутавшись в большое шерстяное покрывало. Неудивительно, что после такого сна все тело ломило. Тюремь в Сарте были немногим лучше чадских, и хотя здесь пленникам в обязательном порядке полагались койки, Джез им не доверяла.

«На кровати слишком просто расслабиться и трудно проснуться, когда за тобой придут».

За две недели заключения девушке практически не было одиноко. Простые пьяницы, которым нужно было хорошенько проспаться после очередной драки в трактире, или настоящие преступники, по которым плакала виселица, — все они были мужчинами и буквально пожирали Джезет голодными взглядами. Один даже попробовал просунуть руку между решетками и стянуть с нее покрывало. Отточенным движением она сломала ему запястье.

«И потом еще два дня терпела его стенания и оскорбления».

Дважды в день стражники приносили еду: холодную склизкую овсянку утром и ломоть твердого как камень хлеба вечером. Днем иногда давали пить. Не бог весть что, конечно, но хоть с голоду не помрешь... Джез никто не навещал, и она не знала, что творится в мире за стенами тюрьмы, не знала, что стало с Танкуилом и Шипом. Тюремщики забрали ее меч, а без одежды кинжал спрятать девушке было попросту негде.

«Мастер Клинка без своего клинка... все еще может ломать людям руки».

Первое время Джезет раздумывала о побеге. Если бы только ей удалось открыть замок на двери... Но стража в Сарте, в отличие от Чада, свой хлеб ела не зря, и кто-нибудь из охранников обязательно следил за пленниками. Но даже если бы девушка смогла выбраться из камеры, своей наготой она сразу бы привлекла к себе внимание, а без меча можно было даже не мечтать пробить себе путь наружу. Поэтому мысли о побеге быстро улетучились, и Джез стала коротать дни, гадая, почему ее еще не казнили.

«Наверное, потому, что ты убила арбитра. Стражники ждут, когда за тобой придет Инквизиция. Только вот что-то проклятые мракоборцы не торопятся...»

Она уже стала жалеть, что после убийства Коша не попробовала с боем скрыться. Всего десять солдат с копьями — она знала, что справилась бы с ними. Более того, они тоже это знали. Но в последний момент девушка опустила меч и позволила себя арестовать. Тогда ее и прикрыли этим шерстяным пледом — стражники решили, что вести обнаженную женщину по улицам будет не лучшей затеей. Впрочем, принести ей нормальную одежду они тоже не удосужились.

По правде говоря, Джезет уже пожалела о том, что вообще сунулась в Сарт. Она могла бы остаться в Диких Землях, больше не боясь преследования со стороны Констанции, но все равно решила присоединиться к арбитру в его крестовом походе во имя спасения Инквизиции.

Услышав скрежет поворачиваемого в замке ключа и раздавшийся затем голос капитана, человека честного, но отнюдь не приятного, Джезет приготовилась увидеть нового заключенного. Вжавшись в свой уголок, девушка плотнее укуталась в плед и закрыла глаза, притворившись спящей. Правая рука инстинктивно попыталась нащупать отсутствующий

меч.

«Мастер Клинка без своего клинка...» По правде говоря, без оружия Джез чувствовала себя даже более голой, чем без одежды.

— Сюда, — резким, грубым голосом сказал капитан стражи.

— Ты свободен. Я позову, когда закончу.

Этот голос Джеззет узнала сразу.

Судя по звуку, капитан что-то проворчал, а затем ушел. Тогда девушка открыла глаза и увидела перед собой Танкуила Даркхарта, облокотившегося на решетку ее камеры. Легкая улыбка играла на его лице.

— Знакомое зрелище, — съязвил арбитр.

Джеззет вдруг поняла, что тоже улыбается.

— Разве? — Она поднялась, позволив пледу упасть на пол, и подошла к решетке.

— Ты выглядишь... — начал Танкуил.

— Заходи. Сможешь не только посмотреть.

Арбитр левой рукой взялся за железный прут, но улыбка его погасла.

— Хотел бы, но не могу.

Джеззет заметила, что правая рука охотника на ведьм замотана бинтами и висит, словно плеть. А еще на нем был новый плащ, безо всяких пятен, разводов и порезов.

— Все в порядке? — спросила девушка.

— Я... а... рука. Все хорошо. Я, как обычно... играл с огнем. — Джез не могла понять, шутит арбитр или нет. — А ты... ты голая.

— Только сейчас заметил?

— Почему?..

«Потому что я трахалась с твоим дружкой-еретиком перед тем, как убить его».

Джеззет пожала плечами. Раз Танкуил пришел сюда, значит, тюремщики рассказали ему о ее поимке. Пусть сам решит, что к чему.

— Стража... Они не...

— Насиловали меня? — рассмеялась Джеззет. — Двое пытались. Когда я сломала одному его поганый нос, явился капитан, чтобы выяснить, что за шум. Он отходил плетью обоим и даже извинился передо мной. Вот это я понимаю — цивилизованное общество.

— Изнасилование строго карается в Сарте.

— Да, я слышала. Хотя выдать мне одежду он так и не додумался, — с ухмылкой сказала Джеззет.

Арбитр не сводил глаз с ее тела.

— Мм... О, извини. — Танкуил скинул плащ и просунул его через решетку.

— Спасибо, — поблагодарила Джеззет, застегивая пуговицы. Плащ оказался на удивление теплым и удобным, разве что немного великоватым. — Ты разобрался с инквизитором?

Даркхарт кивнул:

— Селиция Герон мертва, а сам я еще легко отделался. Инквизиция продержала меня в клетке две недели, но доказательства против нее были неоспоримыми. Совет был вынужден меня отпустить.

— Просто так?

Танкуил улыбнулся:

— О нет. Мне назначили наказание. То, что я сделал, было правильно, в отличие от

того, как я это сделал. Хотя никто так и не смог мне назвать пути более верного.

— Наказание? — переспросила Джеззет, боясь услышать ответ.

— Совет постановил, что я никогда не смогу получить ранг инквизитора, — рассмеялся арбитр.

— А ты бы хотел? Стать инквизитором?

Танкуил покачал головой:

— Мое имя лишило меня этой возможности много лет назад. Инквизитор Даркхарт... Они бы этого никогда не допустили.

— А, — не поняла Джеззет и сменила тему: — Что насчет Шипа?

Арбитр пожал плечами:

— Никаких вестей о Черном Шипе либо Кессике. Думаю, наш друг сдержал обещание и, убив предателя, ушел своей дорогой.

Джеззет кивнула. Шип не стал бы надолго задерживаться в Сарте. Он, должно быть, уже на полпути обратно в Дикие Земли.

— И... куда ты отправишься теперь? — спросила девушка.

— В Драконью империю. Всегда хотел увидеть их вживую. Кроме того, похоже, я все еще нужен императору Сарта. Мой корабль, «Ревущий ветер», отплывает завтра утром. Видела бы ты каюту, что мне выделили. Кровать такая большая, что на ней с легкостью поместятся двое. Стоит, правда, немало — пятьдесят золотых с человека.

«Как будто мне самой не хочется увидеть дракона. Или поспать на кровати для двоих».

— Так... может, вытацишь меня отсюда? — с улыбкой спросила Джез.

Танкуил вздрогнул, и повисшее молчание, казалось, растянулось на часы. Он не смотрел ей в глаза — взгляд был прикован к прутьям решетки.

— Ты же здесь, чтобы освободить меня? — уточнила Джез уже без улыбки.

Арбитр покачал головой:

— Я не могу этого сделать. Ты при свидетелях убила человека. Твоим делом занимается городская стража Сарта. Инквизиция здесь не вправе что-то решать.

— Но ведь я убила арбитра!

— Нет. Инквизиция заявила, что ничего не знает о человеке, которого ты убила, потому что в противном случае это бы... повредило ее репутации.

«Вот так, Джез. Не делай добра — не получишь зла».

Она не удивилась, не разозлилась. По правде говоря, где-то в глубине души она этого даже ожидала.

— Мне жаль, Джез.

Девушка кивнула и отвернулась. Меньше всего ей хотелось, чтобы арбитр видел на ее лице разочарование и боль обманутых надежд.

— Тогда зачем ты пришел?

— Чтобы отдать тебе долг. Две сотни золотых монет. Кошелек лежит в плаще, левый внутренний карман.

«Что толку от золота в тюрьме?»

— Забавно все-таки быть арбитром, — со вздохом произнес Даркхарт. — Стоит только надеть плащ — и превращаешься в невидимку. Никто на тебя не смотрит, никто ни о чем не спрашивает. Это... магия, что ли.

Джеззет ждала. Ждала, чтобы он сказал что-нибудь еще, чтобы попросил обратно свой плащ, чтобы... сделал хоть что-нибудь. После нескольких минут тишины она обернулась и

поняла, что осталась одна. Арбитр просто исчез.

«А на что ты рассчитывала, Джек?»

Не найдя ответа, девушка прислонилась к решетке и чуть не упала, когда дверь камеры внезапно распахнулась. На бесконечно долгое мгновение Джезет Вель'юрн замерла, не веря своим глазам и не зная, что делать дальше.

Она провела рукой по пуговицам и убедилась, что все они застегнуты.

«Сто пятьдесят золотых и всего несколько часов, чтобы их потратить, Джек. Что там у нас перво-наперво? Мастер Клинка без своего клинка...»

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Танкуил Даркхарт — арбитр Инквизиции, охотник на ведьм, задача которого — обнаруживать и уничтожать еретиков. Мрачному арбитру предстоит выполнить особую миссию: бог-император, заподозрив предательство в высших кругах Инквизиции, поручает ему вычислить отступника. Для этого Танкуилу придется отправиться в свободный город Чад.

Черный Шип — душегуб, разбойник и вор, прославившийся как убийца арбитров. Он странствует с бандой самых опасных наемников в Диких Землях. Скрываясь от закона и одновременно рассчитывая получить выгодную работу, Черный Шип направляется в свободный город Чад.

Джезет Вель'юрн — Мастер Клинка, непобедимая мечница, виртуозно владеющая искусством боя. Преследуемая мстительной воительницей, Джезет должна как можно быстрее добраться до свободного города Чад.

Что же произойдет, когда пути этих людей пересекутся?

Великолепная книга!
Напоминает Джо Аберкромби в лучшие времена.

Amazon

Если вы ищете темное фэнтези, наполненное событиями, предательствами и по-настоящему колоритными негодяями, — не пропустите «Ересь Внутри»!

Fantasy Book Critic

16+

Darkheart — темное сердце (*англ.*). — *Здесь и далее примем. пер.*

Мослак — большая, выступающая кость.

Thorn — шип (*англ.*).

Шуфлядка — выдвигной ящик мебели.

Bittersprings — горькие источники (*англ.*).

Пьютер — сплав олова со свинцом. Имеет красивый внешний вид и хорошо поддается полировке, поэтому активно используется при производстве декоративной посуды и украшений.